

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 11, №1 2025

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/24107190-2025-11-1

Выпуск 11, № 1, 2025

Номер посвящается 50-летию Амурского государственного университета

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна д-р. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюз Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Ли Вэньгэ д-р филол. наук, профессор (КНР, Харбинский политехнический университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Лагута Нина Владимировна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Тэн Хай канд. филол. наук, доцент (КНР, Датунский университет)

Цзюй Юньшэн д-р. филол. наук (КНР, Хэйлунцзянский университет, Центр исследования русского языка, культуры и литературы)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АМГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/24107190-2025-11-1

Volume 11, Issue 1, 2025

The Issue is dedicated to the 50th anniversary of the Amur State University

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova Doctor of Philology, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Li Wenge Doctor of Philology, professor (Harbin Polytechnical University, Harbin, China)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina V. Laguta PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Teng Hai PhD associated professor (Shanxi Daton University, Datong, China)

Ju Yunsheng Doctor of Philology (Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Багинская Марина Владимировна, Тразанова Наталья Юрьевна✉

Иркутский государственный университет

г. Иркутск, Российская Федерация

ntrazanova@gmail.com

Симметрия и асимметрия во фразеологических выражениях японского и корейского языков с компонентом-соматизмом

Аннотация

Цель данной статьи – сопоставить фразеологизмы с компонентами-соматизмами корейского и японского языков для выявления свойств симметрии и асимметрии. Гипотеза исследования заключалась в предположении наличия общего для двух языков класса фразеологических единиц китайского происхождения, и асимметричного пласта идиом, которые отражают национально-культурное своеобразие корейского и японского языков. Материалом для исследования послужило 347 словарных статей из фразеологических словарей, а также электронных ресурсов. Исследование проведено в рамках лингвокультурологического подхода с привлечением статистического анализа. В результате выявлено преобладание симметричности как в лексико-семантическом плане, так и в количественном соотношении соматизмов, входящих в состав фразеологизмов корейского и японского языков. Асимметрия проявляется в устойчивых единицах, демонстрирующих уникальность корейской и японской лингвокультур. В японских фразеологических выражениях с компонентами-соматизмами представлены такие этнокультурные характеристики, как коллективизм, единство, старательность и внимание к деталям при выполнении работы, эстетизм. Фразеологизмы корейского языка отличаются следующими характеристиками: верность государству и семье, стремление к единению с обществом и окружающим миром, ирония по поводу недостатков характера или внешности человека.

Ключевые слова: симметрия, асимметрия, фразеологизм, соматизм, сопоставительная лингвистика, японский язык, корейский язык

© Багинская М. В., Тразанова Н. Ю. 2025

Для цитирования: Багинская М. В., Тразанова Н. Ю. Симметрия и асимметрия во фразеологических выражениях японского и корейского языков с компонентом-соматизмом // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 5–19. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-5>

Marina V. Baginskaya, Natalia Yu. Trazanova✉

Irkutsk State University

Irkutsk, Russian Federation

ntrazanova@gmail.com

Symmetry and asymmetry in phraseological units of Japanese and Korean languages with somatic component

Abstract

The article aims to compare phraseological units with somatic components in Korean and Japanese to reveal symmetric and asymmetric properties between the languages. We hypothesize that despite the presence of common for both languages phraseological units of Chinese origin, there are asymmetrical groups reflecting national cultural originality of Korean and Japanese. The material for the study was comprised of entries from phraseological dictionaries and electronic resources. The research was performed within the framework of the linguo-cultural approach using statistical analysis. The obtained results reveal the prevalence of symmetric properties both in lexical-semantic aspect and in quantitative correlations of somatic components of the

phraseological units between Korean and Japanese. On the other hand, asymmetry was found in phraseological units representing the uniqueness of Korean and Japanese linguocultures. Japanese somatic phraseological units demonstrate such ethnocultural features as collectivism, unity, carefulness, fastidious attention to details, estheticism. Korean phraseological units display the following features: loyalty to the homeland and family, aspirations toward unity and harmony with the society and the world around, irony about bad temper and appearance.

Keywords: symmetry, asymmetry, phraseological unit, somatic component, contrastive linguistics, Japanese language, Korean language

© Baginskaya M. V., Trazanova N. Y. 2025

For citation: Baginskaya, M. V., & Trazanova, N. Y. (2025). Simmetriya i asimmetriya vo frazeologicheskikh vyrazheniyakh yaponskogo i koreyskogo yazykov s komponentom-somatizmom [Symmetry and asymmetry in phraseological units of Japanese and Korean languages with somatic component]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 5–19. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-5>

1. Введение [Introduction]

В современной науке активно развивается направление междисциплинарности, в рамках которого рассматривается взаимодействие смежных областей научного знания, а также взаимопроникновение терминологического аппарата и методологии исследований. Более того, казалось бы, принадлежащие разным полюсам точные и гуманитарные науки находят общие области соприкосновения, соединяются в диалектическом единстве, порождая некое универсальное единство, в котором угадываются законы бытия.

Одним из общенаучных и вместе с тем наблюдаемых в живой природе свойств, является свойство симметричности / асимметричности. Данная дихотомия происходит из глубокой древности, когда начались поиски идеала, воплощения прекрасного и гармоничного. Первые попытки осознания природы красоты, проявляющейся в симметричности и соразмерности, принадлежат Пифагору и представлены в числовых пропорциях геометрических фигур, в том числе геометрической спирали, символическом отражении движения и развёртывания вселенной. Идея о симметрии распространяется и в других научных дисциплинах. В биологии наблюдения за растительным и животным миром позволили сделать выводы о приблизительной симметрии, то есть, о том, что в окружающем мире существует стремление к соразмерности с небольшой погрешностью, или, возможно, неким допущением для несовершенства.

Нередко говоря о симметрии, подразумевают также законы гармонии и красоты. В искусстве в поисках канона прекрасного обращаются к понятиям соразмерности и пропорциональности [Волошинов, Шиндель, 2017, с. 83]. Архитектор Витрувий в своих книгах писал о сочетаемости внешнего и внутреннего «благообразия» зданий, о выборе подходящего места для сооружения, о подходящем размещении вещей относительно друг друга. Пропорции человеческого тела известны по трудам Леонардо да Винчи. С ходом истории складываются концепции «божественного сечения» и «золотого сечения», «золотого деления» которые применяются в философских размышлениях, математических вычислениях, музыке и т. д.

Общенаучный характер дихотомии симметрии и асимметрии охватывает и область лингвистики. Асимметрия в языке определяется как «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка» [БЭСЯ, 1998, с. 47]. Будучи универсальным, сочетание симметрии и асимметрии распространяется на все уровни языка и представляет собой общий принцип распределения диалектики статики и динамики, ядра и периферии, нормы и отклонений

от неё, сходства и различий и т. д. Также, следует отметить, что симметрия представляет собой частный случай асимметрии, поскольку «эквивалентность (т. е. «абсолютное тождество») в языке практически отсутствует» [Осетров, 2009, с. 56].

Более того, С. О. Карцевский указывал на дуализм языкового знака как необходимое условие существования и эволюционирования языка: «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно» [Цит. по : Петренко, Штайн, 2015, с. 407]. Иными словами, языковой знак обладает способностью изменяться, адаптироваться к ситуации, сохраняя при этом тождественность самому себе.

Дальнейшей разработкой понятия асимметрии в лингвистике занимался В. Г. Гак, который обозначил синтагматический и семиотический аспекты асимметрии знака. В синтагматическом плане она проявляется в возникновении аналитических образований либо слитных форм, в семиотическом – характеризуется наличием нулевых (когда отсутствует означающее либо означаемое) или пустых форм, утративших своё содержание [Гак, 1998, с. 119–120]. Кроме того, определяя симметрию / асимметрию как диалектическое единство и базовую оппозицию, применимую к области лингвистики в целом, исследователь выделяет статическую, гомологическую и динамическую разновидности данной дихотомии. Статическое направление предполагает изучение отдельного языка, следование принципу сохранения свойств и компонентов его системы, стабильность и регулярность. Гомологическое – ориентировано на выявление свойств симметрии / асимметрии при сопоставлении языков. Динамическая разновидность наблюдается в результате исторического развития языка или родственных языков, и отражает, с одной стороны, сохранение инвариантных языковых элементов, пропорциональности и регулярности, а с другой стороны – неравномерность изменения языковых образований либо аспектов языка [Там же, с. 109].

Для данной статьи гомологическое направление представляется приоритетным, так как рассматривается языковой материал японского и корейского языков, которые признаются родственными, обладая фонетическим, лексическим и грамматическим сходством [Старостин, 1991, с. 169 ; Lee, Ramsey, 2011 ; Аникина, 2012, с. 22–23].

О симметрии некоторых языковых явлений корейского и японского языков можно говорить, обращаясь к актуальным сравнительно-сопоставительным исследованиям. Так, например, в ходе сравнительного анализа гонорифических систем в японском и корейском языках, были обнаружены сходства как в лексике, так и в грамматическом оформлении категорий вежливости [Мызникова, 2013]. Также, в результате исследования классификаторов китайского, корейского и японского языков были выявлены такие общие характерные черты, как: 1) отражение штучности, единичности, количества предметов в ситуации отсутствия категории числа; 2) присоединение как к исчисляемым, так и к неисчисляемым существительным; 3) общая модель оформления в предложении и т. д. [Кутафьева, 2011]. Кроме того, и в корейском, и в японском языках существует большое количество ономастопозитивной лексики, классы и разновидности которой многообразны. Вместе с тем наличие симметричных категорий и языковых явлений предполагает значительное число асимметричных характеристик в связи с различиями в языковых картинах мира, обусловленными историческими, социальными, географическими, культурологическими факторами.

В связи с этим, целью данного исследования состоит в сопоставлении фразеологизмов-соматизмов в японском и корейском языках и дальнейшем выявлении в них элементов симметрии и асимметрии. Соматический культурный код и соматизмы с положительными и отрицательными коннотациями (*голова, сердце, ухо, глаз, язык, рука,*

нога и др.) изучались на материале разных языков: французском [Залавина и др., 2019] даргинском и арабском [Омаров, 2021], сибирских тюркских и монгольских (хакасский, бурятский и др.) [Чертыкова и др., 2020 ; Чертыкова, 2019, 2023]. Г и п о т е з а нашего исследования заключается в том, что предполагается проявление симметрии в наличии общего для японского и корейского языков класса фразеологических единиц китайского происхождения. С другой стороны, явление асимметрии будет характерно для группы фразеологических единиц, в которых отражается национально-культурное своеобразие японского и корейского языков.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили словарные статьи, описывающие идиоматические выражения корейского и японского языков в словарях и электронных сборниках фразеологических единиц и пословиц, поскольку чёткой границы в сборниках между данными единицами не проводится: 故事ことわざ辞典 *Кодзи котовадза дзитэн* «Словарь японских пословиц», 1956 (Судзуки Тодзо, Хирота Эйтаро), 岩波ことわざ辞典 *Иванами котовадза дзитэн* «Словарь пословиц Иванами», 2011 (составитель Токита Масамидзу); 四字熟語辞典 ONLINE *Ёдзидзюкуго дзитэн ONLINE* «Словарь ёдзидзюкуго онлайн»; 한국어 속담, 한자성어 *Хангуго соктам, ханджасоно* «Корейские пословицы и устойчивые иероглифические выражения»; 한국어 속담 사전 *Wordrow Хангуго соктам саджон Wordrow* «Словарь корейских пословиц Wordrow»; Словарь корейских фразеологизмов, 2014 (составитель Чхве Кёнбон).

В корейском языкознании существует, как минимум, два подхода к определению фразеологизмов – широкий и узкий. В рамках ш и р о к о г о подхода к фразеологическим единицам в корейском языке относят пословицы, загадки, метафору, слова-табу, жаргоны, устойчивые сравнения и вульгаризмы. Представителями такого подхода к определению фразеологизмов считаются Чан Доксун, Ли Гимун, Ким Джонтхэк. В рамках у з к о г о подхода к определению фразеологизмов вслед за такими исследователями, как Ким Гюсон, Ким Минсу, Ким Мунчхан, к ним относят только устойчивые словосочетания, которые носят номинативный характер, не включая в понятие пословицы, крылатые слова и афоризмы, потому что данные выражения не равнозначны отдельным словам и выражениям, т. к. они чаще имеют структуру предложения. Представителями обоих подходов с разной частотностью используются термины 관용구 *кванёнгу* «идиома, устойчивое выражение», 속어 *суго* «идиоматическое выражение», 관용어 *кванёнго* «идиома, идиоматичное слово», 익은말 *игымаль* «выражение из двух и более слов, целое значение которого не выводится из значений этих слов». Однако в последнее время южнокорейские лингвисты выделяют в своих работах три термина: 관용구 *кванёнгу*, 관용어 *кванёнго*, 관용표현 *кванёнпхэхён* (подробный анализ подходов см. в [Жила, 2014]).

Существует также ряд подходов к структурной классификации корейских фразеологизмов. Обычно устойчивые выражения корейского языка подразделяют в первую очередь на именные и предикативные, в составе последних часто выделяют также компаративные фразеологизмы. Кажется целесообразным выделить в отдельную группу устойчивые выражения китайского происхождения 고사성어 *косасоно* «изречения о древних делах» и подобные им по структуре выражения, созданные уже в корейском языке – 한자성어 *ханджасоно* «иероглифические выражения».

Японская фразеология как сфера научных интересов обладает невероятной притягательностью, и поэтому широкое разнообразие трудов как японских, так и отечественных исследователей посвящено изучению устойчивых единиц японского языка [Судзуки, Хирота, 1956 ; Нагаяма, 2014 ; Быкова, 2007 ; Гуревич, 2011 ; Басова, 2020,

2023 и др.]. Помимо разработки теоретических аспектов фразеологии, составлены учебные пособия и словари.

Исследователи единодушны в том, что фразеологические единицы японского языка подразделяются на несколько подвидов и, с точки зрения структуры, могут представлять собой как сложное слово или словосочетание, так и целое предложение. Вместе с тем, границы данных классов чётко не определены, и в словари японских пословиц включают, как правило, все разновидности.

Если говорить о классификации фразеологизмов японского языка, наиболее общим понятием считается 成句 *сэйку* «устойчивое идиоматическое выражение». Кроме того, в ряду синонимичных или смежных понятий используются такие термины, как 慣用句 *канъёку* «устойчивое выражение», 熟語 *дзюкуго* «сложное слово, фразеологическое единство» (наиболее известны 四字熟語 *ёдзидзюкуго* «четырёхзначные фразеологизмы»), イデオロム *идиому* «идиома» (заимствование), ことわざ *котовадза* «пословица».

Внутри каждого структурного класса можно выделить значительное количество выражений, содержащих компонент-соматизм. Соматические лексемы часто участвуют в образовании фразеологизмов, где качества, характер человека отождествляются с частями тела, в чём заключается как прямой, так и переносный метафорический смысл. Компоненты-соматизмы включают в себе информацию о различных культурных архетипах, характере народа, окружающем мире и определении места человека в нём.

В одной из своих работ В. А. Власова отмечает, что «соматизмы представляют собой круг необходимых в любом человеческом обществе понятий и отношений, без которых трудно себе мыслить человеческую речь» [Власова, 1997]. Соматизмы придают речи яркость, образность и самобытность, предоставляя возможность углублённо изучить культуру, традиции, национальную специфику языкового сообщества и составить более полный языковой портрет носителя языка, охватывающий различные аспекты его жизни.

Обилие соматизмов в японских и корейских устойчивых выражениях тесно связано с концепцией восточной телесности, которая заключается в представлении об онтологическом единстве и взаимосвязи тела и духа, познании мира путём освоения собственного тела. В миропонимании японцев точкой отсчёта происходящего является сам человек: «даже собственные части тела японцы вычленяют как первый круг взаимодействия с собой же; далее их осваивают, контролируют, организуют» [Стрижак, 2023, с. 123]. Из идеи о цельности духовного и телесного следует проявление и переживание эмоционального и ментального опыта посредством обозначения частей тела и внутренних органов. Примерами таких устойчивых единиц в японском языке являются: 腹を立てる *хара-о татэру* 'сердиться', 頭が痛い *атама-га итай* 'беспокоиться о чём-либо' (букв. 'голова болит'), 心に描く *кокоро-ни эгаку* 'мысленно рисовать себе' ('видеть перед собой, представлять себе'); в корейском языке: 가슴에 새겨놓다 *касыме сегёнотха* 'запомнить' (букв. 'вырезать на сердце'), 손발이 오그라들다 *сонбари огыратьльда* 'испытывать стыд за действия другого человека' (букв. 'руки и ноги усыхают') и т. д. Как в современном корейском языке, так и в японском фразеологизмы с соматическим компонентом можно встретить повсеместно: в художественной литературе, публицистике, телевизионных шоу, фильмах и песнях.

Данное исследование осуществляется в направлении разработки методики выявления лингвистической динамической симметрии / асимметрии в заданных фразеологических пространствах. Также, привлекаются элементы статистического анализа. Применяется лингвокультурологический подход к описанию фразеологических единиц как общепризнанных знаков языка и культуры. Критериями сравнительно-сопоставительного изучения языкового материала являются: структурный состав фразеологизмов, лексико-семантический компонент, национально-культурная специфика. В ходе исследования было изучено около 180 словарных статей из японских сборников фразеологических выражений и 167 словарных статей из корейских словарей и электронных ресурсов.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Корейские фразеологизмы с компонентами-соматизмами [Korean phraseological units with somatic components]

Опираясь на классификацию Н. А. Власовой, в лексико-семантическом аспекте фразеологизмы с компонентом-соматизмом корейского языка можно разделить на следующие группы:

1) внешняя характеристика человека: 뼈만 남다 *пнёман намда* 'кожа да кости' (о чрезмерной худобе) (букв. 'остались только кости') (11 единиц);

2) качественная характеристика человека: 간이 크다 *кани кхыда* 'отважный, смелый' (букв. 'большая печень'); 귀가 얇다 *квига яльта* 'доверчивый, человек, который слепо верит словам других или легко соглашается с их мнением' (букв. 'тонкие уши') (19 единиц);

3) передача эмоционально-психологических состояний человека: 머리가 가볍다 *морига кабёнта* 'быть в бодром, приподнятом настроении' (букв. 'лёгкая голова'); 배가 아프다 *пэга апхыда* 'завидовать' (букв. 'живот болит') (22 единицы);

4) отношения (межличностные и межпредметные): 등에 업다 *тынэ опта* 'опираться на силу или власть других' (букв. 'опираться на спину') (8 единиц);

5) действия и поступки: 발을 끊다 *парыль ккынтха* 'обрывать связи, прерывать отношения' (букв. 'отрезать ногу') (8 единиц);

6) физическое состояние: 목이 타다 *моги тхада* 'испытывать сильную жажду' (букв. 'горит горло') (13 единиц);

7) указание на образ, интенсивность, продолжительность действий или отдалённость предмета: 눈코뜰 사이 없다 *нункхоттыль саи опта* 'быть очень занятым' (букв. 'некогда открыть глаза и нос') (10 единиц).

Отдельно стоит рассмотреть иероглифические идиомы корейского языка. Большинство иероглифических идиом состоят из четырёх иероглифов и для их обозначения употребляют термин 사자성어 *саджа соно* – 'четырёхсложное выражение'. Однако они также могут состоять из двух, трёх, пяти и более слогов.

Признаки иероглифических идиом во многом совпадают с признаками других фразеологизмов, которые выделяют лингвисты: воспроизводимость, устойчивость состава, целостность значения, идиоматичность, экспрессивность и т. д. Их единственным отличием является то, что они состоят не из раздельнооформленных элементов ввиду особенностей китайского письма. В корейском языке они также имеют слитное написание.

Ещё одной особенностью иероглифических идиом является возможность их записи как иероглифами, так и корейским алфавитом. И даже несмотря на то, что в большинстве случаев они записываются корейской азбукой, синтаксические связи остаются китайскими, поэтому носители корейского языка воспринимают их как единое целое и не осознают внутренней грамматической структуры и значения отдельных компонентов.

За большинством иероглифических фразеологизмов стоит некоторая история, рассказ, притча или басня, ведь основной их источник – это памятники китайской классической литературы. Т. А. Новикова и Я. Е. Пакулова отмечают такие произведения, как «Ши цзин» («Книга песен»), «Беседы и суждения» Конфуция, «Ши цзы» («Исторические записки»), «Шу цзин» («Книга истории»), «Дао дэ цзин» («Книга пути и достоинства»), «И цзин» («Книга перемен») и т. д. И в зависимости от того, какую часть истории выражает фразеологизм, его значение может быть мотивированным или немотивированным. Если фразеологизм представляет собой краткое содержание басни или называет её главных действующих лиц, то переносное значение никак не мотивировано. А в том случае, если идиома выражает мораль басни, о её значении можно догадаться [Новикова, Пакулова, 2001].

Иероглифические идиомы имеют широкое распространение и употребляются во всех сферах общества и стилях речи. Чаще всего их можно встретить в публицистике и

художественной литературе, но наиболее популярные идиомы используются и в повседневной разговорной речи. Среди них также есть те, в которых образность строится с помощью использования соматизмов [Михайлова, 2010]. Например:

- 刻骨難忘/각골난망 *какколланман* 'помнить вечно' (букв. 'то, что врезалось в кость');
- 奸膽相照/간담상조 *кандамсанджо* 'сблизиться' (букв. 'достать печень и желчный пузырь и показать друг другу');
- 股肱之臣/고굉지신 *когвенджисин* 'подданный, которому король доверяет больше всего' (букв. 'подданный, который важен как рука или нога');
- 丹脣皓齒/단순호치 *тансунхочхи* 'красивая женщина' (букв. 'красные губы и белые зубы');
- 面從腹背/면종복배 *мёнджонбокпэ* 'делать покорный вид, но внутренне быть готовым к предательству' (букв. 'лицо покоряется, живот предаёт').

2.2.2. Японские фразеологизмы с компонентами-соматизмами [Japanese phraseological units with somatic components]

Среди фразеологизмов японского языка наблюдается значительное количество единиц с использованием соматизмов, через которые передаётся эмоциональное и физическое состояние человека, свойства характера, его действия и отношение к окружающему миру. С точки зрения лексико-семантического аспекта, в японском языке также можно выявить группы фразеологизмов-соматизмов:

1) характеристика внешности человека: 骨と皮ばかりになる *хонэ то кава бакари ни нару* 'сильно похудеть' (т. е. 'превратиться в кожу да кости'), 顔に似ぬ心 *Као-ни ну когоро* 'Лицо не похоже на душу' (т. е. 'с виду добрый, но на самом деле жестокий', или 'с виду непривлекательный, но обладающий хорошими качествами') (8 единиц);

2) характеристика качеств человека: 心の大きい *когоро-но о:кий* 'великодушный, с широкими взглядами', 肝の小さい *кимо-но ти:сай* 'робкий, малодушный'; 顔が広い *као-га хирой* 'иметь широкий круг знакомых' (20 единиц);

3) эмоционально-психологические состояния человека: 腹を立てる *хара-о татэру* «сердиться», 胆の太い *кимо-но футой* 'смелый, отважный', 顔を汚す *као-о ёгосу* 'опозорить, унизить' (букв. 'запачкать лицо') (35 единиц);

4) межличностные отношения: 骨肉の争い *Коцунику-но арасои* 'Вражда между родственниками' (букв. 'кости спорят с плотью'); 腹を合わせる *хара-о авасэру* 'договориться, столкнуться'; 心を一にする *когоро-о ити ни суру* 'душа в душу, дружно' (10 единиц);

5) действия и поступки: 首を切る *куби-о киру* 'уволить'; 身を固める *ми-о катамэру* а) 'устроиться, обосноваться, уладить дела', б) 'остепениться' (чаще всего, 'жениться'); 足を洗う *аси-о арау* а) 'стать на честный путь', б) 'умыть руки, устранившись' (18 единиц);

6) физическое состояние: のどが鳴る *нодо-га нару* 'слюнки текут' (букв. 'горло звучит'), 腹が減る *хара-га хэру* 'быть голодным' (8 единиц);

7) образ, интенсивность, продолжительность действий: 手も足も出ない *тэ-мо аси-мо* дэнай 'быть в беспомощном, безвыходном положении, невозможно сопротивляться'; 喉から手が出る *нодо кара тэ га дэру* 'страстно желать чего-то' (12 единиц) и т. д.

Особый класс идиоматических единиц представлен сложными словами, среди которых наиболее распространёнными считаются四字熟語 *ёдзидзюкуго* «четырёхзначные фразеологизмы». Само понятие и большое количество устойчивых выражений такого типа имеют китайское происхождение. Китайская классическая литература стала источником ёмких и лаконичных единиц, знание которых раньше считалось признаком образованности и интеллигентности, однако теперь более актуальна возможность китаизмов «формулировать мысли ясно, точно, кратко и красиво» [Дыбовский, 2023, с. 24]. Например:

- 1) 是非之心 *Дзэхи-но кокоро* 'Умение различать хорошее и плохое' (Мэн-цзы);
- 2) 先手必勝 *Сэнтэхиссё*: 'Побеждает тот, кто делает первый ход' (Сунь-цзы, китайский стратег и мыслитель, автор трактата «Искусство войны», 544–496 гг.);
- 3) 馬耳東風 *бадзито:фу* 'пропускать мимо ушей, слушать в пол-уха' (Ли Бо, китайский поэт, 701–762 гг.).

Вместе с тем в японском языке существуют идиомы японского происхождения, созданные по такому же принципу, что и китайские единицы – из четырёх компонентов – и нередко отражающие японские категории красоты, образ мышления, особенно национальную картину мира:

- 1) 手前味噌 *Тэмаэмисо* 'Мисо домашнего приготовления' (О хвастовстве, самодовольстве, тщеславии: букв. 'похвала собственному мисо'; соматический компонент 手 «рука», букв. «сделанное собственными руками»);
- 2) 一心同体 *иссиндо:тай* 'Одна душа – одна плоть' (здесь душа представлена знаком 心 *кокоро* «сердце»; часто, о супругах, но может обозначать и единство, сплочённость группы людей);
- 3) 彫心鏤骨 *тё:синрукоцу* 'Тщательность в работе' (букв. 'вырезать на сердце, высекать на кости', т. е. прodelывать большую кропотливую работу, в особенности, при написании литературного шедевра);

Кроме четырёхзначных фразеологических выражений, наблюдается немало идиом, состоящих из трёх компонентов – 三字熟語 *сандзидзюкуго*, среди которых также можно обнаружить соматизмы:

- 1) 色眼鏡 *иромэганэ* 'предубеждение, предвзятость', 'смотреть сквозь розовые очки' (букв. 'цветные очки' или 'розовые очки'; соматический компонент 眼 «глаз»);
- 2) 白眼視 *хакуганси* 'холодно смотреть на кого-то' (букв. 'смотреть белыми глазами');
- 3) 硬骨漢 *ко:коцукан* 'человек с твёрдым характером' (букв. 'человек с твёрдыми костями');
- 4) 耳学問 *мимигакумон* 'поверхностные знания, знания понаслышке' (букв. 'обучение на слух');
- 5) 無駄骨 *мудабонэ* 'напрасные усилия, напрасный труд';
- 6) 老婆心 *ро:басин* 'чрезмерная / неуместная забота' (букв. 'старушечье сердце');
- 7) 二枚舌 *нимайдзита* 'Двуличие, лицемерие' (букв. 'два языка').

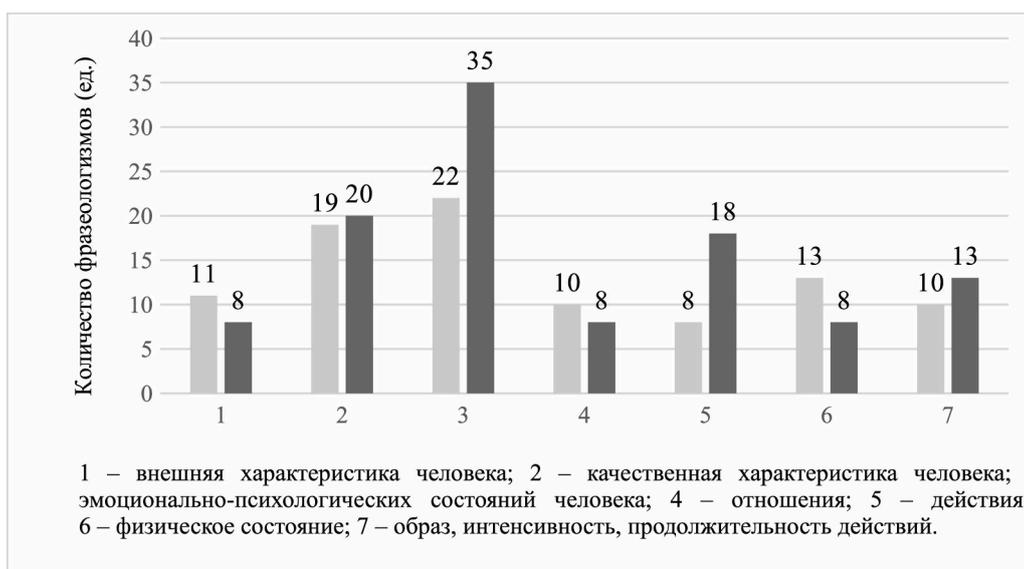
Трёхзначные устойчивые выражения являются сложными именными структурами с главным словом, имеющим, как правило, несколько значений. Так, лексема 骨 *хонэ* 'кость', помимо основного значения, обладает переносными: 'труды, старания', а также, 'каркас, спицы (зонтика), остов, косточки веера'. Поэтому в примере 3 описание человека с прочными убеждениями и ценностями, сильным характером производится посредством уподобления крепкой кости или внутреннему стержню, держащему человеческое тело. В примере 5 то же слово используется в другом значении и может употребляться в расширенной версии с одним из уточняющих глаголов: 無駄骨を折る *мудабонэ-о ору* 'напрасно стараться (трудиться), зря тратить силы', 無駄骨に終わる *мудабонэ-ни овару* 'кончиться провалом, пропадать даром'. Среди двухзначных устойчивых выражений также доминируют именные структуры: 傷心 *сё:син* 'душевная рана'; 小心 *сё:син* '1) малодушие, робость, 2) тщательность, скрупулёзность'; 氣骨 *кикоцу* 'большая сила воли, твёрдый характер' и т. д.

2.2.3. Соотношение симметричного и асимметричного в корейской и японской фразеологии [Symmetry and asymmetry in Korean and Japanese phraseology]

При сопоставлении корейской и японской фразеологии симметрия наблюдается в наличии сложных устойчивых сочетаний китайского происхождения, среди которых наиболее частотными оказались двухзначные и четырёхзначные идиомы (по данным словарей).

Японские идиомы	Корейские идиомы
<i>Двузначные идиомы</i>	
白眉 хакуби 'выдающийся, лучший' (букв. 'белые брови')	白眉/백미 пэньми 'выдающийся, лучший' (букв. 'белые брови')
蛇足 дасоку 'делать что-то совершенно ненужное, бесполезное' (сокращение от 'пририсовать ноги змее')	蛇足/사족 саджок 'совершать бесполезное, неверное действие' (букв. 'пририсовать ноги змее')
<i>Четырёхзначные идиомы</i>	
以心伝心 исиндэнсин 'От сердца к сердцу'	以心伝心/이심전심 исимджонсим 'понимать души друг друга' (букв. 'от сердца к сердцу')
肝胆相照す кантан' айтэрасу 'иметь родственные души, быть неразлучными'	奸膽相照/간담상조 кандамсанджо 'сблизиться» (букв. «достать печень и желчный пузырь и показать друг другу')
百聞一見 хякубун' иккэн 'лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать'	百聞不如一見/백문불여일견 пэньмунпурёильгён 'лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать' (букв. 'один раз сделать самостоятельно не то же самое, что сто раз услышать'). Фразеологизм содержит иероглифические элементы, которые отсутствуют в японском варианте, однако обладает идентичным значением.
飛耳長目 хидзитё:моку 'осведомлённость и наблюдательность', 'чуткое ухо и зоркий глаз' (букв. 'летающие уши и далеко смотрящие глаза')	飛耳長目/비이장목 пииджанмок 'широта и острота наблюдения' (букв. 'уши и глаза, которые слышат и видят вещи на расстоянии')

Кроме того, качество симметричности в значительной степени распространяется и на фразеологические единицы других типов. Во-первых, совпадают тематические группы: и в корейском, и в японском языках идиомы с компонентом-соматизмом характеризуют внешность человека, его характер, действия, межличностные отношения и т. д. Их конкретное количество различается в корейском и японском языках, однако выявленное соотношение позволяет говорить о симметрии представленности в фонде языка тех или иных тематических групп фразеологизмов (рис. 1).

Р и с у н о к 1. Тематические группы фразеологизмов в корейском и японском языках

[F i g u r e 1. Thematic groups of phraseological units in Korean and Japanese]

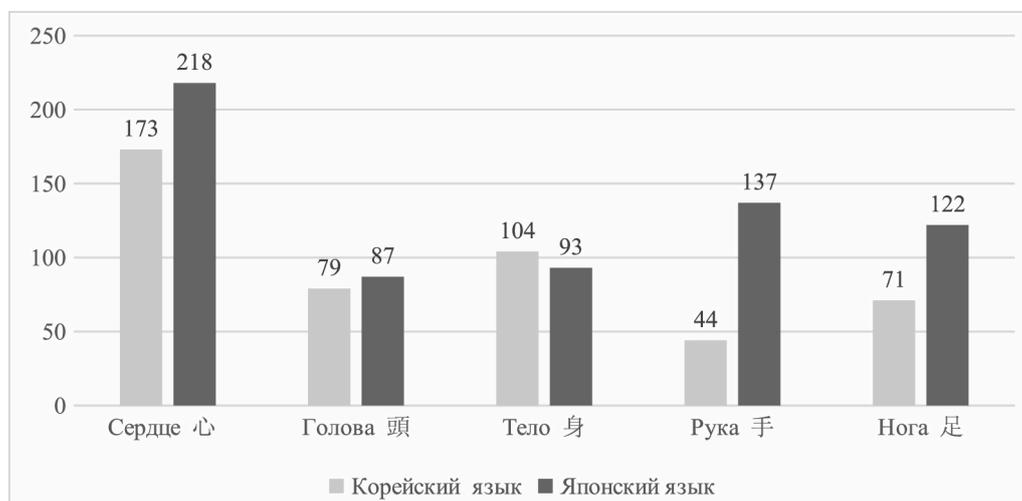
Во-вторых, среди устойчивых единиц данной группы обнаруживается высокий уровень совпадения и в лексико-семантическом плане. Например:

1) кор. 口蜜腹劍/구밀복검 *кумильбокком* 'волк в овечьей шкуре' и яп. 口に蜜、心に針 *Күти-ни мицу, кокоро-ни хари* 'волк в овечьей шкуре' (букв. 'На губах – мёд, а в сердце – игла', т. е. 'хитрый, коварный, двуличный');

2) кор. 뼈만 남다 *пёман намда* 'кожа да кости' и яп. 骨と皮ばかりになる *хонэ то кава бакари ни нару* 'сильно похудеть' (т. е. 'превратиться в кожу да кости');

3) кор. 刻骨難忘 / 각골난망 *какколланман* 'помнить вечно' (букв. 'то, что врезалось в кость') и яп. 骨に刻む 'запомнить крепко-накрепко' (букв. 'вырезать на кости') и т. д.

К проявлениям симметрии, по результатам количественного анализа, также можно отнести то, что в обоих языках наиболее многочисленную группу фразеологизмов с компонентом-соматизмом составляют выражения с компонентом «сердце». В то же время количественный анализ демонстрирует и некоторую асимметрию, поскольку представленность прочих компонентов-соматизмов в двух языках явно различается (рис. 2).

Р и с у н о к 2. Группы фразеологизмов в корейском и японском языках по компоненту-соматизму

[F i g u r e 2. Groups of phraseological units in Korean and Japanese based on somatic component]

Проявление симметрии обнаруживается и в устойчивых выражениях, описывающих чувства, внутренние ощущения, мыслительные процессы, которые передаются через названия внутренних органов и частей тела. Помимо соматизмов «голова», «сердце», «душа» и «живот», фигурируют также компоненты «печень» и «желчный пузырь». В японской фразеологии сочетание 肝胆 *кантан* 'печень и желчный пузырь' встречается в таких идиомах, как: 肝胆を砕く *кантан-о кудаку* 'ломать голову', 肝胆を寒からしめる *кантан-о самукарасимэру* 'леденить кровь', 肝胆を開く *кантан-о хираку* 'раскрывать душу, откровенничать'. Корейские идиомы с соматизмами 간 *кан* 'печень' и 담 *там* 'желчный пузырь' представлены следующими примерами: 간이 작다 *кани чакта* 'трусливый' (букв. 'печень маленькая'), 간이 크다 *кани кхыда* 'смелый' (букв. 'печень большая'), 키는 작아도 담은 크다 *кхинын чагадо тамын кхыда* 'смелый, хоть и ростом небольшой'. В представлении корейцев печень и желчный пузырь – орган, где сосредоточена энергия, поэтому в переносном смысле это часто символы души или духа [Чо Ханбом, 2009, с. 18–20]. Судя по рассмотренному языковому материалу, как в японском, так и в корейском языке названия внутренних органов – сердца, желудка, печени и т. д. – обозначают в целом внутренний мир, душу, чувства и эмоции, которые испытывает человек.

Что касается асимметрии, она в большей степени находит проявление в устойчивых выражениях, иллюстрирующих национально-культурное своеобразие, особенности японской и корейской картин мира. К примеру, в японской фразеологии по образу и подобию китайских четырёхзначных идиом появились свои фразеологические единицы, среди которых наблюдаются и те, что содержат компоненты-соматизмы:

1) 岡目八目 *окамэхатимоку* 'со стороны виднее' (источник: игра в го; соматический компонент 目 «глаз», букв. 'тот, кто смотрит со стороны, тот имеет восемь глаз');

2) 手練手管 *тэрэнтэкуда* 'уловки кокетства' (умение расположить к себе, флирт; соматический компонент 手 «рука»);

3) 夜目遠目 *ёмэто:мэ* 'ночью все кошки серы' (сокр. от 夜目遠目傘の内 *ёмэто:мэ касано ути* '(любая) женщина (хороша, если смотреть) ночью, издали или под зонтиком / в шляпе'; соматический компонент 目 «глаз») (источник: 狂言「柿山伏」 *кё:зэн* Какиямабуси 'пьеса Какиямабуси').

В устойчивых выражениях данного типа наблюдаются особенности мировидения и японской национальной картины мира: созерцательность, эстетичность, единство, коллективизм, старательность и педантичность в выполнении работы.

В корейском языке также присутствуют устойчивые выражения, которые по форме напоминают заимствованные из китайского языка фразеологизмы, однако имеют корейское происхождение. Например, выражение 鷄卵有骨/계란유골 *керанюголь* 'Даже если неудачнику выпадает хороший шанс, дела всё равно идут неважно' (букв. 'И в яйце есть кость'), двусложное выражение 계득 *керык* 'Не особо нужно, но и выбросить жалко' (букв. 'Куриное рёбрышко') [Плотникова, Цыденова, 2018].

Для корейского языка не характерно чёткое разделение на иероглифические устойчивые выражения, заимствованные целиком из китайского языка, и те, которые были созданы из иероглифических внутри корейского языка, но можно однозначно сказать, что каждое из таких выражений специфическим образом отражает такие аспекты отношения корейцев к жизни и обществу, как уважение к старшим и вышестоящим, почитание образованности. Так, в выражении 我身能孝兄弟亦效/아신능효형제역효 *асиннынхёхёнджесёкхё* 'Если моё тело способно проявить сыновнюю почтительность, то и мои старшие и младшие братья последуют моему примеру' (букв. 'Моё тело способно к почтительности, мои старшие и младшие братья берут пример') проявляется традиционная для корейцев конфуцианская добродетель сыновней почтительности, которая обычно распространяется не только на отношения в семье, но и дальше – до отношений государя и подданных. Выражение 眼孔大/안공대 *ангондэ* 'Обширные знания' (букв. 'Большие глазницы') показывает метафорическую связь между глазами и знаниями, служа своеобразной похвальной характеристикой обладателя широкого кругозора.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование 347 фразеологизмов с компонентами-соматизмами в японском и корейском языках показывает их значительное сходство как в семантическом плане, так и в плане количественной репрезентации тех или иных компонентов-соматизмов. На лексико-семантическом уровне симметрия проявляется в том, что метафорические образы красоты, смелости, описания душевных качеств и внутреннего мира человека передаются схожими соматизмами: 'сердце', 'живот', 'печень', 'желчный пузырь'. В обоих языках межгрупповое количественное распределение компонентов-соматизмов идентично. Количество самих фразеологизмов меняется от языка к языку, однако представленность каждого из компонентов (голова, рука / нога, тело, прочие части тела) в обоих языках совпадает. Проявление симметрии в обоих языках отмечается и в средствах построения образов фразеологизмов. Кроме того, в обоих языках существует довольно обширный пласт выражений, заимствованных из китайского языка, которые

являются по сути идентичными в силу единого источника происхождения. Однако отличие их в двух языках состоит в том, что в японском языке такие выражения записываются с помощью иероглифов, а в корейском языке принято написание на хангыле.

Свойством асимметрии обладают устойчивые выражения, которые демонстрируют национально-культурные особенности, уникальность корейской и японской лингвокультур. В японских фразеологических выражениях с компонентами-соматизмами отражены такие этнокультурные характеристики, как коллективизм, сплочённость, старательность и внимание к деталям при выполнении работы, эстетизм и представление о прекрасном. Фразеологизмы корейского языка демонстрируют богатство образов, связанных с верностью государству и семье, стремлением к единению с обществом и окружающим миром, иногда – с иронией по поводу недостатков характера или внешности человека.

Сопоставление симметричного и асимметричного во фразеологизмах двух языков может служить базой для дальнейшего рассмотрения лингвокультурных сходств и различий, а также отправной точкой для исследования симметрии и асимметрии двух языков на другом языковом материале – лексическом, грамматическом и т. д.

Библиографический список

- Аникина, 2012 – Аникина В. В. Место корейского языка в генеалогической классификации языков: европейский, восточный подходы // Вестник ИГЛУ. 2012. № 4. С. 17–23.
- Басова, 2020 – Басова Т. А. Символизм компонента лицо / као в русской и японской фразеологии // Славянская фразеология и паремиология в языке и речи : сб. науч. ст. / отв. ред. О. Н. Мельникова. Гомель : Гомельский гос. ун-т им. Франциска Скорины, 2020. С. 23–29.
- Басова, 2023 – Басова Т. А. Лексические варианты соматических фразеологизмов в английском и японском языках // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2023. № 3. С. 31–33.
- Быкова, 1985 – Быкова С. А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М. : Изд-во МГУ. 63 с.
- Власова, 1997 – Власова Н. А. Фразеологическое гнездо с вершиной «глаз» в общенародном языке и говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Орловский гос. ун-т, Орел. 27 с.
- Волошинов, Шиндель, 2017 – Волошинов А. В., Шиндель С. В. Гармония – симметрия – красота // Человек. 2017. № 4. С. 81–93.
- Гак, 1998 – Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Школа «Языки русской культуры». 768 с.
- Гуревич, 2011 – Гуревич Т. М. Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. 四字熟語和露学習辞典. М. : МОНОГАТАРИ, 2011. 144 с.
- Дыбовский, 2023 – Дыбовский А. С. Японский язык как арена столкновения цивилизации // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 4. С. 17–30. <https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30>
- Жила, 2014 – Жила В. Г. Принципы дифференциации фразеологизмов и пословиц в корейском языке // Корееведение Казахстана. Вып. 2. Алматы, 2014. С. 24–32.
- Залавина и др., 2019 – Залавина Т. Ю., Антропова Л. И., Полякова Л. С., Южакова Ю. В. Соматические фразеологизмы с общей отрицательной коннотацией в национальных языках (на материале французского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 2. С. 18–27. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_2_18_27
- Кутафьева, 2011 – Кутафьева Н. В. Системы классификаторов в языках Восточной Азии // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 4 : Востоковедение. С. 164–170.
- Михайлова, 2010. – Михайлова М. В. Роль и место иероглифических фразеологизмов китайского происхождения в корейском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 74–76.
- Мызникова, 2013 – Мызникова В. В. Сравнительный анализ гонорифических систем в корейском и японском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2013. 28 с.
- Новикова, Пакулова, 2001 – Новикова Т. А., Пакулова Я. Е. Китайские иероглифы в корейском языке. М. : Муравей, 2001. 131 с.

- Омаров, 2021 – Омаров А. А. Семема «ухо» в репрезентации соматического кода культуры в даргинской и арабской фразеологических картинах мира // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 57–70. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_80_91
- Осетров, 2009 – Осетров И. Г. Симметрия и асимметрия: онтологический и лингвистический аспекты // Вестник Московского гос. обл. ун-та. 2009. № 2. С. 55–59.
- Плотникова, Цыденова, 2018 – Плотникова А. В., Цыденова Д. С. Сравнительный анализ корейских двусложных идиом коса соно с синонимическими корейскими выражениями // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. 2018. Вып. 1. С. 25–30.
- Старостин, 1991 – Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М. : Наука. 190 с.
- Стрижак, 2023 – Стрижак У. П. Агентивность соматизмов в японском языке и концепция восточной телесности // Известия Восточного ин-та. 2023. № 2. С. 116–126. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/116-126>
- Штайн, Петренко, 2015 – Штайн К. Э., Петренко Д. И. Гармония и симметрия : учеб. пособие. Ростов-на-Дону : Изд-во «Книга». 704 с.
- Чертыкова М. Д. Хакасская лексема харах 'глаз; глаза' как опосредующее звено между телесной и духовной природой человека // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 140–151. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_140_151
- Чертыкова М. Д. Тюркско-монгольские лексические параллели в соматической сфере // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 169–179. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_169
- Чертыкова М. Д., Цыренов Б. Д., Каксин А. Д. Фразеологические единицы с соматизмом «сердце» в разноструктурных языках (на материале хакаского, бурятского и хантыйского языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 169–179. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_146_158
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 47–47.
- Lee, Ramsey, 2011 – Lee K. -M., Ramsey R. S. A History of the Korean Language. New York: Cambridge University, 2011. 348 p.
- Токита, 2011 – Словарь японских пословиц, 2011 – 岩波ことわざ辞典 / 時田昌瑞. 東京 : 岩波書店. 2011. 651 ページ [Токита Масамидзу. Словарь японских пословиц Иванами. Токио : Иванами Сэтэн, 2011. 651 с.]
- Судзуки, Хирота, 1956 – Словарь японских пословиц, 1956 – 故事ことわざ辞典 / 鈴木棠三・広田栄太郎. 東京堂出版、1956. 988 ページ [Судзуки Тодзо, Хирота Эйтаро. Словарь японских пословиц. Токио : То:кё:до: сьуппан, 1965. 988 с.]
- Нагаяма, 2014 – 和食ことわざ辞典 / 永山久夫. – 東京堂出版、2014. 319 ページ. [Нагаяма Хи-сао. Словарь пословиц японской пищевой традиции. Токио : То:кё:до: сьуппан, 2014. 319 с.]
- Словарь ёдзидзюкуго онлайн – 四字熟語辞典 ONLINE Ёдзидзюкуго дзитэн ONLINE Словарь ёдзидзюкуго онлайн. URL : <https://yoji.jitenon.jp/cat/kanji.html> (дата обращения : 09.02.2024).
- 국립국어원 표준국어대사전. URL: http://stdweb2.korean.go.kr/section/idiom_list.jsp (дата обращения : 12.02.2021).
- Энциклопедия Naver – 네이버 지식백과. URL : <https://terms.naver.com/> (дата обращения : 12.02.2024).
- Словарь корейских пословиц и поговорок – 한국속담 사전 [Словарь корейских пословиц и поговорок]. URL : <https://www.krpia.co.kr/viewer?plctId=PLCT00004626&tabNodeId=NODE03832132> (дата обращения : 15.02.2024).
- Чо 2009 – 정말 궁금한 우리말 100가지/ 조항범. 고양시. : 위즈덤하우스. 2009. 399 쪽. [Чо Ханбом. Сто самых интересных выражений корейского языка. Коян : Висдомхаус, 2009. С. 18–20.]

References

- Anikina, V. V. (2012). Mesto koreyskogo yazyka v genealogicheskoy klassifikatsii yazykov: evropeyskiy, vostochnyy podkhody [The position of Korean in the genetic classification of languages: European vs. Eastern theories]. *Vestnik IGLU [The ISLU Philological Review]*, 4, 17–23. (In Russ.).

- Basova, T. A. (2020). Simvolizm komponenta litso / kao v russkoy i yaponskoy frazeologii [Symbolism of the component face / kao in Russian and Japanese phraseology]. In O. N. Melnikova, *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya v yazyke i rechi [Slavic phraseology and paremiology in language and speech]* (pp. 23–29). Gomel : Francisk Skorina Gomel State University Press. (In Russ.).
- Basova, T. A. (2023). Leksicheskie varianty somaticheskikh frazeologizmov v angliyskom i yaponskom yazykakh [Lexical variants of somatic phraseological units in English and Japanese]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki [Current issues of Germanistics, Romance and Russian studies]*, 3, 31–33. (In Russ.).
- Bykova, S. A. (1985). *Ustoychivye slovosochetaniya v sovremennom yaponskom yazyke [Set expressions in modern Japanese]*. Moscow : Moscow State University Press. (In Russ.).
- Vlasova, N. A. (1997). *Phraseologicheskoe gnezdo s vershinoy "glaz" v obschenarodnom yazike i gorovakh [Phraseological set with the apex "eye" in the vernacular and dialects]*. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Oryol. (In Russ.).
- Voloshinov, A. V. Shindel', S. V. (2017). Garmoniya – simmetriya – krasota [Harmony – Symmetry – Beauty]. *Chelovek [Human]*, 4, 81–93. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya [Language transformations]*. Moscow : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Press. (In Russ.).
- Gurevich, T. M. (2011). *Yaponsko-russkiy uchebnyy slovar' edzidyukugo. 四字熟語和露學習辭典 [Japanese-Russian Student's Dictionary]*. Moscow : MONOGATARI Press. (In Russ. and Japanese).
- Dybovsky, A. S. (2023). Yaponskiy yazyk kak arena stolknoveniya tsivilizatsiy [The Japanese Language as an Arena of Civilizational Clash]. *Dal'nevostochnyy filologicheskyy zhurnal [Far Eastern Philological Journal]*, 1 (4), 17–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30>
- Zhila, V. G. (2014). Printsipi differentsatsii frazeologizmov i poslovits v koreyskom iazyke [Principles of differentiation of phraseological units and proverbs in the Korean language]. *Koreevedenie Kazakhstana [Korean Studies of Kazakhstan]* (Vol. 2, pp. 24–32). Almaty. (In Russ.).
- Zalavina, T. Yu., Antropova, L. I., Polyakova, L. S., Yuzhakova, Yu. V. (2019). Somaticheskie frazeologizmy s obshchey otritsatel'noy konnotatsiyey v natsional'nykh yazykakh (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Somatic phraseological units with a common negative connotation in national languages (Based on French)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (2), 18–27. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_2_18_27
- Kutafyeva, N. V. (2011). Sistemy klassifikatorov v yazykakh Vostochnoy Azii [Systems of classifiers in languages of Eastern Asia]. *Vestnik NGU. Ser. : Istoriya, Filologiya [Vestnik of Novosibirsk State University]*, 10 (4) : Vostokovedenie [Oriental Studies], 164–170. (In Russ.).
- Mikhaylova, M. V. (2010). Rol' i mesto ieroglificheskikh frazeologizmov kitayskogo proiskhozhdeniya v koreyskom yazyke [Hieroglyphic idioms of Chinese origin in the Korean language]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanities Research in the Russian Far East]*, 2, 74–76. (In Russ.).
- Myznikova, V. V. (2013). Sravnitel'nyy analiz gonorificheskikh sistem v koreyskom i yaponskom yazykakh [Comparative analysis of honorific systems in Japanese and Korean]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; St Peterburg State University. St Peterburg. (In Russ.).
- Novikova, T. A., Pakulova, Ya. E. (2001). *Kitayskie ieroglify v koreyskom yazyke [Chinese characters in Korean]*. Moscow : Muravey Press. (In Russ.).
- Omarov, A. A. (2021). Semema «ukho» v reprezentatsii somaticheskogo koda kul'tury v darginskoy i arabskoy frazeologicheskikh kartinakh mira [Sememe “ear” in the representation of somatic cultural code in the phraseological picture of the world in Dargin and Arabic]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (2), 80–91. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_80_91
- Osetrov, I. G. (2009). Simmetriya i asimmetriya: ontologicheskyy i lingvisticheskyy aspekty [Symmetry and asymmetry: Ontological and linguistic aspects]. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta [Bulletin of Moscow Region State University]*, 2, 55–59. (In Russ.).
- Plotnikova, A. V., Tsydenova, D. S. (2018). Sravnitel'nyy analiz koreyskikh dvuslozhnykh idiom kosa sono s sinonimicheskimi koreyskimi vyrazheniyami [Comparative analysis of Korean disyllabic idioms kosa sono with synonymic Korean expressions]. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta. Yazyk. Literatura. Kul'tura [Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture]*, 1, 25–30. (In Russ.).

- Starostin, S. A. (1991) *Altayskaya problema i proiskhozhdenie yaponskogo yazyka [Altaic Problem and the origin of Japanese language]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ).
- Strizhak, U. P. (2023) Agentivnost' somatismov v yaponskom yazyke i kontseptsiya vostochnoy telesnosti [Agentivity of somatics in Japanese and the concept of Eastern corporality]. *Izvestiya Vostochnogo instituta [Oriental Institute Journal]*, 2, 116–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/116-126>
- Shtayn, K. E., Petrenko, D. I. (2015). *Garmoniya i simmetriya [Harmony and Symmetry]: A Coursebook*. Rostov-on-Don : Kniga Press. (In Russ.).
- Chertykova, M. D. (2019). Khakasskaya leksema kharakh 'glaz; glaza' kak oposreduyushchee zveno mezhdu telesnoy i dukhovnoy prirodoy cheloveka [Khakas lexeme xapax “eye; eyes” as a mediator between the personal and spiritual nature of a human]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (4), 140–151. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_140_151
- Chertykova, M. D. (2023). Tyurksko mongol'skie leksicheskie paralleli v somaticheskoy sfere [Turkic Mongolian lexical parallels in the somatic sphere]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (1), 169–179. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_169
- Chertykova, M. D., Tsyrenov, B. D., Kaksin, A. D. (2020). Frazeologicheskie edinitsy s somatizmom «serdtse» v raznostrukturnykh yazykakh (na materiale khakasskogo, buryatskogo i khantyyskogo yazykov) [Phraseological units with the “heart” somatism in structurally different languages (Based on Khakas, Buryat and Khanty)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 6 (4), 169–179. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_146_158
- Yartseva, V. N. (1998). *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [Language Studies. The Big encyclopaedical Dictionary]* (pp. 47–47). Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Lee, K.-M. (2011). *A History of the Korean Language*. New York : Cambridge University Press.
- Tokita, M. (2011). *Iwanami kotovadza dziten [Iwanami Dictionary of Japanese Proverbs]*. Tokyo : Iwanami Shouten Press. (In Japanese).
- Sudzuki, T., Hirota, E. (1956). *Kodzi kotovadza dziten [Japanese Proverb Dictionary]*. Tokyo : To:kyo:do: syuppan Press. (In Japanese).
- Nagayama, H. (2014). *Vasyoku kotovadza dziten [Dictionary of proverbs of Japanese food tradition]*. Tokyo : To:kyo:do: syuppan Press]. (In Japanese).
- Yodzidzyukugo dziten ONLINE [ONLINE Yodzidzyukugo Dictionary]. (n. d.). Retrieved February, 9, 2024 from <<https://yoji.jitenon.jp/cat/kanji.html>>. (In Japanese).
- Guglibugeowon pyojungugeodaesajeon [National Institute of Korean Language Large Korean dictionary]. (n. d.). Retrieved February 12, 2024 from <http://stdweb2.korean.go.kr/section/idiom_list.jsp>. (In Korean).
- Neibeo jisigbaeggwa [Encyclopedia Naver]. (n. d.). Retrieved February 12, 2024 from <<https://terms.naver.com/>>. (In Korean).
- Hangugsogdam sajeon [Korean Proverbs Dictionary]. (n. d.). Retrieved February 15, 2024 from <<https://www.krpia.co.kr/viewer?plctId=PLCT00004626&tabNodeId=NODE03832132>>. (In Korean).
- Cho, Hang-bum. (2009). *Jeongmal gung-geumhan ulimal 100gaji [100 really curious Korean words]* (pp. 18–20). Goyang : Wisdomhouse Press. (In Korean).

Бузинова Людмила Михайловна ^{1✉}, Ивашкина Олеся Анатольевна ²,
Степахина Ирина Сергеевна ³

¹Московский международный университет, ^{2,3} Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

l.buzinova@mmu.ru

Гендерная лингвистика и искусственный интеллект: репрезентация феминности и маскулинности (на примере приглашений и поздравительных текстов)

Аннотация

В настоящее время искусственный интеллект активно внедряется во все научные сферы и гендерная лингвистика не является исключением. Цель исследования заключается в сопоставительном описании авторских текстов и текстов, созданных нейросетью, на предмет выявления языковых средств, отождествляемых с гендерной идентичностью. Материалом исследования послужили пригласительные и поздравительные тексты на русском и английском языках, созданные по заданию преподавателя 25 мужчинами и женщинами в возрасте 19–20 лет, и тексты аналогичной тематики сгенерированные нейросетью (ChatGPT). В результате установлено, что, во-первых, женщины в среднем конструируют более длинные предложения и сообщения в целом. Во-вторых, в женских текстах обнаружено больше эмодзи и восклицательных знаков. В-третьих, на лексическом уровне женщины используют больше эмотивов, слов с неопределённым значением и в целом придерживаются нейтрального стиля. В то же время мужчины чаще прибегают к сокращениям и разговорной лексике. Наконец, несмотря на в целом успешную попытку нейросети следовать вербальным гендерным стереотипам, сгенерированные тексты демонстрируют разницу с текстами, произведёнными мужчинами и женщинами, проявляя к тому же шаблонность и однообразие.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, речевые характеристики феминности и маскулинности, текст-приглашение, текст-поздравление, вербальный стереотип, искусственный интеллект

© Бузинова Л. М., Ивашкина О. А., Степахина И. С. 2025

Для цитирования: Бузинова Л. М., Ивашкина О. А., Степахина И. С. Гендерная лингвистика и искусственный интеллект: репрезентация феминности и маскулинности (на примере приглашений и поздравительных текстов) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 20–32. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-20>

Lyudmila M. Buzinova ^{1✉}, Olesya A. Ivashkina ², Irina S. Stepahina ³

¹Moscow International University, ^{2,3}Financial University Under the Government
of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

l.buzinova@mmu.ru

Gender linguistics and artificial intelligence: Representation of femininity and masculinity (Based on invitations and congratulations)

Abstract

Currently, artificial intelligence (AI) is actively being introduced into all scientific fields, gender linguistics being no exception. This study aims to compare texts produced by people and texts generated by neural network in

order to identify language means associated with gender. The material for the study included verbal invitations and congratulations in Russian and English created in accordance with teacher's assignment by 25 young males and females aged 19–20 and the texts on similar issues generated by a neural network (ChatGPT). It was found that, first, females on average construct longer sentences and longer messages in general. Secondly, emoji and exclamatory marks were more abundant in female texts. Third, on the lexical level females use more emotive words and words with vague meanings but, in general, adhere to neutral style. At the same time, males more often use contractions and colloquial vocabulary. Finally, it was discovered that despite generally successful attempts of the neural network to apply verbal gender stereotypes, the texts generated by it display the difference with the texts produced by our male and female participants, showing schematism and sameness.

Keywords: gender linguistics, femininity and masculinity speech patterns, invitation text, congratulation text, verbal stereotype, artificial intelligence

© Buzinova L. M., Ivashkina O. A., Stepahina I. S. 2025

For citation: Buzinova, L. M., Ivashkina, O. A., & Stepahina, I. S. (2025). Gendernaya lingvistika i iskusstvennyy intellekt: reprezentatsiya feminnosti i maskulinnosti (na primere priglaseniy i pozdravitel'nykh tekstov) [Gender linguistics and artificial intelligence: Representation of femininity and masculinity (Based on invitations and congratulations)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 20–32. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-20>

1. Введение [Introduction]

С давних времён в сознании людей существует биологическое разделение всех индивидов на мужчин и женщин. И хотя попытки осмысления проявлений родовой принадлежности в языке предпринимали ещё античные философы [Платон, Аристотель, 1990, с. 613–681], социальное разделение и связанное с ним распределение обязанностей и ожиданий в обществе обратило на себя наибольшее внимание в середине XX в., когда особенно стремительно начало набирать силу феминистское движение. Исследователи анализируют, как социальные конструкты гендера влияют на жизнь женщин и мужчин в таких областях знаний, как социология, антропология, психология, экономика и т. д. Социальные роли в обществе различаются не столько биологически, сколько психологически. Причём разграничения чаще охватывают более сложный, подсознательный, уровень психики, например, стереотипы. К. Г. Юнг в своих работах вводит такие архетипы, как «Анима» и «Анимус», где первое – фигура женской психики, второе – мужской. Он утверждает, что мягкость и податливость присущи «Аниме», а упрямость – свойство «Анимуса» [Юнг, 1998, с. 468]. В результате, различия между физиологическим и духовным состояниями теперь заключены в особых терминах: *sex* (пол) как характеристика анатомо-физиологическая и *gender* (гендер) как характеристика социальная и культурная.

При изучении речевого поведения субъектов коммуникации необходимо учитывать, что каждый участник разговора подвергается влиянию целого ряда факторов, одним из которых является гендерная принадлежность. Обращение к физиологии даёт ответы на некоторые вопросы, связанные с гендерной коммуникацией. Учёные знают о различиях в структуре головного мозга у мужчин и женщин, что отражается в момент речевого акта и проявляется на двух уровнях: в поведении и в собственно речи. Например, мужчины, по натуре считающиеся лидерами, они более категоричны и стремятся к управлению тематикой разговора и транслированию превосходства над собеседниками [Гендер и язык, 2005 ; Fishman, 1997]. Вместе с тем они перебивают чаще и вопреки распространённому мнению говорят больше женщин [Шаров, 2012].

Различным строением мозга объясняется и ещё один факт интеракции гендеров. В ходе разговора представители «сильного» пола обычно концентрируются на мелких деталях, тогда как представительницы «слабого» пола – на всей ситуации, которая в це-

лом играет для них очень важную роль. Это можно объяснить тем, что у женщин вербальная и визуальная сферы связаны друг с другом гораздо сильнее, чем у мужчин [Goldman, 2017]. Доказано, что в процессе общения мужчины в большей степени стремятся поддержать дух соревнования, а женщины, наоборот, легче и быстрее идут на контакт, и это объясняется тем, что у мужчин центры агрессии более активны [Dunbar, 1997], а потому представители женского пола более доброжелательны и сговорчивы. Аксиологический компонент высказываний у разных гендеров не идентичен.

В настоящее время назрела необходимость обобщить подходы к изучению гендера прошлых поколений отечественных и зарубежных учёных в перспективной корреляции с инновационными взглядами. Именно гендер определяет социальное поведение женщин и мужчин и регулирует их взаимоотношения. Термин «гендер» вошёл в современную научную лингвистическую парадигму позднее, чем в другие гуманитарные области знания – во второй половине прошлого столетия. По мнению В. В. Потапова, стимулом к гендерным исследованиям в языке стало «Новое женское движение» в англоязычных странах и появление феминистской лингвистики [Потапов, 2002, с. 94]. Одной из знаковых работ по этой теме является исследование Р. Лакофф «Язык и роль женщины» [Lakoff, 1975]. Автор заявляет об андроцентричности природы языка и наличии стереотипа о неполноте языкового образа женщины, который искажает восприятие её роли в обществе и негативно влияет на её самореализацию. Позднее вопросы, впервые затронутые ранними исследователями в области гендерной лингвистики, легли в основу формирования множества концепций. В этом контексте развивается гендерная лингвистика, которая исследует способы выражения пола в разных языках; вопросы, связанные с репрезентацией мужчин и женщин в процессе коммуникации; механику функционирования гендерных отношений в языке в целом и сущности явлений, происходящих в обществе [Поплевко, Надольская, 2016, с. 87].

Языковая социализация происходит в раннем детстве под влиянием полоролевых моделей поведения, основанных на стереотипах феминности и маскулинности [Lakoff, 1975 ; Tannen, 1993]. Научные данные в области гендерной лингвистики (см., напр., [Земская и др., 1993]), позволяют говорить о различных характеристиках коммуникации мужчин и женщин. Женщины чаще используют фатические речевые акты, им свойственна смена ролей в ходе коммуникации и быстрое «переключение» в разговоре. Мужчины же не отличаются такой быстротой реакции. Представителям «сильного» пола часто приписывают так называемую психологическую глухоту, иными словами, они в процессе обсуждения интересующей темы не откликаются на реплики, с ней не связанные. Стоит отметить, что в общении женщины предпочитают диалог (обычно близкие дружественные беседы), мужчины – монолог (чаще всего публичные выступления). Цель разговора первые видят именно во взаимодействии, вторые – в содержательном обмене информацией. Ещё одно характерное различие гендеров связано с транслированием фактов в разговоре. Аргументы женщин чаще всего основаны на реальном личном опыте или опыте окружения, мужчины порой подкрепляют свою точку зрения фактами, напрямую к ним не относящимися.

Различия в речевой деятельности мужчин и женщин проявляются на всех уровнях языка.

Лексический и стилистический уровни. Женскому полу чаще, чем мужскому, свойственно использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, эмоциональной лексики, превосходной степени имён прилагательных, конкретных существительных, эвфемизмов, междометий и усилительных частиц, так как женщины по природе более эмоциональны. Они больше мужчин стремятся вербализовать свои чувства и переживания. Преимущественно в женской речи широко используются модальные конструкции, распространённые определения, вводные слова для выражения разной степени

неопределённости. Женщины нередко употребляют «вы»-обращение, но вместе с тем предпочитают нейтральный стиль общения высокому. Они консервативны в употреблении речевых норм и дольше мужчин сохраняют остатки диалектов в речи [Jespersen, 1998].

Мужчины в общении более грубы. Они часто прибегают к использованию резких и вульгарных инвективов, сниженной и бранной лексики для неодобрительной оценки [Жельвис, 1991]. Их речь характеризуется наличием терминов, абстрактных существительных, жаргонизмов, неологизмов, варваризмов и применением багажа профессиональных знаний вне сферы данного общения. Речевое поведение представителей мужского пола выделяется однообразностью в высказываниях и стандартизованностью предложений даже при общении, нацеленном на передачу эмоций [Ломова, 2020].

Синтаксический уровень. Женские предложения, в отличие от мужских, более богаты различными синтаксическими конструкциями и распространены разнообразными оборотами и усложнениями. Речь женщин отличается использованием как простых, так и сложных предложений, как восклицательных и вопросительных, так и повествовательных предложений. Мужская речь часто клиширована. Предложения в ней, как правило, в разы короче и менее красочны, чем у женщин. Побудительные предложения, побуждающие к выполнению того или иного действия / приказа / просьбы, употребляются чаще других, что объясняется лидерскими задатками мужского пола [Беликова, 2009; Божанова 2012 ; Coates 2013].

Фонетический уровень. Гендерные особенности отмечаются не только на сегментном, но и на супraseгментном уровнях [Елемешина, 2010]. Произношение женщин тяготеет к вокализму, мужчин – консонантизму. Меньший раствор рта при производстве звуков, характерный для мужского пола, является причиной появления более «узких» и менее богатых по тембру гласных [Ерофеева, 2000 ; Потапова, 2000 ; Югова, 2018 и др.]. Женская речь характеризуется особым темпом, тембром голоса [Goroshko, 1999]. В целом женщины демонстрируют лучшие способности к языкам [Xia, 2013, p. 1486].

Тенденцию к использованию нисходящих тонов проявляют оба пола, однако женщины «лидируют» в этом направлении, увеличивая «частность употребления на 21,2% против мужских 13,4%, что говорит об особой чуткости женщин в сфере произносительных трендов» [Потапов, 2000, с. 151].

Отметим, что разговор между мужчиной и женщиной олицетворяет своего рода межкультурное общение, где важно знать характерные особенности взаимодействия каждого гендера. Полагаем, что в молодёжной среде гендерные особенности речевой коммуникации могут проявляться достаточно явственно, поскольку социальные роли уже сформированы, а стереотипы ещё не успели укорениться. Для того, чтобы проверить данную гипотезу, было проведено исследование. Оно основывалось на изучении текстов, написанных молодыми людьми. Хотя активное изучение феномена гендерных речевых особенностей началось в странах Европы и Северной Америки, российское общество, особенно молодёжь, долгое время подвергалось влиянию глобализационных процессов и западных социально-культурных явлений.

Ц е л ь ю исследования было сопоставить описание авторских текстов с текстами, созданными нейросетью, и выявить в них языковые средства, отождествляемые с гендерной идентичностью. Использование искусственного интеллекта (далее ИИ) расширяет границы исследования, позволяя оценить, насколько обученная «машина» способна отражать языковые средства репрезентации гендерных особенностей в производимых текстах. Поскольку современный мир активно применяет новые технологии и ИИ находит всё более широкое применение в генерации всевозможного рода текстовых произведений, результаты его работы представляют особенный интерес.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом исследования послужили тексты приглашений друзьям на день рождения и поздравлений друга/подруги с днём рождения. Участники не предупреждались заранее о целях и задачах исследования; каждый из них написал два текста в разные дни, чтобы снизить эффект повторяемости. Количество участников составило 25 молодых людей и девушек (10 и 15 соответственно), русскоговорящих студентов в возрасте 19–20 лет, обучающихся на лингвистическом направлении (II год обучения с основным английским языком). Количественный дисбаланс полов обусловлен утверждённым составом групп, проходивших обучение. У студентов по дисциплине «Иностранный язык (английский)» на момент проведения исследования было проведено не менее 200 часов практических занятий. В программу входят дисциплины «Теоретическая и практическая грамматика английского языка», «Фонетика английского языка» и «Практика устной и письменной речи». Учащиеся групп, привлечённых к исследованию, демонстрируют владение английским языком на уровне B2-C1. Обучаемые на момент эксперимента были хорошо знакомы с форматами приглашений и поздравлений в русском и английском языках. Согласно заданию, тексты должны были представлять собой короткие сообщения, написанные на английском или русском языках (участникам представлялся самостоятельный выбор), для отправки через мессенджеры. Было получено 50 текстов, из которых 30 женских на английском и русском языках (16 и 14 соответственно) и 20 мужских на английском и русском языках (распределились поровну).

Для ChatGPT были сформулированы запросы на написание приглашения на день рождения друзьям и поздравления молодого человека или девушки от имени друга или подруги. Примеры запросов:

1. Напиши короткое приглашение друзьям на вечеринку по случаю дня рождения от имени мужчины/женщины 19–21 года // write a short invitation to a birthday party to the friends on behalf of a woman/man aged 19–21;

2. Напиши поздравительный текст другу/подруге с 19-летием от лица друга/подруги // write a congratulation text with a 19th birthday of a young man/woman from a female/male friend.

В процессе исследования применялся сравнительно-сопоставительный и количественный методы, а также контекстный анализ.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Авторские тексты [Texts produced by human participants]

Анализ полученных поздравительных текстов позволил выявить гендерные различия в количестве слов в сообщении (табл. 1), количестве слов в предложении (табл. 2), степени использования эмодзи, в стилистических особенностях (обращении к юмору и иронии), в пунктуации, графике и, разумеется, в выборе лексики.

Полученные материалы, позволяют обнаружить гендерные особенности с первого взгляда. Во-первых, женские сообщения длиннее мужских как по средним, так и по минимальным и максимальным показателям (табл. 1).

На синтаксическом уровне по средним показателям женские предложения по длине уступают представителям сильного пола как на русском, так и на английском языке, при этом максимумы показывают обратную тенденцию, а минимумы одинаковы (табл. 2). В целом разница по параметру длины предложения в словах слишком мала и не является статистически значимой.

Т а б л и ц а 1. Статистика количества слов в сообщениях
[T a b l e 1. Statistics on the number of words in messages]

пол кол-во слов в сообщении	Ж		М	
	русский язык	английский язык	русский язык	английский язык
минимум	16	31	12	11
максимум	89	102	72	78
среднее	52	60	32	36

Т а б л и ц а 2. Статистика количества слов в предложении
[T a b l e 2. Statistics on the number of words in sentence]

пол кол-во слов в предложении	Ж		М	
	русский язык	английский язык	русский язык	английский язык
минимум	1	1	1	1
максимум	27	33	27	28
среднее	8,1	9,4	8,4	10,7

У девушек заметно выделяется обилие эмодзи и восклицательных знаков. У некоторых наблюдается капитализация отдельных лексем и даже предложений. Восклицательные знаки встречаются в мужских текстах в 3 раза меньше, чем в женских – 19 (8 в русских и 11 в английских текстах) против 64 (40 в русских и 24 в английских текстах) соответственно. Кроме единственного факта применения эмодзи в мужском тексте, в виде нестандартного сердечка белого цвета, поздравления, как и приглашения, сопровождаются эмодзи – 1 в русском тексте и 3 – в английском. У женщин было обнаружено 28 эмодзи в русских текстах и 13 – в английских.

На лексическом уровне девушки демонстрировали большую эмоциональность, употребляя превосходную степень прилагательных, а также наречия с яркой положительной окраской (*дорогие/ая, с нетерпением, вкуснейшие, наилучшими, самого-самого наилучшего, душевной // dear, the most faithful and kind, so grateful, fully, beautiful, delicious, wonderful, amazing, bright, genuinely, fascinating, special, exciting, unforgettable, endless, fantastic*). В то же время молодые люди использовали разговорные выражения и сокращения (*прив, юхуу, всё в силе, босс др. // sup, hiii, bash, banger event, ur, u, yoohoo*).

Стоит отметить редкое использование представителями прекрасного пола сокращений, разговорной лексики и неформального стиля (*вишилист // b-day, buddy, btw, pls, hi there*). Возможно, это свидетельствует о присутствии в типе личности психологических характеристик, традиционно приписываемых мужчинам. Так, использование сокращений может говорить о рациональности, а допущение разговорных выражений – о независимости и напористости. Говорящую не беспокоит то, как она будет воспринята обществом, потому что она не зависит от мнения окружающих и не стремится «обеспечивать свой социальный статус лингвистическим способом» [Trudgill, 1972, p. 180]. Сокращения слов также могут отражать тенденцию современного поколения в целом к большей экономии языковых средств. Можно выделить единичный случай среди молодых людей использования сложного предложения с формальными лексическими единицами на обоих языках (*please inform in advance // в противном случае*). Такой авторский приём также может говорить о наличии таких черт характера, как интеллигентность, сдержанность.

Мужчины в целом чаще используют «слова-связки» для структуризации высказывания, например: *as you know, so, first, after that*. Вместе с тем имеется разница по языкам. Всего отмечено 7 средств в английском тексте у мужчин и 2 у женщин. В русском материале мужчин было обнаружено 2 «слова-связки» и 4 – в текстах, написанных женщинами. Мнение, что для речи женщины характерны слова и конструкции, выражающие неопределённость, неуверенность и смягчение отражается в следующих выражениях: *cannot imagine, I hope, if you don't mind, can, I think // позвольте, напишите своё мнение насчёт..., просьба, желательно, надеюсь, у меня есть задумка, если хотите*. В мужских русских текстах приём смягчения отмечен трижды, а в женских – 10, для английских текстов отмечено схожее соотношение – 2 и 9 соответственно.

В сообщениях молодых людей часто присутствует юмор и ирония (*пришедшим без подарка, только один напиток за мой счёт; зная ваш режим, встретимся после полудня, событие всей жизни // we are friends and I love friends, your third decade, I want your birthday to be celebrated as national holiday because then I'll have a day off*). В русских текстах мужчин обнаружено 11 таких примеров – 5 в английском и 6 – в русском материале. Среди 30 сообщений, написанных девушками, только в одном было отмечено пожелание в шуточной форме (*ull not spill all ur crusty sand on today's party*).

Эти особенности можно наблюдать на двух примерах мужских и двух примерах женских текстов (ср.: рис. 1–2 и рис. 3–4). Текст приглашения, написанного девушкой, содержит 41 слово; имеются номинации, вербализующие эмоции (в основном радость), которые усиливаются наличием «смайликов» (8) и сокращений. Приглашение от мужчины более лаконично, содержит 13 слов, выдерживается достаточно нейтральный стиль с акцентом на определённость (*всё в силе?*). Поздравительные тексты отличаются большей эмоциональностью, однако женское поздравление более объёмно (40 слов), нежели мужское (12 слов). В мужском тексте использованы сокращения *бро* (от *брат*), *лотта* (неформальное от *много*), пожелания не детализированы.

hi there!

i'm having a birthday this saturday and i'll be glad to see you there 🎂 🥳 i was wondering if we meet together have a walk and maybe eat pizza together 🍕 also if you want we could attend a horror quest 🎃 🎃 🎃 🎃 give me pls a feedback with a time that is suitable for you

Р и с у н о к 1. Пример приглашения, написанного девушкой
[F i g u r e 1. An example of an invitation written by a female]

привет! поздравляю тебя с днём рождения!! желаю оставаться таким же красивым, счастливым, веселым, какой ты есть! пусть твоя жизнь будет наполнена только радостными и счастливыми моментами! 🍷
будь счастлив, ты заслуживаешь всего самого-самого наилучшего! 🥳

10

Р и с у н о к 2. Пример поздравления, написанного девушкой
[F i g u r e 2. An example of a greeting message written by a female]

Привет, всё в силе? Собираемся в XX:XX у входа в кафе. Если будут вопросы - пиши)

Р и с у н о к 3. Пример приглашения, написанного молодым человеком
[F i g u r e 3. An example of an invitation written by a male]

Happy birthday bro wish you a lotta swag and eternal happiness

Р и с у н о к 4. Пример поздравления, написанного молодым человеком
[Figure 4. An example of a greeting message written by a male]

2.2.2. *Тексты, созданные искусственным интеллектом*
[Texts created by artificial intelligence]

Изучение сообщений, сгенерированных ChatGPT, позволяет обнаружить их однообразие, шаблонность и повторяющийся набор слов. Приведём примеры текстов.

ChatGPT (22:44:37): Привет, ребята! Хочу пригласить вас на мою вечеринку по случаю дня рождения. Вечеринка пройдет [дата] в [время] у меня дома. Обещаю, будет много веселья, музыки и угощения. Жду каждого из вас, чтобы веселиться вместе. Захватите с собой хорошее настроение! Ответьте мне до [дата], чтобы я мог точно все спланировать. Надеюсь, это станет незабываемой вечеринкой для нас всех. Поделитесь этим приглашением с нашими общими друзьями - будет весело! Жду встречи с вами, друзья! Если у вас будут какие-либо вопросы или пожелания, напишите мне. Счастливого дня! [Ваше имя]

ChatGPT (15:26:15): Привет, милые девочки! Мой день рождения скоро, и я хочу пригласить вас на праздник. Вечеринка пройдет [дата] в [время] у меня дома. Обещаю, будет много веселья, угощения и приятных сюрпризов. Надеюсь, что вы сможете присоединиться ко мне, это будет просто замечательно! Пожалуйста, дайте мне знать до [дата], чтобы я смогла все организовать. Буду очень рада видеть каждую из вас, чтобы вместе отметить этот особенный день. Если у вас есть какие-то пожелания или вопросы, обязательно напишите мне. Жду встречи с вами с нетерпением! Давайте сделаем этот день особенным и незабываемым! Спасибо и до встречи! [Ваше имя]

Р и с у н о к 5. Тексты приглашений друзьям, сгенерированные ChatGPT
[Figure 5. Texts of invitations to friends generated by ChatGPT]

Очевидно, что тексты, полученные с помощью ИИ, написаны в нейтральном стиле. Согласно гендерной лингвистике, такая манера общения свойственна именно женщинам. Можно предположить, что при разработке нейросети следовали универсальным этическим принципам и основам эмоционального интеллекта (ЭИ). Психологи и социологи связывают феномен ЭИ с умением определять, декодировать и управлять эмоциями, что способствует эффективному взаимодействию в обществе [Ларина, 2016; Макаренкова, Бузинова, 2024]. Люди, обладающие ЭИ, дружелюбны и вежливы. Они способны сопереживать, проявлять сочувствие и внимание к собеседнику. В речевом поведении это может быть реализовано с помощью фатической речи, специфических выражений и коммуникативных приёмов.

В текстах поздравлений с днём рождения ИИ воспроизводил характеристики речевого гендерного поведения, противоречащие результатам нашего эксперимента, проведённого с участием человека. Так, в некоторых текстах поздравительных сообщений, сгенерированных ИИ и для подруги, и для друга, мы находим множество эмодзи. В нашем материале для мужских текстов это нехарактерно. В текстах созданных от имени или для мужчин есть не более 1–2 «смайликов».

Однако очевидно, что ИИ генерирует тексты с учётом известных гендерных вербальных стереотипов. Это подтверждают обращения к представителям разных полов: красотка, бро, мужик, братан // *dude, buddy, lady, lovely*. Также в текстах, адресованным молодым людям от имени друга, ИИ употребляет разговорные лексические единицы специфической окраски (*kick off* // крутой), чего не обнаруживается в текстах предназначенных девушкам (рис. 6–7).

ChatGPT (16:28:27): Happy 20th Birthday! 🎉🎂 I hope your special day is filled with love, laughter, and unforgettable moments. May this new decade bring you endless joy, success, and happiness. Cheers to many more years of friendship and unforgettable memories. Have a fantastic day, and here's to celebrating you! 🥰🎁

**Р и с у н о к 6. Текст поздравления, сгенерированный ChatGPT,
для девушки от имени подруги**

[Figure 6. ChatGPT-generated greeting text for a girl on behalf of her female friend]

ChatGPT (12:23:19): Hey man, happy 19th birthday! You're officially entering the prime of your life, and I know you're going to rock it! Here's to another year of awesome memories, wild adventures, and endless laughter. May you achieve all your goals and continue to grow into the amazing person you are. Have an epic day and an even more epic year ahead! Cheers, buddy! Копировать

**Р и с у н о к 7. Текст поздравления, сгенерированный ChatGPT,
для друга от имени молодого человека**

[Figure 7. ChatGPT-generated greeting text for a friend on behalf of a male friend]

Согласно гендерным стереотипам, мужчинам присуща рациональность, чёткая логика, твёрдость характера и целеустремлённость, склонность к авантюризму, риску, обладанию чувством юмора, а женщинам – эмоциональность, романтичность, привлекательность и эстетический вкус. Всё это также находит отражение в употреблении ИИ существительных, которые составляют семантическое поле «мужчина» и «женщина». Поле «мужчина»: *приключения, уверенность, возможность, веселье, удача, драйв, оптимизм, задор* // *success, adventures, rock, achieve goals, dude*. Поле «женщина»: *радость, удача, впечатления, любовь, красавица* // *friend, happiness, love, laughter, experiences, lady, achieve things, joy, surprises*.

Выбор прилагательных и наречий демонстрирует гендерные стереотипы в меньшей степени. По сравнению с текстами, написанными людьми, ИИ предлагает более широкий выбор эмоционально окрашенных прилагательных. Мужские для женщин – *особенный, красивее, ярких, новых, невероятных, прекрасной, удивительных* // *amazing, beautiful*, для мужчин – *крутым, новых, интересных, весело* // *wild, endless, epic, awesome, amazing*. Женские для женщин – *круче, яркими, хороших, особенным* // *extraordinary, incredible, remarkable, great, wonderful, cherished, dull, fantastic*, для мужчин – *exciting, unforgettable, bright, awesome*.

В таблице 3 отражены сводные данные по 11 лингвистическим и экстралингвистическим параметрам – от длины сообщения до использования юмора. Такие параметры, как восклицательные знаки, заглавные буквы, эмодзи и эмотиконы, эмоционально-окрашенные прилагательные, сокращения, вводные слова, хеджирование и юмор, даны в терминах относительной частотности (от никогда до часто).

ИИ опирается на доступные ему типичные знания и представления о различиях между мужчинами и женщинами. Однако очевидно, что на данном этапе тексты, сгенерированные ChatGPT, исключают проявление идентичности, не репрезентируют личностные характеристики человека, в них не отражена уникальность индивида. Для того, чтобы добиться от ChatGPT реалистичного, а именно персонализированного сообщения, необходимо в исходный запрос (prompt) внести данные множества личностных характеристик автора текста или адресата.

Т а б л и ц а 3. Результаты сравнительного анализа
[T a b l e 3. Results of comparative analysis]

Особенности	Человек		ИИ	
	мужчины	женщины	мужская репрезентация	женская репрезентация
Длина сообщения	до 8 предложений	до 10 предложений	до 10 предложений	до 10 предложений
Восклицательные знаки	редко	часто	часто	часто
Заглавные буквы	никогда	часто	никогда	никогда
Эмодзи	очень редко	часто	иногда	иногда
Эмотиконы	часто	часто	никогда	никогда
Эмоционально окрашенные прилагательные	редко	часто	часто	часто
Сокращения	часто	иногда	никогда	никогда
Стиль лексических единиц	разговорный, нейтральный	нейтральный	нейтральный	нейтральный
Вводные слова	иногда	никогда	никогда	никогда
Хеджирование	редко	часто	никогда	иногда
Юмор	часто	очень редко	никогда	никогда

3. Заключение [Conclusion]

В ходе исследования была предпринята попытка проследить, описать и проиллюстрировать гендерные различия речевого поведения мужчин и женщин в протоколно-этикетных текстах. Анализ текстов, произведённых мужчинами и женщинами показывает, что длина сообщений у мужчин меньше, нежели у женщин; использование восклицательных знаков и эмотиконов превалирует в сообщениях женского пола. Что касается функционального стиля общения, мужчины предпочитают разговорный стиль с элементами комического, женщины склонны к нейтральному.

Анализ результатов работы с ChatGPT свидетельствует о возможности нейросети учитывать лишь некоторые речевые гендерные стереотипы при выполнении задачи по генерированию текстовой информации. Это наблюдается в выборе формы обращения к лицам разного пола и в примерах употребления разговорной лексики в текстах для мужчин. С помощью существительных и прилагательных, которые традиционно ассоциируются с категориями «маскулинность» и «феминность» нейросеть воспроизводит образ мужчин и женщин.

Выводы, сделанные в работе, могут быть полезны пользователям сервиса, а также могут быть учтены при формулировании запроса (*prompt*) и обработке полученного с его помощью контента. Знание особенностей речевого поведения двух гендеров, манеры речи, способов донесения информации и психологического фона речевого акта становится основой для беспрепятственного взаимодействия и минимизирует непонимание при обмене информацией. Полученные результаты углубляют представление о том, как гендерные аспекты отражаются в языке, и помогают уточнить алгоритм генерации текстов на основе искусственного интеллекта. Современные технические возможности в синергии с гендерным подходом обещают привлекательные перспективы для формирования текстовых моделей, согласно определённому запросу.

Библиографический список

- Божанова, 2012 – Божанова Н. Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы // Вестник ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. 2012. № 5. С. 69–74.
- Беликова, 2009 – Беликова М. В. Синтаксические особенности мужской и женской устной разговорной речи (на материале русского языка) // Вестник КамчатГТУ. 2009. № 8. С. 87–92.
- Горошко, 2002 – Горошко Е. И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций (Опыт качественной интерпретации) // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады Второй Международной конференции. М., 2002. С. 77–86.
- Гендер и язык, 2005 – Гендер и язык / под общ. ред. А. В. Кириллиной. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
- Елемешина, 2010 – Елемешина Ю. А. Проявление гендерных различий на сегментном и супraseгментном уровнях языка // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. 2010. № 592. С. 46–55.
- Ерофеева, 2000 – Ерофеева Е. В. К вопросу о фонетических характеристиках речи мужчин и женщин // Русский язык сегодня: сб. ст. Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 26–32.
- Жельвис, 1991 – Жельвис В. И. Инвектива: мужское и женское предпочтения // Этнические стереотипы мужского и женского поведения: сб. ст. / отв. ред. А. К. Байбурин, И. С. Кон. СПб.: Наука, С.-Петербург. отд-ние, 1991. С. 266–283.
- Земская и др., 1993 – Земская Е. И., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М.: Академия, 1993. С. 90–136.
- Кирилина, 2004 – Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 252 с.
- Ларина, 2016 – Ларина А. Т. Эмоциональный интеллект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5, № 3 (16). С. 275–278.
- Ломова, 2020 – Ломова О. Е. Гендерные особенности выражения эмоций в жанре интернет-дневника // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. №4 (33). С. 280–284.
- Макаренкова, Бузинова, 2024 – Макаренкова М. Д., Бузинова Л. М. Искусственный интеллект в сфере перевода: терминосистема военно-морского флота // Наука и общество в XXI веке: сб. материалов VII Всероссийского (с международным участием) научно-практического форума, Москва, 16–17 ноября 2023 года. М.: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. С. 225–232.
- Платон, 1990 – Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I / под общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. 860 с.
- Потапов, 2000 – Потапов В. В. Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке // Гендер как интрига познания: сб. ст. М.: Рудомино, 2000. С. 151–167.
- Потапов, 2002 – Потапов В. В. Современное состояние гендерных исследований в англоязычных странах // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации // Альманах, Пилотный выпуск. М.: Рудомино, 2002. С. 94–117.
- Потапова, 2000 – Потапова Р. К. Сексолект как составляющая экспертной фоноскопии в криминалистике // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000. С. 135–148.
- Поплевко, Надольская, 2017 – Поплевко А. В., Надольская Е. П. Гендерное различие мужской и женской речи // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. и тезисов X Междунар. науч. практ. конф., Минск, 23 ноября 2016 г. / под ред. Н. Н. Нижнева. В 6 ч. Ч. 2. Минск: БГУ, 2017. С. 87–96.
- Сепир, 1993 – Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / под ред. А. Е. Кибрика; пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
- Шаров, 2012 – Шаров К. С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблема гендерлекта // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 38–51.
- Югова, 2018 – Югова К. О. Гендерная специфика речевого общения англоязычных коммуникантов // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. и тезисов XII Междунар. науч.-практ. конф. Минск: БГУ, 2018. С. 51–55.

- Юнг, 1998 – Юнг К. Г. Избранное / пер. с нем. Е. Б. Глушак, Г. А. Бутузова, М. А. Собоуцкого, О. О. Чистякова / отв. ред. С. Л. Удовик. Минск : Попурри, 1998. С. 155–246.
- Dunbar et al., 1997 – Dunbar R. I. M., Marriott A., Duncan N. D. C. Human conversational behavior // *Human Nature*. 1997. Vol. 8, Iss. 3. P. 231–246.
- Fishman, 1998 – Fishman P. Conversational insecurity // *The feminist critique of language* / ed. by D. Cameron. London and New York : Routledge, 1998. P. 253–260.
- Jespersen, 1998 – Jespersen O. The Woman // *The Feminist Critique of Language* / ed. by D. Cameron. London and New York : Routledge, 1998. P. 225–241.
- Lakoff, 1975 – Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York : Harper, 1975. 83 p.
- Tannen, 1993 – Tannen D. *Gender and conversational interaction*. Oxford : Oxford University Press, 1993. 327 p.
- Trudgill, 1972 – Trudgill P. Sex, covert prestige and linguistic change in the urban British English of Norwich // *Language in Society*. 1972. Vol. 1, Iss. 2. P. 179–195.
- Xiufang, 2012 – Xiufang X. Gender Differences in Using Language // *Theory and Practice in Language Studies*. 2012. Vol. 3, Iss. 8. P. 1485–1489.

References

- Bozhanova, N. G. (2012). Gendernye issledovaniya v lingvistike: istoriya, sovremennost', perspektivy [Gender researches in linguistics: history, modernity, perspectives]. *Vestnik TGU. Ser. Gumanitarnye nauki. Filologiya i iskusstvovedenie. [Tambov University Review. Series: Humanities. Philological Sciences and Art]*, 5, 69–74. (In Russ.).
- Belikova, M. V. (2009). Sintaksicheskie osobennosti muzhskoy i zhenskoy ustnoy razgovornoy rechi (na materiale russkogo yazyka) [Syntactic patterns of male and female casual oral speech (Based on Russian)]. *Vestnik KamchatGTU [Bulletin of Kamchatka State Technical University]*, 8, 87–92. (In Russ.).
- Goroshko, E. I. (2002). *Osobennosti muzhskikh i zhenskikh verbal'nykh assotsiatsiy (Opyt kachestvennoy interpretatsii) [Male and female verbal associations (Qualitative analysis)]*. Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya [Gender: Language, culture, communication]: Proc. 2nd International conf. (pp. 77–86). Moscow. (In Russ.).
- Kirillina, A. V. (Ed.). (2005). *Gender i yazyk [Gender and language]*. Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury Press. (In Russ.).
- Elemeshina, Yu. A. (2010). Proyavlenie gendernykh razlichiy na segmentnom i suprasegmentnom urovn'yakh yazyka [The manifestation of gender differences at the segmental and suprasegmental levels of language]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta [Vestnik of Moscow State Linguistic University]*, 592, 46–55). (In Russ.).
- Erofeeva, E. V. (2000). K voprosu o foneticheskikh kharakteristikakh rechi muzhchin i zhenshchin [Phonetic patterns of male and female speech]. L. P. Krysin (2000), *Russkiy yazyk segodnya [Russian today] : A collection of papers* (Vol. 1, pp. 26–32). Moscow : Azbukovnik Press. (In Russ.).
- Zhelvis, V. I. (1991). Invektiva: muzhskoe i zhenskoe predpochteniya [Invectives: Male and female preferences]. In A. K. Bayburin, I. S. Kon (Eds), *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya [Ethnic stereotypes of male and female behavior] : A collection of papers* (pp. 266–283). St Petersburg : Nauka Press, St Petersburg Department. (In Russ.).
- Zemskaya, E. I., Kitaygorodskaya, M. A., & Rozanova, N. N. (1993). Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Male and female speech patterns]. In E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev (Eds), *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii [Russian language and its functioning]* (pp. 90–136). Moscow : Akademiya Press. (In Russ.).
- Kirilina, A. V. (2004). *Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikatsii [Gender studies in linguistics and the theory of communication]*. Moscow : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Larina, A. T. (2016). Emotsional'nyy intellekt [Emotional intellect]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology]*, 5, 3 (16), 275–278. (In Russ.).

- Lomova, O. E. (2020). Gendernye osobennosti vyrazheniya emotsiy v zhanre internet-dnevnika [Gender and emotion expression in the internet diary genre]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]*, 4 (33), 280–284. (In Russ.).
- Makarenkova, M. D., & Buzinova, L. M. (2024). Iskusstvennyy intellekt v sfere perevoda: terminosistema voenno-morskogo flota [Artificial intelligence in translation: Navy terminology]. *Nauka i obshchestvo v XXI veke [Science and society in 21st century] : Proc. VII All-Russia Forum (With international participation), Moscow, November 16–17, 2023* (pp. 225–232). Moscow : Aleksandr Nevski Military University Press. (In Russ.).
- Platon. (1990). *Sobranie sochineniy v 4 t. : T. I* [A collection of works in 4 volumes : Vol. 1]. Translated from ancient Greek. Ed. by A. F. Losev et al. Moscow : Mysl' Press. (In Russ.).
- Potapov, V. V. (2000). Popytki peresmotra gendernogo priznaka v angliyskom yazyke [English gender pattern revised]. *Gender kak intriga poznaniya [Gender as a cognitive intrigue] : A collection of papers* (pp. 151–167). Moscow : Rudomino Press. (In Russ.).
- Potapov, V. V. (2002). Sovremennoe sostoyanie gendernykh issledovaniy v angloyazychnykh stranakh [Modern gender studies in English-speaking countries]. *Gender kak intriga poznaniya. Gendernye issledovaniya v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikatsii. Al'manakh, Pilotnyy vypusk [Gender as a cognitive intrigue. Gender studies in language, literature and communication theory. Almanac. Pilot issue]* (pp. 94–117). Moscow : Rudomino Press. (In Russ.).
- Potapova, R. K. (2000). Seksolyekt kak sostavlyayushchaya ekspertnoy fonoskopii v kriminalistike [Sexology as a part of expert phonoscopy in criminal studies]. *Gender kak intriga poznaniya [Gender as a cognitive intrigue] : A collection of papers* (pp. 135–148). Moscow : Rudomino Press. (In Russ.).
- Poplevko, A. V., & Nadol'skaya, E. P. (2017). Gendernoe razlichie muzhskoy i zhenskoy rechi [Differences in male and female speech]. In N. N. Nizhnev (Ed.), *Idei. Poiski. Resheniya [Ideas, search, solutions] : Proc. X International Conf., Minsk, November 23, 2016*. In 6 parts. Part. 2 (pp. 87–96). Minsk : BGU Press. (In Russ.).
- Sapir, E. (1993). *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii [Selected works on language and cultural studies]*. Translated from English. Ed. by A. E. Kibrik. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Sharov, K. S. (2012). Muzhchiny i zhenschiny v verbal'noy kommunikatsii: problema genderlekta [Men and women in verbal communication: The problem of gender intelligence]. *Voprosy filosofii [Topics in Philosophical Studies]*, 7, 38–51. (In Russ.).
- Yugova, K. O. (2018). Gendernaya spetsifika rechevogo obshcheniya angloyazychnykh kommunikantov [Gender specifics of verbal communication of native English speakers]. *Idei. Poiski. Resheniya [Ideas, search, solutions] : Proc. XII International Conf.* (pp. 51–55). Minsk : BGU Press. (In Russ.).
- Jung, C. G. (1998). *Izbrannoe [Selected works]*. Translated from German by E. B. Glushak, G. A. Butuzov, M. A. Sobut'skogo, O. O. Chistyakov. Ed. by S. L. Udovik (pp. 155–246). Minsk : Popurri Press. (In Russ.).
- Dunbar, R. I. M., Marriott, A., & Duncan, N. D. C. (1997). Human conversational behavior. *Human Nature*, 8 (3), 231–246.
- Fishman, P. Conversational insecurity // The feminist critique of language / ed. by D. Cameron. London and New York : Routledge, 1998. P. 253–260.
- Jespersen, O. (1998). The Woman. In D. Cameron (Ed.), *The Feminist critique of language* (pp. 225–241). London and New York : Routledge, 1998.
- Lakoff, R. (1975). *Language and Woman's Place*. New York : Harper, 1975. 83 p.
- Tannen, D. (1993). *Gender and conversational interaction*. Oxford : Oxford University Press.
- Trudgill, P. (1972). Sex, covert prestige and linguistic change in the urban British English of Norwich. *Language in Society*, 1 (2), 179–195.
- Xiufang, X. (2012). Gender Differences in Using Language. *Theory and Practice in Language Studies*, 3 (8), 1485–1489.

Завьялов Виктор Николаевич✉, Хэ Цзэ
Тихоокеанский государственный университет
г. Хабаровск, Российская Федерация
victorzoff@list.ru

Союз *или* в русских говорах Приамурья

Аннотация

В статье исследуются конструктивные и коммуникативно-прагматические свойства союза *или* в русских говорах Приамурья. Цель заключается в анализе видов конструкций с *или*, характеристике их морфологосинтаксических свойств, а также в описании наиболее типовых коммуникативно-прагматических ситуаций, в контексте которых этот союз используется диалектоносителями. Материалом для исследования послужило более 300 содержащих указанный союз контекстов, отобранных методом сплошной выборки из второго издания «Словаря русских говоров Приамурья». В ходе исследования применялись описательный, количественный, сравнительный, семантический методы, а также коммуникативно-прагматический анализ. В результате установлено, что конструктивные свойства союза *или* в русских говорах Приамурья в целом совпадают с его характеристиками и при употреблении в стандартном русском языке. Специфика конструкций с *или* в говорах определяется лишь условиями их функционирования – диалектной разговорной речью. В силу этого в сочинённых членах наблюдается повышенная частотность местоимённых словоформ с неопределённой семантикой. Используя данные словоформы, говорящий сообщает о том, что существует неопределённое количество альтернатив для решения той или иной коммуникативной задачи. Коммуникативно-прагматические свойства союза *или* определяются реалиями жизни диалектоносителей, в которых отражается их сельскохозяйственная, промысловая, ремесленная и прочая деятельность.

Ключевые слова: союз, синтаксис, конструкция, говор, альтернатива, пояснение, прагматика

© Завьялов В. Н., Хэ Ц. 2025

Для цитирования: Завьялов В. Н., Хэ Ц. Союз *или* в русских говорах Приамурья // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 33–45. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-33>

Victor N. Zavyalov✉, He Ze
Pacific National University
Khabarovsk, Russian Federation
victorzoff@list.ru

Conjunction *ili* 'or' in the Russian dialects of the Amur Region

Abstract

The article examines constructive and communicative-pragmatic properties of the conjunction *ili* 'or' in the Russian dialects of the Amur Region. It aims to analyze the types of constructions with *ili*, their morphological and syntactic features, as well as to describe typical communicative-pragmatic situations where the contexts with the conjunction are used by the Amur dialect speakers. Over 300 contexts containing the conjunction were selected by continuous sampling from the second edition of “The dictionary of the Russian dialects of the Amur Region”. To process the material, descriptive, quantitative, comparative, semantic and communicative-pragmatic methods were used. As a result, it was found that the constructive properties of the conjunction *ili* in the Russian dialects of the Amur Region generally coincide with its properties in Standard Russian. The specificity of the constructions with *ili* in dialects is determined only by the conditions of their functioning – the dialects themselves. Therefore, there is an increased frequency of pronominal word forms with indeterminate semantics

in the composed sentence parts. Using these forms, the speaker reports that there is an indefinite number of alternatives for solving a particular communicative task. The communicative and pragmatic properties of the conjunction are determined by the realities of the dialect speakers' lives reflecting their agricultural, commercial, handicraft and other activities.

Keywords: conjunction, syntax, construction, dialect, alternative, explanation, pragmatics

© Zavyalov V. N., He Z. 2025

For citation: Zavyalov, V. N., & He, Z. (2025). Soyuz *ili* v russkikh govorakh Priamur'ya [Conjunction *ili* 'or' in the Russian dialects of the Amur Region]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 33–45. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-33>

1. Введение [Introduction]

Настоящая статья продолжает исследование средств сочинительной связи в русских говорах Приамурья, начатое в [Завьялов, Хэ, 2024]. Русские говоры Приамурья (далее – РГП), северорусские в своей основе, сложились на «монодиалектной основе в условиях длительного междиалектного контактирования» [РГП, 2011, с. 7] и в настоящее время являют собой «койне, сплав материнских забайкальских говоров XIX в.» [Там же] (см. также [Оглезнева, 2003]). Подробнее о формировании РГП, их изучении, а также о фонетических, лексических, морфологических, синтаксических и коммуникативно-прагматических особенностях см. в [Кирпикова, 2004; Оглезнева, 2005; РГП, 2011; Галуза, 2013; Архипова, 2017; Приходько, 2022; Лагута, 2024; Садченко, 2024]. Различные материалы, касающиеся как современного состояния РГП, так и их истории, представлены в периодическом фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово» [Оглезнева, Архипова, 2024].

В центре нашего внимания находится союз *или*, а именно конструктивные и коммуникативно-прагматические свойства данного союза. Цель заключается в анализе видов конструкций с *или*, характеристике их морфолого-синтаксических свойств, а также в описании наиболее типовых коммуникативно-прагматических ситуаций, в контексте которых этот союз используется диалектоносителями. Актуальность работы определяется необходимостью не только дальнейшего исследования указанной стороны языковой действительности в РГП, но и соотнесения её с соответствующими аспектами современного русского литературного языка, что будет способствовать формированию более системных представлений о синтаксической системе русского национального языка в целом.

Союз *или* является базовым разделительным союзом в современном русском литературном языке. Его описанию (как в общих, так и частных аспектах) посвящены многочисленные исследования [Урысон, 2000; Шереметьева, 2001; Ананьева, 2005; Санников, 2008; Кручинина, 2009; Пекелис, 2012; Рябова, 2020; Давидюк, 2024 и др.]. Однако этот союз ещё не был объектом специального научного изучения не только применительно к русским говорам Приамурья, но и в диалектологических исследованиях в целом. Проблема исследования средств синтаксической связи в русских диалектах была поставлена ещё в середине 50-х гг. прошлого века [Шапиро, 1953], но фундаментальных работ в этом направлении, где в той или иной мере затрагивался бы союз *или*, крайне мало [Петрунина, 2008; Гусева, 2009].

Наше исследование выполнено в русле Дальневосточной синтаксической школы, положения которой изложены в трудах [Прияткина, 2007, с. 133–350; Прияткина, 2019, с. 38–116], а также в работах, направленных на расширенное лексикографическое пред-

ставление служебных единиц [Словарь служебных слов..., 2001; Служебные слова..., 2017; Лексикографические портреты..., 2022 и др.]. Центральным для описания союзов в концепции Дальневосточной синтаксической школы является понятие их конструктивных свойств, под которыми понимаются «формальные признаки того синтаксического построения, которое союз образует и границы которого в конечном счёте определяются им же, как выразителем того или иного типа отношения» [Прияткина, 2007, с. 238–239]. Всё это находит выражение через типовую союзную конструкцию, за которой «стоят реальные речевые построения, и, следовательно, конструкция – это факт языка» [Шереметьева, 2014, с. 20]. В статье также используются сведения о союзе *или*, полученные специалистами в области изучения средств синтаксической связи.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В статье используется языковой материал из второго издания «Словаря русских говоров Приамурья» [СРГП, 2007], в основе которого лежит переработанное и дополненное первое издание [СРГП, 1983]. Поиск необходимых фактов осуществлялся во взаимодействии с типографическим изданием [СРГП, 2007] и электронной версией словаря [СРГП, 2007 э]. В статье сохраняются первичные географические данные используемых примеров, расшифровка которых дана на соответствующих страницах изданий словаря [СРГП, 2007, с. 16–18; СРГП, 2007 э, с. 12–14]. В статье применяются описательный, количественный, сравнительный, семантический методы, а также коммуникативно-прагматический анализ. Приоритетной задачей было формирование интегральной картины функционирования союза *или* в РГП (см. об интегральности лингвистических описаний в [Апресян, 2006, с. 41–52]) с учётом антропоцентричности диалектного слова как такового, которая «предполагает глубинное постижение языка традиционной духовной культуры» [Вендина, 2020, с. 17]. Материал был отобран методом сплошной выборки из указанного словаря. Всего для анализа было взято более 300 контекстов с союзом *или*.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Согласно имеющимся лексикографическим данным *или* – основной разделительный союз в РГП. Сочинительный союз *или* относится к классу союзов, «вводящих представление о множестве альтернатив» [Урысон, 2000, с. 438]. Союз функционирует в двух семантико-синтаксических вариантах: как альтернативно-разделительный и как пояснительно-разделительный.

2.2.1. Альтернативно-разделительный *или* [Alternative-disjunctive *ili*]

В предложениях-высказываниях с альтернативно-разделительным *или* сообщается о том, что имеет место выбор из пропозиционально оформленных предметов, признаков или событий. Это проявляется через конструктивные и коммуникативно-прагматические свойства данного *или*.

Конструктивные свойства. Альтернативно-разделительный *или* может организовывать связь как непредикативных, так и предикативных словоформ. Каждый вид конструкций характеризуется своими морфолого-синтаксическими особенностями.

А. Связь непредикативных словоформ. Соединения различных имён (субстантивных, адъективных, нумеративных), местоимений, наречий, атрибутивных глагольных словоформ (причастий, деепричастий), а также инфинитива. Основным выразителем данного синтаксического построения является конструкция РЯД.

РЯД. В данной конструкции сочинённые словоформы соподчиняются общему члену, который может располагаться как контактно по отношению к ним, так и дистанцироваться от них в синтаксической структуре высказывания.

Субстантивные ряды функционируют в виде словоформ в различных падежах, с предлогами и без предлогов: *Борщ варили из лебеды или из молоканки, травы такой* (Серышево); *Берёшь наплáv или сушинку и привязываешь на поводок* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.); *Шили с простой кожи, одевали, вдёргивали ниточку или верёвочку и затягивали* (Благовещ.). Амур. (Благ.).

Адъективные ряды включают в себя словоформы, называющие качественный, относительный или притяжательный признаки: *Чунча – ткань, похожая на шелк, белая или желтоватая* (Вен. Вяз.); *Напалок шьют на указательный палец, кожаный или тряпочный* (Алб. Скв.); *Дактоны шили – чулки из собачьей или козьей шкуры, для теплоты* (Джл. Скв.).

Нумеративные ряды представлены словоформами, репрезентирующими количественные отношения между сочинёнными членами: *Борноволок – малолетка, подросток. Он боронил на трёх или четырёх лошадях* (Джл. Скв.); *Суслоны ставили по шесть снопов или по восем, а девятым закрывали* (Башур. Облuch.); *Были у нас на хозяйстве и двухрожки и трехрожки: вилы с двумя или с тремя рогами* (Джл. Скв.); Амур. (Скв.).

Помимо собственно нумеративных словоформ, т. е. состоящих из числительных, имеет место употребление субстантивных лексем, включающих в себя количественную семантику (*час, месяц, год* и др.): *Просватают и на сколь там отлаживают – на месяц или на два свадьбу* (Черн. Магд.). Амур. (Магд.); *Забайкальцы звали его борокчán, а мы – саск, год ему или полгода; Уповод в час или в половине второго – перерыв на обед в поле, обеднев время* (Голов. Бир.). Хаб. (Бир.).

Адвербиальные ряды представлены преимущественно наречными словоформами со значением времени: *Ты сёдни приехала или уже дивненько?* (Н.-Андр. Б ел.). Амур. (Бел.); *Поливать утром пораньше или вечером, а днем нельзя, а то запарится всё* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.); *Утром или днём ветерочек холодный движется, это в зимнее время хиузом называется* (Уш. Шим.).

Атрибутивные ряды, т. е. состоящие из причастий и деепричастий, не зафиксированы, что является свидетельством в пользу того, что данные словоформы – это прежде всего явление письменной речи.

Инфинитивные ряды с инфинитивом как членом синтаксического ряда зафиксированы лишь в отдельных примерах в контаминации с другими частеречными словоформами: *Она у нас будётся, надо её сдать или на мясо* (Джл. Скв.). Однако допустимо преобразование данного ряда в инфинитивный (ср.: *сдать или забить*), что говорит о возможности более широкого использования инфинитива в подобной функции в РГП.

Распространены конструкции, в которых один из членов ряда (обычно второй) представлен местоимённой словоформой (как литературной, так и простречной) со значением неопределённости: *А ежик что не так, так целым куском поставят мясо или там ешио чё* (Черн. Магд.). Амур. (Магд.); *Говорят: Набурдучишь чушкам хлеба или чего* (Покр. Бик.); *Чугунку поставишь в печку или так* (Кас. Арх.); *Сам-то муж всегда при себе кладешок носил, где чё обрéзать или ешио чё* (Джл. Скв.); *Недоволен жизнью или чем-то – сбуривает, говорили* (Калин. Мих.); *Раскатаёшь сочни, сделаешь належку из гречухи, творогу или другой какой крупы* (Внц. Вяз.) и т. д.

Возможно также инициальное употребление местоимённой словоформы: *Приветник был дедушка. Чтоб он плохо сказал о ком-то или на детей* (Ник-ка Сמיד.). (Амур. Сמיד.). Подобные смешанные конструкции могут быть и с другими частями

речи, но во всех случаях имеет место денотативная общность между членами синтаксического ряда: *Гнать клин – это большие чурки клином раскалывают. А делают его из железа или берёзовый* (Джл. Скв.) (корреляция по материалу); *Приветник был дедушка. Барахлявый – если одет плохо или никудышный* (Покр. Бик.). Хаб. (Бик.) (корреляция по негативным свойствам). Возможно употребление обобщающего слова или сочетания слов: *Стопу срубил или струб срубил – всё равно, потом крышу делашь* (Черн. Магд.).

Союз *или* употребляется в РГП в конструкции РЯД в основном как одиночный. Однако отдельные случаи повторяющегося (многоместного) его употребления также имеют место: *На удочку наплавочек или из пробки, или из пёрушка* (Чесн. Мих.). Амур. (Мих. Шим.); *Или больной или старый. Он уже ничё не понимает, чуры на знат в еде* (Н.-Андр. Бел.).

Б. Предикативные конструкции. Имеется два вида предикативных конструкций: моносубъектная (МСК) и полисубъектная (ПСК). В их составе функционируют словоформы, являющиеся носителями предикативного признака. Как правило, это глагольные словоформы индикатива.

МСК. В МСК соположенные предикативные глагольные словоформы относятся к единому субъекту, который нерелевантен для их грамматических свойств, поэтому данная конструкция является двучленной: *Одёнки отбрасывали или постилали животным* (Рад. Облуч.); *Смольё наготовишь, потом в камине горит, и сидишь, шьёшь или вяжешь – так ярко горит. Видно и тепло* (Анос. Шим.); *Раньше наконечники вышивали, кисти делали или пришивали покупные наконечники* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) и т. д.

ПСК. В данной конструкции соположенные словоформы относятся к разным субъектам, но, в целом, также образуют двучленное построение: *Там, где кто уж работал: на пекарке хлеб пекли, или на куфне уж варишь* (Е.-Ник. Окт.). Хаб. (Окт.); *Если бревно шестерят, получается серёдошек – голтина, она идёт на дрова, или в лесу бросают* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.); *Ходили на ростань, гадали: собака злат или корова змычит – там и жених, в той стороне* (Ам. Окт.). Хаб. (Окт.) и т. д.

Возможно также и присоединительное употребление союза *или* (исходя из пунктуационного оформления диалектологом записи): *Копны возили шмыком – палка длинная. Или подхватили шмыком копну и носили* (Черн. Магд.); *Делали туезки, туезы и больший туеза делали. Или там простокваша – возили в туезках* (Ам. Окт.). Используя такие конструкции, говорящий демонстрирует, что главным для него, с точки зрения конкретности семантики, является первый член конструкции, в то время как второй является дополнительным.

В МСК и ПСК также возможно повторяющееся употребление союза *или* и его взаимодействие с неопределённой местоимённой словоформой: *Выстрелишь: или промахнул, или убил* (Над.); *Багулу попить надо, когда голова болит или кто кашляет* (Поярк. Мих.); *Остряк – скол дерева, или грозой его отщипнуло, или ещё как – вот и остался остряк* (Джл. Скв.).

Таковы в целом конструктивные свойства альтернативно-разделительного союза *или*. Можно сделать вывод, что они не выходят за пределы литературной нормы, хотя их лексическое наполнение отражает особенности диалектной речи.

Коммуникативно-прагматические свойства. Эти свойства союза *или* определяются пропозициональными особенностями дискурса, в котором функционируют организуемые им конструкции. Для нарратива диалектоносителя характерны «представления о родовидовых и структурных особенностях предметного мира, т. е. таксономические представления» [Мызникова, 2015, с. 227]. В сочинённых или пропозициях, отражаются различные реалии трудовой, сельскохозяйственной, ремесленной, промысловой, бытовой и пр. деятельности диалектоносителей.

А. Субстантивные пропозиции. Предметом описания субстантивных пропозиций может быть (см. также примеры, приведённые выше):

– техническая деятельность (орудия труда, приспособления для работы): *Бабка – это где литовку отбивали: на камне или на железном бруске* (Взм. Вяз.); *Сбоку баклушечка подделана к обручу, чтобы штырь не вылетал или ручка* (Уш. Шим.). Амур. (Шим.), *Берётся напильник, камень, вата или нитка и высекается огонь* (Ин-ка Арх.);

– ремесленная деятельность (одежда, обувь, аксессуары): *Шили с простой кожи, одевали, вдёргивали ниточку или верёвочку и затягивали* (Благовещ.). Амур. (Благ.), *Хивари из тряпки или сукна пришивали к олочам, как голяшка* (Черн. Магд.), *Из козьей шкуры шили доху или куртку, шерстью наружку* (Калин. Мих.);

– промысловая деятельность (охота и рыбалка): *Берёшь наплáv или сушинку и привязываешь на поводок* (Алб. Скв.), *На удочку наплавочек или из пробки, или из пёрушка* (Чесн. Мих.), *Давяж – груз килограмм на десять – пятнадцать – доска или бревно, оно давит зверька* (Лерм. Бик.);

– сельскохозяйственная деятельность: *Овершьё всегда наверху – травой сырой или сеном завершают* (Алб. Скв.), *По-над борознами семечки или кукурузу садили* (Кн-ка Кнст.), *Гумно, ток или круглый настил настелешь и мотовилом бьёшь* (Е.-Ник. Окт.);

– кулинарная деятельность: *Шаньги накачаешь творогом или картошкой и накручиваешь* (Черн. Магд.), *В ланочек солили чё-нибудь, варенье туды или компот* (Е.-Ник. Окт.). Хаб. (Окт.), *Талу мы делали с тайменя или с осётра* (Черн. Магд.) и т. д.

Б. Адъективные пропозиции. Данные пропозиции отражают признаковые особенности субстантивов, а именно:

– цвет: *Розовым или красным светёт, такой свет красивый, лис широкий, кустом растёт* (Союз. Окт.), *Это красная шерстяная шаль с чёрными или синими полосками* (Н. Буз. Своб.); *Чунча – ткань, похожая на шелк, белая или желтоватая* (Вен. Вяз.);

– оценочные свойства (съедобный / несъедобный; хороший / плохой): *Собачья ягода – ядовитая или несъедобная ягода* (Пуз. Окт.), *Я же понятия не знаю, какие они есть – едомые или неедомые. Отравиться можно* (Уш. Шим.), *На всяку огородину говорят – ушлая или неушлая* (Н.-Андр. Бел.);

– материал (кожа, шерсть, дерево, железо): *Юхтá – чёрная кожа: шерсть снимаешь с коровьей или свиной шкуры, в квасу поддержишь – она и чёрна* (Уш. Шим.), *Самая прочная шерсть – барловая или ягодная. Осенью бывает* (Джл. Скв.), *Таловые или берёзовые кольца вили, ими связывали плоты* (Войк. Кнст.), *Втулка могла быть и железной или деревянной* (Джл. Скв.), *Рукавицы из конской кожи, оленьей или из кожи сохатого – лосинки* (Калин. Мих.) и т. д.

Ситуации, представленные в пропозициях, сочинённых альтернативно-разделительным *или*, свидетельствуют о том, что практически весь жизненный уклад диалектоносителей был связан в первую очередь с борьбой за существование в тяжёлых природных и климатических условиях региона, куда они прибыли в результате переселения.

2.2.2. Пояснительно-разделительный *или* [Explanatory-disjunctive *ili*]

Вопрос о взаимоотношении категорий разделительности и пояснения в союзе *или* является дискуссионным. Грамматическая природа лексем, выражающих пояснение (*то есть, а именно, как-то, в смысле, или* и др.) является спорной, и их нередко квалифицируют как группу «промежуточную между сочинительными и подчинительными союзами» [Прияткина, 2007, с. 181]. Е. С. Шереметьева говорит о двух семантико-синтаксических вариантах этого союза – разделительном и пояснительном [Шереметьева, 2001, с. 123–131]. В. И. Чуглов также выводит пояснительный *или* за рамки разделитель-

ности, ибо, как он полагает, «пояснительный союз “или” сохраняет сему альтернативно-сти, но лишь применительно к названиям одного объекта» [Чуглов, 2012, с. 296] (см. также [Чуглов, 2013]).

В свою очередь, мы полагаем, что пояснительный *или* является в основе своей разделительным союзом, т. е. пояснительно-разделительным. Разница между альтернативно-разделительным и пояснительно-разделительным значениями *или* заключается лишь в том, что в одном случае имеются альтернативы, требующие выбора между реалиями, а в другом – наличествует тождество между различными названиями одной реалии, но при этом не отменяется априори проблема выбора между ними говорящим или слушающим, т. е. их альтернативность.

Пояснение как синтаксическая категория на материале русских говоров Сибири было подробно исследовано С. П. Петруниной [Петрунина, 2008], которая, в частности, отмечает, что с целью «метаперевода, характерного для спровоцированных диалектологом “пояснительных контекстов”, в диалекте, как и в современном литературном языке, употребляется союз “или”» [Петрунина, 2008, с. 83]. Это характерно и для РГП.

Конструктивные свойства. Пояснительно-разделительный *или*, так же, как и альтернативно-разделительный, может связывать непредикативные и предикативные словоформы, но связь эта имеет свои морфолого-синтаксические особенности. При этом пояснение может быть как в виде отдельной лексемы, так и в виде фонетического (паронимического) варианта поясняемой лексемы.

А. Связь непредикативных словоформ. Непредикативные словоформы в конструкции с пояснительно-разделительным *или* представлены в РГП исключительно именными рядами.

РЯД. Данная конструкция является основной при выражении пояснительно-разделительных отношений:

Вяжешь сетку с очком в пять сантиметров – пятёрка, три сантиметра – тройка, или тридцатка (Пашк. Облuch.); *Нахлёстка, или нащеп, сверху ложится на копыл* (В.-Благ. Благ.); *Сюдь за вошкур привязывали, или за пояс* (Е.-Ник. Окт.); *Дома носили чибрики, или опорки* (Лен. Арх.); *Грузовая телега есь для сена, соломы – дрожки, или ридванка* (Калин. Мих.) и т. д.

Предложения-высказывания нередко сопровождаются ссылкой на то, как называли раньше или называют сейчас поясняемое понятие: *На головах платочки носили, фальшонки, или косинки их звали, а я всё больше голоушей ходила* (Алб. Скв.); *Плашка называлась раньше, или кулёмка, на колонка* (Чесн. Мих.). Амур. (Мих); *Шканти, или кант, – кто как назовёт* (Уш. Шим.).

При этом говорящий зачастую подчёркивает тождество всех членов пояснительного ряда: *Трунда, или мочажина, – одно и то же. Вода начинает к осени вылазить, где места мягкие* (Н.-Вскр. Шим.); *Простушка, или крылатка, – одинаково косилка* (Поярк. Мих.); *Задник, или запятник, – одно и то же* (Алб. Скв.).

Говорящий может разъяснять, в чём именно заключается тождество пояснительно-разделительных пропозиций: *Две дуги – одёр, или облако, два равных бруска сколачиваются* (Мар. Облuch.).

Тождество может быть и неполным, о чём также сообщается говорящим: *Рёлка, или елань, – одно и то же, только елань в большом масштабе, а рёлка – в малом* (Джл. Скв.).

Речь идёт о понятиях «рёлка» и «елань» как о «сухих возвышенных местах, островках среди болота или заболоченной местности» (см. [СРГП, 2007, с. 130–131, 381]). Исходя из комментария диалектоносителя, при всей функциональной тождественности понятия эти отличаются друг от друга размерами в соотношении «больше / меньше».

Неполное тождество лексем *рёлка* и *елань*, при сохранении между ними семантики пояснительности, является дополнительным аргументом в пользу выделения альтернативно-пояснительного варианта разделительного союза *или*.

Пояснение может быть представлено и более чем одной словоформой, в том числе и местоимённой с неопределённо-количественной семантикой: *Куры сидят на вёшалке, или на шесте, на сидале* (Заг. Сел. Своб.); *Сидало, или шесток, а кто наишёт называет* (Заг. Сел. Своб.); *Кто как назовёт, складешок, или как кто* (Джл. Скв.). В функции пояснения может быть несколько членов ряда с замыкающим *или*, совмещающим альтернативно- и пояснительно-разделительные функции: *Ручка – это косилище, черень или косилище – всё одно* (Ин-ка Арх.). Амур. (Повсем.). Хаб. (Бир. Лен. Облuch. Окт.).

Данные примеры свидетельствуют о том, что в РГП развита система различных наименований одних и тех же понятий.

Адъективные ряды представлены менее частотно, чем субстантивные, но также являются достаточно регулярными: *В пекарне хлеб не выкис – он солодкий хлеб, или солодёлый* (Н.-Вскр. Шим.); *Коня, который впереве идет, называли коренной, или гусевой* (Алб. Скв.) *Горючие раньше бусы были, или янтарные их называют* (Ин-ка Арх.).

Возможны и другие непредикативные ряды с пояснительно-разделительным *или*, но, исходя из когнитивных и онтологических оснований, субстантивные и адъективные ряды являются основными, ибо пояснение как таковое ориентировано прежде всего на предметно-признаковые реалии.

Б. Связь предикативных словоформ. Конструкции с предикативными словоформами, находящимися в пояснительных отношениях, являются в русском языке очень редкими. Е. С. Шереметьева отмечает, что данные типы конструкций пояснительный *или* может организовывать только в сочетании с уточнителями: «*Вы всё отрицаете, или, выражаясь точнее, вы всё разрушаете* (И. Тургенев)» [Шереметьева, 2001, с. 129]. В лексическом материале РГП подобные факты нами не зафиксированы.

Таким образом, пояснительно-разделительный *или* организует в РГП в первую очередь субстантивно-адъективные ряды, а его функционирование в предикативных рядах возможно при определённых синтаксических условиях, но при этом имеет специфический характер.

Коммуникативно-прагматические свойства. Эти свойства пояснительно-разделительного *или*, как и в случае с альтернативно-разделительным *или*, связаны с именованиями предметов, относящихся к трудовой деятельности (технической и сельскохозяйственной), различным промыслам, бытовым нуждам (пища, одежда, аксессуары). Поясняться в плане тождества могут (см. также примеры, приведённые выше):

– орудия труда, инструменты, устройства и их части: *Центробежка, или медогонка, для качки мёда, значит* (Ст. Окт.); *Делевая иголка, или челнок, им и вяжешь сеть* (Н.-Вскр. Шим.), *У самопрялки ступня, или лапа, она оборот даёт* (Заб. Вяз.);

– технические и бытовые приспособления: *Против вырубает стужен, или скрепляющий головочный взёк* (Заг. Сел. Своб.), *Здесь называют нашест, или седело, это где куры сидят* (Ин-ка Арх.), *Побегало, или барашек, ешио зовут, по ём кольцо разворáчиватся* (Е.-Ник. Окт.);

– сельскохозяйственная деятельность: *Накосишь, а потом укладываешь в закалины, или в закалы* (Моск. Своб.), *У литóвки ручка косьём, или окóсьем, называются* (Н.-Вскр. Шим.), *Картошку копали копарульками, а сейчас делают из проволоки скребушки, или царапульки* (Алб. Скв.);

– различные постройки и строительные приспособления: *Череповые брёвна – это верхняя обвязка, а на них стропила, или быки (Войк. Кнст.), Крышу крыли бере-*

стом, или поскальником (Черн. Магд.), *Это сідьба, или ла́баз, но ла́баз всегда крытый* (Заг. Сел. Своб.) (относительное тождество, как и в случае с лексемами «рёлка» и «елань»);

– охотничьи и рыболовные снасти: *На шлѣналку ловили, или на мышку* (Калин. Мих.), *Плашка называлась раньше, или кулѣмка, на колонка* (Чесн. Мих.), *Пока́ты бы-ли, или рыбальные снасти* (Кас. Арх.). Амур. (Арх.);

– топографические реалии: *Перелив, или пере́кат, ме́лко место в реке* (Нев. Ла-зо), *В протоках вода проса́чивается или в ли́вах, кода́ они просыхают, курганами зовут* (Алб. Скв.), *Западина, западок или распа́док – это одно и то же* (Джл. Скв.);

– названия рыб или животных: *Конѣк, или троегуб – да он стеной стоит* (Уш. Шим.), *Квочкой, или наседкой, называли у нас курицу, которая высиживает цыплят* (Кас. Арх.), *Гольян, он и счас в озѣрах-то, ротаном всё зовут, или озѣрник* (Наг. Окт.);

– гастрономические аспекты: *Любили квашу́, или кулагу, в него макали хлебом* (Арк. Арх.), *Сѣдни хлебали ша́рбу. Рыбный суп – это ша́рба, или уха* (Рад. Облuch.), *В блюде наложишь ма́сличка, тряпочку обмакнёшь, вот и каганка, или каганец, зовут* (Н.-Вскр. Шим.);

– одежда, обувь, аксессуары: *Чеве́рички, или тапочки, шили из простой кожи* (Благовец.), *В оло́чи накладывают ко́чмы, или стельки из шио́тки, такая трава шио́тка есь* (Пашк. Облuch.), *На головах платочки носили, фальшонки, или косинки их звали, а я всё больше голоушей ходила* (Алб. Скв.) и т. д.

Анализ коммуникативно-прагматических аспектов пояснительно-разделительного *или* в РГП показал, что, как и в русских говорах Сибири (см.: [Петрунина, 2008]), пояснительные отношения, наличествующие в грамматике говорящего и слушающего, обусловлены нарративом диалектной личности, направленным на диалектолога, т. е. на слушающего, при котором непонятные лексические единицы должны быть растолкованы или пояснены.

3. Заключение [Conclusion]

В результате проведённого исследования установлено, что союз *или* в РГП выражает те же значения и организует такие же конструкции, что и в русском литературном языке. Однако исходя из дискурса, в котором были зафиксированы те или иные факты употребления союза *или*, – диалектологического, т. е. разговорного нарратива, в конструкциях с союзом *или* выявлены отдельные факты нарушения лексико-грамматического параллелизма сочинённых словоформ, а также использование неопределённо-количественных местоимённых лексем для завершения синтаксического ряда, организованного союзом *или*. Кроме того, на материале РГП были рассмотрены альтернативно-разделительные и пояснительно-разделительные ряды словоформ в контексте единого разделительного союза *или*.

Анализ коммуникативно-прагматического пространства высказываний с союзом *или* показал, что с помощью данного союза репрезентируются разделительные альтернативы и пояснения-тождества характерные для бытового уклада и трудовой деятельности носителей диалектной картины мира. Это прежде всего повседневные реалии, с которыми диалектоносители постоянно имеют дело: сельское хозяйство, охота, рыболовство, техническая и ремесленная деятельность – всё, что имеет к ней то или иное отношение, ибо «диалектное слово является яркой иллюстрацией творческого восприятия реальности, наблюдательности человека, чей опыт и знания нашли своё отражение в языке» [Вендина, 2020, с. 655].

Результаты проведённого исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении средств синтаксической связи в русских говорах Приамурья.

Библиографический список

- Ананьева, 2005 – Ананьева О. А. Полипредикативные разделительные предложения с союзом или: строение и семантика : дис. ... канд. филол. наук ; СГУ. Самара, 2005. 222 с.
- Апресян, 2006 – Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. 912 с.
- Архипова, 2017 – Архипова Н. Г. Старообрядцы Амурской области : история и особенности языкового существования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). Ч. 3. С. 52–56.
- Вендина, 2020 – Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. 684 с.
- Галуза, 2013 – Галуза О. Ю. Диалектная лексикография Приамурья: становление и современное состояние // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 41–47.
- Гусева, 2009 – Гусева Е. Р. Союзы севернорусских говоров (состав, семантика, структура) : дис. ... канд. филол. наук. ; ПГУ. Петрозаводск, 2009. 267 с.
- Давидюк, 2024 – Давидюк Т. И. Лично-числовое согласование с подлежащими, сочиненными союзами или и «или...или» : экспериментальное исследование // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-1 (57). С. 361–365.
- Завьялов, Хэ, 2024 – Завьялов В. Н., Хэ Ц. Противительные союзы а, но, да в русских говорах Приамурья (коммуникативно-прагматический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 27–41.
- Кирпикова, 2004 – Кирпикова Л. В. К истории формирования русских говоров Приамурья // Народное слово Приамурья : сб. статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск : БГПУ, 2004. С. 9–19.
- Кручина, 2009 – Кручина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. 2-е изд., испр. М. : URSS, 2009. 209 с.
- Лагута, 2024 – Лагута Н. В. Адъективная лексика, репрезентирующая пространственные отношения в русских говорах Приамурья // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 71–78.
- Лексикографические портреты, 2022 – Лексикографические портреты служебных слов: / отв. ред. Е. А. Стародумова, Е. С. Шереметьева, В. Н. Завьялов. Владивосток : ДВФУ, 2022. 322 с.
- Мызникова, 2015 – Мызникова Я. В. Адресат и адресант в диалектном дискурсе // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : Междунар. конф. (V Бодуэновские чтения): труды и материалы. Казань : КПФУ, 2015. Т 2. С. 227–230.
- Оглезнева, 2003 – Оглезнева Е. А. Современные русские говоры Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Материалы Региональной научно-практической конференции «Приамурье от первопроходцев до наших дней». Благовещенск : БГПУ, 2003. С. 107–110.
- Оглезнева, 2005 – Оглезнева Е. А. Русские говоры Приамурья: опыт лингвогеографического изучения // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2005. Вып. 5. С. 170–176.
- Оглезнева, Архипова, 2024 – Оглезнева Е. А., Архипова Н. Г. Фольклорно-диалектологический альманах «Слово» как источник изучения живой русской речи и фольклора рубежа XX–XXI веков // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 20 : Материалы междунар. научн. конф. «Проблемы лингвистики и медиакоммуникаций». Благовещенск : АмГУ, 2024. С. 7–20.
- Пекелис, 20212 – Пекелис О. Е. Двухместные сочинительные союзы: опыт системного анализа (на основе корпусных данных) // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 10–44.
- Петрунина, 2008 – Петрунина С. П. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций). Новокузнецк : РИО КузГПА, 2008. 262 с.
- Приходько, 2022 – Приходько В. К. Эмотивный фонд русских говоров Приамурья : дис. ... д-ра филол. наук ; МПГУ. М., 2022. 402 с.
- Прияткина, 2007 – Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток : ДВГУ, 2007. 390 с.
- Прияткина, 2019 – Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2019. 180 с.

- РГП, 2011 – Русские говоры Приамурья / под ред. В. Т. Садченко. Хабаровск : ДВГГУ, 2011. 204 с.
- Рябова, 2020 – Рябова А. В. Разделительные союзы как маркеры синтаксически связанных конструкций (реализация семантики безразличия) // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2020. № 3. С. 86–89.
- Садченко, 2024 – Садченко В. Т. Глагольные дериваты с приставкой «на-» в русских говорах Приамурья // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2024. № 3 (485). С. 15–21. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-485-3-15-21>
- Санников, 2008 – Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М. : Языки славянских культур, 2008. 624 с.
- Словарь служебных слов, 2001 – Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток : ДВГУ, 2001. 363 с.
- Служебные слова, 2017 – Служебные слова в лексикографическом аспекте / отв. ред. Е. А. Стародумова, Е. С. Шереметьева, П. М. Тюрин. Владивосток : ДВФУ, 2017. 377 с.
- СРГП, 1983 – Словарь русских говоров Приамурья / Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. М. : Наука, 1983. 341 с.
- СРГП, 2007 – Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина и др. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск : БГПУ, 2007. 544 с.
- СРГП, 2007 э – Словарь русских говоров Приамурья : [Электронный ресурс] / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск : БГПУ, 2007. 528 с. URL : <https://disk.yandex.ru/i/0Vcrpzga7BDSJQ/> (дата обращения : 25.01.2024).
- Урысон, 2000 – Урысон Е. В. Словарная статья союза ИЛИ (...ИЛИ) // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй вып. / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 150–153.
- Чуглов, 2012 – Чуглов В. И. Союз или в составе пояснительных конструкций // Слово и текст в культурном сознании эпохи : сб. науч. тр. Т. 10. Вологда : ВГУ, 2012. С. 295–301.
- Чуглов, 2013 – Чуглов В. И. Обособленные поясняющие члены предложения // Русский язык в школе. 2013. № 4. С. 57–63.
- Шапиро, 1953 – Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М. : АН СССР, 1953. 318 с.
- Шереметьева, 2001 – Шереметьева Е. С. Словарная статья союза или // Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток : ДВГУ, 2001. С. 123–131.
- Шереметьева, 2014 – Шереметьева Е. С. Описание служебных слов в концепции Дальневосточной синтаксической школы и грамматика конструкций // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (АТАПРЯЛ). 2014. № 4. С. 19–21.

References

- Ananyeva, O. A. (2005). *Polipredikativnye razdelitel'nye predlozheniya s soyuzom «ili»: stroenie i semantika [Polypredicative disjunctive sentences with the conjunction “ili”]*. PhD in Philological sci. diss. ; Samara State University. Samara. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (Ed.). (2006). *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Language picture of the world and lexicography system]*. Moscow : Yazyki slavyanskikh kultur Press. (In Russ.).
- Arkipova, N. G. (2017). Staroobryadtsy Amurskoy oblasti: istoriya i osobennosti yazykovogo sushchestvovaniya [The old believers of the Amur Region: History and peculiarities of language existence]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 5 (71), Part 3, 52–56. (In Russ.).
- Galuzha, O. Yu. (2013). Dialektnaya leksikografiya Priamur'ya: stanov-lenie i sovremennoe sostoyanie [Dialect lexicography of the Amur Region: Formation and present condition]. *Voprosy leksikografii [Journal of Lexicography]*, 2 (4), 41–47. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (2020). *Antropologiya dialektного slova [Anthropology of dialect word]*. Moscow ; St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Guseva, E. R. (2009). Soyuzy severnorusskikh govorov (sostav, semantika, struktura) [Conjunctions in Northern Russian local accents (Listing, semantics, structure)]: PhD in Philological sci. diss. ; Petrozavodsk State University. Petrozavodsk. (In Russ.).

- Davidyuk, T. I. (2024). Lichno-chislovoe soglasovanie s podlezhashchimi, sochinennymi soyuzami ili i «ili... ili» : eksperimental'noe issledovanie [Agreement with disjoined subjects in Russian: An experimental study]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]*, 1-1 (57), 361–365.
- Zavyalov, V. N., Xe, Z. (2024). Protivitel'nye soyuzy a, no, da v russkikh govorakh Priamur'ya (kommunikativno-pragmatischeskiy aspekt) [The adversative conjunctions a 'but', no 'but', da 'but' in the Russian dialects of the Amur Region (Communicative and pragmatic aspects)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 27–41. (In Russ.).
- Kirpikova, L. V. (2004). K istorii formirovaniya russkikh govorov Priamur'ya [On the history of the Amur Region local accents development]. *Narodnoe slovo Priamur'ya: sb. st., posvyashchennyy 20-letiyu publikatsii «Slovara russkikh govorov Priamur'ya»* [Folk word of the Amur Region: A collection of papers devoted to the 20th anniversary of “The dictionary of the Amur Region local accents of Russian”] (pp. 9–19). Blagoveshchensk : BSPU Press. (In Russ.).
- Kruchinina, I. N. (2009). *Struktura i funktsii sochinitel'noy svyazi v russkom yazyke [The structure and functions of coordinating connection in Russian]*. 2nd edn, with corrections. Moscow : URSS Press (In Russ.).
- Laguta, N. V. (2024). Ad"ektivnaya leksika, reprezentiruyushchaya prostranstvennyye otnosheniya v russkikh govorakh Priamur'ya [Adjectives representing spatial relations in the Amur local accents of Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 71–78. (In Russ.).
- Starodumova, E. A., Sheremet'eva, E. S., Zav'yalov, V. N. (Eds). (2022). *Leksikograficheskie portrety sluzhebnykh slov [Lexicographic portraits of functional words]*. Vladivostok : FEFU Press, (In Russ.).
- Myznikova, Ya. V. (2015). Adresat i adresant v dialektnom diskurse [Addressee and addresser in dialect discourse]. *I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika (V Boduenovskie chteniya) [J. A. Baudouin de Courtenay and world linguistics (V Baudouin readings)]*. *Proc. of International conf.* (pp. 227–230). Kazan : KPFU Press. (In Russ.).
- Oglezneva, E. A. (2003). Sovremennyye russkie govory Priamur'ya kak rezul'tat mezhdialektnogo vzaimodeystviya [Modern Russian accents of the Amur Region as a result of cross-dialect interaction]. *Materialy Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Priamur'e ot pervoprophodtsev do nashikh dnei» [A collection. Priamurye. From the pioneers to our days: Proc. of the regional scientific-practical conference dedicated to the 360-year anniversary of March of V. D. Poyarkov and the 150th anniversary of the first Muraviev rafting on Amur (People, events, facts), October 23–24 2003]* (pp. 107–110). Blagoveshchensk : BSPU Press. (In Russ.).
- Oglezneva, E. A. (2005). Russkie govory Priamur'ya: opyt lingvogeograficheskogo izucheniya [Russian accents of the Amur Region: Linguistic geography approach]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh [Word: Folklore-Dialect Almanac]*, 5, 170–176. (In Russ.).
- Oglezneva, E. A., Arkhipova, N. G. (2024). Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh «Slovo» kak istochnik izucheniya zhivoy russkoy rechi i fol'klora rubezha XX–XXI vekov [Folklore-Dialect Almanac “Word” as a source for studying Russian oral speech and folklore on the edge of XX–XXI centuries]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh. Vyp. 20 : Materialy mezhdunar. nauchn. konf. «Problemy lingvistiki i mediakommunikatsii» [Word: Folklore-Dialect Almanac. Vol. 20 : Proc. International conf. “Issues in linguistics and media communication”]* (pp. 7–20). Blagoveshchensk : Amur State University Press. (In Russ.).
- Pekelis, O. E. (2012). Dvukhmestnye sochinitel'nye soyuzy: opyt sistemnogo analiza (na osnove korpusnykh dannykh) [Twoplace coordinative conjunctions: A corpus-based study]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 2, 10–44. (In Russ.).
- Petrinina, S. P. (2008). *Grammatika govoryashchego i slushayushchego v sibirskikh govorakh (na materiale parnykh konstruktivnykh) [The grammar of the speaker and the listeners in Siberian local accents (Based on paired patterns)]*. Novokuznetsk : RIO KuzGPA Press. (In Russ.).
- Prikhodko, V. K. (2022). *Emotivnyy fond russkikh govorov Priamur'ya [Emotive fund of Russian local accents of the Amur Region]* : Doctoral in Philological sci. diss. ; Moscow Pedagogical State University. Moscow. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F. (2007). *Russkiy sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svyazi i konstruktivnykh) [Russian syntax in grammatical aspect (Syntactic connections and patterns). Selected papers]*. Vladivostok : FEFU Press. (In Russ.).

- Priyatkina, A. F. (2019). *Russkiy yazyk: sintaksis oslozhnennogo predlozheniya [The Russian language: Syntax of expanded sentence]*. 2nd edn. Moscow : FLINTA Press.
- Sadchenko, V. T. (Ed.). (2011). *Russkie govory Priamur'ya (RGP) [Russian accents of the Amur Region]*. Khabarovsk : Far-Eastern State University for Humanities Press. (In Russ.).
- Ryabova, A. V. (2020). Razdelitel'nye soyuzy kak markery sintaksicheskoi svyazannykh konstruktivnykh (realizatsiya semantiki bezrazlichiya) [Separating unions as markers of syntactically related constructions (Implementing the semantics of indifference)]. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom [International Journal for PhD students. Russian Language Abroad]*, 3, 86–89. (In Russ.).
- Sadchenko, V. T. (2024). Glagol'nye derivaty s prstavkoy «na-» v russkikh govorakh Priamur'ya [Verb derivatives with the prefix na-in the Russian dialects of the Amur Region]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 3 (485), 15–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-485-3-15-21>
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve [Russian syntax in semantic and pragmatic space]*. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press. (In Russ.).
- Starodumova, E. A. (Ed.). (2001). *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka [Dictionary of Russian functional words]*. Vladivostok, FESU Press. (In Russ.).
- Starodumova, E. A., Sheremet'eva, E. S., Tyurin, P. M. (Eds.). (2017). *Sluzhebnye slova v leksikograficheskom aspekte [The lexicography of functional words]*. Vladivostok : FEFU Press. (In Russ.).
- Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (1983). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya (SRGP) [The dictionary of the Russian local accent of the Amur Region]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (2007). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya (SRGP) [The dictionary of the Russian local accent of the Amur Region]*. 2nd edn, with corrections and addenda. Blagoveshchensk : BSPU Press. (In Russ.).
- Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (2007 e). *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya (SRGP) [The dictionary of the Russian local accent of the Amur Region]*. 2nd edn, with corrections and addenda [Electronic resource]. Blagoveshchensk : BSPU Press. Retrieved January 25, 2024 from <<https://disk.yandex.ru/i/0Vcrpzga7BDSJQ/>>. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2000). Slovarnaya stat'ya soyuza ILI (...ILI) [ILI: Dictionary entry]. In Yu. D. Apresya (Ed.), *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [New explanatory Russian dictionary of synonyms]*. (Vol. 2, pp. 150–153). Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Chuglov, V. I. (2012). Soyuz ili v sostave poyasnitel'nykh konstruktivnykh [The conjunction ili in explanatory constructions]. *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi [Word and text in the cultural consciousness of the epoch]: A collection of papers* (Vol. 10, pp. 295–301). Vologda : Vologda State University Press.
- Chuglov, V. I. (2013). Obosoblennyye poyasnyayushchie chleny predlozheniya [Detached explanatory parts of sentence]. *Russkiy yazyk v shkole [Russian Language at School]*, 4, 57–63.
- Shapiro, A. B. (1953). *Ocherki po sintaksisu russkikh narodnykh govorov. Stroenie predlozheniya [Essays in the syntax of Russian local accents. Sentence structure]*. Moscow : Soviet Union Academy of Science Press. (In Russ.).
- Sheremeteva, E. S. (2001). Slovarnaya stat'ya soyuza «ILI» [ILI: Dictionary entry]. In E. A. Starodumova (Ed.), *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka [Dictionary of Russian functional words]* (pp. 123–131). Vladivostok : FESU Press. (In Russ.).
- Sheremeteva, E. S. (2014). Opisanie sluzhebnykh slov v kontseptsii Dal'nevostochnoy sintaksicheskoy shkoly i grammatika konstruktivnykh [The study of functional words according to the conception of the Far Eastern syntactic school and construction]. *Vestnik Aziatsko-Tikhookeanskoy assotsiatsii prepodavateley russkogo yazyka i literatury (ATAPRYAL) [Vestnik of Asian-Pacific Association of Russian Language and Literature Teachers (APARLLT)]*, 4, 19–21. (In Russ.).

Иванашко Юлия Петровна^{1✉}, Процукович Елена Александровна²,
Симонов Евгений Леонидович³
^{1,2} Амурский государственный университет
³ Независимый исследователь
г. Благовещенск, Российская Федерация
polia-80@mail.ru

Особенности заполненных пауз в мужской речи жителей г. Благовещенска

Аннотация

Цель настоящей работы – выявить способы заполнения пауз хезитации в речи представителей одного города в зависимости от возраста дикторов. Материалом для исследования послужили спонтанные монологи, полученные от пяти дикторов-мужчин двух возрастных групп (молодого и среднего возраста), проживающих в г. Благовещенске. Акустические измерения производились в программе PRAAT. В результате выявлено, что самыми частотными были невербальные паузы хезитации, выраженные цоканьем, шумными резкими или продолжительными выдохами, выдохами сквозь зубы, вздохами, смехом. Вторыми по частотности заполнителями оказались вокалические звуки [a], [m], [ɛ], [u]. Данный тип характерен для молодых дикторов, в чьей речи зафиксировано 95% реализаций от общего количества пауз. Паузы вербального поиска с десемантизированными словами *вот, ну, так, там* в целом имели третий ранг частотности, при этом в речи более старших респондентов данный тип пауз реализовался чаще, чем в речи более молодых участников. Менее частотными способами заполнения пауз стали затяжки звуков, паузы-повторы и самокоррекция. Паузы данных типов были в равной степени свойственны как молодым, так и более старшим респондентам.

Ключевые слова: дальневосточный региолект, речь горожан, спонтанная речь, мужская речь, пауза хезитации, невербальный заполнитель, вербальный заполнитель

© Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Симонов Е. Л. 2025

Для цитирования: Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Симонов Е. Л. Особенности заполненных пауз в мужской речи жителей г. Благовещенска // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 46–57. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-46>

Yuliya P. Ivanashko^{1✉}, Elena A. Protsukovich², Eugeny L. Simonov³
^{1,2} Amur State University
³ Independent researcher
Blagoveshchensk, Russian Federation
polia-80@mail.ru

Filled pause patterns in male speech of Blagoveshchensk residents

Abstract

The current paper aims to analyze the types of hesitation pauses fillers in the speech of subjects of different age from one city. The material of spontaneous monologues was obtained from 5 male subjects, the residents of Blagoveshchensk, representing two age groups – young and middle-aged. Acoustic measurements were

performed in PRAAT. As a result, it was discovered that non-verbal pauses of hesitation expressed by clicking, noisy sharp or prolonged exhalations, exhalations through teeth, sighs, laughter were the most frequent way of filling pauses. The second most frequent group of filled pauses was vocalization displayed by the use of [a], [m], [ɛ], [u] sounds. This type was typical for younger subjects accounting for 95% of pauses in their speech. Verbal hesitation pauses were the third in frequency occurring more often in the speakers of older than younger age with the use of *vot*, *nu*, *tak*, *tam* that lost their original meanings turning into pause fillers. Less frequent fillers were sound lengthening, repetitions and self-corrections. Those were equally typical for both young and older subjects.

Keywords: Far Eastern regional dialect, city dwellers' speech, spontaneous speech, male speech, hesitation pause, nonverbal filler, verbal filler

© Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Simonov E. L. 2025

For citation: Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Simonov, E. L. (2025). Osobennosti zapolnennykh pauz v muzhskoy rechi zhiteley g. Blagoveshchenska [Filled pause patterns in male speech of Blagoveshchensk residents]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 46–57. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-46>

1. Введение [Introduction]

На протяжении ряда лет кафедра иностранных языков Амурского государственного университета занимается исследованиями в области акустики спонтанной речи, в том числе с учётом социолингвистических факторов [Ворон и др., 2016; Musaeva, 2017; Shuyskaya, Androsova, 2017; Морозова и др., 2019; Морозова, Андросова, 2019; Барнасян, Иванашко, 2019; Иванашко, Бублик, 2019; Иванашко, Суворова, 2021; Тэн, Андросова, 2022; Карачева, 2022; Смирнова и др., 2023; Морозова и др., 2023 а; Морозова и др., 2023 б; Смирнова и др., 2024]. Одним из направлений фонетических исследований является изучение связной монологической речи жителей г. Благовещенска разных возрастных и гендерных групп с целью получения детального представления о реализации в ней сегментных и супraseгментных единиц [Ворон и др., 2016; Процукович, 2020; Семёнова, Иванашко, 2020; Иванашко, Процукович, 2020; Иванашко, Процукович, Кирпикова, 2021; Иванашко, Процукович, Николаева, 2021; Иванашко, Процукович, Шубникова, 2022; Николаева, Иванашко, 2022; Тэн, Андросова, 2022; Иванашко и др., 2023; Симонов, 2024]. Исследования такой направленности способствуют не только накоплению и расширению базы данных, отражающей специфические фонетические черты звучащей речи горожан-дальневосточников, но и улучшению качества фоноскопических экспертиз звучащей речи, направленных на идентификацию дикторов по голосу, потребность в которых в последние годы демонстрирует значительный рост. Настоящая работа продолжает комплексное исследование [Иванашко и др., 2024] просодической стороны речи мужчин разного возраста, проживающих в г. Благовещенске, и заключается в выявлении способов заполнения пауз хезитации в их речи.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве материала для данного исследования использовались аудиозаписи естественной речи мужчин различных возрастных категорий, являющихся коренными жителями г. Благовещенска Амурской области. Все участники имеют высшее образование, работают в одной профессиональной области (в одной организации), постоянно проживают в Благовещенске и являются носителями дальневосточного диалекта русского языка. У всех дикторов отсутствуют нарушения речи. Подробная информация о дикторах представлена в таблице 1.

Участникам эксперимента было предложено создать неподготовленное монологическое высказывание на тему «Летний отдых». Таким образом, от испытуемых было получено пять аудиозаписей средней продолжительностью две минуты каждая, что в сумме составило более 10 минут языкового материала.

Т а б л и ц а 1. Информация о дикторах
[Table 1. Subjects' characteristics]

Диктор	Пол	Возраст	Время звучания	Место проживания
Диктор 1 (Д1)	Мужской	40 лет	1 мин 57 сек.	г. Благовещенск
Диктор 2 (Д2)	Мужской	46 лет	2 мин 25 сек.	г. Благовещенск
Диктор 3 (Д3)	Мужской	22 года	2 мин 25 сек.	г. Благовещенск
Диктор 4 (Д4)	Мужской	31 год	1 мин 56 сек.	г. Благовещенск
Диктор 5 (Д5)	Мужской	41 год	1 мин 53 сек.	г. Благовещенск

К исследуемым записям монологической спонтанной речи применялись следующие методы: слуховой, инструментальный (акустический) и количественный. Программа Adobe Audition 1.5 использовалась для конвертации в моноформат стереофайлов, полученных в результате записи речи дикторов на диктофон Olympus в формате WAV. В программе PRAAT проводились сегментация, измерение длительности звуков и пауз, анализ спектрограмм. При помощи слухового анализа перцептивно оценивались особенности заполнения речи дикторов паузами хезитации. Далее по динамическим спектрограммам изучалось качество заполнителей (тональные и шумовые характеристики).

2.2. Классификация заполненных пауз речи дикторов [Subjects' filled pauses classification]

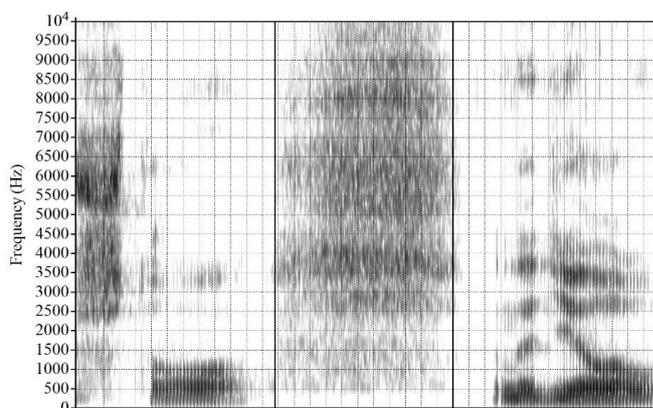
Классификация заполненных хезитационных пауз дикторов представлена в таблице 2. Её анализ демонстрирует, что заполнение пауз осуществлялось путём вокализации, затяжки звуков, пауз вербального поиска, невербальных пауз колебания, повтора-хезитации. У двух дикторов (Д2, Д4) было отмечено по одному случаю самокоррекции.

Т а б л и ц а 2. Виды заполненных пауз в речи Д1–Д5 (в абс. ед.)
[Table 2. Filled pauses types in D1–D5 (absolute units)]

Паузы хезитации	Д1	Д2	Д3	Д4	Д5	Д1-Д5
Вокализация	2	-	19	18	-	39
Затяжки звуков	2	10	2	4	-	18
Паузы вербального поиска	7	17	7	2	-	33
Невербальные паузы колебания	4	6	14	7	20	51
Самокоррекция	-	1	-	1	-	2
Повтор-хезитации	1	1	1	2	-	5

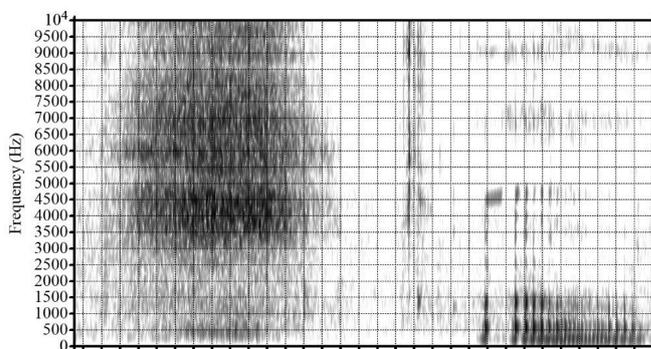
Наиболее частотным видом заполненных пауз в речи Д1–Д5 оказались невербальные паузы хезитации, которые составили 34% от общего количества пауз – они заполня-

лись цоканьем, шумными резкими или продолжительными выдохами, выдохами сквозь зубы, вздохами, прочищением горла, смехом. Рассмотрим некоторые реализации данного вида пауз в речи дикторов исследования. На рисунке 1 представлена спектрограмма невербальной паузы хезитации в речи Д3 (внутри сегмента *что доделал*), выраженной в форме втягивания воздуха сквозь зубы. Продолжительность паузы составила 0,76 сек.

Р и с у н о к 1. Невербальная пауза хезитации, выраженная вдохом сквозь зубы (Д3)
[F i g u r e 1. Nonverbal hesitation pause filled with the inhale through the teeth (D3)]

На рисунке 2 изображена пауза невербального поиска, заключающаяся в шумном вздохе с последующей вокализованной вставкой, выраженной ϵ -образным звуком. Длительность невербальной паузы составила 0,7 сек.

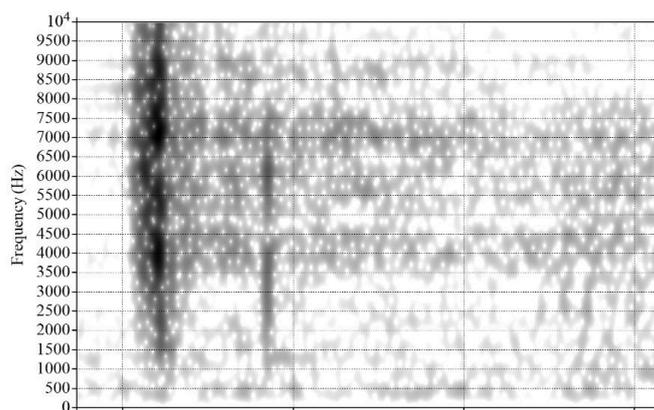

Р и с у н о к 2. Невербальная пауза хезитации, выраженная вздохом (Д3)
[F i g u r e 2. Nonverbal hesitation pause filled with the sigh (D3)]

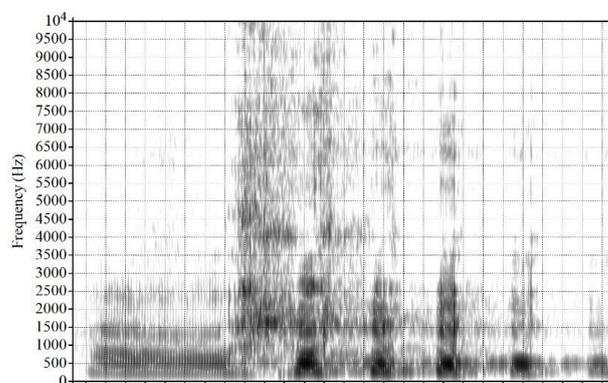
На рисунке 3 в речи Д1 реализована невербальная пауза хезитации, заполненная цоканьем. По левому краю спектра отчётливо видна фаза смычки, за которой следуют два импульса – более сильный и более слабый.

На рис. 4 представлена невербальная пауза хезитации в речи Д1, заполненная ϵ -образным звуком с последующим смехом. Это самая продолжительная пауза в речи Д1 (4,32 сек.).

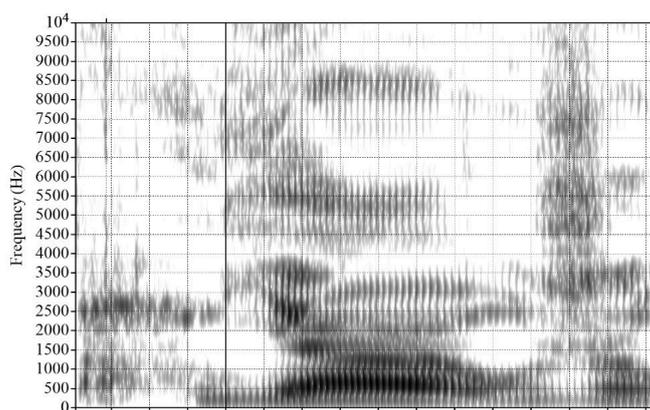
На рисунке 5 продемонстрирована одна из многочисленных невербальных пауз хезитации в речи Д5, у которого данный вид хезитации превалирует над другими её видами. Перед тем как сформулировать очередную фразу, диктор слегка покашливает, прочищая горло, после чего продолжает свой монолог – *я уже....* На спектре период прочищения горла диктором отделён от начала последующей фразы вертикальной линией.

Р и с у н о к 3. Невербальная пауза колебания, заполненная цоканьем (Д1)
[F i g u r e 3. Nonverbal hesitation pause filled with the clicking (D1)]

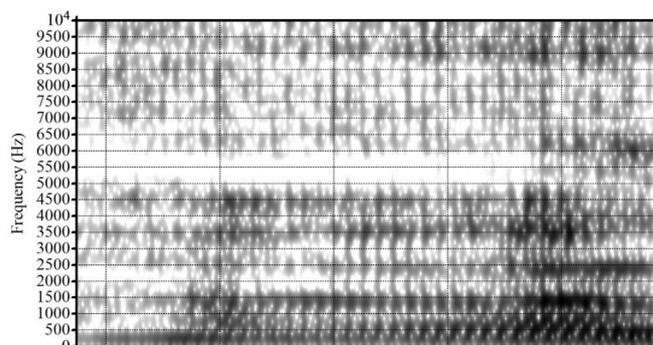
Р и с у н о к 4. Невербальная пауза хезитации, заполненная ε-образным звуком и смехом (Д1)
[F i g u r e 4. Nonverbal hesitation pause filled with ε-like vowel and laughing (D1)]

Р и с у н о к 5. Невербальная пауза хезитации, выраженная прочищением горла (Д5)
[F i g u r e 5. Nonverbal hesitation pause filled with the throat clearing (D5)]

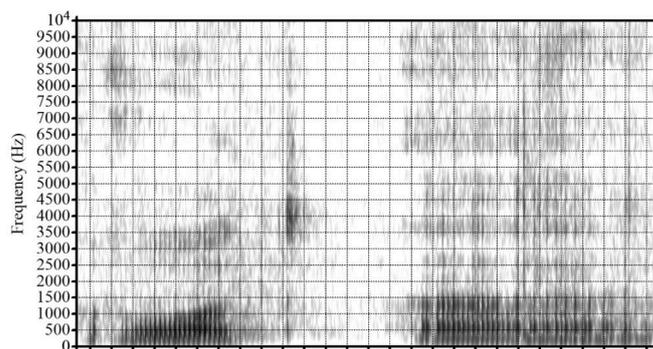
Паузы с вокалическими заполнителями [a], [m], [ε], [u] заняли второе место по количеству случаев употребления и составили 26% от всех заполненных пауз. Такие паузы, в основном, были свойственны более молодым дикторам – по-

что все случаи пришлось на речь Д3 и Д4. На рисунке 6 изображён ϵ -образный вокалический заполнитель в речи Д4. Такой тип пауз является очень частотным в его речи и встречается между фразами и синтагмами.

Р и с у н о к 6. ϵ -образный вокалический заполнитель (Д4)
[F i g u r e 6. ϵ -like filler (D4)]

На рисунке 7 можно увидеть реализацию двух разных заполнителей, идущих подряд. Так, в первой части паузы, диктор использует десемантизированное слово *вот*, после которого следует α -образный заполнитель (F1 – 600 Гц, F2 – 1300 Гц) длительно-стью 0,56 сек.

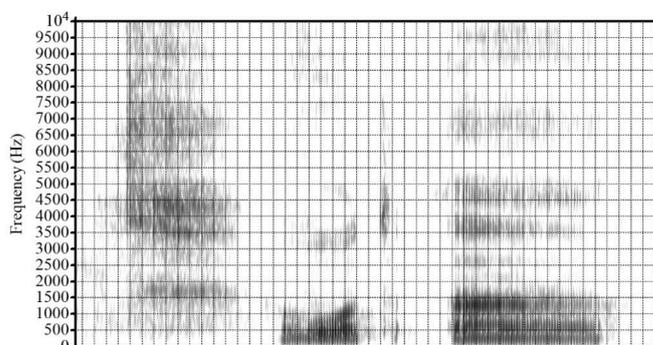

Р и с у н о к 7. Заполнители *вот* и [a] (Д3)
[F i g u r e 7. *Vot* and [a] fillers (D3)]

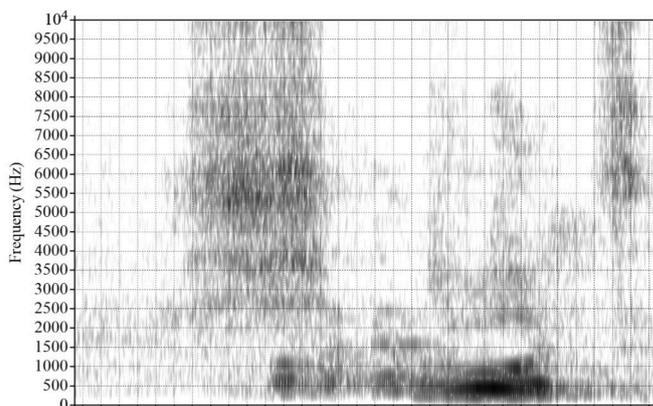
Паузы вербального поиска оказались третьими по встречаемости в речи дикторов и были представлены десемантизированной лексикой: *вот*, *ну*, *ну типа*, *там*, *так*, *просто*, *чѐ*, *блин*. Самым частотным заполнителем оказалось слово *вот* (у четырёх из пяти дикторов). Максимальное количество таких заполнителей выявлено у Д2. На рисунке 8 показана пауза вербального поиска (Д3) с заполнителем *вот* и последующей α -образной вставкой (F1 – 700 Гц, F2 – 1270 Гц). Отметим, что сочетание десемантизированной лексики с вокалическим заполнителем или с незаполненной паузой достаточно часто. Нередки и случаи, когда пауза представлена комбинацией заполнителей. На рисунке 9 изображена пауза, где сочетаются вдох сквозь зубы и заполнитель *вот*.

Примеры с другими вербальными заполнителями включают: слово *там* в контексте с перечислением однородных членов предложения (*гребешки*, *там*, *медведки*...); слово *чѐ*, реализованное внутри межсинтагменной незаполненной паузы общей длительностью 1,7 сек. (*потом*, *чѐ*, *поехали на Шамору*); целыми десемантизированными

выражениями, такими как *ну типа как*, заполняющим межфразовую паузу, *блин, как это*, расположенном в середине фразы (диктор не может подобрать нужные слова, произносит *блин, как это*, молчит, а затем продолжает начатую мысль) и т. п.

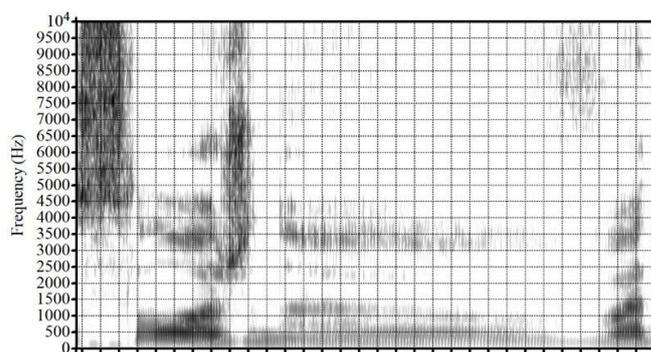
Р и с у н о к 8. Заполнитель *vot* (D3)
[F i g u r e 8. *Vot* filler (D3)]

Р и с у н о к 9. Вдох сквозь зубы в сочетании с заполнителем *vot* (D1)
[F i g u r e 9. Inhale through the teeth combined with *vot* filler (D1)]

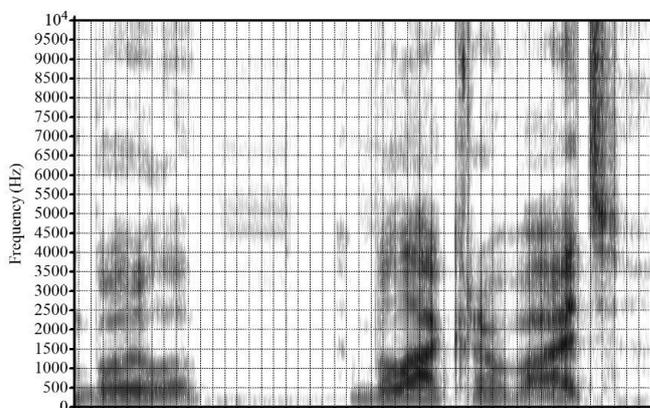
З а т я ж к и з в у к о в, представляющие собой, в основном, удлинение союзов *и*, *а* и гласных в конце слов перед незаполненной паузой были отмечены в речи всех дикторов, кроме Д5, однако у Д2 они оказались самыми частотными (56% от всех выявленных случаев удлинения гласных). На рисунке 10 представлено хезитационное удлинение конечного ударного гласного в речи Д4 в слове *сложно*, длительность затянутого гласного составила 1 сек.

Другие примеры включают удлинение конечного ударного гласного (0,39 сек.) в слове *траву* в конце синтагмы, удлинение начального ударного гласного в слове *эти* (у Д2, но в целом нечастотно), удлинение неакцентогенного союза *и* (0,23 сек.) в контексте *и защитал*, и даже удлинение предлога, представляющего собой один согласный – *в*. Последний пример имеет место не в конце фонетического слова, а в начале. В рассматриваемом случае произошло увеличение длительности согласного в сочетании двух слов *в* и *кафе*, которые в потоке речи образовали одно фонетическое слово. Длительность затянутого согласного составила 0,16 сек. Примеры удлинения согласных немногочисленны, однако они встречались систематически.

Р и с у н о к 1 0. Удлинение конечного звука в слове *сложно* (D4)
 [F i g u r e 1 0. Lengthening of the final vowel in the word *slozhno* (D4)]

С а м о к о р р е к ц и я и п о в т о р - х е з и т а ц и я составили незначительную часть от общего количества заполненных пауз. Самокоррекция выражалась в изменении грамматической категории либо замене одного слова другим – синонимичным. На рисунке 11 диктор поправляет себя, корректируя род глагола *быть* со среднего (*было* с конечным заударным гласным) на женский (*была* с конечным ударным гласным) в контексте последующего существительного женского рода *двухспальная кровать*. Из спектрограммы видно, что между двумя глаголами реализовалась незаполненная пауза длительностью 0,61 сек., позволившая диктору правильно сформулировать свою мысль. Смена ритмической структуры слова выражена в сокращении длительности первого гласного и увеличении длительности и интенсивности второго.

Р и с у н о к 1 1. Пауза самокоррекции в речи Д4 (*было* → *была*)
 [F i g u r e 1 1. Self-correction pause (*bylo* → *byla*) (D4)]

Другие случаи самокоррекции включают синонимическую замену *в склонах* → *на сопках* (Д2 не договаривает фонетическое слово *в склонах*, обрывая его после звукосочетания [fskl]), повторы-хезитации (в основном глаголов), например, формы глагола *сняли* в контексте *сняли... сняли номер* (повторы разделены краткой паузой в 0,1 сек.), формы глагола *не отдыхал* (повторы разделены более длительной паузой в 0,64 сек.) и т. п.

3. Заключение [Conclusion]

Полученные в результате анализа аудиоматериалов данные позволили прийти к следующему выводу. В целом самыми частотными заполненными паузами (34%) оказа-

лись невербальные паузы колебания, выраженные цоканьем, шумными резкими или продолжительными выдохами, выдохами сквозь зубы, вздохами, смехом. Данный тип хезитации не продемонстрировал корреляции с возрастом респондентов – у всех участников эксперимента они оказались одними из трёх самых частотных.

Паузы с вокалическими заполнителями [a], [m], [ε], [u] стали второй по частотности группой, свойственной, в основном, молодым дикторам – в их речи было выявлено самое большое количество данных пауз – 95% от общего количества реализаций. При этом [ε]-образные заполнители фиксировались в речи дикторов чаще других. Паузы вербального поиска заняли третью позицию и оказались самым характерным способом заполнения у респондентов более старшего возраста. Самым частотным способом заполнения пауз вербального поиска стала лексема *вот* – она была отмечена у 80% участников эксперимента.

Затяжки звуков, паузы-повторы и самокоррекция оказались менее употребляемыми в речи дикторов. Затягивание звуков, преимущественно гласных, было отмечено, в основном, в конце слов, однако в нескольких случаях происходило увеличение длительности гласных и согласных в начале слова. Паузы данных типов были в равной степени свойственны как молодым, так и более старшим респондентам.

В дальнейшем по той же самой методике планируется получить и описать образцы речи женщин, проживающих на территории г. Благовещенска, на предмет паузации и сравнить с данными по образцам речи мужчин, а также изучить заполнители пауз в речи представителей других регионов.

Библиографический список

- Барнасян, Иванашко, 2019 – Барнасян Д. Е., Иванашко Ю. П. Особенности русского языка носителей армянского происхождения // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. С. 55–56.
- Будник и др., 2023 – Будник С. О., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Темпоральные характеристики новостного дискурса (на материале речи дикторов ДФО и ЦФО) // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2023. С. 55–56.
- Иванашко, Бублик, 2019 – Иванашко Ю. П., Бублик Г. В. Акустические характеристики ударных гласных в разных фразовых позициях (на основе русской публичной политической речи) // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2023. С. 53–54.
- Иванашко, Процукович, 2020 – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Темпоральные характеристики звучащей речи дальневосточников разных возрастных групп // Современные концепции и парадигмы образования в условиях мирового эпидемиол. кризиса. Ч. 1. Ростов, 2020. С. 252–255.
- Иванашко и др., 2021 а – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Кирпикова В. В. Просодические особенности речи мужчин разных возрастных групп (на материале дальневосточного региолекта) // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2021. С. 50–52.
- Иванашко и др., 2021 б – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Николаева И. В. Особенности паузации речи дальневосточников различных возрастных групп // Научен вектор на Балканите. 2021. Вып. 5, № 1 (11). С. 40–44. <https://doi.org/10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0008>
- Иванашко и др., 2024 – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Симонов Е. Л. Темпоральные и паузальные особенности мужской речи жителей г. Благовещенска // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 42–49. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-42>
- Иванашко и др., 2022 – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Шубникова А. В. Паузы хезитации в речи жителей г. Благовещенска Амурской области разных возрастных групп // Фонетика в контексте языковых контактов / отв. ред. Е. Б. Карневская. Минск : МГЛУ, 2022. С. 27–32.

- Карачева, 2022 – Карачева О. Б. Интонация специальных вопросов в интерферирующей русской речи эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 60–72. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_60
- Морозова, Андросова, 2019 – Морозова О. Н., Андросова С. В. Интонация вопросов в речи амурских эвенков: основной тон // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 84–96. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_84_96
- Морозова и др., 2019 – Морозова О. Н., Андросова С. В., Процукович Е. А. Просодическое оформление побудительных предложений в эвенкийском и орошонском языках (основной тон) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 2. С. 100–114. https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_2_100_114
- Морозова и др., 2023 а – Морозова О. Н., Чернов С. Е., Андросова С. В., Булагова Н. Я., Андреева Т. Е. Фонетические сведения о даурском языке в России и за рубежом // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 106–120. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_106
- Морозова и др., 2023 б – Морозова О. Н., Осипов Б. Я., Андросова С. В. Безударный вокализм в эвенском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 120–130. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_120
- Николаева, Иванашко, 2020 – Николаева И. В., Иванашко Ю. П. Паузы hesitation в речи подростков 11–13 лет // Социофонетика и фоностилистика: От теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. С. 48–50.
- Процукович, 2020 – Процукович Е. А. Фонетические особенности русской речи жителей города Благовещенска Амурской области // Социофонетика и фоностилистика: От теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. С. 58–60.
- Семёнова, Иванашко, 2020 – Семёнова А. А., Иванашко Ю. П. Сопоставительные характеристики пауз в речи молодых и пожилых жителей г. Благовещенска // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. С. 50–52.
- Симонов, 2024 – Симонов Е. Л. Просодические характеристики мужской речи жителей города Благовещенска // Молодёжь XXI века: шаг в будущее : материалы XXV регион. науч.практ. конф. (Благовещенск, 22 мая 2024 г.) : в 2х т. Благовещенск : Амурская ГМА, 2024. С. 92–93.
- Смирнова и др., 2023 – Смирнова А. А., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Недифференциация как вид фонетической интерференции в английской речи носителей китайского языка // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2023. С. 28–29.
- Тэн, Андросова, 2022 – Тэн Х., Андросова С. В. Особенности паузации в родной и акцентной спонтанной речи: акустический анализ китайской родной, русской акцентной и русской родной речи // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2022. Т. 21, № 2. С. 67–86. <https://doi.org/10.25205/1818791920222126786>
- Musaeva, 2017 – Musaeva E. G. Phonetic means to influence the listener used in British public speech // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 1. С. 87–97. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_1_87_97
- Shuyskaya, Androsova, 2017 – Shuyskaya T. V., Androsova S. V. Realization of Russian consonants in 3-year-olds speech // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 4. С. 94–108. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_4_94_108

References

- Barnasyan, D. E., & Ivanashko, Yu. P. (2019). Osobennosti russkogo yazyka nositeley armyanskogo proiskhozhdeniya [Peculiarities of the Russian language of speakers of Armenian origin]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 55–56). Simferopol: Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Budnik, S. O., Ivanashko, Yu. P., & Protsukovich, E. A. (2023). Temporal'nye harakteristiki novostnogo diskursa (na materiale rechi diktorov DFO i CFO) [Temporal characteristics of news discourse

- (Based on the speech of speakers from the Far Eastern and Central Federal districts)]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 30–31). Simferopol: Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., & Bublik, G. V. (2019). Akusticheskie kharakteristiki udarnykh glasnykh v raznykh frazovykh pozitsiyakh (na osnove russkoy publichnoy politicheskoy rechi) [Acoustic characteristics of stressed vowels in different phrasal positions (based on Russian public political speech)]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 53–54). Simferopol: Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., & Protsukovich, E. A. (2020). Temporal'nye kharakteristiki zvuchashchey rechi dal'nevostochnikov raznykh vozrastnykh grupp [Temporal features of speech in the Far East for different age groups]. *Sovremennye kontseptsii i paradigmy obrazovaniya v usloviyakh mirovogo epidemiologicheskogo krizisa [Modern concepts and paradigms of education in the context of the global epidemiological crisis]* (pp. 252–255). Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Kirpikova, V. V. (2021 a). Prosodicheskie osobennosti rechi muzhchin raznykh vozrastnykh grupp (na materiale dal'nevostochnogo regiolekta). [Prosodic features of men's speech of different age groups (based on the material of the Far Eastern region)]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 50–52). Simferopol: Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Nikolaeva, I. V. (2021 b). Osobennosti pauzatsii rechi dal'nevostochnikov razlichnykh vozrastnykh grupp [Specific features of speech pausing for different age groups in the Far East]. *Nauchen vektor na Balkanite [Scientific Vector of the Balkans], 1* (11), 40–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0008>
- Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Simonov, E. L. (2024). Temporal'nye i pauzal'nye osobennosti muzhskoy rechi zhiteley g. Blagoveshchenska [Speech rate and pauses in male speech of Blagoveshchensk residents]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 10* (3), 42–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-42>
- Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Shubnikova, A. V. (2022). Pauzy khezitatsii v rechi zhiteley g. Blagoveshchenska Amurskoy oblasti raznykh vozrastnykh grupp [Hesitation pauses in the speech of different age group residents of Blagoveshchensk, Amur region]. In E. B. Karnevskaia (Ed.), *Fonetika v kontekste yazykovykh kontaktov [Phonetics in the context of language contacts]* (pp. 27–32). Minsk: Minsk State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Karacheva, O. B. (2022). Intonatsiya spetsial'nykh voprosov v interferirovannoy russkoy rechi evenkov [Intonation of special questions in the interfered Russian speech of the Evenks]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 8* (2), 60–72. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_60
- Morozova, O. N., & Androsova, S. V. (2019). Intonatsiya voprosov v rechi amurskikh evenkov: osnovnoy ton [Intonation of questions in the speech of the Amur Evenks: the main tone]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 5* (4), 84–96. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_84_96
- Morozova, O. N., Androsova, S. V., & Protsukovich, E. A. (2019). Prosodicheskoe oformlenie pobuditel'nykh predlozheniy v evenkiyskom i orochonskom yazykakh (osnovnoy ton) [Prosodic design of imperative sentences in the Evenki and Orochen languages (basic tone)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 5* (2), 100–114. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_2_100_114
- Morozova, O. N., Chernov, S. E., Androsova, S. V., Bulatova, N. YA., & Andreeva, T. E. (2023 a). Foneticheskie svedeniya o daurskom yazyke v Rossii i za rubezhom [Phonetic information about the Daurian language in Russia and abroad]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 9* (3), 106–120. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_106
- Morozova, O. N., Osipov, B. Ya., & Androsova, S. V. (2023 b). Bezudarnyy vokalizm v evenskom i evenkiyskom yazykakh [Unstressed vocalism in the Even and Evenki languages]. *Teoreticheskaya i*

- prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 120–130. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_120
- Nikolaeva, I. V., & Ivanashko, Yu. P. (2020). Pauzy khezitatsii v rechi podrostkov 11–13 let [Hesitation pauses in 11–13 years old adolescents' speech]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 48–50). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Protsukovich, E. A. (2020). Foneticheskie osobennosti russkoy rechi zhiteley goroda Blagoveshchenska Amurskoy oblasti [Phonetic features of Russian speech of Blagoveshchensk city residents, Amur region]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 58–60). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Semyonova, A. A., & Ivanashko, Yu. P. (2020). Sopostavitel'nye kharakteristiki pazv v rechi molodykh i pozhilykh zhiteley g. Blagoveshchenska [Comparative characteristics of speech pauses of young and elderly residents of Blagoveshchensk]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 50–52). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Simonov, E. L. (2024). Prosodicheskie kharakteristiki muzhskoy rechi zhiteley goroda Blagoveshchenska [Prosodic characteristics of male speech of Blagoveshchensk city residents]. *Molodezh' XXI veka: shag v budushchee [Youth of the XXI century: A step into the future] : Proc. XXV Regional conf., Blagoveshchensk, May 22, 2024* (pp. 92–93). Blagoveshchensk : ASMA Press. (In Russ.).
- Smirnova, A. A., Ivanashko, Yu. P., & Protsukovich, E. A. (2023). Nedodifferentsiatsiya kak vid foneticheskoy interferentsii v angliyskoy rechi nositeley kitayskogo yazyka [Underdifferentiation as a type of phonetic interference in English speech of native Chinese speakers]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 28–29). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Teng, H., & Androsova, S. V. (2022). Osobennosti pazvatsii v rodnoy i aktsentnoy spontanno y rechi: akusticheskiy analiz kitayskoy rodnoy, russkoy aktsentnoy i russkoy rodnoy rechi [Pauses in Native and Foreign Accented Spontaneous Speech: Acoustic Analysis of Native Chinese, Chinese Learners of Russian, and Native Russian Speech]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*, 21 (2), 67–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818791920222126786>
- Musaeva, E. G. (2017). Phonetic means to influence the listener used in British public speech. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 3 (1), 87–97. (In Eng.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_1_87_97
- Shuyskaya, T. V., & Androsova, S. V. (2017). Realization of Russian consonants in 3-year-olds speech. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 3 (4), 94–108. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_4_94_108

Статья поступила в редакцию 03.10.2024; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted 03.10.2024; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 04.02.2025.

Карачева Ольга Борисовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
okaracheva@rambler.ru

Особенности интонационного оформления перечисления в акцентной русской речи эвенков

Аннотация

Цель настоящей статьи состоит в выявлении акустических особенностей интонационного оформления перечисления в повествовательных высказываниях в интерферированной русской речи эвенков. Материалом для исследования послужили высказывания с перечислением в спонтанной монологической и диалогической русской речи женщин, для которых эвенкийский язык является титульным. Акустический анализ проводился в программе PRAAT. В статье приводятся данные сравнительного анализа мелодического диапазона нейтральных повествовательных высказываний и высказываний с перечислением, а также диапазона сегмента, содержащего перечисление. Результаты позволяют констатировать незначимые различия показателей, что характерно для интонационной системы эвенкийского языка. Интонация выделения звеньев перечисления реализуется дублированием движения тона, в большинстве случаев инклинацией. В отдельных случаях наблюдается ровный тон на главноударенных гласных перечисления, что свидетельствует о наличии интонационной интерференции. Наличие пауз между звеньями факультативно, длительность пауз значительно варьирует.

Ключевые слова: интерферированная русская речь, эвенки, перечисление, интонация выделения, мелодический контур, частота основного тона

© Карачева О. Б. 2025

Для цитирования: Карачева О. Б. Особенности интонационного оформления перечисления в акцентной русской речи эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 58–68. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-58>

Olga B. Karacheva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
okaracheva@rambler.ru

Intonation peculiarities of enumeration in the interfered Russian speech of the Evenks

Abstract

The paper aims to identify the acoustic features of intonation contour in narrative utterances with enumeration in the interfered Russian speech of the Evenks. The material for the study included utterances taken from spontaneous monologues and dialogues of female speakers for who Evenki is the titular language. PRAAT was used for acoustic measurements. The paper presents the data of a comparative analysis of the pitch range of neutral narrative utterances and utterances with enumeration, as well as the range of the segment containing enumeration. As a result, insignificant differences were found in the obtained data which is typical of the intonation system of the Evenki. The intonation of emphasized elements of enumeration is manifested by duplicating mostly the rising pitch movement. In some cases, there is a level tone on the stressed vowels in enumerations indicating the presence of intonation interference. Pauses between enumerated elements are optional, duration of pauses varies considerably.

Keywords: interfered Russian speech, the Evenks, enumeration, intonation of emphasis, melodic contour, pitch frequency

© Karacheva O. B. 2025

For citation: Karacheva, O. B. (2025). Osobennosti intonatsionnogo oformleniya perechisleniya v aktsentnoy russkoy rechi evenkov [Intonation peculiarities of enumeration in the interfered Russian speech of the Evenks]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 58–68. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-58>

1. Введение [Introduction]

Данная работа является частью экспериментально-фонетического исследования, суть которого состоит в выявлении и описании акустических особенностей интонации акцентной русской речи эвенков, а также определении признаков интонационной интерференции. Ранее были проанализированы и систематизированы данные параметров мелодического контура реализаций основных типов высказывания в интерферирующей русской речи носителей эвенкийского языка [Карачева, 2022]. Цель статьи состоит в выявлении акустических особенностей интонационного оформления перечисления в повествовательных высказываниях в интерферирующей русской речи эвенков.

В современной науке накоплен колоссальный теоретический материал, основанный на исследованиях русского языка. Обращение учёных к различным языковым уровням обусловлено прежде всего их изоморфизмом; они находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, являясь равноправными средствами формирования высказывания, в реализации смысловой программы которого интонация играет важную роль.

Особое внимание уделяется взаимодействию интонации и синтаксиса. В ранних исследованиях некоторые учёные определяли интонацию как часть синтаксиса. Дальнейшие исследования показали несостоятельность этой теории: интонационные средства не могут быть включены в число грамматических признаков, так как они «блуждают по грамматической поверхности языка» [Пешковский, 1959, с. 176]. Л. В. Щерба относит интонацию к грамматическим выразительным средствам, участвующим в членении потока нашей мысли, не отрицая при этом способность интонации выражать некоторые смысловые оттенки [Щерба, 1974, с. 414]. Согласно Т. М. Николаевой, понятие интонации принадлежит сфере «глубинного синтаксиса», в которой «интонация и синтаксис есть некоторое постоянное единство» [Николаева, 2000, с. 210]. Однако, она (интонация) не сливается полностью с синтаксисом, а «соприкасается с ним через отдельные совпадающие фрагменты» [Николаева, 1977, с. 26]. Н. Д. Светозарова также не отрицает связи интонации и синтаксиса, поскольку и то и другое суть лингвистическое явление, но признаёт её самостоятельным уровнем языковой структуры, состоящей из отдельных значимых компонентов [Светозарова, 1982, с. 15]. Совокупность названных компонентов позволяет интонации выполнять лингвистические функции, ведущей из которых считается коммуникативная [Зиндер, 1979, с. 271]. Так, интонация участвует в дифференциации коммуникативных типов предложения и иногда является единственным средством определения коммуникативной цели высказывания. Неудивительно, что целый ряд научных работ посвящён анализу особенностей интонационного оформления основных типов высказывания [Брызгунова, 1969; Николаева, 1977; Светозарова, 1982; Кодзасов, Кривнова, 2001; Бондарко, 2004 и др.]. В этих работах анализируются интонационные конструкции различных типов, что позволяет выделить характерные черты их интонационного оформления. Уже несколько десятилетий актуальными являются исследования особенностей интонационного контура основных типов высказывания в интерферирующей русской речи [Вольская, 1985; Любимова,

1991 ; Вишневская, 1993 ; Наумова, 2002 ; Николаев, 2017]. Тем не менее, некоторые аспекты до сих пор остаются малоизученными, в том числе интонация перечисления.

Вслед за И. Р. Гальпериным под перечислением мы понимаем «цепочку объектов, феноменов, качеств, действий, которые следуют один за другим, при этом члены данной цепочки находятся в одинаковых синтаксических позициях, то есть выражены словами одной части речи, однако их семантика разнородна» [Гальперин, 1981, с. 25]. Компоненты цепочки мы будем условно называть звеньями перечисления. Каждое звено может состоять из одного слова, словосочетания или целого предложения. Каждое звено (при отсутствии соединительного союза) отделяется от предыдущего пунктуационно. Согласно «принципу замены», «чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение, и наоборот...» [Пешковский, 1959, с. 176]. В случае с перечислением наблюдается избыточность, так как интонация тождественна по значимости синтаксису, являясь важным средством выделения отдельных звеньев, передачи их значений и, одновременно, связи звеньев цепи в одно целое. Она делает высказывание более выразительным. Интонационное оформление перечисления может приобретать дополнительные оттенки, в том числе эмоциональное окрашивание. Оно может быть акцентированным в случае, когда одно из звеньев цепи выделяется по отношению к другим. Интонация перечисления делает речь более выразительной. Неслучайно существует ряд работ по стилистике, в которых перечисление рассматривается как один из приёмов экспрессивного синтаксиса [Гальперин, 1981]. Интонация перечисления может быть нейтральной, тем не менее главная цель остаётся неизменной: выделить основные звенья цепи, передать их связь и значение, подчеркнуть их важность для реализации основного смысла высказывания.

Категория важности затрагивается в работах многих исследователей. Распределение информации по степени важности считается отражением врождённой способности человека к рациональному планированию своей деятельности, что и отличает человека от всех живых существ [Панов, 1983, с. 23–43]. Элементы высказывания тоже делятся по степени важности [Торсуева, 1979]. При этом в любом высказывании важное реализуется не только лексически и синтаксически, но и с помощью просодии [Артемов, 1976].

Интонация перечисления подчёркивает смысловую важность отдельных элементов, проявляя при этом основные признаки интонационной выделенности. Данную категорию следует считать одной из ведущих, так как она является средством «создания дополнительных смысловых строк, дополнительной смысловой ауры» [Николаева, 2000, с. 56]. Звенья цепи перечисления получают большее выделение на фоне других элементов высказывания, что позволяет говорить о выделительной, или экспрессивной, функции интонации [Торсуева, 1979]. Основное назначение этой функции состоит в распределении степеней важности между элементами высказывания просодическими средствами с целью обеспечить эффективное и корректное осмысление информации в высказывании [Там же]. Следовательно, интонация перечисления характеризуется высокой степенью экспрессивности, позволяя акцентировать внимание собеседника (слушателя) на более важной информации. Интонация перечисления не только передаёт смысл высказывания, но и организует его ритмико-акцентную структуру. Интонационное оформление перечисления можно сравнить с мелодикой восходящего марша [Всеволодский-Гернгросс, 1922, с. 56].

Таким образом, перечисление – сложное единство лексических, синтаксических и интонационных средств передачи информации и акцентировании важности отдельных элементов смысловой цепи, при этом основными функциями интонации являются организационная и экспрессивная. В данной работе предпринята попытка выявления и описания интонационных средств, используемых для реализации этих функций в русской речи эвенками-билингвами, для которых русский язык не является титульным.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили записи монологической и диалогической спонтанной русской речи семи дикторов-женщин, носителей эвенкийского языка. Для всех дикторов эвенкийский язык является титульным, усвоенным ими с младенческого возраста и употребляемым в процессе бытового общения. Дикторы представляют различные профессиональные сферы (воспитатели, продавцы, охотники, учителя), имеют среднее, среднее специальное или высшее образование. Средний возраст дикторов – 74 года. Данные по дикторам представлены в таблице 1.

Таблица 1. Информация о дикторах
[Table 1. Information about speakers]

Диктор	Возраст, лет	Образование	Место наиболее длительного жительства	Знание языков
D1	69	Среднее специальное	с. Усть-Уркима Тындинского р-на	Эвенкийский, русский
D2	73	Высшее	п. Бомнак, Зейского района	Эвенкийский, русский
D3	77	Среднее	с. Ивановское, Селемджинского района	Эвенкийский, русский
D4	72	Высшее	с. Оленёк, Оленекского улуса Якутии	Эвенкийский, русский
D5	76	Среднее	с. Ивановское, Селемджинского района	Эвенкийский, русский
D6	79	среднее	п. Бомнак, Зейского района	Эвенкийский, русский
D7	72	Среднее	с. Ивановское, Селемджинского района	Эвенкийский, русский

Методом сплошной выборки были отобраны высказывания, соответствующие следующим критериям:

- 1) повествовательный тип;
- 2) отсутствие эмоционального окрашивания;
- 3) наличие не более трёх звеньев в перечислении;
- 4) наличие слов (существительных, прилагательных, глаголов) или словосочетаний в качестве звеньев в перечислении;
- 5) отсутствие выделения одного из звеньев по отношению к другим;
- 6) расположение перечисления в конце высказывания.

В результате было отобрано 76 реализаций повествовательных высказываний с перечислением. Для проведения акустического анализа была использована программа PRAAT (версия 6.3.14). В ходе исследования осуществлялась сегментация фраз. Первично вычленялась часть с перечислением, затем выделялись звенья перечислительной цепи, определялся их состав (распространённость / нераспространённость). Акустический анализ состоял из измерения следующих интонационных параметров: мелодического диапазона всего высказывания и отдельного сегмента, содержащего перечисление; направления и скорости тонального движения на главноударных гласных в каждом звене цепи, включая заключительное звено, ударный гласный которого является также носителем фразового ударения; длительности пауз в перечислении (при наличии). Полученные данные были занесены в таблицы и обработаны с помощью инструментов описательной статистики (количественный подсчёт, средние значения).

Прежде всего, было проведено сравнительное исследование средних величин мелодического диапазона простых повествовательных высказываний дикторов с нейтральной интонацией (использовались данные предыдущих исследований [Карачева, 2018]) с

фразами, содержащими перечисление. Мелодический диапазон был выявлен путём вычисления разности между мелодическим минимумом и максимумом фразы, выражающихся в Гц и переведён в полутоны. Достоверность различий была оценена с помощью параметрического t-критерия Стьюдента (см. табл. 2–3).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Как видно из таблицы 2, различия в мелодическом диапазоне повествовательных высказываний и высказываний с перечислением находятся вне зоны значимости, и, следовательно, не учитываются в данном исследовании. В таблице 3 представлены данные по сравнительному анализу мелодического диапазона части высказываний без перечисления и части, содержащей перечисление.

Т а б л и ц а 2. Значения критерия Стьюдента (мелодический диапазон высказываний без перечисления vs с перечислением)

[Table 2. T-test values (Pitch range of statements without enumeration vs with enumeration)]

Диктор	tЭмп	tКр при (p≤0.05)	Достоверность различий
D1	0.2	4.3	зона незначимости
D2	0.3	12.71	зона незначимости
D3	0.8	4.3	зона незначимости
D4	0.6	2.37	зона незначимости
D5	1.1	3.18	зона незначимости
D6	0.4	4.3	зона незначимости
D7	0.3	4.3	зона незначимости

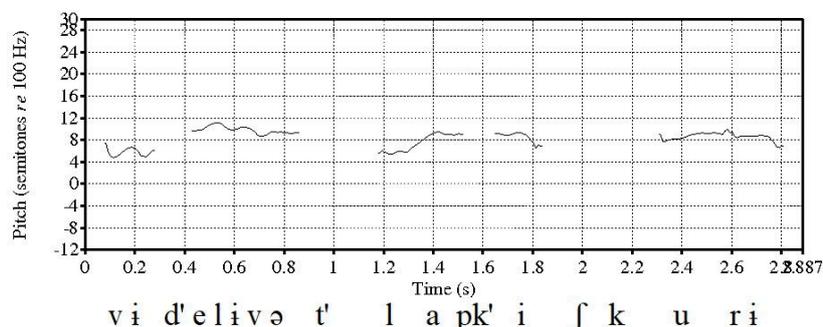
Т а б л и ц а 3. Значения критерия Стьюдента (мелодический диапазон части высказывания без перечисления vs перечисление)

[Table 3. T-test values (Pitch range of the part without enumeration vs enumeration)]

Диктор	tЭмп	tКр при (p≤0.05)	Достоверность различий
D1	0.4	2.26	зона незначимости
D2	0.3	4.3	зона незначимости
D3	0.7	4.3	зона незначимости
D4	5	2.45	зона значимости
D5	2.1	4.3	зона незначимости
D6	0.4	4.3	зона незначимости
D7	1.3	4.3	зона незначимости

Данные показывают, что мелодический диапазон сегмента фразы, не содержащего перечисления, значимо не отличается от мелодического диапазона сегмента с перечислением у большинства дикторов. Как известно из предыдущего исследования [Карачева, 2022], эвенкийская речь характеризуется прежде всего узким мелодическим диапазоном даже в случаях особого выделения. Таким образом, можно сделать вывод о

том, что в данном случае мы наблюдаем явление интонационной интерференции. На рисунке 1 представлен пример реализации интонационного контура повествовательного высказывания с перечислением «Выделывать лапки, шкуры» в речи D2.

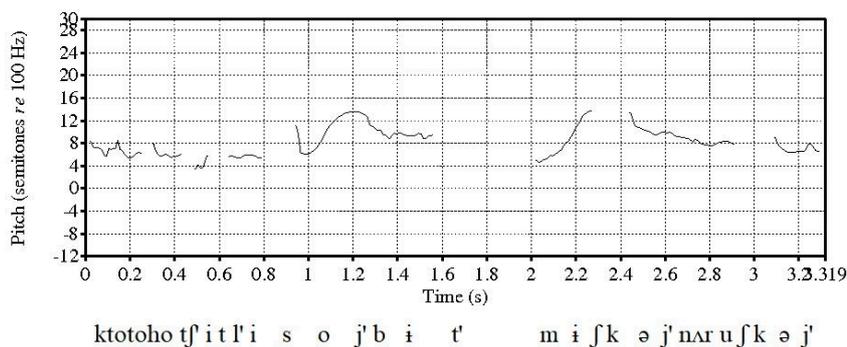

Р и с у н о к 1. Интонограмма повествовательного высказывания с перечислением «Выделывать лапки, шкуры» (D2)

[F i g u r e 1. **Intonogram of the narrative statement with enumeration «Выделывать лапки, шкуры» (D2)**]

Мелодический диапазон первой части высказывания составил 6 полутонов, в то время как разница между максимальными и минимальными показателями частоты основного тона в перечислении равна 4,5 полутона. Основными средствами выделения звеньев перечисления послужили пауза между звеньями, длительность которой составила 129 мс, и повышение тона на главноударных гласных звеньев перечисления. Повышение мелодики в первом случае характеризуется достаточно высокой степенью крутизны интервала с 139 Гц до 173 Гц за 194 мс. Инклинация на главноударном заключительного звена, являющегося также носителем ядерного тона, незначительна: с 156 Гц до 170 Гц за 236 мс.

Отдельно следует рассмотреть интонационное оформление реализации высказывания с перечислением «Кто-то хочет лисой быть, мышкой-норушкой.» в речи D4 (см. рис. 2).

Р и с у н о к 2. Интонограмма повествовательного высказывания с перечислением «Кто-то хочет лисой быть, мышкой-норушкой» (D4)

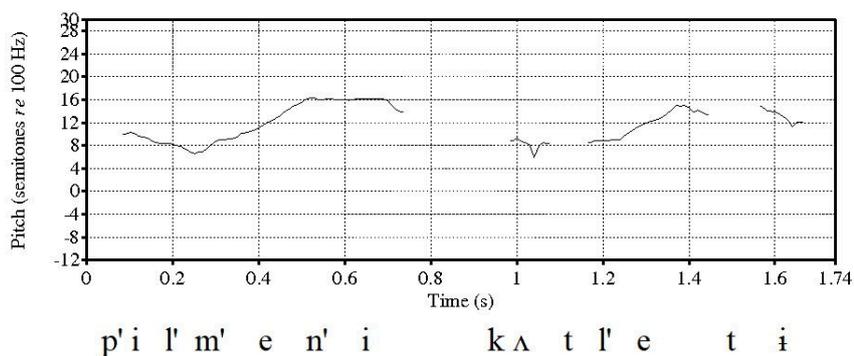
[F i g u r e 2. **Intonogram of the narrative statement with enumeration «Кто-то хочет лисой быть, мышкой-норушкой» (D4)**]

Мелодический контур первой части высказывания реализуется на среднем уровне основного тона в пределах 5 полутонов; основные изменения мелодики пред-

ставлены значительным повышением тона на главноударном гласном первого звена перечисления до мелодического максимума в 219 Гц, а также инклинацией ядерного тона до 215 Гц, с последующей деклинацией до среднего уровня тона. Длительность паузы между звеньями составила 459 мс. Эта последовательность подъёмов и спадов, образующих мелодические пики, является характерной чертой мелодики русской речи, а значит степень интерференции в речи данного диктора слабая.

Следующим шагом в эксперименте было изучение направления движения тона на ударных гласных каждого звена перечисления. Частотность использования инклинации на главноударном гласном первого звена составила 78%. В 19% случаев реализаций высказываний с перечислением интервал ударного гласного являлся нулевым. В отдельных случаях наблюдалось понижение тона (3%). Реализация ядерного тона, приходящегося на ударный гласный заключительного звена перечисления, инклинацией наблюдалась в 63% случаев, в то время как понижение тона было зафиксировано в 27% реализаций. Ровный тон главноударного гласного сохранялся только в некоторых высказываниях (10%). В большинстве случаев движение тона на ударных гласных в звеньях перечисления дублировалось, и только в 7% случаев наблюдалось повышение тона на первом звене с последующей деклинацией на ядре.

В повествовательном высказывании с перечислением «Пельмени, котлеты.» в речи D3 (см. рис. 3) ударный гласный первого звена реализован изменением регистра основного тона с 179 Гц до мелодического максимума фразы, составившего 256 Гц. Ядерный тон, реализуемый во втором звене, также представлен инклинацией, скорость которой составила 0.406 Гц/мс. Между звеньями фиксируется пауза, длительность которой равна 209 мс.

Р и с у н о к 3. Интонограмма повествовательного высказывания с перечислением «Пельмени, котлеты» (D3)

[F i g u r e 3. Intonogram of the narrative statement with enumeration «Пельмени, котлеты» (D3)]

На рисунке 4 представлена интонограмма повествовательного высказывания с перечислением «Был старшим оленеводом, бригадиром.» в речи D1. Основные изменения мелодики представлены инклинацией на главноударном гласном первого звена до мелодического максимума в 215 Гц, и понижением тона на ударном гласном второго звена с 171 Гц до 153 Гц. Длительность паузы составила 776 мс. В целом, наблюдалась зависимость направления движения ядерного тона и длительности паузы: при отсутствии паузы между звеньями или незначительной длительности паузы ядерный тон был представлен инклинацией, в то время как в большинстве реализаций с длительными паузами происходило понижение ЧОТ на ядре.

Интерес представляют повествовательные высказывания с перечислением, основным отличием которых является ровный тон главноударных гласных каждого зве-

на. Такую картину можно наблюдать в реализации высказывания «Это бисерное плетение, шитье.» в речи D5 (см. рис. 5).

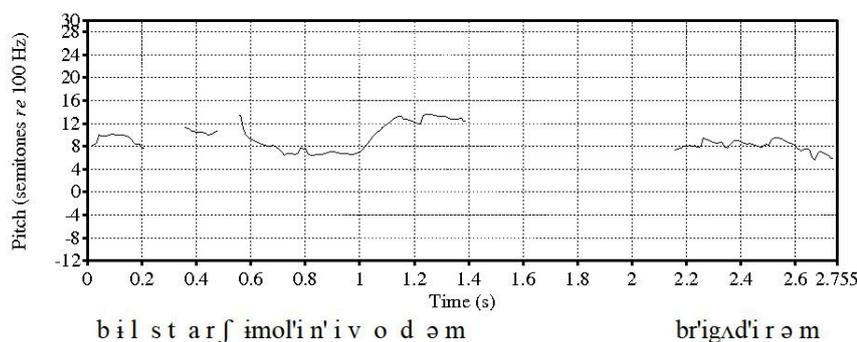

Рисунок 4. Интонограмма повествовательного высказывания с перечислением «Был старшим оленеводом, бригадиром» (D1)
[Figure 4. Intonogram of the narrative statement with enumeration «Был старшим оленеводом, бригадиром» (D1)]

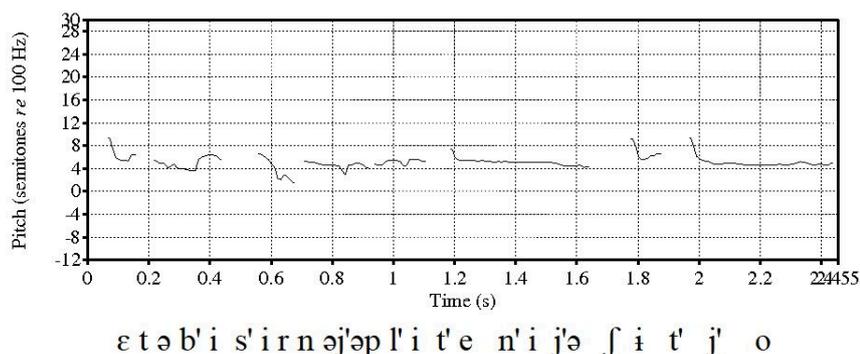
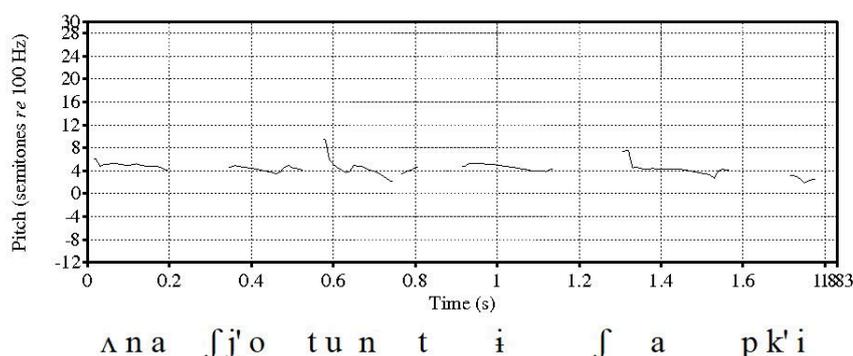

Рисунок 5. Интонограмма повествовательного высказывания с перечислением «Это бисерное плетение, шитье» (D5)
[Figure 5. Intonogram of the narrative statement with enumeration «Это бисерное плетение, шитье» (D5)]

Основной тон ударного гласного первого и второго звеньев в перечислении характеризуется ровным движением мелодики на уровне 136 Гц в течение 266 мс и на уровне 131 Гц в течение 210 мс соответственно. Такое интонационное оформление выделения характерно для эвенкийской речи, основными чертами которой являются сужение мелодического диапазона и нулевой интервал главноударенных гласных. Следовательно, речь идёт о более сильном проявлении интонационной интерференции.

Анализ особенностей движения тона на заударных гласных первого звена и звена, в котором реализуется ядерный тон, не показал значительной вариативности: в большинстве реализаций наблюдалось понижение мелодики. Что касается пауз, в некоторых случаях (36%) выделение звеньев перечисления осуществлялось только изменением направления тона при отсутствии паузации. Примером является интонограмма высказывания с перечислением «Она шьёт унты шапки.» в речи D7 (см. рис. 6). Данная реализация также характеризуется незначительным понижением тона на главноударенном гласном первого звена и понижением ядерного тона. Таким образом, выделение звеньев в перечислении в данном случае достигается только за счёт повтора мелодического рисунка ударного гласного.

Р и с у н о к 6. Интонограмма повествовательного высказывания с перечислением «Она шьет унты, шапки.» (D7)
[Figure 6. Intonogram of the narrative statement with enumeration «Она шьет унты, шапки.» (D7)]

3. Заключение [Conclusion]

Полученные в результате проведённого экспериментально-фонетического исследования данные позволили сделать следующие выводы. Было выявлено, что повествовательные высказывания с перечислением в акцентной русской речи дикторов-эвенков характеризуются суженым мелодическим диапазоном, значимо не отличающимся от диапазона нейтральных высказываний, что свидетельствует о влиянии эвенкийской интонационной системы. Функция выделения основных звеньев в перечислении осуществляется изменением уровня основного тона. В большинстве случаев наблюдается повышение на всех главноударных гласных, включая носителя ядерного тона. Реже встречаются реализации интонации перечисления, представленные повышением тона на первом звене и деклинацией на ядерном тоне. В интерферированных высказываниях наблюдается ровный тон на главных ударных гласных слов в перечислении. В некоторых случаях функцию разделения звеньев выполняет также пауза, длительность которой значительно варьирует у разных дикторов.

Библиографический список

- Артемов, 1976 – Артемов В. А. Психология речевой интонации. Часть 2. Москва, 1976. 111 с.
- Бондарко и др., 2004 – Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. Москва : Издательский центр «Академия», 2004. 160 с.
- Брызгунова, 1969 – Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. Москва: Прогресс, 1969. 252 с.
- Вишневская, 1993 – Вишневская Г. М. Интерференция и акцент (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб, 1993. 373 с.
- Вольская, 1985 – Вольская Н. Б. Релевантные признаки интонационной интерференции (экспериментально-фонетическое исследование на материале акцентных ошибок русских студентов в английской речи) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; ЛГУ. Ленинград, 1985. 193 с.
- Всеволодский-Гернгросс, 1922 – Всеволодский-Гернгросс В. Теория русской речевой интонации. Петербург : Гос. из-во, 1922. 128 с.
- Гальперин, 1981 – Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. 3-е изд. М., 1981. 320 с.
- Зиндер, 1979 – Зиндер Л. Р. Общая фонетика : учеб. пособие. М. : Высш. школа, 1979. 312 с.
- Карачева, Морозова, 2018 – Карачева О. Б., Морозова О. Н. Интонация утвердительного предложения в русском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 3. С. 39–58.

- Карачева, 2022 – Карачева О. Б. Реализация супraseгментных единиц в интерферирующей речи билингов (сопоставительное исследование на материале звуковых систем русского и эвенкийского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Амурский гос. ун-т, 2022. 185 с.
- Кодзасов, Кривнова, 2001 – Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М. : Рос.гос. гуманитар. ун-т, 2001. 592 с.
- Любимова, 1991 – Любимова Н. А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментально-фонетическое исследование на материале финско-русского двуязычия) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 1991. 28 с.
- Наумова, 2002 – Наумова Е. В. Просодико-интонационная интерференция в речи билингов: на материале русского языка и языка суахили : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). М., 2002. 187 с.
- Николаев, 2017 – Николаев А. И. Интонационная интерференция якутского языка в ситуации искусственного многоязычия: экспериментально-фонетическое исследование : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Якутск, 2017. 221 с.
- Николаева, 1977 – Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977. 278 с.
- Николаева, 2000 – Николаева Т. М. От звука к тексту. М. : Языки русской культуры, 2000. 679 с.
- Панов, 1983 – Панов Е. Н. Знаки, символы, языки. 2-е изд., доп. М. : Знание, 1983. 246 с.
- Пешковский, 1959 – Пешковский А. М. Интонация и грамматика // Избранные труды. М. : Учпедгиз, 1959. С. 177–179.
- Светозарова, 1982 – Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1982. 176 с.
- Торсуева, 1979 – Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания : учеб. пособие. М. : Наука, 1979. 111 с.
- Щерба, 1974 – Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевич. Л. : Наука, 1974. С. 413–418.

References

- Artemov, V. A. (1976). *Psikhologiya rechevoy intonatsii [Psychology of speech intonation]*. Part 2. Moscow. (In Russ.).
- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A., & Gordina, M. V. (2004). *Osnovy obshchey fonetiki [Basics of general phonetics]*. Moscow : Academia Press. (In Russ.).
- Bryzgunova, E. A. (1969). *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi [Sounds and intonation of the Russian speech]*. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Vishnevskaya, G. M. (1993). *Interferentsiya i aktsent (na materiale intonatsionnykh oshibok pri izuchenii nerodnogo yazyka) [Interference and accent (on the material of intonation errors in non-native.)]*. PhD in Philological sci. diss. ; St-Petersburg State University. St-Petersburg. (In Russ.).
- Vol'skaya, N. B. (1985). *Relevantnye priznaki intonatsionnoy interferentsii (eksperimentgal'no-foneticheskoe issledovanie na materiale aktsentnykh oshibok russkikh studentov v angliyskoy rechi) [Relevant features of intonation interference (experimental phonetic research based on the accent errors of Russian students in English speech)]*. PhD in Philological sci. diss. ; Leningrad University. Leningrad. (In Russ.).
- Vsevolodskiy-Gerngross, V. (1922). *Teoriya russkoy rechevoy intonatsii [Theory of the Russian speech intonation]*. St Petersburg : Government Press. (In Russ.).
- Gal'perin, I. R. (1981). *Stilistika angliyskogo yazyka [Stylistics of the English language]*. Moscow. (In Russ.).
- Zinder, L. R. (1979). *Obshchaya fonetika [Basic phonetics]*. Moscow. Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Karacheva, O. B., & Morozova, O. N. (2018). Intonatsiya utverditel'nogo predlozheniya v russkom i evenkiyskom yazykakh [Intonation of statements in Russian and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 4 (3), 39–58. (In Russ.).
- Karacheva, O. B. (2022). *Realizatsiya suprasegmentnykh edinit v interferirovannoy rechi bilingvov (sopostavitel'noe issledovanie na materiale zvukovykh sistem russkogo i evenkiyskogo yazykov)*

- [*Manifestation of suprasegmental units in the interfered speech of bilinguals (Comparative study based on Russian and Evenki sound systems)*]. PhD in Philological sci. diss. ; Amur State University. Blagoveshchensk. (In Russ.).
- Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaya fonetika [General phonetics]*. Moscow : Russian State University for the Humanities Press. (In Russ.).
- Lyubimova, H. A. (1991). *Foneticheskaya interferentsiya i obshchenie na nerodnom yazyke (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale finsko-russkogo dvuyazychiya) [Phonetic interference and communication in a non-native language (Experimental phonetic study based on Finnish-Russian bilingualism)]*. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg State University. (In Russ.).
- Naumova, E. V. (2002). *Prosodiko-intonatsionnaya interferentsiya v rechi bilingvov: Na materiale russkogo yazyka i yazyka suakhili [Prosodic-intonational interference in bilingual speech: Based on Russian and Swahili]*. PhD in Philological sci. diss. ; RUDN. Moscow. (In Russ.).
- Nikolaev, A. I. (2017). *Intonatsionnaya interferentsiya yakutskogo yazyka v situatsii iskusstvennogo mnogoyazychiya: eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie [Intonation interference of the Yakut language in the situation of artificial multilingualism: An experimental phonetic study]*. PhD in Philological sci. diss. ; IHRISN SB RAS. Yakutsk. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (1977). *Frazovaya intonatsiya slavyanskikh yazykov [Phrasal intonation of Slavic languages]*. Moscow. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (2000). *Ot zvuka k tekstu [From sound to text]*. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Panov, E. N. (1983). *Znaki, simvoly, yazyki [Signs, symbols, languages]*. 2nd edn, with addenda. Moscow : Znanie Press. (In Russ.).
- Peshkovskiy, A. M. (1959). *Intonatsiya i grammatika. Izbrannye trudy [Intonation and grammar. Selected works]*. Moscow : Uchpedgiz Press. (In Russ.).
- Svetozarova, N. D. (1982). *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka [Intonation system of Russian]*. Leningrad : Leningrad University Press. (In Russ.).
- Torsueva, I. G. (1979). *Intonatsiya i smysl vyskazyvaniya [Intonation and meaning of the utterance]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1974). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]*. Leningrad : Nauka Press, (In Russ.).

Кирпикова Виталия Вадимовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
kirpikovavita@gmail.com

Способы передачи реалий при переводе художественного текста с китайского языка на русский

Аннотация

Целью данной статьи был выбор подходящих приёмов перевода на русский китайских культурных реалий, вербализованных в одном современном художественном произведении, и оценка возможности применения полученных языковых соответствий для автоматического перевода текстов других жанров. Материалом для исследования послужили 17 глав оригинала повести Янь Гэлин «Тринадцать женщин Цзиньлина». Всего было выбрано и проанализировано двадцать семь узких контекстов, содержащих номинации этнографических реалий, отсутствующих в языке перевода и представляющих несомненную переводческую трудность. Результаты исследования, полученные в ходе собственной переводческой работы в необученной системе автоматического перевода OmegaT показали, что чаще всего приходилось прибегать к транслитерации, сопровождая её переводческим комментарием, помогающим русскоязычному читателю понять смысл реалии. Описательный перевод и трансформации использовались в равном количестве, но реже, чем транслитерация. Реже всего приходилось прибегать к калькированию и замене. Во многих случаях эти приёмы использовались совместно с грамматическими трансформациями. Анализ частоты употребления изученных номинаций реалий по корпусу ВСС показал, что большинство соответствий, внесённых в глоссарий системы OmegaT, будут полезны при переводе древнекитайских текстов, современной прессы и разговорной речи даже в большей степени, чем художественной литературы в силу их большей частотности в данных подкорпусах.

Ключевые слова: переводческий приём, безэквивалентная лексика, этнографическая реалия, автоматическая система перевода, частотность по корпусу

© Кирпикова В. В. 2025

Для цитирования: Кирпикова В. В. Способы передачи реалий при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 69–81. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-69>

Vitaliya V. Kirpikova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
kirpikovavita@gmail.com

Ways to translate culture-specific elements in a literary text from Chinese into Russian

Abstract

This paper aims to choose the appropriate translation techniques to convey Chinese cultural realia verbalized in one modern novel when translating into Russian as well as to assess the possibility of applying the obtained correspondences to translate texts from other genres in an automatic translation system. 17 chapters of Yan Geling's novel "Thirteen Women of Jinling" were translated using OmegaT automated system. 27 tokens containing ethnographic realia nominations were selected, all of them presenting a translation challenge as far as such realia

were missing in the Russian culture. The results obtained while training the automated system showed that transliteration accompanied by translator commentary was used more often than other techniques. The commentary helped understand the realia and its functioning. Description and transformation were applied less frequently but in similar amount. The least frequent were calking and substitution. In many cases, those techniques were accompanied by grammatical transformations. The number of the realia nominations entries in BCC corpus show that most correspondences added to OmegaT Glossary will be even more useful for automatic translation of ancient Chinese texts, modern press and oral speech than of fiction due to their higher frequency in those sub-corpora.

Keywords: translation technique, non-equivalent vocabulary, ethnographic realia, automatic translation system, frequency in corpus

© Kirpikova V. V. 2025

For citation: Kirpikova, V. V. (2025). Sposoby peredachi realiy pri perevode khudozhestvennogo teksta s kitayskogo yazyka na russkiy [Ways to translate culture-specific elements in a literary text from Chinese into Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 69–81. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-69>

1. Введение [Introduction]

Настоящая статья продолжает серию статей, посвящённых анализу сложностей перевода современного китайского художественного текста на русский язык на материале одного художественного произведения. Ранее нами были представлены способы перевода ряда метафор и фразеологизмов [Кирпикова, 2023], а также способы перевода случайных лакун [Кирпикова, 2024]. В данном исследовании мы обратились к способам перевода вербализаций китайских культурных реалий. Целью данной статьи был выбор подходящих приёмов перевода на русский китайских культурных реалий, вербализованных в одном современном художественном произведении, и оценка возможности применения полученных языковых соответствий для автоматического перевода текстов других жанров.

Взаимосвязь языка и культуры обуславливает наличие в каждом языке реалий, представляющих собой культурно-специфические явления. Реалии являются ярким примером непередаваемых элементов текста, и большинство учёных относят их к разряду безэквивалентной лексики [Ахманова, 2004, с. 381 ; Розенталь, 1985, с. 236 ; Бархударов, 1975, с. 95 ; Влахов, Флорин, 1980, с. 51 ; Швейцер, 1988, с. 108]. Самая главная трудность для переводчика при передаче реалий – это её отсутствие в языке перевода, а также расхождение в количестве и качестве значений, которыми обладают реалии, используемые в оригинальном тексте, и их эквивалентов, имеющих в словарях. То есть даже те предметы и явления, которые совпадают в разных языках, могут иметь различный функционал, а качественно одинаковые предметы и явления могут иметь различный набор денотативных и коннотативных значений. Для адекватного перевода безэквивалентной лексики переводчику необходимо знание действительности, изображающейся в произведении, над которым он работает. Только при наличии фоновых знаний возможно точно передать значение предметов и явлений, не имеющих места в языке перевода (ПЯ).

Фоновые знания в тексте ПЯ отражаются с помощью особых лексических единиц, называемых фоновыми словами. Эти слова играют важную роль при переводе художественного текста, поскольку именно с их помощью отражается действительность, имеющая место в определённой исторической эпохе в конкретном месте и лингвокультуре. Подобную лексику нужно передать таким образом, чтобы её значение было максимально понятно представителям других лингвокультур [Демонова и др., 2021, с. 145].

Поскольку текст является инструментом межкультурной коммуникации, его можно считать элементом, присущим одновременно двум системам – исходной лингвокультуре и лингвокультуре реципиента. В этом контексте сохранение национального своеобразия текста-оригинала предполагает функционально верное восприятие и передачу целого сочетания элементов, в число которых входят и реалии. Сохранение национального своеобразия текста-оригинала в процессе перевода является важным аспектом межкультурной коммуникации и требует от переводчика высокой степени профессионализма, понимания национальных реалий и культуры, а также способности передать смысл и «настроить» реципиента на соответствующую национальную культуру [Божко, 2009, с. 27].

Для квалифицированного переводчика не важно, имеет ли та или иная лексическая единица словарное соответствие. Его решение осуществляется с помощью текстовых эквивалентов. При передаче реалий переводчик выбирает из множества вариантов тот, который позволяет адекватно выразить понятый им смысл и позволит наилучшим образом отразить культурно-исторические отличия [Фененко, 2009, с. 128].

Понятие «реалия» следует чётко отличать от понятия «термин». С. Влахов и С. Флорин отмечают, что «в отличие от большинства лексических единиц, термины обозначают точно определённые понятия, предметы, явления; как идеал – это однозначные, лишённые синонимов слова (и словосочетания), нередко иноязычного происхождения; среди них есть и такие, значения которых ограничены исторически. Все это можно сказать и о реалиях» [Влахов, Флорин, 1980, с. 8–9]. Авторы также ссылаются на А. Е. Супруна и А. Д. Швейцера, которые также указывали на существование подобных лексических единиц, которые бывает трудно однозначно отнести к реалиям или терминам либо можно считать одновременно и тем, и другим, так как они находятся на стыке этих двух категорий. Однако С. Влахов и С. Флорин также обращают внимание на то, что определение «термина» можно считать устоявшимся, в то время как понятие «реалия» не имеет строгого определения и является дискуссионным [Цит. по : Влахов, Флорин, 1980, с. 8–9].

Под «термином» в современной лингвистике понимается «слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях», понятие же «реалии» трактуется неоднозначно [Фененко, 2018, с. 280].

Л. С. Бархударов определяет реалии как «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бархударов, 1975, с. 95]. К данному виду лексики относятся слова, обозначающие предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу, например, названия блюд национальной кухни, видов народной одежды и обуви, народных танцев и т. д. Однако Л. С. Бархударов также уточняет, что не всегда легко решить, в каком случае то или иное слово либо словосочетание можно отнести к числу культурных реалий, так как окказиональный переводческий эквивалент может перейти в устойчивое словарное соответствие [Там же].

С. Влахов и С. Флорин определяют термин «реалия» как «слова, называющие элементы быта и культуры исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам» [Влахов, Флорин, 1980, с. 5–6].

Г. Д. Томахин под реалией понимает название предметов материальной культуры, явлений, специфических имен национальных героев и так далее в определённом круге нации или наций. На основании сопоставления различных языков и культур он выделяет несколько типов реалий:

1) реалии, которые характерны только одному лингвокультурному сообществу и полностью отсутствуют в другом;

2) явления или предметы, которые имеют место в обоих лингвокультурах, но характеризуются разным семантическим и ценностным наполнением;

3) лексические единицы, используемые в разных языках и обладающих схожим функционалом;

4) явления, которые присутствуют в обоих лингвокультурах и имеют схожее значение, но различаются деталями [Цит. по : Демоноваи др., 2021, с. 147].

А. А. Реформатский свою классификацию реалий строит на предметно-языковом принципе: 1) имена собственные; 2) монеты; 3) должности и обозначения лиц; 4) детали костюма и украшения; 5) кушанья и напитки; 6) обращения и титулы при именах [Реформатский, 1996, с. 112].

С. Влахов и С. Флорин предлагают несколько различных классификаций культурных реалий: 1) предметное деление; 2) местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности; 3) временное деление (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакомости»; 4) переводческое деление. При проведении данного исследования нам представилось наиболее целесообразным использование классификации на основе предметного деления. Исходя из данного признака, авторы выделяют следующие типы реалий:

1) географические реалии (названия объектов физической географии; названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; названия эндемиков);

2) этнографические реалии (названия предметов быта, труда, искусства и культуры, а также этнические объекты);

3) общественно-политические реалии (лексика, связанная с административно-территориальным устройством, органами и носителями власти, общественно-политической жизнью);

4) военные реалии (названия подразделений, оружия, обмундирования, военнослужащих) [Влахов, Флорин, 1980, с. 51–56].

Поскольку реалии относятся к разряду безэквивалентной лексики, для их передачи нами использовались следующие переводческие приёмы: 1) переводческая транслитерация и транскрипция; 2) калькирование; 3) описательный перевод; 4) приближенный перевод; 5) трансформации.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

В экспериментальной части работы мы вновь обратились к не переведённой на русский язык повести Янь Гэлин «金陵十三钗» 'Тринадцать женщин Цзиньлина' / 'Цветы войны' (1-е изд. – 2007 г.). В 2011 г. была выпущена экранизация, фильм был переведён на русский язык, но перевод экранизации в данном исследовании не использовался.

Оригинальный текст переводился на русский язык с применением программы OmegaT – системы автоматизированного перевода, поддерживающей память переводов. Возможности программы включают в себя сегментацию исходного текста (автоматически по предложениям на основе знаков препинания), формирование глоссария, использование точных (чётких) и неточных (нечётких) соответствий с уже переведёнными вручную и занесёнными переводчиком в систему фрагментами, а также поиск контекстов в базах данных переводов (ранее заполненных вручную переводчиком). Важность внесения в глоссарий безэквивалентных единиц, не только лексических, но и фразеологических, сложно переоценить (см. об этом в [Ли, Сун, 2023]). Перевод осуществлялся автором настоящего исследования.

В ходе работы над 17 главами произведения было выделено 27 сегментов, содержащих культурные реалии. Все эти реалии относятся к классу этнографических, что в основном обусловлено жанром и содержанием переводимого текста.

Конечно же, возникает вопрос о том, насколько востребован будет перевод изученных единиц. Для этого была рассмотрена их частотность по крупнейшему корпусу китайского языка – ВСС, – содержащему 15 млрд. иероглифов, распределённых по четырём подкорпусам: художественная литература, пресса, разговорная речь (из социальной сети Weibo) и древнекитайские тексты. Следует отметить, что на данном этапе исследования не все реалии, вызвавшие проблемы при переводе, были проанализированы с помощью поискового сервиса данного корпуса, так как некоторые из них (5 из 27) являются многозначными словами, смысл которых зависит от контекста.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Прежде всего отметим, что на протяжении всей первой главы система обучалась по мере того, как в неё вручную вносился перевод. Однако уже со второй главы система начала выдавать нечёткие совпадения, количество которых росло от главы к главе по мере их внесения в глоссарий системы. Чётких совпадений предложений целиком не было, что вполне ожидаемо для художественного текста, в отличие от научно-технического текста с высокой степенью клишированности. В глоссарий вошли в основном устойчивые сочетания, фразеологизмы и те слова, которые часто повторялись в тексте. Перейдём к рассмотрению использованных переводческих приёмов.

3.1. Анализ переводческих решений [Analysis of translation techniques]

При переводе реалий были использованы такие приёмы, как приближенный перевод, описательный перевод, транслитерация, калькирование, лексико-семантические и грамматические трансформации. Результаты подсчётов представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Переводческие техники при передаче культурных реалий
[Table 1. Translation techniques to render cultural realia]

Переводческий приём	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Транслитерация	11	40.74
Описательный перевод	5	18.52
Трансформации (лексико-семантические и грамматические)	5	18.52
Приближенный перевод	3	11.11
Калькирование	2	7.41
Замена на фразеологизм	1	3.7

Как видно из данных, представленных в таблице 1, чаще всего для передачи культурных реалий с китайского языка на русский использовалась транслитерация. В качестве примера можно привести следующий сегмент:

(1) 一个女人要做状元，她的男人做书童，搭个伴，或者也有壮胆、解闷、哄慰等功用。 – 'Если женщина хочет стать **чжуаньюанем**, её муж должен быть служкой и составлять ей компанию? Или он должен подбадривать её, развлекать да успокаивать?'

Лексическая единица 状元 является реалией, присущей исключительно китайской культуре, и подразумевает под собой «первого из сильнейших, победителя на столичных экзаменах, первого кандидата на высокую должность». Её происхождение

восходит ко временам Древнего и Средневекового Китая, когда была распространена практика проведения государственных экзаменов *кэцзюй*.

Экзаменационная система *кэцзюй* представляет собой экзамен для получения чиновничьего звания в императорском Китае. Эта система существовала с 605 по 1905 гг. [Шогенова, 2020, с. 170]. Чжуаньюанем называли того, кто занимал первое место на последнем этапе экзамена, который проводился в столице империи. В русском языке не существует полного соответствия для данной реалии, поскольку такого явления как *кэцзюй* в российской истории не было. Следовательно, в данном случае необходимо применить транслитерацию, так как описательный перевод исключается контекстом и самой структурой предложения. Обратим внимание и на синтаксическую трансформацию: на русском языке размышления персонажа правильнее выразить в вопросительной форме, хотя оригинал представляет собой утвердительное предложение. Также здесь необходимо применить переводческий комментарий, чтобы объяснить русскоязычному читателю суть понятия *чжуаньюань*.

Второе место по частоте использования при передаче реалий занимает о п и с а т е л ь н ы й п е р е в о д. Например:

(2) 仓库已经不是仓库了，是一条地下花船，到处铺着她们的红绿被褥，狐皮貂皮，原先挂香肠火腿的钩子空了，上面包上了香烟盒的锡纸，挂上了五彩缤纷的绿中、纱巾、乳罩、肚兜……四个女人围着一个酒桶站着，上面放着一块厨房的大案板，稀里哗啦地搓麻将。 – 'Подвал перестал быть обычным подвалом, он превратился в одну из **прогулочных лодок, что плавали по реке Циньхуай**: повсюду были разложены красные и зелёные постельные принадлежности, развешаны соболиные и лисьи меха, а крюки, на которых обычно висели сосиски и окорока, были пусты и обмотаны сигаретной фольгой – на них висели разноцветные газовые платки, бюстгалтеры, **дудоу** ... Четыре женщины, стоя вокруг винной бочки, на которой лежала разделочная доска, шумно играли в маджонг'.

В данном сегменте текста используются две реалии. Первая – *肚兜* – передаётся с помощью транслитерации *дудоу* и подразумевает под собой традиционное китайское нижнее бельё, квадратный кусок ткани с усечённым верхним краем и завязками на спине. В конфуцианском Китае женская фигура должна была обладать прямыми линиями, а большой бюст являлся признаком проститутки, поэтому его тщательно бинтовали с помощью такого белья. В наше время *дудоу* используется как часть спального комплекта. В русском языке подобного предмета гардероба нет, поэтому здесь и было необходимо использовать транслитерацию и переводческий комментарий.

Однако в данном случае нас больше интересует вторая реалия – *花船*. Данная лексическая единица обозначает разукрашенную прогулочную лодку, галерею для прогулок, приёмов и развлечения (также для завлечения посетителей в весёлый дом), на которой девушки лёгкого поведения развлекали гостей. В русском языке полного эквивалента данной реалии не существует, поэтому для её передачи был использован описательный перевод. Кроме того, в переводе предложено расширение – *река Циньхуай* для указания на место действия (центр Нанкина, через который протекает река) и специфику самого объекта: такие лодки в Нанкине плавали по реке Циньхуай, на набережной которой располагался квартал публичных домов.

В ряде случаев приходилось прибегать к сочетанию переводческих приёмов, например, описательный перевод с генерализацией. Например:

(3) 戴涛的手已经握在瓷茶缸上，虎口张大，和四指形成一只坚硬的爪子。 – 'Во время его речи Дай Тао схватил фарфоровую чайную чашку, и его **рука** стала похожа на когтистую звериную лапу'.

Лексическая единица 虎口 является исключительно китайской реалией, которая подразумевает пространство (часть ладони) между большим и указательным пальцем. Контекст не позволяет использовать приём транслитерации, но и описательный перевод в полном объёме исходя из того же контекста невозможен. Однако вполне допустимо использовать его в сочетании с таким приёмом как генерализация. Описательный перевод данной реалии указывает на довольно узкое значение лексической единицы, т. е. на её референциальное значение. Чтобы адекватно передать это значение на русский язык, было необходимо, используя приём генерализации, заменить слово с более узким значением на слово с более широким значением, русский эквивалент которого – *рука*.

Третье место по частоте использования т р а н с ф о р м а ц и и. Например:

(4) 日本兵们对这如花少女不止是施暴和凌迟，还把她钉在永恒的耻辱柱上。 – 'Японцы не только изнасиловали и *линчевали* эту нежную как цветок девушку, но и пригвоздили её к позорному столбу'.

Лексическая единица 凌迟 не имеет единого перевода. На русский язык её можно передать как с помощью транслитерации *линчи*, так и с помощью описательного перевода *казнь «тысячи порезов»*; *совершать линчи*; *совершать казнь «тысячи порезов»*. *Линчи* – это вид жестокой казни, существовавший в Китае со средних веков до 1905 г. Во время *линчи* от тела преступника отрезали куски плоти, и продолжалось такое наказание довольно долгое время. Этот вид казни применяли в отношении преступников, совершивших тяжкие преступления, например, государственную измену либо отцеубийство. Совершалась данная казнь в основном для устрашения на глазах у толпы.

В рассматриваемом сегменте текста указывается, что японцы убили девушку, совершив над ней казнь *линчи*. Однако структура русскоязычного предложения не позволяет использовать транслитерацию либо описательный перевод. В данном случае больше подходит грамматическая трансформация, а именно замена номинации реалии глаголом со схожим значением и даже звучанием – *линчевать*. В то же время для того, чтобы объяснить русскоязычному читателю авторский замысел, необходимо использовать переводческий комментарий, поскольку *линчевание* как самосуд толпы имеет мало общего с тем, что произошло с девушкой.

Следует особо отметить и те случаи, когда лексико-семантические трансформации сочетались с грамматическими. Например:

(5) 她还让书娟看看，她也会做红菱、做豆蔻，做一切下九流的女人，破罐子破摔，摔给你看。 – 'Она хотела показать Шуцзюань, что она может стать такой же как Хунлин или Доукоу, стать *падшей женщиной*, опуститься, уронить себя'.

Лексическую единицу 下九流 можно перевести как *представители «низких» профессий*. В Средневековом Китае к таким профессиям относились певцы, музыканты, актёры, акробаты, куртизанки, воры, посыльные, портные, парикмахеры и т. д. В данном случае реалия является частью субстантивного словосочетания с частицей 的, определением к существительному 女人 'женщина', т. е. имеется в виду, что девочка может стать женщиной низкой профессии. В русском языке под этим понимается именно женщина определённой профессии, в то время как в Средневековом Китае такая женщина могла быть певицей, танцовщицей или актрисой. Следовательно, в данном случае необходимо использовать лексико-семантическую трансформацию, однако, как уже было сказано выше, реалия 下九流 является частью субстантивного словосочетания, а значит необходимо подобрать эквивалент, подходящий к существительному согласно правилу семантического согласования, так как словосочетание «женщина низкой профессии» не совсем ему соответствует. Поэтому была предложена грамматическая трансформация

«существительное → прилагательное». Таким образом, словосочетание 下九流的女人 возможно перевести на русский язык как 'падшая женщина', сохраняя и референциальное значение, вложенное в него автором, и согласование с правилами русского языка.

Далее рассмотрим использование приближенного перевода (четвёртое место по частоте использования). Показателен следующий пример:

(6) “没见过你这么傻个瓜，你跟他去了，现在就是鸭贵妃了！” – 'Не думала я, что ты настолько глупа! Если бы ты ушла к нему, то была бы сейчас уткой-наложницей!'.

Лексическая единица 贵妃 – реалия, берущая начало в Средневековом Китае и являющаяся довольно высоким титулом, который император даровал женщинам в своём гареме. Буквально он переводится как 'драгоценная супруга'. Используя же описательный перевод, данный титул можно перевести как 'государева супруга второго класса', в некоторых случаях, когда данный титул используется как обращение, его можно передать с помощью транслитерации – *гуйфэй*. Именно такое использование данной лексической единицы подразумевалось автором в данном случае. Согласно контексту, девушка определённой профессии хотела уйти второй женой к состоятельному мяснику, который торгует утиным мясом, и другие девушки, ругая её за это, дразнили тем, что тогда она будет носить титул *гуйфэй* в его доме, т. е. будет всего лишь второй женой. Однако передать авторский замысел на русский язык в полном объёме не представляется возможным. Следовательно, необходимо выбрать такой вариант перевода, который бы наиболее полно и адекватно передал данную реалию на русский язык. В данном случае возможно использовать приближённый перевод и передать реалию 贵妃 как *наложница*.

Приём калькирования занимает пятое место по частоте использования. Показательным является следующий пример:

(7) 那时杨志斌刚进入“伴读”角色… – 'В то время Ян Чжибинь только что стал её *товарищем по учёбе*…'.

Реалия 伴读 также зародилась в Средневековом Китае и связана с тогдашней системой образования. В те времена данная лексическая единица обозначала официальную должность, которая подразумевала под собой необходимость проходить обучение, составляя компанию какой-либо высочайшей особе во времена династий Сун – Мин. Таким образом реализовался один из принципов образования, сформированных ещё в Древнем Китае – принцип необходимости обучения с товарищами, поскольку «у того, кто учится один, кругозор ограничен, а познания скудны». Эта должность была очень почётной, многие знатные семьи хотели сделать своих детей *компаньонами по учёбе* принца или принцессы, или другой высокопоставленной особы, так как это позволяло наладить полезные связи и обучаться у лучших преподавателей.

В российской истории подобной должности не существовало, следовательно, было необходимо найти такой способ перевода, который позволил бы наиболее адекватно передать данную реалию на русский язык. В данном случае возможно использовать приём калькирования и перевести реалию буквально – одним словом каждый отдельный иероглиф. Иероглиф 伴 имеет значения 'товарищ, компаньон, партнёр; спутник, попутчик', в то время как 读 – 'изучать; заучивать; учиться'. В итоге получается буквальный перевод реалии – 'товарищ по учёбе' либо 'компаньон по учёбе'.

Следует обратить внимание на те случаи, когда приём калькирования сочетался с грамматическими трансформациями для наиболее адекватной передачи реалии. Например:

(8) 以后的三十年里，这幢十二层高的办公楼的朝朝代代都拿老头做圣贤人物。 – 'В течение следующих тридцати лет многими поколениями работников этого двенадцатиэтажного офисного здания старик считался *великим мудрецом*'.

В данном случае реалия 圣贤 является частью субстантивного словосочетания, определением к слову 人物 'человек; люди; лицо; личность; фигура; персона, особа'. Сама же реалия 圣贤 имеет несколько значений: 1) будды и бодхисатвы; святые; 2) прозрачное и мутное вино; 3) идеал. Нас же интересует четвёртое значение, указывающее на мудрость и таланты определённого человека. Здесь необходимо использовать приём калькирования, чтобы в полном объёме передать значение данной реалии. Как и в предыдущем примере, передадим значение каждого иероглифа, из которого состоит реалия: 圣 'гениальный, совершенно-мудрый; прозорливый, мудрый'; 贤 'умный, мудрый, талантливый [человек], способный; мудрец; талант'. В итоге реалию 圣贤 можно перевести как 'совершенно-мудрый и талантливый', трансформировав существительные в прилагательные. Однако, как было сказано выше, данная реалия является частью субстантивного словосочетания. Контекст и восприятие русскоязычного читателя не позволяют перевести словосочетание 圣贤人物 как 'совершенно-мудрый и талантливый человек'. Следовательно, здесь необходимо дополнительно применить приём семантического стяжения и перевести данное словосочетание как 'великий мудрец'. Обращение к грамматическим трансформациям неудивительно, учитывая то, что китайский и русский являются разноструктурными языками, поэтому трансформации необходимы и не только при переводе художественных текстов, но и научно-технических [Сюй, Чжэн, 2023].

Наконец, необходимо отметить случаи замены реалии на фразеологизм, при этом референциальное значение исходной лексической единицы не было потеряно:

(9) 我拿不准他们是不是在跟我唱红脸, 白脸。 – 'Я не могла понять они *волки в овечьей шкуре или всё же нет*'.

Реалия 唱红脸 пришла из пекинской оперы. Буквально она переводится как 'петь в красной маске' (в пекинской опере лица положительных героев раскрашены в красный цвет). Её также можно использовать в образном значении 'прикидываться добрым человеком'. Реалия 白脸 также относится к пекинской опере и буквально переводится как 'белая маска' (грим отрицательных персонажей). Буквальный перевод данного сегмента звучит так: «Я не могла понять, поют они в красной маске или же в белой». Русскоязычный читатель, не знакомый с китайскими театральными реалиями, не сможет понять смысл этой фразы. Между тем в русском языке существует фразеологизм, схожий с ней по значению – *волк в овечьей шкуре*. В данном случае его использование вполне оправдано, так как с его помощью возможно передать семантику данных реалий.

3.2. Частотность названий реалий в корпусе [Realia nominations in the Corpus]

Данные по употреблению 22 отобранных номинаций в абсолютных единицах представлены в таблице 2. В круглых скобках указан ранг частотности и символ, показывающий, как ранг из данного корпуса соотносится с рангом литературного корпуса, условно взятого за эталон. Знак равенства (=) означает полную тождественность, знак примерного равенства (≈) используется при расхождении на 1–2 единицы, знаки меньше / больше (</>) – при расхождении 3–5 единиц, много меньше / больше (<<</>>) – от 6 до десяти единиц, намного меньше / больше (<<<</>>>) – свыше 10 единиц. Согласно таблице 2, лишь по четырём номинациям реалий ранги в разных подкорпусах схожи (см. = или ≈). В остальных случаях расхождения рангов значительные.

Самое большое общее количество номинаций представлено в подкорпусе древнекитайских текстов, и это неудивительно, ведь все они появились в древности и сохранились до наших дней. Самое малое общее число номинаций обнаружено в подкорпусе художественной литературы. Общее количество номинаций в разговорной речи и прессе

оказалось очень схожим, но, учитывая значительно меньшее число иероглифов в под-корпусе разговорной речи, доля этих номинаций намного выше. Представленность в различных жанрах речи означает высокую востребованность изучаемых номинаций как для переводчиков, так и для методики преподавания китайского языка.

Т а б л и ц а 2. Частотность вербализаций культурных реалий (корпусные данные)
[T a b l e 2. Frequency of occurrence of cultural realia nominations (Corpus data)]

№	Реалия	Перевод	Древнекитай-ские тексты (2 млрд.)	Лит-ра (3 млрд.)	Пресса (2 млрд.)	Разговорная речь (600 млн.)
1	袍子	платье (длинное), халат	501 (15<<<<)	739 (1=)	146 (15<<<<)	210 (12<<<<)
2	二字	два иероглифа	84178 (1≈)	677 (2=)	5021 (1≈)	1551 (3≈)
3	里弄	проулок, переулок; лилун	458 (16<<<<)	399 (3=)	2334 (5≈)	749 (9<<)
4	琵琶	пипа (род лютни)	20858 (4=)	379 (4=)	3015 (4=)	925 (6≈)
5	圣贤	совершенномудрый (мудрец) и талантливый (гений)	51353 (2>)	279 (5=)	741 (12<<)	172 (13<<)
6	状元	чжуаньюань, первый из сильнейших (победитель на столичных экзаменах, первый кандидат на высокую должность)	21098 (3>)	274 (6=)	3813 (3>)	1167 (5≈)
7	炮台	паотай («каменьетная терраса» – площадка, иногда возвышение на крепостной стене для размещения каменьетов)	8071 (8≈)	257 (7=)	1269 (8≈)	170 (14<<)
8	馄饨	вонтоны, хунтунь	967 (13<)	246 (8=)	757 (11<)	3557 (2>>>)
9	苦力	кули, чернорабочий, носильщик	677 (14<)	211 (9=)	803 (10≈)	1318 (4>)
10	月饼	юэбин, лунный пряник	271 (18<<)	199 (10=)	4696 (2>>>)	13112 (1>>>)
11	一担	один дань	1686 (12≈)	198 (11=)	2292 (6>)	60 (17<<)
12	三更	третья ночная стража	16572 (6>>>)	196 (12=)	400 (14≈)	918 (7>)
13	虎口	пространство (часть ладони) между большим и указательным пальцем	5349 (9>)	137 (13=)	1376 (7>>>)	0 (22<<)
14	宣纸	сюаньчэнская бумага, сюаньчжи	116 (19<)	107 (14=)	1259 (9>)	142 (15≈)
15	凌迟	линчи (казнь «тысячи надрезов»)	3965 (10>)	73 (15=)	54 (19<)	115 (16≈)
16	贵妃	стар. государева супруга второго класса	18742 (5>>>>)	68 (16=)	604 (13>)	891 (8>>>)
17	过家家	играть в семью (детская игра)	8 (22<)	45 (17=)	59 (18≈)	303 (11>>>)
18	下九流	представители "низких" профессий	15 (21<)	25 (18=)	36 (20≈)	13 (19≈)
19	肚兜	дудоу (традиционное женское белье)	46 (20≈)	21 (19=)	103 (16>)	327 (10>>>)
20	玉楼	яшмовый терем; место сбора небожителей	8365 (7>>>>)	7 (20=)	34 (21≈)	5 (20=)
21	伴读	компаньон по учёбе (высочайшей особы)	1748 (11>>>>)	5 (21=)	31 (22≈)	31 (18>)
22	花船	разукрашенная прогулочная лодка	297 (17>)	4 (22=)	77 (17>)	4 (21≈)
Итого			3771	28316	24417	161163

Ранги частотности отдельных номинаций реалий в разных подкорпусах значительно варьируют. В публицистических текстах чаще всего встречаются меры веса или длины либо реалии, описывающие явления современной действительности. В остальных случаях они выполняют функцию средства выразительности, которое придаёт тексту дополнительную яркость и экспрессию. Есть номинации, крайне редко встречающиеся, например, в художественной литературе и разговорной речи (особенно №№20, 22), номинация № 13 вообще не встретилась в разговорной речи, но сравнительно часто появлялась в прессе. Интересно, что номинация № 17 крайне редко появлялась в древнекитайских текстах, но её частота употребления оказалась значительно больше в разговорной речи. Номинация № 2 – самая частотная в древнекитайских текстах – является таковой и в прессе, а разговорной речи она третья по частотности после номинаций № 10 и № 8.

В подкорпусе разговорной речи самой частотной номинацией является «лунный пряник» (№ 10), символизирующий романтическую культурную традицию, зародившуюся в древности. Это была трагическая история молодого и сильного стрелка Хоу (потомка императора), получившего за свой подвиг от богини эликсир бессмертия, и его красавицы-жены Чаньэ, которая в минуту тоски от одиночества в отсутствие супруга выпила эликсир в одиночку, стала бессмертной и, покинув мужа, улетела на луну. Каждый год, в день, когда луна становится особенно яркой и полной, разлучённые влюблённые могут видеть друг друга и Чаньэ вспоминает о своей любви и об оставленных родных. Праздник Луны в Китае практически равен по статусу Новому году. Промышленное производство лунных пряников в День Луны (15 числа 8 месяца по китайскому лунному календарю) сейчас в Китае носит широкомасштабный характер, а коробка таких пряников в День Луны – традиционный подарок родным и друзьям. Таким образом, самая высокая частотность данной номинации именно в разговорной речи очевидна.

4. Заключение [Conclusion]

Итак, в ходе настоящего исследования было выделено и проанализировано 27 узких контекстов, содержащих культурные реалии, которые были отнесены нами к разряду этнографических. Чаще всего для передачи этих реалий с китайского языка на русский использовался приём транслитерации, что обуславливалось наличием лакун в русской лингвокультуре. Во всех таких случаях транслитерацию было необходимо сочетать с переводческим комментарием, объясняющим русскоязычному читателю значения рассматриваемых понятий. К описательному переводу приходилось прибегать при невозможности применения приёма транслитерации, например когда возникала проблема избытка транслитерации в одном предложении. Приём трансформации применялся в тех случаях, когда структура русскоязычного предложения не позволяла использовать транслитерацию либо описательный перевод, а реалия являлась одним из главных членов предложения – подлежащим или сказуемым. Когда китайские реалии по своему значению были максимально близки к русским, нам удавалось выполнить приближенный перевод и замену номинации реалии на подходящий фразеологизм. Однако большое значение для их использования имел узкий контекст. При этом замена на фразеологизм применялась каждый раз, когда это было возможно, для максимального сохранения референциальных значений исходных языковых единиц. Приём калькирования использовался в основном для передачи тех реалий, к которым невозможно подобрать даже частичного эквивалента. В таких случаях семантика реалии определялась иероглифами, составляющими номинацию данной реалии, т. е. каждый иероглиф в составе реалии переводился отдельно для наиболее точной передачи её смысла. Наконец, возникала необходимость сочетать несколько переводческих приёмов, например, несколько видов трансформаций (лексико-семантическую и грамматическую), калькирование и семантическое стяжение.

Поскольку многие из изученных номинаций реалий, по корпусным данным, неоднократно встречаются в разных речевых жанрах, и особенно в прессе и разговорной речи, полученные результаты в виде языковых соответствий могут оказаться полезными для дальнейшей переводческой деятельности. Формирование из них глоссария в автоматической системе перевода значительно ускорит работу переводчика и снимет сложность, связанную с наличием этих лакун в русском языке.

Библиографический список

- Ахманова, 2004 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
- Бархударов, 1975 – Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международные отношения, 1975. 240 с.
- Божко, 2009 – Божко Е. М. Место реалий в системе художественного текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (21). С. 27–29.
- Влахов, Флорин, 1980 – Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 360 с.
- Демонова и др., 2021 – Демонова Ю. М., Лавриненко В. А., Кемечеджиева В. П. Реалии как лингвистическое явление // Вестник Таганрогского ин-та им. А. П. Чехова. 2021. № 1. С. 144–153.
- Ли, Сун, 2023 – Ли В., Сун Ц. К проблеме машинного перевода: на примере некоторых паремий в паре языков русский ↔ китайский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 84–93.
- Кирпикова, 2023 – Кирпикова В. В. Особенности передачи метафор и фразеологизмов при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 43–52.
- Кирпикова, 2024 – Кирпикова В. В. Способы передачи случайных лакун при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2024. № 6 (887). С. 38–44.
- Комиссаров, 1990 – Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник. М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
- Реформатский, 1996 – Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс. 1996. 536 с.
- Розенталь, Теленкова, 1985 – Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985. 99 с.
- Сюй, Чжэн, 2023 – Сюй Х., Чжэн Ц. Языковые сложности перевода научно технических текстов с русского языка на китайский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 132–143.
- Томахин, 2007 – Томахин Г. Д. Реалии в культуре и языке. Реалия-предмет и реалия-слово // Иностранные языки в школе. 2007. № 8. С. 19–28.
- Фененко, 2009 – Фененко Н. А. Две стратегии перевода реалий // Вестник ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 121–128.
- Фененко, 2018 – Фененко Н. А. О сходстве и различии понятий «термин» и «реалия» // Языковое бытие человека и этноса : сб. науч. тр. по материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018 г.) / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой, Н. Н. Германовой. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 279–285.
- Швейцер, 1988 – Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.
- Шогенова, 2020 – Шогенова Л. А. Система государственных экзаменов для чиновников «кэцзюй» в императорском Китае // Манускрипт. 2020. Т. 13 (8). С. 170–174.

References

- Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).

- Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and language-specific theory of translation)]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya Press. (In Russ.).
- Bozhko, E. M. (2009). Mesto realiy v sisteme khudozhestvennogo teksta [The place of culture-specific elements in the system of artistic text]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya [Almanac of Modern Science and Education]*, 2 (21), 27–29. (In Russ.).
- Vlakhov, S., Florin, S. (1980). *Neperevodimoye v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya Press. (In Russ.).
- Demonova, Yu. M., Lavrinenko, V. A., Kemechedzhieva, V. P. (2021). Realii kak lingvisticheskoe yavlenie [Culture-specific elements as a linguistic phenomenon]. *Vestnik Taganrogskogo in-ta im. A. P. Chexova [Bulletin of the Taganrog Institute Named After A. P. Chekhov]*, 1, 144–153. (In Russ.).
- Li, W., Song, Z. (2023). K probleme mashinnogo perevoda: na primere nekotorykh paremiy v pare yazykov russkiy ↔ kitayskiy [Concerning machine translation: Based on some paroemiae in the Russian↔Chinese pair of languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (4), 84–93. (In Russ.).
- Kirpikova, V. V. (2023). Osobennosti peredachi metafor i frazeologizmov pri perevode khudozhestvennogo teksta s kitayskogo yazyka na russkiy [Features of the transfer of metaphors and phraseological units while translating fiction from Chinese into Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 43–52. (In Russ.).
- Kirpikova, V. V. (2024) Sposoby peredachi sluchaynykh lakun pri perevode khudozhestvennogo teksta s kitayskogo yazyka na russkiy [Ways to translate accidental gaps in a literary text from Chinese into Russian]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta. Gumanitarnye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]*, 6 (887), 38–44. (In Russ.).
- Komissarov, V. N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Theory of translation (Linguistic aspects)]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Reformatsky, A. A. (1996). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to language studies]. Moscow : Aspekt Press. (In Russ.).
- Rozental, D. E., Telenkova, M. A. (1985). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms]. Moscow : Prosveshhenie Press. (In Russ.).
- Xu, H., Zheng, J. (2023). Yazykovye slozhnosti perevoda nauchno tekhnicheskikh tekstov s russkogo yazyka na kitayskiy [Language challenges in translating scientific and technological texts from Russian into Chinese]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 132–143. (In Russ.).
- Tomakhin, G. D. (2007). Realii v kul'ture i yazyke. Realiiya-predmet i realiiya-slovo [Culture-specific elements in culture and language. Culture-specific element as an object and culture-specific element as a word]. *Inostrannyye yazyki v shkole [Foreign Languages at School]*, 8, 19–28. (In Russ.).
- Fenenko, N. A. (2009). Dve strategii perevoda realiy [Two strategies for translating culture-specific elements]. *Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Proc. of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, 1, 121–128. (In Russ.).
- Fenenko, N. A. O skhodstve i razlichii ponyatiy «termin» i «realiiya» [The “term” and the “realia”: On similarities and differences]. *Yazykovoye bytie cheloveka i etnosa: sb. nauch. tr. po materialam XV Berezinskikh chteniy (Moskva, 25 maya 2018 g.) [Proc. of the XV Berezinsky readings “Language being of an individual and ethnos”, Moscow, May 25, 2018]* (pp. 279–285). Moscow, INION RAS Press. (In Russ.).
- Shveytser, A. D. (1988). *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty [Translation theory: Status, problems, aspects]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Shogenova, L. A. (2020). Sistema gosudarstvennykh ekzamenov dlya chinovnikov «ketszyuy» v imperatorskom Kitae [Civil Service Examination System (Keju) in Imperial China]. *Manuskript [Manuscript]*, 13 (8), 170–174. (In Russ.).

Неволина Ксения Викторовна
Иркутский государственный медицинский университет
г. Иркутск, Российская Федерация
knevolina@mail.ru

Есть ли место морали? Пространственные характеристики морали как субъекта (на материале электронного корпуса немецкого языка DWDS)

Аннотация

Цель исследования состоит в установлении пространственных характеристик морали как субъекта. Материалом послужили отобранные методом сплошной выборки 1370 текстовых примеров моральной проблематики, представленных в Электронном корпусе немецкого языка DWDS. В ходе обработки материала применялись лингвистический анализ текста, контент-анализ, анализ словарных дефиниций, описательно-интерпретативный метод. В результате проведённого анализа обнаружено, что статическое пространственное положение морали как субъекта в немецкой языковой картине мира выражается при помощи глагола *stehen*. Использование после метафоры *Moral steht* локализаторов позволяет уточнить местоположение нравственности. Ориентационные метафоры *Moral steht auf der Seite / im Vordergrund / über etw. / an der Grenze / im Zentrum / im Weg* свидетельствуют о том, что мораль не имеет фиксированного положения в пространстве, её местоположение меняется. Установлено, что в основе представленных в моральном дискурсе метафор лежат такие метафорические модели, как ОДНА СТОРОНА – ДРУГАЯ СТОРОНА, ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА – ЗАДНЯЯ СТОРОНА, ЖИЗНЬ – ЭТО СЦЕНА/КАРТИНА, ВЕРХ – НИЗ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ. Они не только формируют представление о локализации морали, но и демонстрируют нравственное состояние немецкоязычного общества, в котором потребности важнее морали, а на переднем плане находятся экономика, общество и модернизация. В современном обществе мораль больше не стоит в центре или в основании человеческого бытия – она вытеснена на периферию и уже не является препятствием для совершения безнравственных поступков.

Ключевые слова: мораль, метафора, моральный дискурс, метафорическая модель, немецкий язык, корпус

© Неволина К. В. 2025

Для цитирования: Неволина К. В. Есть ли место морали? Пространственные характеристики морали как субъекта (на материале электронного корпуса немецкого языка DWDS) с компонентом-соматизмом // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 82–91. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-82>

Ksenia V. Nevolina
Irkutsk State Medical University
Irkutsk, Russian Federation
knevolina@mail.ru

Is there a place for morality? Spatial characteristics of morality as a subject (Based on the German DWDS-Corpus)

Abstract

The study aims to determine the spatial features of morality as a subject. Continuous sampling was used to select 1370 tokens mentioning morality issues from the German DWDS-Corpus. Linguistic text analysis, content analysis, analysis of dictionary definitions, descriptive-interpretive method were applied to process the tokens. As

a result, it was found that the static spatial position of morality as a subject in the German language picture of the world is expressed using the verb *stehen*. The use of localizers after the *Moral steht* metaphor enables to clarify the location of morality. Orientation metaphors *Moral steht auf der Seite / im Vordergrund / über etw. / an der Grenze / im Zentrum / im Weg* indicate that morality does not have a fixed position in space, its location changes. It is determined that the metaphors presented in moral discourse are based on the following metaphorical models: UP – DOWN, ONE SIDE – THE OTHER SIDE, FRONT – BACK, LIFE IS A STAGE/PICTURE, TOP – BOTTOM, CENTER – PERIPHERY. They not only form an idea of the localization of morality but also demonstrate the moral state of the German-speaking society where needs are more important than morality while economics, society and modernization are in the foreground. In modern society, morality is no longer the focus or the basis for human existence – it is pushed to the periphery and is no longer an obstacle to committing immoral acts.

Keywords: morality, metaphor, moral discourse, metaphorical model, German language, Corpus

© Nevolina K. V. 2025

For citation: Nevolina, K. V. (2025). Est' li mesto morali? Prostranstvennye kharakteristiki morali kak sub"ekta (na materiale elektronnoho korpusa nemetskogo yazyka DWDS) [Is there a place for morality? Spatial characteristics of morality as a subject (Based on the German DWDS-Corpus)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 82–91. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-82>

1. Введение [Introduction]

Разложение гуманитарной парадигмы привело в начале XXI века к возникновению трансгуманизма. Известный российский философ и антрополог В. А. Кутырев определил трансгуманизм как официальное «переступание» через человека [Кутырев и др., 2019, с. 53], «прямой вызов идентичности человека, какого мы знаем». Техногенной потребительской цивилизации больше не нужен человек традиционный. Ускоряющийся технический прогресс требует теперь подгонки не кресла под человека, а человека под кресло, «совершенствования» вместе с ним того, кто в нём сидит [Кутырев, 2012, с. 103]. Уничтожение природы, её вытеснение искусственной средой, «забывание» экологии, извращение идеи устойчивого развития, культивирование приоритета прав индивида над правами рода и общества, вакханалия новационизма – всё это проявление де(э)волюции человеческого бытия [Кутырев, 2012, с. 104].

Деконструкция человека и его бытия неизменно ведут и к трансформациям внутри морали, лежащей в основе этого бытия [Неволина, 2023, с. 3585], связывающей людей до всех связей, очерчивающей тот идеальный универсум, внутри которого только и может разворачиваться человеческое бытие как человеческое [Гусейнов, 1998, с. 23]. Фундаментальность и сложность протекающих изменений вызывают закономерный вопрос: а есть ли ещё место морали и нравственным ценностям в жизни человека в условиях укореняющегося трансгуманизма? Если да – то какое?

На современном этапе развития научного познания под моралью принято понимать нравственность – особую форму общественного сознания и вид общественных отношений [Неволина, 2022, с. 3560]. В свою очередь, особым коммуникативным явлением, отражающим основные элементы морального сознания, является моральный дискурс. Мораль, человеческие ценности и связанные с ними дискурсы в последние десятилетия находятся в фокусе особого внимания лингвистов [Афанасьева, 2014 ; Беданоква, Гаврилова, 2019 ; Воркачев, 2016, 2022 ; Гаврич, 2020 ; Диль, 2019 ; Карасик, 2013 ; Матюшкова, 2024 ; Шалгина 2023]. В более ранних работах было установлено, что имя существительное *Moral* претерпевает культурно и социально обусловленные изменения. Выявлены отдельные семантические маркеры трансформирующейся морали как субъекта: интертекстуальность [Неволина, 2022, с. 3560], метафоры и метафони-

мии [Хахалова, 2023, с. 2387]. Определены основные языковые характеристики морали и морального дискурса. Установлено, что морали свойственны оценочность и императивность и что она выполняет регулятивную, познавательную и мировоззренческую функции [Неволина, 2022, с. 3560].

Так, императивность морали, её вездесущность подразумевают как включённость во временную ткань общественной жизни, так и её погружённость в целом во всё жизненное пространство человека. С одной стороны, мораль должна присутствовать всегда и везде, с другой же – конкретное её местоположение трудно определимо в связи со сложностью и многоуровневостью самого морального концепта, ведь мораль – это одновременно и нормы (требования-запреты и требования-образцы: не лги, не кради, будь храбрым, добрым, честным и т. д.), и моральные качества и чувства (верность, эгоизм, сочувствие, мужество, честность, тщеславие, любовь, зависть, гордость и т. д.), и принципы (гуманизм, индивидуализм, патриотизм, гедонизм и т. д.), и ценностно-нормативные понятия (добро, зло, смысл жизни, добродетель, справедливость и т. д.) [Ошкина, 2007, с. 18]. Использование методов современной лингвистической науки и рассмотрение морали в роли субъекта дают возможность определить местоположение морали в языковой картине мира и более глубоко познать ментальные и языковые механизмы, лежащие в основе морального дискурса.

Ц е л ь настоящего исследования состояла в установлении пространственных характеристик морали как субъекта. Для этого было необходимо идентифицировать глаголы, в сочетании с которыми имя существительное *Moral* выступает в роли субъекта, определить в установленных сочетаниях пространственные характеристики морали, а также выявить метафоры и метафорические модели, раскрывающие местоположение морали в пространстве.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м исследования послужили текстовые фрагменты моральной проблематики, представленные в Электронном корпусе немецкого языка DWDS, а также статьи этимологических и толковых словарей немецкого языка *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*, Duden. Das Bedeutungswörterbuch, Duden. Redewendungen, *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* и примеры коллокаций слова *Moral*, представленные вспомогательным ресурсом Электронного корпуса DWDS-Wortprofil (2024). Методом сплошной выборки для анализа было отобрано 1370 примеров.

Обработка найденных единиц производилась с помощью следующих методов: лингвистический анализ текста, контент-анализ, анализ словарных дефиниций, описательно-интерпретативный метод, метод лексико-семантического анализа. Анализ метафор и их моделей осуществлялся с учётом положений когнитивной концепции метафоры Д. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387–415]. Пространственные характеристики морали устанавливались посредством анализа примеров, в которых *Moral* выполняет роль субъекта и сочетается с глаголами местонахождения.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Согласно данным Электронного корпуса немецкого языка DWDS, наибольшее количество словоупотреблений *Moral* обнаруживается в метакорпусах сети Интернет (165538), региональной прессы (84989) и современного немецкого языка (22513). Следует подчеркнуть, что релевантными для данного исследования являются только те примеры, в которых *Moral* выступает в первом значении, связанном с философским пониманием морали и трактующим её как систему или совокупность исторически и со-

циально обусловленных нравственных принципов, ценностей и норм, регулирующих поведение человека в обществе, дающих оценку поведению человека как хорошего или плохого, а также как форму общественного сознания и практических отношений по неписанным правилам (*ср. Moral: System / Gesamtheit von geschichtlich gewordenen und gesellschaftlich bedingten sittlichen Grundsätzen, Werten und Normen, von denen sich die Menschen in ihrem Verhalten zueinander leiten lassen, die in einer Gesellschaft bestimmen, welche Verhalten eines Menschen als gut u. welche als schlecht gilt; Form des gesellschaftlichen Bewußtseins und des praktischen Verhaltens nach ungeschriebenen Regeln*). В данном значении мораль является синонимом нравственности.

Обратимся к примерам употребления лексемы *Moral*, представленным в ресурсе Электронного корпуса DWDS-Wortprofil (2024). Данный ресурс позволяет расширить знания о лексических и семантических характеристиках того или иного слова за счёт исследования его коллокаций. DWDS-Wortprofil выделяет 90 глаголов, в сочетании с которыми *Moral* выступает в роли субъекта. В десятку наиболее встречаемых входят *kommen* (518 употреблений), *stimmen* (308), *bleiben* (304), *stehen* (251), *lassen* (202), *sinken* (176), *lauten* (176), *liegen* (156), *spielen* (141), *scheinen* (123). По мнению О. В. Петряниной, как статические, так и динамические пространственные отношения в немецком языке передаются лексемами пространственной ориентации в конструкциях с глаголами местонахождения (*liegen* 'лежать, располагаться', *stehen* 'стоять', *sitzen* 'сидеть', *sich befinden* 'находиться'), каузативными глаголами (*stellen* 'ставить', *legen* 'класть') и глаголами движения и перемещения (*gehen* 'идти', *rennen* 'мчаться, бежать (быстро)', *schwimmen* 'плыть', *humpeln* 'хромать, ковылять', *stapfen* 'тяжело ступать (шагать)', *klettern* 'взбираться, карабкаться', *kriechen* 'ползти' и др.) [Петрянина, 2020, с. 73]. Как следует из данных ресурса DWDS-Wortprofil, среди самых распространённых коллокаций лексемы *Moral* встречаются лишь два глагола, характеризующих статическое пространственное положение морали: *stehen* и *liegen*. Однако анализ эмпирического материала (DWDS-Wortprofil, 2024) показал, что коллокатор *liegen* репрезентирует, кроме прочего, и нерелевантные для нашего исследования значения существительного *Moral* – 'учение' и 'моральный дух': *Darin liegt die bittere Moral der ganzen Geschichte* – 'В этом заключается горькая мораль всей этой истории'; *Moral und Disziplin lagen am Boden, die Söldner flohen, der Rest hatte den Wiener Verteidigern nichts entgegensetzen* – 'Моральный дух и дисциплина были повержены, наёмники обратились в бегство, оставшимся нечего было противопоставить защитникам Вены'.

Большую стабильность в актуализации релевантного для исследования значения демонстрирует глагол *stehen*. Обратившись к толкованию данного глагола в словарях немецкого языка, получаем следующую информацию о его значениях, связанных с пространственной ориентацией. Согласно *Duden. Das Bedeutungswörterbuch*, глагол *stehen* означает: 1 a) *in aufrechter Haltung, aufgerichtet sein und mit seinem Körpergewicht auf den Füßen ruhen* – 'находиться в вертикальном положении, прямо и удерживать свой вес ногами'; 1 b) *sich stehend (1a) irgendwo befinden, aufhalten Syn.: sich befinden, sein* – 'находиться, останавливаться где-либо стоя, синоним – находиться, быть'. 1c) *in verblasster Bedeutung* – стёртая метафора; 2. *(von Gegenständen) mit der Unterseite nach unten auf einer Unterlage ruhen, sich in aufrechter Stellung [an einer bestimmten Stelle] befinden* – '(о предметах) располагаться нижней частью на основании, находиться в вертикальном положении [в определённом месте]'.

Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache даёт следующее толкование глаголу *stehen*: 1) *in aufrechter Körperhaltung, bei der das gesamte Gewicht auf den Füßen ruht, an einer Stelle verharren* – оставаться на месте в вертикальном положении, перенести вес на ноги; 2) */von Sachen/ sich (auf Beinen, Füßen, auf der kleinsten Fläche mit der Längsseite in vertikaler Richtung) an einer Stelle befinden* – '(о предметах) находиться в каком-либо ме-

сте (на ногах, стопах, на наименьшей площади с длинной стороной в вертикальном направлении); 3) *jmd., etw. befindet sich irgendwo* – 'кто-либо, что-либо находится где-либо'.

Таким образом, в значении глагола *stehen* можно выделить следующие семантические компоненты: 1) вертикальное / прямое положение, 2) наличие тела, 3) наличие ног / стоп, 4) обладание весом, 5) наличие основы, 6) наличие занимаемой площади / места, 7) наличие нижней части, 8) расположение в каком-либо месте.

Анализ языкового материала позволяет обратить внимание на то, что абстрактное имя существительное *Moral*, базовым семантическим содержанием которого является объектность, выступая в сочетании с глаголом *stehen*, приобретает характеристики живого существа – мораль персонифицируется, и возникает метафора-словосочетание *Moral steht*. Использование после метафоры локализаторов позволяет уточнить местоположение нравственности в немецкоязычной картине мира, а возникающие при этом новые метафоры могут быть отнесены к ориентационным. В ходе анализа было установлено, что в роли таких локализаторов могут выступать сочетания: *auf der Seite, im Vordergrund, über etwas, an der Grenze, im Zentrum, im Weg*.

Рассмотрим примеры морального дискурса, содержащие такие метафоры.

Moral steht auf der Seite:

(1) *Die Moral steht hier nicht so eindeutig auf der Seite des Lützi-Aktivismus, wie die Klimaschützer vielleicht meinen* (Widerstand ist fehl am Platz. Süddeutsche Zeitung, 18.01.2023) – 'В данном случае мораль не так явно выступает на стороне активистов из Лютцерата, как могли бы подумать сами климатические активисты'.

Контекст примера (1) сводится к следующему. Зимой 2023 года защитники природы захватили заброшенную деревню между Дюссельдорфом и Ахеном, им противостоят силы полиции. В ходе протеста произошли столкновения между противоборствующими сторонами; шоссе, ведущие к Люццерату, были перекрыты баррикадами. Локальный конфликт грозил перерасти в проблему федерального уровня – в незаметной ранее деревне столкнулись интересы крупных концернов, климатических активистов и государства.

В данном примере наблюдается процесс персонификации морали. В прямом значении, как было указано выше, способностью стоять обладает только живое существо, имеющее тело, ноги / стопы и определённый вес. С одной стороны, происходит перенос качеств одушевлённого лица на абстрактное понятие, с другой стороны, глагол *stehen*, примыкающий к имени существительному *Moral*, приобретает в данном контекстуальном окружении вторичное метафорическое значение: фразеологический оборот *auf jmds. Seite stehen* 'быть на чьей-то стороне', согласно словарю Duden. *Redewendungen* означает *jmdn. unterstützen* 'поддерживать кого-то'. Таким образом, мы наблюдаем здесь метафору: мораль наделяется качествами одушевлённого существа, которое может и занимать место в пространстве, и быть сторонником какого-то общественного движения.

(2) *Auf der einen Seite stehen die hohe Moral und die ausgeklügelte Ethik, auf der anderen die sehr, sehr menschlichen Bedürfnisse* (Fröhliches Verarmen. Süddeutsche Zeitung, 23.06.2016) – 'С одной стороны – высокая мораль и утончённая этика, с другой – абсолютно человеческие потребности'.

В примере (2) мораль вновь представлена как живой человек. Рассмотрим прямое значение существительного *die Seite: Fläche, Linie, Region o. Ä, die einen Körper, einen Bereich o. Ä. begrenzt, einen begrenzenden Teil davon bildet* – 'поверхность, линия, область и т.п., которая ограничивает тело, территорию, занимает ограниченную часть этой территории'. В данном примере метафора позволяет осмыслить мораль как живое существо, которое может не только занимать часть какой-то территории, но и находиться в оппозиции (*auf der einen – auf der anderen*) к другой её части. В основе данного противопоставления лежит метафорическая модель ОДНА СТОРОНА – ДРУГАЯ СТОРОНА, которая указыва-

ет на то, что в жизни нравственные нормы могут противостоять каким-то другим ценностям, например, самым элементарным человеческим потребностям.

Moral steht im Vordergrund:

(3) *Nicht die Moral steht für mich im Vordergrund, sondern die Begeisterung des Glaubens, den ich gar nicht allein nach innen leben kann* (Die Zeit, 25.11.2016, Nr. 49) – 'Вовсе не мораль стоит для меня на первом плане, а энтузиазм веры, который я не могу прожить в одиночестве внутри себя'.

(4) *Im Vordergrund standen die Modernisierung von Wirtschaft und Gesellschaft, nicht Humanismus und Moral* (Engler, Wolfgang: Die Ostdeutschen, Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2000 [1999], S. 332) – 'В центре внимания (букв. на переднем плане) были модернизация экономики и общества, а не гуманизм и мораль'.

Представление о положении морали в примерах (3) и (4) реализуется за счёт использования сразу двух метафорических моделей. В основе оборота *im Vordergrund stehen: bestimmend, deutlich bemerkbar sein* 'быть на переднем плане: быть определённым, явно заметным' лежит метафорическая модель ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА – ЗАДНЯЯ СТОРОНА. Рассмотрение этимологии и толкования существительного *der Vordergrund* 'передний план' позволяет вскрыть ещё одну метафорическую модель. Согласно толковому словарю *Duden, der Vordergrund* 'передний план' – (*vorderer, unmittelbar im Blickfeld stehender Bereich (eines Raumes, Bildes o. Ä)*) 'передний участок, непосредственно попадающий в поле зрения (комнаты, картины и т. п.)'. Этимологический словарь немецкого языка определяет *der Vordergrund* 'передний план' как *was sich in der Nähe des Betrachters, vorn in dessen Blickfeld befindet* – 'то, что расположено вблизи наблюдателя, в поле его зрения' – и подчёркивает, что слово появилось в 18 веке и использовалось по отношению к сцене, картинам, рисункам (*häufig mit Bezug auf Bühne, Gemälde und Zeichnungen, 18. Jh.*). Данное обстоятельство позволяет вычленил ещё одну метафорическую модель, актуализирующуюся в моральном дискурсе: ЖИЗНЬ – ЭТО СЦЕНА/КАРТИНА. Таким образом, человек, рисуя свою картину мира на немецком языке, может располагать мораль на её переднем плане (придавать ей большое значение), а может и этого не делать. Примеры (3) и (4) демонстрируют отсутствие у морали такого значения: на передний план выходят экономика, общество и их модернизация.

Метафорические модели ВЕРХ – НИЗ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ также характерны для морального дискурса, в котором мораль выступает в роли субъекта.

Moral steht über etw./ an der Grenze/ im Zentrum:

(5) *Aber Moral steht jedenfalls nicht über dem Recht* (Die Welt, 16.01.2020) – 'В любом случае, мораль не стоит выше закона'.

(6) *Nicht die Moral, sondern die Bewegung steht im Zentrum seiner Überlegungen* (Die Zeit, 28.09.2017, Nr. 37) – 'Не мораль, а движение находится в центре его размышлений'.

(7) *An der Grenze steht auch die Moral, die klang lange schon recht schal* (Frankfurter Rundschau, 19.09.2015) – 'На периферии находится и мораль, которая уже давно звучит довольно пошло'.

Примеры (5), (6), (7) демонстрируют следующие пространственные характеристики морали: она может быть расположена не выше чего-либо (закона), на краю / периферии, а не в центре, что свидетельствует об утрате нравственностью своей значимости и силы, а значит и об ослаблении её роли в обществе.

Не исключено, что выявленная тенденция распространяется за пределы Германии и характерна для человеческого социума в целом. Пример (8) является отрывком из интервью с французской художницей Софи Калле, которая сняла документальный фильм о смерти своей матери: целый месяц камера стояла у постели больной и снимала, как умирает женщина.

Moral steht im Weg:

(8) – *Stehen Ihnen Moral oder die Frage nach der Achtung von Intimsphäre bei Ihrer Arbeit manchmal im Weg?* – 'Не мешает ли Вашей работе мораль или вопрос уважения личной жизни?'

– *Darüber mache ich mir keine Gedanken. Wenn ich mich zu etwas entschließe, zeige ich es auch. Verspüre ich im Nachhinein Schuld, ist das mein Problem, nicht Teil der Kunst. Das geht niemanden etwas an* (Süddeutsche Zeitung, 05.12.2015) – 'Я об этом не думаю. Если я решила на что-то, я всё равно это покажу. Чувствую ли я потом за собой вину или нет – это искусства не касается. Кроме меня, это не касается никого'.

Согласно словарю *Duden*, Redewendungen выражение *jmdm., einer Sache im Weg[e] stehen / sein* имеет значение *für jmdn., etw. ein Hemmnis sein* 'быть препятствием'. Вероятно, исходя из текста интервью, нравственность всё ещё обладает регулирующей функцией, и ей пока ещё приписывается способность стоять на пути аморальных поступков и препятствовать им. Однако, как показывает ответ художницы, человек может не задумываться о нравственной стороне вопроса. Если он принял решение и ему хочется совершить некое деяние, то он так и поступит. Данный пример высвечивает такую проблему современного социума, как эгоизм, культивирование приоритета прав индивида над правами рода и общества.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, анализ эмпирического материала, представленного в Электронном корпусе немецкого языка DWDS, выявил 90 глаголов, в сочетании с которыми *Moral* выступает в роли субъекта. В десятку наиболее часто встречающихся глаголов входят *kommen, stimmen, bleiben, stehen, lassen, sinken, lauten, liegen, spielen, scheinen*. Среди найденных коллокаций только два глагола, характеризуют статическое пространственное положение морали: *stehen* и *liegen*, причём наибольшую стабильность в актуализации релевантного для исследования значения демонстрирует глагол *stehen*.

Выступая в сочетании с глаголом *stehen*, существительное *Moral* приобретает характеристики живого существа – мораль персонифицируется, и возникает метафора *Moral steht*. Использование после метафоры локализаторов позволяет уточнить местоположение нравственности в пространстве немецкоязычной картины мира. Метафоры *Moral steht auf der Seite / im Vordergrund / über etw. / an der Grenze / im Zentrum / im Weg* являются ориентационными. Таким образом, мораль не имеет какого-то фиксированного положения в пространстве, её местоположение меняется. Она может занимать часть территории, быть / не быть на переднем плане, на краю, в центре, над чем-то.

Исследование показало, что в основе представленных в моральном дискурсе метафор лежат такие метафорические модели, как ОДНА СТОРОНА – ДРУГАЯ СТОРОНА, ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА – ЗАДНЯЯ СТОРОНА, ЖИЗНЬ – ЭТО СЦЕНА / КАРТИНА, ВЕРХ – НИЗ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ. Они не только формируют пространственное представление о морали, но и демонстрируют нравственное состояние немецкоязычного общества, в котором потребности важнее морали, а на переднем плане находятся экономика, общество и модернизация. В современном немецком обществе мораль больше не стоит в центре или в основании человеческого бытия – она вытеснена на периферию и уже не является препятствием для безнравственных поступков. Остаётся ли при этом человеческое бытие всё ещё человеческим? Ответ на данный вопрос выходит за рамки лингвистического исследования.

Библиографический список

- Афанасьева, 2014 – Афанасьева О. М. Концепт «НРАВСТВЕННОСТЬ» в современном медиапространстве // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 12 (134). С. 204–214.
- Беданоква, Гаврилова, 2019 – Беданоква З. К., Гаврилова Б. А. Ситком как дискурс деградации духовных ценностей (эвокативный анализ телевизионных ситуационных комедий) // Вестник АГУ. Сер.: Филология и искусствоведение. 2019. Вып. 4 (247). С. 24–29.
- Воркачев, Воркачева, 2016 – Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. Лингвокультурный концепт «ЛЮБОВЬ»: значимостная составляющая // Научные труды КубГТУ. 2016. № 4. С. 116–127.
- Воркачев, 2022 – Воркачев С. Г. Память сердца: метафорика благодарности в русском языке // Русистика без границ. 2022. Т. 6. № 1. С. 7–12. <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0024/0891.pdf>
- Гаврич, 2020 – Гаврич В. Концепт «МОРАЛЬ» в русской и сербской лингвокультурах: отражение во фразеологизмах, пословицах и поговорках // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сб. ст. М.: Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. С. 39–44.
- Гусейнов, Апресян, 1998 – Гусейнов А. А. Этика: учебник. М.: Гардарики, 1998. 472 с.
- Диль, 2019 – Диль А. В. О вербализации концепта добропорядочности/нравственности в испаноязычной картине мира (на материале пословиц и поговорок) // Ученые записки Санкт-Петербургского ун-та технологий управления и экономики. 2019. № 4 (68). С. 30–34.
- Карасик, 2013 – Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
- Кутырев, 2012 – Кутырев В. А. Время Mortido. Опасные связи. СПб.: Алтейя, 2012. 336 с.
- Кутырев и др., 2019 – Кутырев В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Я антропоконсерватор: хочу остаться человеком... как можно дольше // Философская мысль. 2019. № 4. С. 50–61. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.4.29525>
- Лакофф, Джонсон, 1990 – Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сб. / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
- Матюшкова, Гущина, 2022 – Матюшкова А. И., Гущина К. Н. Моральный дискурс в художественном произведении с медицинской топикой // Глобальный научный потенциал. 2024. № 2 (155). С. 197–200.
- Неволина, 2022 – Неволина К. В. Дискурсивное пространство морали: содержание, структура, специфика (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, Вып. 11. С. 3557–3567. <https://doi.org/10.30853/phil20220597>
- Неволина, 2023 – Неволина К. В. Семантические особенности морального дискурса (на материале электронного корпуса немецкого языка DWDS-Korpus) // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Лингвистика». 2023. Т. 20, № 3. С. 33–40.
- Неволина, 2023 – Неволина К. В. Семантический аспект деконструкции морали (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, Вып. 10. С. 3584–3589. <https://doi.org/10.30853/phil20230551>
- Ошкина, 2007 – Ошкина К. В. Способы языковой актуализации морального дискурса (на примере немецкоязычных СМИ): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; ИГЛУ. Иркутск, 2007. 218 с.
- Петрянина, 2020 – Петрянина О. В. Валентностные потенциалы глаголов пространственной локализации в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, Вып. 4. С. 72–76. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.15>
- Хахалова, Неволина, 2023 – Хахалова С. А., Неволина К. В. Мораль как субъект: вариативность оценочности и трансформация смыслов (на материале электронного корпуса немецкого языка DWDS-Korpus) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, Вып. 8. С. 2382–2388. <https://doi.org/10.30853/phil20230374>
- Шалгина, 2023 – Шалгина Е. А. Актуализация концептов МИЛОСЕРДИЕ и CHARITE в русской и французской языковой картине мира. Пермь: ПГНИУ, 2023. <https://elis.psu.ru/node/643318>
- Duden, 2010 – Duden, Das Bedeutungswörterbuch: [Wortschatz und Wortbildung] / hrsg. von der Dudenred. [Red. Bearb. Anja Konopka ...] 4., neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim: Dudenverl, 2010. 1151 S.

- DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL : <https://www.dwds.de/d/wb-dwdswb> (дата обращения : 28.08.2024).
- Pfeifer, 2024 – Pfeifer W. et al. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen (1993). Digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. URL : <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (дата обращения : 28.08.2024).
- Redewendungen, 2013 – Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / hrsg. von der Dudenredaktion [Red. Bearb. Werner Scholze-Stubenrecht; Angelika Haller-Wolf], 4, neu bearb. und aktualisierte Aufl. Berlin : Dudenverl, 2013. 928 S.
- Wörterbuch, 1964–1977 – Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (1964–1977). Kuratiert und bereitgestellt durch das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL : <https://www.dwds.de/d/wb-wdg> (дата обращения : 28.08.2024).

References

- Afanasieva, O. M. (2014). Kontsept “NRAVSTVENNOST” v sovremennom mediaprostranstve [The concept of “MORALITY” in modern media space]. *Vestnik RGGU [RSUH/RGGU Bulletin]*, 12 (134), 204–214. (In Russ.).
- Bedanokova, Z. K., & Gavrilova, B. A. (2019). Sitkom kak diskurs degradatsii dukhovnykh tsennostey (evokativnyy analiz televizionnykh situatsionnykh komediy) [Sitcom as a discourse of the degradation of spiritual values (Evocative analysis of television situation comedies)]. *Vestnik AGU. Ser.: Filologiya i iskusstvovedenie [The Bulletin of the Adyge State University, Series “Philology and the Arts”]*, 4 (247), 24–29. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G., & Vorkacheva, Ye. A. (2016). Lingvokul'turnyy kontsept «LYUBOV'» : znachimostnaya sostavlyayushchaya [Linguocultural concept 'LOVE': The meaningful component]. *Nauchnyye trudy KubGTU [Scientific Works of the Kuban State Technological University]*, 4, 116–127. (In Russ.). <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0024/0891.pdf>
- Vorkachev, S. G. (2022). Pamyat' serdtsa: metaforika blagodatnosti v russkom yazyke [Memory of the heart: The metaphoric of gratitude]. *Rusistika bez granits [Russian studies without borders]*, 6 (1), 7–12. (In Russ.).
- Gavrich, V. (2020). Kontsept «MORAL'» v russkoy i serbskoy dlingvokul'turakh: otrazheniye vo frazeologizmakh, poslovitsakh i pogovorkakh [The concept of "MORALITY" in Russian and Serbian linguistics cultures : reflection in phraseological units, proverbs and sayings]. *Sovremennaya rossiyskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti [Modern Russian axiosphere: Semantics and pragmatics of identity]* (pp. 39–44). Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Guseynov, A. A., & Apresyan, R. G. (1998). *Etika [Ethics]*. Moscow : Gardarika Press. (In Russ.).
- Diehl, A. V. (2019). O verbalizatsii kontsepta dobrovoryadochnosti/nravstvennosti v ispanoyazychnoy kartine mira (na materiale poslovits i pogovorok) [Verbalization of the concept VIRTUOUSNESS / MORALITY in the language image of the world of Spanish native speakers]. *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologiy upravleniya i ekonomiki [Uchenye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics]*, 4 (68), 30–34. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2013). *Yazykovaya matritsa kul'tury. [Linguistic matrix of culture]*. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).
- Kutyrev, V. A. (2021). *Vremya Mortido. Opasnye svyazi. [Mortido time. Dangerous connections]*. St Petersburg : Alteyya Press. (In Russ.).
- Lakoff, G., & Johnson M. (1990). Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. In N. D. Arutyunova, M. A. Zhurinskaya (Eds), *Teoriya metafory [The theory of metaphor]* (pp. 387–415). Moscow : Progress Press.
- Kutyrev, V. A., Slyusarev, V. V., & Khusyainov, T. M. (2019). Ya antropokonservator: khochu ostat'sya chelovekom...kak mozjno dol'she [I am an anthropo-conservative: Want do remain human...for as long as possible]. *Filosofskaya mysl' [Philosophical thought]*, 4, 50–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.4.29525>
- Matyushkova, A. I., & Gushchina, K. N. (2024). Moral'nyy diskurs v khudozhestvennom proizvedenii s meditsinskoy topikoy [Moral discourse in a work of fiction with medical topic]. *Global'nyy nauchnyy potentsial [Global Scientific Potential]*, 2 (155), 197–200. (In Russ.).

- Nevolina, K. V. (2022). Diskursivnoye prostranstvo morali: sodержaniye, struktura, spetsifika (na materiale nemetskogo yazyka) [Discursive space of morality: Content, structure, specificity (By the material of the German language)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 15 (11), 3557–3567. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20220597>
- Nevolina, K. V. (2023). Semanticheskiye osobennosti moral'nogo diskursa (na materiale elektronnoho korpusa nemetskogo yazyka DWDS-Korpus) [Semantic features of moral discourse (Based on the German corpus DWDS)]. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Lingvistika» [Bulletin of the South Ural State University. Ser. "Linguistics"]*, 20 (3), 33–40. (In Russ.).
- Nevolina, K. V. (2023). Semanticheskiy aspekt dekonstruktsii morali (na materiale nemetskogo yazyka) [Semantic aspect of morality deconstruction (Based on the material of the German language)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 16 (10), 3584–3589. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20230551>
- Oshkina, K. V. (2007). *Sposoby yazykovoy aktualizatsii moral'nogo diskursa (na primere nemetskoyazychnykh SMI) [Ways of language actualization of moral discourse (based on the example of German-speaking media)]*. PhD in Philological sci. diss. ; ISLU Irkutsk. (In Russ.).
- Petryanina, O. V. (2020). Valentnostnyye potentsii glagolov prostranstvennoy lokalizatsii v nemetskom yazyke [Valency potential of verbs of spatial localization in the German language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 13 (4), 72–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.15>
- Khakhalova, S. A., & Nevolina, K. V. (2023). Moral' kak sub'yekt: varia-tivnost' otsenochnosti i transformatsiya smyslov (na materiale elektronnoho korpusa nemetskogo yazyka DWDS-Korpus) [Morality as a subject: Variability of evaluativeness and transformation of meanings (Based on the material of the electronic corpus of the German language DWDS-Korpus)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 16 (8), 2382–2388. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20230374>
- Shalgina, Ye. A. (2023). *Aktualizatsiya kontseptov MILOSERDIYE i CHARITE v russkoy i frantsuzskoy yazykovoy kartine mira [Actualization of concepts MERCY and CHARITE in the Russian and French language pictures of the world]*. Perm : Perm State University Press. (In Russ.). <https://elis.psu.ru/node/643318>
- Duden. (2010). Duden. Das Bedeutungswörterbuch : [Wortschatz und Wortbildung] / hrsg. von der Dudenred [Red. Bearb. Anja Konopka ...] 4, neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim : Dudenverl.
- DWDS. (n. d.). Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. <https://www.dwds.de/d/wb-dwdswb>
- Pfeiler, W. et al. (1993). Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb>
- Redewendungen. (2013). Wörterbuch der deutschen Idiomatik / hrsg. von der Dudenredaktion. [Red. Bearb. Werner Scholze-Stubenrecht; Angelika Haller-Wolf], 4, neu bearb. und aktualisierte Aufl. Berlin : Dudenverl.
- Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. (1964–1977). Kuratiert und bereitgestellt durch das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. <https://www.dwds.de/d/wb-wdg>

Озолия Лариса Викторовна
Институт филологии СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация

larisa-3302803@rambler.ru

Сравнение в тунгусо-маньчжурских языках (на материале орокского языка)

Аннотация

Цель статьи – выявить инвентарь и проанализировать структуру и семантику синтаксических конструкций, используемых для оформления сопоставления одного объекта или процесса с другим, либо уподобления одного объекта или процесса другому по определённому параметру грамматическими, лексическими или синтаксическими средствами. Материалом для исследования послужили сравнительные конструкции, извлечённые на основе сплошной выборки, из монографии Т. И. Петровой, полевых материалов К. А. Новиковой и Л. В. Озолии. Описание выполнено на основе сравнительно-сопоставительного анализа, с привлечением дистрибутивного и трансформационного методов. В результате выявлено и описано 5 структурных типов компаративных конструкций орокского языка. Структура сравнительной конструкции, оформляющей качественно-предметные отношения, представлена предметом сравнения и стандартом сравнения через некий признак (параметр сравнения), выступающий в качестве критерия изменения. Стандарт сравнения и параметр сравнения маркируются грамматическими средствами: стандарт представлен падежной словоформой, параметр сравнения – формой сравнительной или превосходной степени имени прилагательного. Структура сравнительной конструкции предполагает жёсткий порядок следования компонентов: предмет сравнения – стандарт сравнения – параметр сравнения. Выявлено, что сравнительные конструкции в тунгусо-маньчжурских языках вообще и орокском языке в частности выражают отношения равенства и неравенства. В орокском языке отражающие равенство эквативные отношения подразумевают полное сходство сопоставляемых единиц, симилятивные – неполное сходство, некое их подобие. Собственно компаративные отношения, как отражающие неравенство, основаны на превосходстве одного предмета над другим, а суперлативные – на выделении предмета из ряда себе подобных на основе его превосходства.

Ключевые слова: сравнительные конструкции, семантика, структура, грамматические средства, семантические отношения, выражение равенства – неравенства

© Озолия Л. В. 2025

Для цитирования: Озолия Л. В. Сравнение в тунгусо-маньчжурских языках (на материале орокского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 92–101. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-92>

Larisa V. Ozolinya
Institute of Philology SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation
larisa-3302803@rambler.ru

Comparison in Tungus-Manchu languages (Based on the Orok language)

Abstract

The article analyzes the structure and semantics of syntactic patterns expressing comparison of one object or process with another or similarity of one object or process to another according to a certain parameter by

grammatical, lexical or syntactic means. The material included comparative patterns selected by continuous sampling from T. I. Petrova's monograph and field materials collected by K. A. Novikova and L. V. Ozolinya. The description is designed using comparative analysis, distributive and transformational methods. As a result, 5 structural types of the Orok comparative constructions have been identified and described. Their structure manifesting quality-object relations is formed by an object of comparison and the standard for comparison through a certain feature (comparison parameter) functioning as a criterion for a change. Both comparison standard and comparison parameter are grammatically marked, the former represented by a word case form, the latter expressed by comparative or superlative degree of the adjective. The structure of the comparative pattern requires a strict order of components: the subject of comparison – the standard of comparison – the comparison parameter. Comparative patterns in the Tungusic-Manchu languages in general and Orok in particular express the relations of equality and inequality. In Orok, equative relations imply complete likeness of the compared units while similitive relations imply incomplete likeness or resemblance to a certain extent. Pure comparative relations reflecting inequality are based on superiority of one object over another, and superlative relations are based on the prevalence of an object among objects of the same class based on its superiority.

Keywords: comparative constructions, semantics, structure, grammatical means, semantic relations, expression of equality – inequality

© Ozolinya L. V. 2025

For citation: Ozolinya, L. V. (2025). Sravnenie v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh (na materiale orokskogo yazyka) [Comparison in Tungus-Manchu languages (Based on the Orok language)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 92–101. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-92>

1. Введение [Introduction]

Интерес к исследованию сравнительных отношений и синтаксических компаративных конструкций в языках типологически различных систем не случаен. Компаративные единицы, которыми владеет большинство носителей языка, отражают национальную специфику концептуальной картины мира как некой уникальной сферы систематизированных знаний о действительности. Рассматривая сравнение как одну «из базовых онтологических категорий, при помощи которой осуществляется познание мира...» [Кошкарёва, Плотников, 2023, с. 180], лежащую «в основе суждений о сходстве или различии объектов» [Кошкарёва, Плотников, 2023, с. 180], можно говорить, что в каждом языке сравнения «как часть реализации национального коммуникативного поведения... обладают определёнными этнокультурными чертами в силу отражения собственных имманентных предпочтений в плане логики, семантики и стратегии достижения целей коммуникации» [Седых, 2008, с. 3]. В отечественном языкознании основы изучения сравнения были положены С. О. Карцевским, отметившим, что «требуется серьёзное усилие, для того, чтобы выделить систему, лежащую в основе многочисленных средств, которые язык предоставляет в распоряжение говорящих субъектов для выражения сравнения» [Карцевский, 1976, с. 107], добавляя, что в основе сравнения всегда лежит субъективная оценка, а одним из элементов сравнения является сравнительная степень [Карцевский, 1976, с. 107].

Интерес к исследованию сравнения как этнокультурной реалии в сибирских языках обозначился ещё в конце 80-х годов XX века с «лёгкой руки» М. И. Черемисиной [Черемисина, 1976] появлением описаний компаративных отношений в тюркских языках [Васильев, 1986 ; Тыбыкова, 1988] и др., сохранил свою актуальность в 90-е годы, когда появились исследования сравнительных структур в хантыйском [Черемисина, Соловар, 1995], тувинском [Черемисина, Шамина, 1996 ; Шамина, 2024], и вепском языках

[Иванова, 2015]. В настоящее время исследования способов и средств выражения сравнения как одного из манифестантов национального самосознания продолжены на материале шорского [Невская, 2022], ульчского [Горбунова, 2022], селькупского [Ильина, 2023], удэгейского [Сагайдачная, 2022] и алтайских языков.

С точки зрения грамматики сравнения представляют собой синтаксические структуры, «с помощью которых некоторый объект, признак или ситуация Р (предмет сравнения – то, что сравнивается) описывается не сам по себе, а в отношении к некоторому предмету, признаку или ситуации Q (стандарт сравнения – то, с чем сравнивается), критерием изменения является неопределяемый признак Z (качество признака сравнения)» [Князев, 2007, с. 81].

Семантическая составляющая сравнительных отношений в соответствии с общепринятой классификацией опирается на разделение сопоставляемых единиц, основанное на понятиях равенства и неравенства. При этом равенство подразумевает как полное сходство сопоставляемых единиц (эквативы), так и неполное сходство, некое их подобие (симилятивы). Неравенство же основано на выраженном превосходстве одного предмета над другим (компаративы) или выделении предмета из ряда себе подобных на основе его превосходства (суперлативы). Если в качестве объекта сравнения выступает предмет, в конструкции оформляются качественно-предметные отношения, если процесс, допускающий характеристику меры и степени или образа действия, – качественно-процессуальные.

В русской лингвистической традиции сравнение как «понятие равенства – неравенства, большей или меньшей степени качества, находящее выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии» [Ахманова, 1966, с. 449], достаточно вариативно в семантическом и структурном плане. Наряду с союзами сравнительной семантики, сравнительная степень выступает как категориальная форма, «обозначающая качество предмета (сравнительная степень прилагательных) или процесса (сравнительная степень наречий), как свойственное ему в большей мере, чем другому» [Ахманова, 1966, с. 453], являясь одним из основных средств реализации сравнительной или сопоставительной семантики в составе непредикативной структуры, квалифицируемой как сравнительная или компаративная конструкция.

2. Сравнение в тунгусо-маньчжурских языках [Comparison in the Tungus-Manchu languages]

Компаративные отношения в тунгусо-маньчжурских языках оформляются сравнительными конструкциями, реализующими в предикативных структурах функции именного предиката и обстоятельства сравнения. Описание сравнительных конструкций в орокском языке предпринимается впервые. Материалом для данного исследования стали сравнительные структуры, извлечённые на основе сплошной выборки, из орокских текстов, представленных в монографии Т. И. Петровой [Петрова, 1967], полевых материалов К. А. Новиковой, объёмом в 5 общих тетрадей, с записями фольклорных, бытовых и ритуальных текстов, обрядовых песен и загадок (тетради 1–4), а также грамматических материалов (тетрадь 5) [Новикова, 1949–1950] и Л. В. Озолини [Озолина, 1989–2000], объёмом 6 общих тетрадей с записями фольклорных и бытовых текстов, в том числе песен. Все материалы К. А. Новиковой и Л. В. Озолини собраны в местах компактного проживания ороков (уйльта), в селе Вал Ногликского района Сахалинской области, состоящем из нескольких посёлков. Описание выполнено на основе сравнительно-сопоставительного анализа, с привлечением дистрибутивного и трансформационного методов.

2.1. Структура сравнительной конструкции [Comparative pattern]

Анализ синтаксической организации сравнительной конструкции на материале орокского языка направлен на выявление инвентаря грамматических и лексических средств, используемых для выражения сравнительной семантики.

В большинстве тунгусо-маньчжурских языков союзы отсутствуют, поэтому одним из базовых показателей, маркирующих сравнительную семантику в компаративной конструкции, наряду со сравнительной степенью прилагательного или наречия, становится жёсткий порядок следования компонентов, определяющий позиции предмета сравнения и стандарта сравнения, а также формальные характеристики параметра сравнения и стандарта. Сравнительная степень прилагательного занимает позицию параметра сравнения в абсолютном конце, стандарт сравнения маркируется падежными показателями, определяющими его место в препозиции или постпозиции относительно предмета сравнения.

В функции предмета (эталона) сравнения всегда выступает лексическая единица номинативной семантики – имя существительное, являющееся коммуникативной целью сравнения, которое маркируемое показателем именительного падежа, допуская варьирование по числу в оппозиции «единственное – множественное». Позицию стандарта сравнения, заполняет имя существительное, допускающее в орокском языке варьирование в отношении числа и падежа, используя по семантическим основаниям маркеры творительного, местного II и исходного падежей. Использование падежных форм определяется, во-первых, местом предмета сравнения (в абсолютном начале или внутри сравнительной конструкции), а во-вторых, его семантическими характеристиками (лицо – не-лицо, что не эквивалентно категории одушевлённости – неодушевлённости в русском языке). В функции признака (параметра) сравнения, занимающего позицию абсолютного конца, выступают качественные прилагательные в форме степеней сравнения: сравнительной или превосходной, маркируемые стандартными показателями (суффиксальными – при использовании синтетической и лексическими – в составе аналитической сравнительной формы прилагательного).

2.2. Типы сравнительных конструкций [Types of comparative patterns]

Сравнительные конструкции представлены в орокском языке двухкомпонентными и трёхкомпонентными структурами. Двухкомпонентные конструкции реализуют преимущественно суперлативные отношения, которые оформляются именами прилагательными в сравнительной или превосходной степени:

(1) Тари нари Гетта халандулани дин мангадума оччини [Новикова, тетр. 4, 16].

тари	нари	Гетта	халан=дула=ни	дин манга=дума
тот	мужчина	Гетта	род=LocII=Poss3Sg	сильный=SD
о=ччи=ни				
стать=Past=3Sg				

‘Тот мужчина из рода Гетта стал сильнее всех (самым сильным)’.

(2) Тар иланни дин мангасал битчичи [Петрова, 1967, с. 105].

тар	илан=ни	дин манга=сал	би=тчи=чи
тот	три=человек	сильный=CD=PI	быть=Past=3PI

‘Те трое очень сильными были’.

Структура трёхкомпонентной сравнительной конструкции варьирует относительно позиции объекта и предмета сравнения, определяя морфологические характеристики предмета сравнения и параметра сравнения. Основной для передачи компаративной се-

мантики является модель конструкции, выстраиваемая по стандарту: «объект сравнения» – «предмет сравнения» – «параметр сравнения». Позицию предмета сравнения в этом случае заполняет имя в творительном падеже, параметр сравнения выступает в форме сравнительной степени:

(3) Дава мамачади аптаулидумэ [Петрова, 1967, с. 62].

дава мамача=ди аптаули=думэ
кета щука=Instr тот, который вкусный=CD
'Кета вкуснее щуки'.

(4) Тувэпти инэни болопти инэниди хумурудумэ [Озолия, тетр. 7, 40].

тувэпти инэни болопти инэни=ди хумуру=думэ
зимний день осенний день=Instr тот, который короткий=CD
'Зимний день короче осеннего (букв: зимний день по сравнению с осенним короткий)'.

(5) Мама угдани сама(н) угдадини оркидума биччин(н) [Озолия, тетр. 7, 13].

мама угда=ни сама(н) угда=ди=ни орки=дума
старуха лодка=Poss3Sg шаман лодка=Instr=Poss3Sg плохой=CD би=ччи=н(н)
быть=Past=3Sg
'Старухина лодка была хуже лодки шамана'.

В сравнительной конструкции, где объект сравнения=лицо находится в постпозиции относительно предмета сравнения=лица, последний оформляется показателями местного II падежа или для существительных не=лиц – исходного:

(6) Эр нарисалдула эр-мали-кэ нари дин кусуттудума [Петрова, 1967, с. 63].

эр нари=сал=дула эр=мали=кэ нари дин кусутту=дума
этот человек=Pl=LocII этот=именно=то человек самый сильный=SD
'Из всех людей этот человек самый сильный (букв.: тот, который сильнее всех)'.

(7) Тар ила(н) ниндилду Элэ нинда дин аја нинда [Петрова, 1967, с. 63].

тар ила(н) нинди=л=ду Элэ нинда дин аја
тот три собака=Pl=Abl Элэ собака самый лучший=SD
'Из тех трёх собак собака Элэ самая лучшая собака'.

Основная трёхкомпонентная модель компаративной конструкции может расширяться при уточнении или конкретизации параметра сравнения, например, возраста, размера и т. п. сопоставляемых предметов:

(8) Си минди иланди анани сагдидума, Огдо чипалиндула дин сагди [Новикова, тетр. 4, 27].

си мин=ди иланди анани сагди=дума Огдо чипалин=дула
ты я=Instr три=Instr год старый=CD Ольга все=LocII
дин сагди
самый старший=SD

'Ты старше меня на три года, а Огдо старше всех (букв.: ты со мной старше тремя годами, Ольга из всех самая старшая)'.

2.2.1. Сравнительные конструкции подобия [Comparative pattern of similarity]

Сравнительные формы подобия или уподобления образуются в тунгусо-маньчжурских языках двумя способами: через присоединения к лексической единице или к основе слова вне зависимости от принадлежности к грамматическому классу: к имени существительному, местоимению, прилагательному, глаголу универсального суффикса подобия или сочетанием с прилагательным *омотту* / *эмутту* 'подобный, похожий'. Суффикс подобия представлен в орокском языке в вариантах *-начи* / *-нэчи* / *-ночи* 'подобный кому, чему; как <кто, что>':

(9) Тар нинда нэллэнэчи <бини> [Петрова, 1967, с. 63].

тар	нинда	нэллэ=нэчи	<би=ни>
тот	собака	волк=подобный=Sim	<быть=Pres=3Sg>

‘Та собака, как волк <есть> (букв.: волку подобна)’.

(10) Би эсув нэллэ лалумди будди бојонди: ноночини би бојомбо барамба вāхамби дэптухэмби [Петрова, 1967, с. 151-152].

би	э=су=в нэллэ	лалумди	будди	бојон=ди:
я	бояться=AUX=NegPres1Sg	голодающий	умирающий	медведь=Inst
но=ночи=ни	би	бојом=бо	барам=ба	вā=хам=би
он=подобный ему=Sim	я	медведь=Acc	множество=Acc	убить=Past=1Sg

дэпту=хэм=би
съесть=Past=1Sg

‘Я не боюсь от голода умирающего медведя: подобных ему медведей я много убил и съел’ (ср.: таких медведей, как он).

(11) Мапа бојонуби путтэби удинэчи удихэни [Петрова, 1967, с. 63].

мапа	бојо=ну=би	путтэ=би	уди=нэчи
старик	медведь=Ind=PossRefl	ребёнок=AccPossRefl	растить=подобно

уди=хэ=ни
растить=Past=3Sg

‘Старик своего медведя, как воспитывают своего ребёнка, воспитывал (букв.: медведя, своего ребёнка как растить, растил)’.

(12) Силопу Бэгзини пујавтини, инэсини зол’л’ō тузинэти тūхэни [Озолина, тетр. 7, 33].

Силопу Бэгди=ни	пујав=ти=ни	инэ=си=ни	дол’л’ō
Вертел Нога=Poss3Sg	пукнуть=Past=3Sg	смеяться=Past=3Sg	камень=Acc
туди=нэти	тū=хэ=ни		
падение=подобно	падать=Past=3Sg		

‘Вертел Нога=его пукнет и засмеётся, а из него как <будто> камни падают (букв.: подобно камня падению)’.

Объём контекстуального материала определяется необходимостью проиллюстрировать универсальность использования суффикса подобия, функционал которого в тунгусо-маньчжурских языках с развившейся системой сравнительных союзов, «сужен»: он допускает присоединение преимущественно к именам существительным и прилагательным, присоединение же к глагольной основе не носит регулярного характера.

Собственно эквативные и симилятивные отношения в орокском языке могут быть разграничены очень условно: семантики полного сходства (такой же, как., одинаковый) и похожести (сходный со мной) носителями языка не дифференцируется, а средства выражения используются фактически одни и те же, см. *умотту* ~ *умутту* 1) одинаковый (*уму(н-)* ‘один’); 2) похожий (ср. *омотто* и *гэсу*) одинаковый; 3) похожий:

(13) Си минди гэсу, бу синду нарисал бипу [Новикова, тетр. 4, 41].

си	мин=ди	гэсу	бу	синду	нари=сал	би=пу
ты	я=Instr	одинаковый	мы	ты=Com	человек=P1	быть=Pres=1P1

‘Ты такой же, как я, мы с тобой люди’ (букв.: ты со мной одинаковый).

(14) Ча наду мангасал мунди умутту биччичи [Новикова, тетр. 4, 29].

ча	на=ду	манга=сал	мун=ди	умотту	би=ччи=чи
тот	земля=LocI	богатырь=P1	мы=Instr	одинаковый	жить=Past=3P1

‘На той земле богатыри, как мы, жили (букв.: богатыри с нами одинаковые)’.

В ряде тунгусо-маньчжурских языков, где сравнительные союзы сформировались, будучи заимствованными из русского языка, эквативные отношения оформляются аналогично русским конструкциями с союзом *как*.

2.2.2. Сравнительные конструкции с глагольными предикатами [Comparative patterns with verb predicates]

Категория собственно компаративности распространяется в орокском языке преимущественно на имена прилагательные в функции определения при номинативных единицах в составе трёхкомпонентных сравнительных конструкций. Действие же в тунгусо-маньчжурских языках допускает характеристику по качеству или интенсивности проявления исключительно в составе двухкомпонентной конструкции, где в функции признака сравнения (компарата) выступает превосходная степень наречия:

(15) Доно дин гугдади потчонохони [Новикова, тетр. 4, 20].

доно дин гугдади потчоно=хо=ни
морж очень высоко=CD подпрыгнуть=Past=3Sg
'Морж подпрыгнул очень высоко'.

При необходимости сравнить действие как процесс, осуществляемый одним лицом, предметом, с действием другого лица, предмета, например, 'прыгнуть выше, чем прыгнул <кто-то>', 'говорить громче, чем говорит <кто-то>' или 'блестеть ярче, чем блестит <что-то>' и т. п. сравниваются отглагольные имена существительные эквивалентной семантики, допускающие характеристику признака по проявлению качества, то есть 'прыжок', 'разговор' или 'блеск':

(16) Мапа поччохо доно поччоходдини улингадума бичини [Новикова, тетр. 4, 22].

мапа поччохо=ни доно поччохо=ди=ни улинга=дума
старик прыжок=Poss3Sg морж прыжок=InstrPoss=3Sg хороший=CD
би=чи=ни
быть=Past=3Sg

'Старик прыгнул выше моржа (букв.: старик прыжок=его морж с прыжком=его <сравнительно> тот, который лучше (=выше))'.

Вообще при характеристике признака в высокой степени или при сопоставлении действий субъектов в орокском языке преимущественно используются субстантивы с семантикой качества или действия, например, твой сын очень умный = ум твоего сына очень велик, охотник стреляет очень хорошо = стрельба охотника самая лучшая и т. п.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, в данной статье впервые предпринята попытка проанализировать сравнительные конструкции на материале орокского языка как синтаксические структуры, которые используются в тунгусо-маньчжурских языках для выражения отношений равенства и неравенства, а также выявить и описать инвентарь 5 структурных типов трёхкомпонентных и двухкомпонентных компаративных конструкций. Типы компаративных конструкций дифференцируются на основании компонентного состава и характера отношений. Двухкомпонентные конструкции реализуют симилятивные (через формы подобия существительного) и суперлативные (через степени сравнения прилагательных и наречий) отношения, трёхкомпонентные конструкции допускают выражение собственно компаративных, эквативных и симилятивных отношений (через сравнительные степени прилагательных и формы подобия существительных, прилагательных, в том числе, прономинативных, и глаголов).

Установлено, что в составе сравнительных конструкций в тунгусо-маньчжурских языках одним из регулярных показателей, маркирующих основные типы компаративных отношений в семантическом плане, является порядок следования сравниваемых единиц, определяющий их падежные формы.

Морфологическими средствами выражения сравнения в компаративных конструкциях являются степени сравнения прилагательных (простая и превосходная) и наречий, а также формы подобия, охватывающие грамматические классы имён существительных, местоимений, имён прилагательных и глаголов, эквивалентные русским словосочетаниям со сравнительными союзами.

Описание стратегий выражения сравнения, структуры и семантики сравнительных конструкций в языках народов Сибири позволяет дополнить знания об универсальных и специфических проявлениях данного феномена, демонстрируя уникальность каждого из этих языков.

Интерпретация сравнения в языках различной типологии основывается на понимании того, какими свойствами наделяется предмет сравнения в языковой картине мира каждого этноса. Нельзя не согласиться с Н. Б. Кошкарёвой и И. М. Плотниковым в том, что «построение структурной типологии сравнительных конструкций с учётом всех семантических компонентов и способов их выражения позволит реализовать ономаσιологический подход и исчислить способы выражения сравнительных отношений в языках разных систем на основе общих семантических признаков» [Кошкарёва, Плотников, 2023, с. 215].

Список условных обозначений

AUX: **Neg** – аналитическая отрицательная форма глагола; **Abl** – исходный падеж; **Acc** – аккузатив (винительный падеж); **Com** – совместный падеж; **Ind** – косвенная принадлежность; **Instr** – инструменталис (творительный падеж); **CD** – сравнительная степень прилагательного; **Fut** – будущее время; **Loc I** – местный I падеж; **Loc II** – местный II падеж; **1, 2, 3** – показатель лица глагола; **Pl** – множественное число, **Past** – прошедшее время, **Pres** – настоящее время, **Poss** – лично-притяжательный аффикс имени; **PossInd** – косвенная принадлежность; **PossRefl** – возвратно-притяжательный суффикс имени; **PP** – причастие; **SD** – превосходная сравнительная степень прилагательного; **Sim** – форма подобия; **Sg** – ед. число: [=] – морфемный шов.

Источники материала

- Новикова, 1949–50 – Архив Новиковой К. А. Полевые записи, сделанные во время экспедиций на о. Сахалин в 1949–1950 гг. в 5 тетрадях, хранящиеся в Институте филологии Сибирского отделения РАН. г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
- Озолина, 1989–2000 – Архив Озолиной Л. В. Полевые записи, сделанные во время экспедиций на о. Сахалин в 1989–2000 гг. в 7 тетрадях, хранящиеся в Институте филологии Сибирского отделения РАН. г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

Библиографический список

- Ахманова, 1966 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
- Горбунова, 2023 – Горбунова В. А. Способы выражения сравнения в ульском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 286–299. <https://doi.org/10.17223/18137083/83/22>
- Иванова, 2015 – Иванова Г. П. Сравнительные конструкции в языке сибирских вепсов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. : История. Филология. 2015. Т. 14, Вып. 9. С. 214–220.
- Ильина, 2023 – Ильина Л. А. Способы выражения сравнений в тазовском диалекте селькупского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2023. № 3, Вып. 47. С. 58–66. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2023-3-58-66>
- Карцевский, 1976 – Карцевский С.О. Сравнение // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 107–112.
- Князев, 2007 – Князев Ю.П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М. : Языки славянских культур, 2007. 699 с.

- Кошкарёва, Плотников, 2023 – Кошкарёва Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216. <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2024-2-180-216>
- Невская, 2022 – Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилиативных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 286–299. <https://doi.org/10.17223/18137083/81/22>
- Петрова, 1967 – Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л. : Наука, 1967. 156 с.
- Сагайдачная, 2022 – Сагайдачная А. О. Способы выражения сравнения в удэгейском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 2 (39). С. 88–97. <https://doi.org/10.25693/SVG.2022.39.2.008>
- Седых, 2008 – Седых А. П. Пропозиция, модус, диктум в национальных языках // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 43–48.
- Тыбыкова, 1998 – Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы Алтайского языкознания : сб. науч. тр. / отв. ред. М. И. Черемисина. Горно-Алтайск, 1998. С. 11–125.
- Черемисина, 1976 – Черемисина М. И. Сравнительные конструкции в русском языке. Новосибирск : НГУ. 1976. 323 с.
- Черемисина, Соловар, 1995 – Черемисина М. И., Соловар В. Н. Выражение сравнения в хантыйском языке // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 5. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1995. С. 65–84.
- Черемисина, Шамина, 1996 – Черемисина М. И., Шамина Л. А. Выражение сравнения в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1996. С. 65–84.
- Шамина, 2024 – Шамина Л. А. Генитивные и аблативные посессивные конструкции как маркеры сравнения в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 243–259. <https://doi.org/10.17223/18137083/85/1>

References

- Akhmanova, O. S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Moscow : Sovyetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Gorbunova, V. A. (2023). Sposoby vyrazheniya sravneniya v ul'chskom yazyke [Ways of expressing comparison in the Ulch language]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal. [Siberian Journal of Philology]*, 2, 286–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/85/22>
- Ivanova, G. P. (2015). Sravnit' konstruktzii v yazyke sibirskikh vepsov [Comparative constructions in the Siberian Veps language]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Ser.: Istoriya. Filologiya [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology]*, 14 (9), 214–220. (In Russ.).
- Ilyina, L. A. (2023). Sposoby vyrazheniya sravneniy v tazovskom dialekte sel'kupskogo yazyka [Ways of expressing comparisons in the Taz dialect of the Selkup language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*, 3 (47), 58–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2023-3-58-66>
- Karcevskii, S. O. (1976). Sravneniye [Comparison]. *Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the Study of Language]*, 1, 107–112. (In Russ.).
- Knyazev, Yu. P. (2007). *Grammaticheskaya semantika: russkiy yazyk v tipologicheskoy perspective [Grammatical semantics: The Russian language in a typological perspective]*. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press. (In Russ.).
- Koshkareva, N. B., & Plotnikov, I. M. (2023). Metayazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalinguistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i semiotika [Critique and Semiotics]*, 2, 180–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2024-2-180-216>
- Nevskaya, I. A. (2022). Tipologicheskiye osobennosti shorskikh ekvativnykh i similyativnykh konstruktсий [Typological features of Shor equative and simulative constructions]. *Sibirskiy*

- filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 4, 286–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/81/22>
- Petrova, T. I. (1967). *Yazyk orokov (ul'ta) [The language of the Oroks (ulta)]*. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Sagaidachnaya, A. O. (2022). Sposoby vyrazheniya sravneniya v udegeyskom yazyke [Ways of expressing comparative relations in the Udege language]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik [Northeastern Journal of the Humanities]*, 2 (39), 88–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.25693/SVGV.2022.39.2.008>
- Sedykh, A. P. (2008). Propozitsiya, modus, diktum v natsional'nykh yazykakh [Proposition, mode, dictum in national languages]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Gumanitarnyye nauki [Belgorod State University Scientific Bulletin. The Humanities]*, 4, 43–48. (In Russ.).
- Tybykova, L. N. (1998). Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom yazyke [Ways of expressing comparison in the Altai language]. In M. I. Cheremisina (Ed.), *Voprosy Altayskogo yazykoznanija [Topics in the study of the Altai languages]* (pp. 11–125). Gorno-Altaysk. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (1976). *Sravnitel'nyye konstruksii v russkom yazyke [Comparative constructions in the Russian language]*. Novosibirsk: NSU Press.]. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I., & Solovar, V. N. (1995). Vyrazheniye sravneniya v khantyyskom yazyke [Expression of comparison in the Khanty language]. *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri [Peoples of North-Western Siberia]* (Vol. 5, pp. 65–84). Tomsk : Tomsk University Press. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I., & Shamina, L. A. (1996). Vyrazheniye sravneniya v tuvinskom yazyke [Expression of comparison in the Tuvan language]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of the indigenous peoples of Siberia]* (Vol. 3, pp. 65–84). Novosibirsk : Siberian Branch of RAS Press. (In Russ.).
- Shamina, L. A. (2023). Genitivnyye i ablativnyye possessivnyye konstruksii kak markery sravneniya v tuvinskom yazyke [Genitive and ablative possessive constructions as comparison markers in the Tuvan language]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 4, 243–259. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/85/1>

Стародубцева Наталья Сергеевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
nstarodubceva@yandex.ru

Особенности текстового сопровождения китайских поздравительных открыток с Новым годом

Аннотация

Настоящее исследование ставит своей целью анализ текстового сопровождения китайских поздравительных открыток с Новым годом. Материал для исследования – 171 неповторяющийся пример – был получен с помощью лингвистического интервьюирования граждан КНР из 31 города, представленных в основном китайской молодёжью в возрасте от 14 до 30 лет. В ходе исследования использовался комплекс методов, включавший индуктивный и описательный методы, а также классификацию и систематизацию. В результате, во-первых, определена тематика пожеланий. Во-вторых, выявлены фразы-поздравления, обладающие культурной спецификой, и языковые средства, используемые в поздравлении. В-третьих, оказалось, что большинство поздравлений носит комплексный характер. Наконец, отмечено большее количество примеров и вариативность их формулировок в пожеланиях «здоровья» родителям и людям старшего поколения, при этом пожелания к родителям и родственникам носили более развёрнутый характер, чем те, что обращены к друзьям.

Ключевые слова: текст новогодней открытки, тематика пожеланий, лингвокультурная специфика, языковое средство, повтор слова, образное сравнение, метафора, омофон

© Стародубцева Н. С. 2025

Для цитирования: Стародубцева Н. С. Особенности текстового сопровождения китайских поздравительных открыток с Новым годом // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 102–116. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-102>

Natalya S. Starodubtseva
Amur State University
Blagoveschensk, Russian Federation
nstarodubceva@yandex.ru

The specifics of verbal content in Chinese New Year greeting cards

Abstract

This study aims to analyze the verbal content of Chinese New Year greeting cards. The material for the study comprised 171 non-recurring examples obtained from linguistic interviews of Chinese citizens, mainly Chinese youth aged 14–30 from 3 cities. A set of methods (inductive, descriptive, classification and systematization) was used to process the material. As a result, firstly, the topic of wishes was specified. Secondly, culture-specific congratulatory phrases and language means used in congratulations were identified. Thirdly, most congratulations were found to be of a complex nature. Finally, the study found a greater number of examples with variability of the ways to formulate wishes of health to parents and people of an older generation. In addition, wishes to parents and relatives were more detailed than those addressed to friends.

Keywords: Happy New Year postcard text, the theme of a wish, linguocultural specifics, language means, simile, metaphor, homophone

© Starodubtseva N. S. 2025

For citation: Starodubtseva, N. S. (2025). Osobennosti tekstovogo soprovozhdeniya kitayskikh pozdravitel'nykh otkrytok s Novym godom [The specifics of verbal content in Chinese New Year greeting cards]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 102–116. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-102>

1. Введение [Introduction]

В эпоху цифровизации поздравительная открытка по-прежнему не потеряла своей актуальности, приобретая новые виды своего воплощения и получив новые способы доставки до адресата посредством социальных сетей и различного рода мессенджеров.

Для исследователей на современном этапе поздравительная открытка воспринимается: 1) как исторический источник [Ларина, 2004 ; Спешилова, 2016 ; Панев, Рубцов, 2019 и др.]; 2) поле для исследования пространства социальных отношений [Сальников, Сальникова, 2022 ; Тихонова, Чибисова, 2017 и др.]; 3) источник изучения особенностей культуры страны и, в частности, её лингвокультуры [Бутыльская, 2013 ; Гурьянова, 2022 ; Чистякова, 2022 ; Стародубцева, 2024 и др.].

Зависимость содержания и реализации поздравления от языковой картины мира поздравляющего предоставляет исследователям возможность познакомиться с особенностями восприятия мира представителями иной лингвокультуры, что и обуславливает актуальность изучения текстового сопровождения поздравительных открыток. Поздравление – это один из этикетных речевых жанров, который, как и «вся человеческая деятельность, включая речевое поведение, мышление, ценностные ориентиры, создаётся на почве культурной обусловленности» [Зиновьев, 2021, с. 356].

Пожелания адресанта адресату раскрывают аксиологические аспекты жизни, как первого, так и второго. Однако пожелания демонстрируют не только ценности отдельной личности, но и коллектива, общества, в котором находятся участники данного вида коммуникации. Говоря о сугубо субъективном характере ценностей, следует подчеркнуть, что «ценности всегда так или иначе связаны с социальной средой, в которой находится индивид, они формируются обществом» [Константинов, Холомеев, 2015, с. 56]. Ретроспективный анализ текстового сопровождения поздравительных открыток может продемонстрировать изменение нормативно-ценностной системы в процессе её исторического развития.

Являясь частью ритуала, который выступает сущностью китайской культуры, поздравительная открытка в Китае выполняет регулятивную функцию, которая заключается в её возможности воздействовать на управление межличностными отношениями. Для исследователей культуры и лингвокультуры страны открытка выступает богатым источником исследовательского материала.

Анализ контекстов китайской и русской интернет-коммуникаций показал, что в речевом жанре «пожелания», связанном с поздравлениями с различными праздниками, в большом количестве встречаются одинаковые смысловые доминанты, выражающие общечеловеческие ценности [Чжао, 2021, с. 408]. На материале китайских поздравительных открыток, размещённых на интернет-сайтах, были выделены тенденции использования лексического и грамматического материала, а также структура построения пожеланий [Тихонова, Чибисова, 2017, с. 211].

Анализ основных символов свадебных открыток – «графических (цвет, рисунок) и языковых (пожелания, в которых в качестве основных компонентов предстают изобразительно-выразительные средства языка, а также лингвокультуремы)» – позволил утверждать, что «умев расшифровывать национальную символику свадеб, человеку легче будет осуществлять межкультурный диалог с представителем инокультуры, а также воспринимать и интерпретировать культурные тексты» [Бутыльская, 2013].

На современном этапе основным средством выражения поздравления с праздничными событиями выступают сообщения в различного рода мессенджерах, которые могут быть представлены как в виде текста с пожеланиями, так и в виде электронной открытки, содержащей визуальные образы. Сравнительно-сопоставительный анализ поздравлений, представленных в российском и китайском мессенджерах ВКонтакте и WeChat, выявил риторические особенности и модели, различия и общие черты речевого жанра «поздравление» в русских и китайских виртуальных коммуникациях, к которым относятся: редкое присутствие приветствия в китайских поздравлениях, факультативный характер обращения, более частое присутствие косвенных комплиментов, чем прямых в китайских поздравлениях [Ян, 2023, с. 444, 446].

Изучение культурной и структурно-семантической специфики китайского поздравления выявило следующие особенности китайских поздравлений в современной межкультурной коммуникации: возможное наличие в формуле поздравления степенных определителей, придающих поздравлению повышенный эмоционально-экспрессивный тон (чаще всего в письменной речи и редко – в устной) [Солоян, 2009, с. 110]. При этом стилистическая возвышенность и официальность заключены во фразах со словами *разрешите, позвольте*, употребление которых считается одной из форм проявления этикета в деловой переписке с характерной «нагромождённой» официальнойностью [Там же]. Исследование национальной специфики русской и тайваньской культур посредством анализа поздравлений основных праздников и событий (день рождения, Новый год и свадьба), показало, что «пожелания в китайском языке отличаются своей стандартизованностью и клишированностью; одна из особенностей – использование идиом, которые связаны с известными географическими объектами» [Каркодина, 2018, с. 290].

Отражая традиционную культуру празднования китайского Нового года через язык, авторы новогодних поздравлений апеллируют к реалиям, чэньюй, символам, эпитетам и числительным с особым смыслом [Камедина, Панина, 2024, с. 166]. Чэньюй как концептуально-значимые единицы дают возможность представителям китайской культуры кратко и точно выразить свои мысли, «ценности, смыслы, мечты народа, которые передаются из поколения в поколение» [Там же]. Результатом анализа более 50 китайских новогодних поздравлений, в которых присутствуют чэньюй, стало выделение концептуально-значимых единиц «счастье», «радость», «удача», «богатство», «семья», «спокойствие», существующих во всех культурах [Там же, с. 167].

Изучение особенностей поздравлений в Китае в год Тигра (2022) позволило выделить виды изображения тигра и его сочетания с другими символами и пожеланиями, проанализировать цвета, преобладающие в новогодних поздравлениях (традиционные: красный и золотой), и выявить характерные черты для поздравлений в 2022 г. («стилизованные изображения тигра, в состав которых входят цифры года 2022; выражение надежды на «здоровый» год в изображении тигра, сдающего тест ПЦР») [Чистякова, 2022, с. 67]. Было отмечено, что кроме стандартных пожеланий (счастья и исполнения всех желаний, огромной удачи в год Тигра, тигриного могущества и др.) встречаются поздравления, построенные с использованием игры на омофонах, для «прочтения» которых необходима замена иероглифов на схожие по чтению или написанию (虎 hǔ 'тигр' заменяется на иероглиф 福 fú 'счастье'; 吉 jí 'успех, удача' пишется и звучит подобно слову 桔 jú 'мандарин' и т. д.) [Чистякова, 2022, с. 67]).

Как и в предыдущем исследовании на материале поздравлений с Днём образования КНР [Стародубцева, 2024], в данной работе, анализируя поздравления с Новым годом, мы сосредоточили своё внимание на 1) тематике пожеланий; 2) фразах-поздравлениях, обладающих социальной и культурной спецификой; 3) клишированных фразах-поздравлениях и других лингвистических явлениях, позволяющих сделать вывод о языковых нормах в китайском языке на современном этапе.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л для исследования был получен в ходе опроса (лингвистического интервьюирования) респондентов – жителей КНР обоих полов. Основной контингент респондентов представлен китайской молодёжью – в возрасте от 14 до 30 лет (большинство опрошенных в возрасте от 14 лет до 21 года – 68 человек (67,33%), в возрасте от 22 лет до 30 лет – 31 человек (30,69%), в возрасте 40 лет – 2 человека (1,98%)).

Всего в опросе принял участие 101 человек. Из них 55 респондентов – из провинции Хэйлуцзян, другие респонденты проживают в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения: Хэбэй (河北), Ляонин (辽宁), Шаньдун (山东), Цзянсу (江苏), Гуандун (广东), Фуцзянь (福建), Хунань (湖南), Тайвань (台湾), Шаньси (山西), Хэнань (河南), Шэньси (陕西), Цзилинь (吉林), Цзянси (江西), г. Чунцин (重庆), Нинся (宁夏) – всего 31 город.

Респондентам было задано два вопроса: 1. «Какие слова-поздравления вы напишите на поздравительной открытке¹ с целью поздравить с Новым годом своих родителей и людей старшего поколения?» 过年的时候，你会在贺卡上写什么给你的父母或其他长辈？ 2. «Какие слова-поздравления вы отправите своим друзьям с целью поздравить с Новым годом?» 过年的时候你会给你的朋友发什么祝福语？ При совпадении данных ответы, полученные на первый вопрос, будут указаны в скобках первыми, на второй вопрос – вторыми.

Полученные данные были обработаны с помощью комплекса методов: индуктивного и описательного методов, а также классификации и систематизации. Поскольку каждый человек ответил на два вопроса, для расчётов в процентах мы исходили из числа 202 (101 участник опроса «умножить» на 2 ответа).

В ходе анализа ответов респондентов был выделен 171 неповторяющийся пример. Полученные фразы были разделены на три группы: по тематике пожеланий, которые они содержат; фразы-поздравления, обладающие лингвокультурной спецификой; языковые средства в поздравлении.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Сводные данные по трём группам представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Группы примеров (%)
[T a b l e 1. Groups of the examples (%)]

№	Группа 1. Тематика пожеланий	%
1.	Примеры, содержащие поздравление «С Новым годом»	65,84
2.	Примеры, содержащие пожелание «исполнения желаний»	36,14
3.	Примеры, содержащие пожелание «здоровья»	31,68
4.	Примеры, содержащие пожелание «богатства»	16,83
5.	Примеры, содержащие пожелание «удачи и успеха»	14,85

¹ Интерес представляет ответ двух респондентов: они не будут подписывать открытку родителям и родственникам, а скажут слова поздравления им лично при встрече. Этот ответ подчёркивает важность встреч в кругу родных при праздновании Нового года. Пятеро респондентов ответили, что не станут подписывать открытку представителям старшего поколения (вероятно, имея в виду возможность поздравления при личной встрече). На вопрос, о поздравлениях друзьям, эти респонденты дали варианты пожеланий.

² В таблице отражены подгруппы поздравлений с большим количеством примеров.

№	Группа 1. Тематика пожеланий	%
6.	Примеры, содержащие пожелание «счастья»	14,36
7.	Примеры, содержащие пожелание «радости»	12,38
8.	Примеры, содержащие пожелание «спокойствия»	9,4
9.	Примеры, содержащие пожелание «долголетия»	6,44
10.	Примеры, содержащие пожелания друзьям, связанные с успешной учёбой	5,94
11.	Примеры, в которых отражена ценность семейного благополучия	3,96
Группа 2. Фразы-поздравления, обладающие лингвокультурной спецификой		
1.	Примеры, содержащие поздравления, написанные с использованием слов-символов	7,42
2.	Упоминание в поздравлении животного-символа года по Восточному календарю	4,45
3.	Употребление в поздравлении традиционного названия праздника	1,98
4.	Употребление в поздравлении фраз из литературных произведений	0,49
Группа 3. Языковые средства в поздравлении		
1.	Примеры, содержащие удвоение слов	6,44
2.	Примеры, содержащие поздравления, написанные с использованием сравнения	5,94
3.	Примеры, содержащие поздравления, написанные с использованием метафор	0,99
4.	Примеры, содержащие пожелание, построенное на игре с омофонами	0,49

Рассмотрим каждую группу подробнее.

2.2.1. Группа 1. Тематика пожеланий [Group 1. Themes of wishes]

Титульное поздравление с Новым годом: «Весёлого Нового года!» 新年快乐! – 117 респондентов – 57, 92% (51 и 66); «Хорошего Нового года!» 新年好! – 8 респондентов – 3,96% (4 и 4); «Хорошо встретить Новый год!» 过年好! – 4 респондента – 1,98% (2 и 2); «Радостно провести Новый год!» 欢度新年! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Круто встретить Новый год!» 过年牛逼! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Отпраздновать с размахом (изобильно, с излишком)!» 庆有余! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Дружно и в изобилии отпраздновать и провести Новый год!» 齐喜庆过肥年! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1). Итого, примеры, содержащие поздравление «С Новым годом», были представлены 133 респондентами – 65,84%.

Большинство поздравлений носит комплексный характер. В них можно вычленить пожелания определённых благ³: здоровья, счастья, достатка и т. д., так как они разделены знаками препинания. Однако часть поздравлений представляют собой клишированные фразы (чаще всего из 4-х иероглифов), содержащие несколько пожеланий и выраженные сочетанием иероглифов, каждый из которых может передавать отдельное пожелание. Вместе со здоровьем желали спокойствия: «Спокойствия и здоровья из года в год!» 健康平安! / 岁岁安康! – 5 респондента – 2,47% (3 и 2); со спокойствием – радости: 平安喜乐 / 喜乐平安! – 5 респондентов – 2,47% (2 и 3) или благополучия: «Спокойствия и благополучия на всю жизнь!» 平安顺遂! / 一生平安顺遂! – 4 респондента – 1,98% (2 и 2).

Традиционным новогодним декором, расположенным на дверях китайских домов, выступает иероглиф 福 «счастье». Счастья желают и в письменных поздравлениях. К вышеперечисленным благам в пожеланиях, носящих комплексный характер, присо-

³Примеры таких пожеланий даны ниже.

единяли пожелания счастья: «Счастья и благополучия!» 大吉大利! /幸福美满! – 5 респондентов – 2,47% (3 и 2); «Спокойствия и счастья» 平安幸福! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Счастья и поменьше хлопот!» 幸福烦恼少! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Счастья, здоровья и спокойствия» 幸福安康 /吉祥安康 – 4 респондента – 1,98% (2 и 2); «Пусть в новом году каждый день наполнится радостью и счастьем!» 在新的一年里每天都充满快乐和幸福! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0). Счастье будет ярче, если будут исполняться желания: «Счастья и исполнения желаний!» 吉祥如意 – 4 респондента – 1,98% (2 и 2), в семье будет мир: «Мира в семье, счастья и благополучия (здоровья и спокойствия) в семье!» 家庭和睦、幸福安康! – 2 респондента – 0,99% (1 и 1), а представители старшего поколения будут жить долго: «Счастья и долголетия, здоровья и безопасности!» 福寿安康! / 岁月凝香, 福寿安康! – 2 респондента – 0,99% (2 и 0). Среди фраз, содержащих пожелание одного блага, были следующие пожелания счастья: «Счастья в новом году!» 新的一年要幸福! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Пусть счастье останется навеки!» 幸福永驻! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Желаю непрекращающегося счастья!» 幸福绵延不断! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Счастья вашей семье (счастья полные двери)!» 福满门 – 1 респондент – 0,49% (0 и 1). Итого, примеры, содержащие пожелание «счастья», были представлены 29 респондентами – 14,36%.

Количество и разнообразие примеров, пожелания здоровья родителям и людям старшего поколения намного больше, чем друзьям: «здоровья!» 身体健康! – 40 респондентов – 19,80% (38 и 2), 健健康康! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Крепкого здоровья!» 身体硬朗 – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Хорошего здоровья!» 健康如意! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Быть в добром здравии!» 身体安康! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Всегда хорошего самочувствия!» 永远身体好! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0), 常健康! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Крепкого здоровья на долгие годы!» 年年岁岁身体常健! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0). Итого, примеры, содержащие пожелание «здоровья», были представлены 64 респондентами⁴ – 31,68%.

Пожелания крепкого здоровья родителям и людям старшего поколения усиливалось пожеланием долголетия: «Долгих лет жизни!» 长命百岁! – 4 респондента – 1,98% (4 и 0); «Здоровья и долголетия!» 健康长寿! – 3 респондента – 1,48% (3 и 0); «Долгой жизни, без смерти!» 长生不死! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0). Другим долголетия пожелал лишь 1 респондент: «Желаю моим друзьям долгой жизни!» 祝我们的友谊长存! – 0,49% (0 и 1). Итого, примеры, содержащие пожелание «долголетия», были представлены 13 респондентами – 6,44%.

Пожелание спокойствия было актуально для родных и друзей: «Спокойствия!» 平平安安 – 2 респондента – 0,99% (2 и 0); «Спокойствия из года в год!» 岁岁平安! – 2 респондента – 0,99% (1 и 1). Итого, примеры, содержащие пожелание «спокойствия», были представлены 19 респондентами – 9,40%.

Однако пожелание радости было чаще обращено на друзей: «Радости каждый день!» 天天开心 – 4 респондента – 1,98% (0 и 4); «Радости и веселья!» 开心快乐 – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «[Желаю быть] охваченным радостным волнением!» 喜气洋洋! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Побольше радости и длительного спокойствия!» 多喜乐长安宁! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Радуйся и не беспокойся!» 快乐无忧! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Побольше радости, подольше спокойствия! А если веселиться слишком трудно, тогда желаю спокойствия!» 多喜乐长安宁, 如果快乐太难那我祝你平安! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1). Старшему поколению желали: «Радости!» 开

⁴ Включая (здесь и далее) количество респондентов, пожелавших данное благо, используя клишированные фразы, содержащие несколько пожеланий и выраженные сочетанием иероглифов, каждый из которых может выражать отдельное пожелание, а также другие комплексные поздравления.

心! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Веселья без тревог!» 喜乐无忧! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Постоянно смеяться!» 经常笑! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Постоянно улыбаться!» 笑口常开! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); 欢笑尽娱, 乐哉未央! «Большого веселья и нескончаемой радости!» – 1 респондент – 0,49% (1 и 0). Новый год – это семейный праздник, поэтому желали «Радости семье!» 阖家欢乐!, 合家欢乐! – 3 респондента – 1,48% (1 и 2). Итого, примеры, содержащие пожелание «радости», были представлены 25 респондентами – 12,38%.

В Новый год принято загадывать желания, исполнения которых желали своим родным и друзьям: «Десять тысяч дел [пусть исполнятся] так, как желаешь» 万事如意! – 40 респондентов – % (34 и 6); «Исполнения желаний!» 心想事成! – 17 респондентов – 19,80% (14 и 3), 万事顺意! – 5 респондентов – 2,47% (2 и 3); «Всего наилучшего (десять тысяч дел благополучно реализуются)!» 万事胜意! – 3 респондента – 1,48% (0 и 3); «Исполнения желаний и успехов в их реализации!» 事事顺利, 事事如意! – 2 респондента – 0,99% (0 и 2); «Пусть каждый год будет таким, каким ты хочешь!» 年年如意! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Желаю исполнения желаний в Новом году!» 愿新的一年你们的心愿都能实现! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0). Итого, примеры, содержащие пожелание «исполнения желаний», были представлены 73 респондентами – 36,14%.

У д а ч а и у с п е х нужны всем одинаково: «Удачи во всём!» 一切顺利! – 2 респондента – 0,99% (1 и 1); «Пусть всё идет благополучно!» 万事顺遂 – 3 респондента – 1,48% (2 и 1); «Успехов в делах!» 事业有成! – 6 респондентов – 2,97% (3 и 3), 诸事皆顺! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); 事业顺利! – 2 респондента – 0,99% (2 и 0); «Полный успех во всех делах!» 万事大吉! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Успехов в работе!» 工作顺利! – 5 респондентов – 2,47% (2 и 3); «Во всех делах подниматься вверх!» 事业节节升! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Карьерного роста» 节节高升! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Успехов, шаг за шагом взбираться наверх (продвигаться по службе; преуспеть)!» 步步高升! – 2 респондента – 0,99% (0 и 2); «Удачи в скором будущем! (удачи на будущих дорогах)!» 在奔赴未来的路上, 充满好运! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «На дорогах будущего попутного ветра!» 未来的道路上一帆风顺! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Благополучия (следовать по направлению ветра)» 顺风顺水! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «[Пусть] все дела (сто дел) идут без опасений!» 百事无忌! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Успехов в поиске работы!» 祝找工作顺利! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1). Итого, примеры, содержащие пожелание «удачи и успеха», были представлены 30 респондентами – 14,85%.

П о ж е л а н и е б о г а т с т в а имеет свою культурную специфику. «В Китае под термином «богатство» в первую очередь понимается богатство материальное... Богатство, будь то материальное, духовное или физическое – это всепобеждающая сила, то, что ведёт к абсолютному успеху» [Пестерова, 2022, с. 147]. Поэтому в китайских поздравительных посланиях всем активно желают богатства: «Желаю вам огромного богатства!» 恭喜发财! – 7 респондентов – 3,46% (5 и 2); «Желаю вам богатства!» 财源广进! – 6 респондентов – 2,97% (4 и 2); «Огромных доходов!» 财源滚滚 / 财运滚滚来 – 2 респондента – 0,99% (1 и 1); «Высоких доходов!» 收入高 – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Пусть каждый год будет изобильным!» 年年有余 – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Доходов в течение всего года (от начала до конца года)!» 从年头红到年尾! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Финансового процветания!» 财源亨通! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Желаю в этом году сильно разбогатеть!» 祝今年发大财 – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Жить в богатстве и чести!» 富贵吉祥 – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «[Пусть] пойдёт резко вверх уровень жизни (сделать головокружительную карьеру)!» 扶摇直上! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Стремительно разбогатеть в новом году!» 新年暴富! – 2 респондента – 0,99% (1 и 1). В пожеланиях богатства прослеживается понима-

ние, что деньги не делают человека счастливым: «Неожиданного богатства и хорошей судьбы!» 暴富好运! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1). В китайской традиции принято дарить красный⁵ конверт с деньгами на праздники детям или молодожёнам на свадьбу, поэтому респонденты обращались с этой просьбой к родителям: «Желаю вам огромного богатства! Приносите красный конверт!» 恭喜发财, 红包拿来 или «Хорошо встретить Новый год! Приносите красный конверт!» 过年好, 红包拿来! – 2 респондента – 0,99% (2 и 0). Два респондента адресовали (пошутив) эту просьбу друзьям: «Отправь мне красный конверт» 给我发红包! – 2 респондента – 0,99% (0 и 2). Два респондента, желая богатства, просили не забывать о них: «Желаю внезапно разбогатеть и взять меня на содержание!» 祝你暴富养我! – 2 респондента – 0,99% (0 и 2). Итого, примеры, содержащие пожелание богатства, были представлены 34 респондентами – 16,83%.

Друзьям желали л ю б в и: «Любить и быть любимым!» 有所爱亦被爱 – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); красоты: «Быть красивым!» 容颜俏! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Становиться всё краше и краше в новом году!» 新的一年越来越漂亮! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Мир необъятен! Желаю тебе сверкать!» 世界辽阔! 祝你闪闪发光! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1).

Пожелания беспрепятственного протекания жизни в радости и красоте были представлены следующими примерами: «Благополучия и радости!» 顺遂喜乐! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Пусть все печали сгинут прочь!» 忧愁全部都跑掉! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Желаем старшему поколению постоянно улыбаться!» 愿长辈们笑口常开 – 3 респондента – 1,48% (3 и 0); «Прекрасной и счастливой жизни!» 幸福生活多美好! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Пусть всё хорошее будет связано с тобой!» 愿所有美好都与你相关! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1).

В пожеланиях радости и богатства подчёркивается связь благополучия человека с благополучием мира, необходимость здорового долголетия: «Пусть светят солнце и луна, богатства и процветания, здоровья и долголетия в Новый год, веселья без конца!» 日有熹, 月有光, 富且昌, 寿而康, 新春嘉平, 长乐未央! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0).

Следующее пожелание показывает устремления современной молодёжи – пусть всё хорошее произойдёт быстро и без усилий: «Внезапно разбогатеть и быть счастливым!» 要暴富, 要幸福! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1); «Внезапно разбогатеть, внезапно стать красивым, внезапно похудеть!» 暴富暴美暴瘦! – 1 респондент – 0,49% (0 и 1).

В пожеланиях звучали наставления о том, как нужно действовать в новом году: «Вымести прочь все огорчения!» 所有的烦恼一扫而空! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0); «Побольше зарабатывать, поменьше сердиться!» 多挣钱少生气! – 1 респондент – 0,49% (1 и 0).

Большинство респондентов – это студенты, поэтому друзьям желали у с п е х о в в у ч ё б е: «Хорошо учиться!» 好好学习! – 1 респондент – 0,49%; «Успехов в учёбе!» 学业有成! – 5 респондентов – 2,47%; «Прогресса в учёбе!» 学习进步! – 1 респондент – 0,49%; «Успешной учёбы и дальнейшего продвижения (букв. подняться ещё на один этаж выше)!» 学业顺利更上一层楼! – 1 респондент – 0,49%; «В новом году успешных экзаменов (букв. успешно выгрузиться на берег) и дальнейшего продвижения (букв. подняться ещё на один этаж выше)!» 新的一年考试顺利上岸, 更上一层楼! – 1 респондент – 0,49%; «Наивысшего (750) балла по результатам Единого государственного экзамена для поступления в высшие учебные заведения (КНР)!» 祝你高考 750 – 1 респондент – 0,49%; «Чтобы всё удавалось в учёбе!» 学啥啥都会! – 1 респондент – 0,49%; «Желаю успешно сдать экзамены в аспирантуру / перейти на следующую ступень обучения!» 祝考研/升学顺利! – 1 респондент – 0,49%. Итого, примеры, содержа-

⁵Красный цвет конверта символизирует счастье.

щие пожелания друзьям, связанные с успешной учёбой, были представлены 12 респондентами – 5,94%.

Поздравления содержали позитивные установки, связанные с внутренней психологической работой: «Пусть сожаления прошлого станут движущей силой в новом году!» 让过去的遗憾成为新年的动力!; «Желаю, чтобы каждый день был залит солнечным светом и весёлым смехом, а каждый шаг был твёрдым и энергичным! Независимо от того, сколько проблем ждёт в будущем, верь, что встреча с ними пройдёт при самом лучшем для тебя раскладе!» 愿你的每一天都充满阳光和欢笑, 每一步都走得坚定而有力。无论未来有多少挑战, 相信你都能以最美好的姿态迎接!; «[Желаю] в новом году встретиться с лучшей версией себя!» 新的一年遇见更好的自己! Итого, примеры, содержащие поздравления с позитивными установками, были представлены 3 респондентами – 1,48%.

В поздравлениях, направленных друзьям были примеры с признанием ценности дружбы с этими людьми и надеждой на замечательное продолжение этих отношений: «Пусть дружба сохранится на века!» 友谊长存!; «Жду с нетерпением, что мы вместе создадим ещё больше замечательных воспоминаний!» 期待与你一起创造更多美好回忆! «Простого взаимопонимания!» 简单但互相都懂!; «Не отказывайся от встреч, не заводи разговоры о долгах!» 不负遇见, 不谈亏欠! Итого, примеры, содержащие размышления о дружбе, были представлены 4 респондентами – 1,98%.

Друзьям направляли шуточные пожелания: «Ешь всухомятку и не толстей!» 干吃不胖!; «Желаю внезапно разбогатеть и взять меня на содержание!» 祝你暴富养我!; «Желаю вам огромного богатства! Приносите красный конверт!» 恭喜发财, 红包拿来!⁶; шуточное поздравление, в котором звучат конкретные вопросы о результатах прошлого года, содержит пожелание реализовать свои мечты в новом году: «Нашёл себе вторую половинку? Как работа? Сдал на водительские права?» 处对象了嘛? 工作怎么样呀? 考驾照了嘛? Итого, примеры, содержащие шуточные пожелания, были представлены 6 респондентами – 2,97%.

В пожеланиях отражена ценность 1) семейного благополучия: «Радости семье» 阖家欢乐; 合家欢乐⁷; «Мира в семье!» 家庭和睦; «Счастья семье!» 阖家幸福; «Все снова собрались вместе в тесном семейном кругу, и счастья пришло!» 家团圆, 幸福到; «Успехов в делах вашим детям!» 孩子学习进步; «Детям – прогресса в учёбе!» 儿女事业有成! и важность 2) сыновней почтительности: «Будьте довольны почтительностью, которую ваши дети выражают вам!» 称赞其儿女孝顺! Дым от огня домашнего очага выступает символом стабильности миропорядка: «Дым от огня домашнего очага летит к звёздам. Желаю, чтобы всё осуществилось!» 烟火向星辰, 所愿皆成真! Итого, примеры, в которых отражена ценность семейного благополучия, были представлены 8 респондентами – 3,96%.

2.2.2. Группа 2. Фразы-поздравления, обладающие лингвокультурной спецификой [Group 2. Culture-specific congratulatory phrases]

Китайский Новый год – это праздник прихода весны. В поздравлениях помимо названия праздника «Новый год» 新年 упоминаются следующие его названия: «Новая весна» 新春: 新春嘉平!; «Желаю счастливого Нового года (Новой весны)!» 祝你新春快乐!; «Большого счастья в новом году!» 新春大吉!; «Праздник весны» 春节: «С праздником Весны!» 春节快乐! – 4 примера – 1,98%.

⁶ Два последних примера уже были представлены ранее в подборке пожеланий богатства.

⁷ Два последних примера уже были представлены ранее в подборке пожеланий радости.

В 9 поздравлениях – 4,45% – упоминается животное, чей год наступает согласно Восточному календарю: «Желаю Вам, чтобы в год Тигра хорошие события шли одно за другим!» 祝您虎年好事连连! «Желаю тебе счастливого года Дракона!» 祝你龙年行好运!; «Благополучного года Дракона!» 龙年顺遂! «Желаю тебе большого счастья в год Дракона!» 祝你龙年大吉!; «В удовольствие провести остаток года, а в год Дракона пусть всё будет прекрасно!» 岁末常欢愉, 龙年皆胜意! «Этот год – год Дракона. Желаю быть полным сил и энергии (дракон взлетает, тигр прыгает); много счастья в год Дракона; быть полным боевого задора!» 今年是龙年: 祝龙腾虎跃, 龙年大吉, 龙马精神! В пожелании употребляются иероглифы 龙马精神, что дословно можно перевести как «[желаю] энергии, как у мифического дракона-коня (животное с телом коня и головой дракона, явившееся из вод Хуанхэ легендарному императору Фу-си)».

Один из респондентов отразил приход года Дракона в поздравлениях родителям и друзьям. Сравним эти два пожелания: (1) «Папа и мама! Наступил год Дракона. Желаю вам стремительно влетать, как дракон. Жизненная сила пусть брызжет во все стороны. Подобно дракону охраняйте своё здоровье и спокойствие, вольно парите на небосклоне. Благодарю вас за ваши бескорыстные старания. Весёлого года Дракона!» 爸妈, 龙年到来, 愿您们如龙腾飞, 活力四溢; 如龙守护, 健康平安; 如龙游天际, 自由自在。感谢您们的辛勤付出和无私奉献, 祝您们龙年快乐! (2) «Дорогие друзья! Наступил год Дракона. Желаю вам быть такими же храбрыми, как дракон; твёрдыми и гибкими подобно чешуе дракона. Успехов в Новом году, шаг за шагом взбираться наверх (продвигаться по службе; преуспеть)! Мира, счастья и благополучия в семье! Пусть каждый день нового года Дракона будет залит солнечным светом и весёлым смехом!» 亲爱的朋友, 龙年到来, 愿你如龙般矫健, 如龙鳞般坚韧。新的一年, 事业有成, 步步高升; 家庭和睦, 幸福美满。祝你在龙年的每一天都充满阳光和欢笑!

Пожелания, имеющие культурную специфику, не всегда понятны представителям иной культуры. Смысл пожелания «Бамбук хранит покой» 竹抱平安 раскрывается через понимание значения бамбука в китайской культуре. Он символизирует изгнание духов и нечистой силы, а также придаёт радостную атмосферу праздничным мероприятиям. Бамбук символизирует стойкость, цельность и неукротимый дух, так как представляет собой вечнозелёное растение, символизируя прямоту и упорство, а также олицетворяя добродетель и скромность. Поэтому пожелание 竹抱平安 означает мир, удачу и счастье. В древние времена на фестивалях или в праздничные дни люди сжигали бамбук, треск которого отгонял горных духов и оберегал мир и покой [Традиционные узоры..., 2025].

В двух поздравлениях – 0,99% – использовалась метафора радуги как символа ярких позитивных впечатлений: «Желаю на пути длинную радугу! (жизни, наполненной яркими событиями)!» 祝你一路长虹!

В качестве слов поздравления выступают надписи, которые располагались на черепицах увеселительного дворца династии Хань – «Вечное веселье, веселье без конца» 长乐未央; строчки из произведения китайского поэта времён династии Тан – Ли Бо – «Аромат прожитых лет» (в пожелании представителям старшего поколения) 岁月凝香, 福寿安康!

Два респондента в своих поздравительных текстах описали атмосферу и процедуру подготовки к празднику: «Последний день уходящего года в звуке петард, весенний ветер приносит тепло; на тысячах дверей в десятках тысяч дворов отражается солнечный свет, старые парные полосы красной бумаги (по бокам дверей дома)⁸ с новогодними пожеланиями заменяют на новые» 爆竹声中一岁除, 春风送暖入屠苏; 千门万户瞳瞳日, 总把新桃换旧符; «Празднуем Новый год! Гремят

⁸ 新桃 – имеется в виду桃符 – парные полосы красной бумаги по бокам дверей дома с новогодними пожеланиями или персиковые талисманы (дощечки из персикового дерева, висящие на дверях, с изображением или именами добрых духов, отгоняющих нечистую силу).

раскаты грома. Бабах! (далее следуют иероглифы, выражающие звукоподражание звукам грохота хлопшек и фейерверков)» 霹雳拍啦 噼里啪啦 咻咻咻 崩崩崩过年了!

2.2.2. Группа 3. Языковые средства в поздравлении [Language means in congratulations]

Интерес представляют поздравления, написанные с использованием такого языкового средства, как о б р а з н о е с р а в н е н и е. Встречаются примеры сравнения 1) с природой: «Желаем вам улыбаться так ослепительно, как цветы!» 愿你笑容灿烂如花!; «Желаю вам улыбаться так ослепительно, словно солнце!» 愿你们笑容灿烂如阳光!; 2) с продуктами питания: «Жизни сладкой, как мёд!» 生活甜蜜如蜜!; 3) с материальными явлениями (предметы, ткани): «Надеюсь, что предстоящие дни будут такими же сверкающими как фейерверк!» 希望接下来的日子像烟花一样灿烂!; «Прекрасных перспектив! (будущее подобно парче)» 前程似锦!

Родителям и представителям старшего поколения желали «долголетия, как Южные горы» 寿比南山. Это пожелание часто используют с устойчивым выражением ч э н ь ю й 不 衰 不 崩, имеющим значение «Не испытывать потрясений и не обвалиться (не умереть)!» – в нашем опросе так ответил 1 респондент – 0,49%.

Пожелание долголетия «Да будет Ваш возраст, как Южные горы!» 寿比南山! – 4 респондента – 1,98% продолжает сравнение с нестареющей сосной: 寿比南山不老松! – 1 респондент – 0,49%; «Безграничного счастья [размером] с Восточно-Китайское море, да будет Ваш возраст, как Южные горы!» 福如东海, 寿比南山! – 2 респондента – 0,99%. Встречается пример этого высказывания, в котором долголетие (кроме сравнения с нестареющей сосной) сравнивают с горами, покрытыми лесом: 寿比青山不老松 – 1 респондент – 0,49%. «Пышно процветайте, как сосна и кипарис! Перенимайте их долголетие!» 如松柏之茂, 无不尔或承 – 1 респондент – 0,49%; «Желаю вам пышно процветать, как сосна и кипарис, вечнозелёные из года в год! Долголетия как Южные горы! Здоровья и спокойствия!» 愿你们如松柏之茂, 岁岁常青, 如南山之寿, 年年康宁! – 1 респондент – 0,49%. Желали долголетия как у небожителя: 祝长寿, 比神仙! – 1 респондент – 0,49%. Итого, примеры, содержащие поздравления, написанные с использованием сравнения, были представлены 12 респондентами – 5,94%.

В текстах поздравлений с Новым годом подчёркивается стабильность естественного хода природных процессов и пожелание стабильности позитивных энергий в жизни человека. И м е т а ф о р о й этого выступает дым от огня домашнего очага: «Наступает вечер, и дым от огня домашнего очага поднимается над домами из года в год. Восход сменяет закат. И так из года в год. Так пусть так же из года в год будет спокойствие, сохраните это добро. Пусть будет так тысячу лет!» 辞暮尔尔, 烟火年年, 朝朝暮暮, 岁岁平安, 愿保兹善, 千载为常! В данном примере и в нижеследующих текстах поздравлений удвоение слов, передающих значение времени, подчёркивает цикличность событий: «Из года в год весной прорастает трава, а цветы персикового дерева распускаются тысячи лет (пожелание долголетия)!» 负岁年年春草长, 蟠桃花发一千年!; «Радости каждый день!» 天天开心!; «Здоровья из года в год!» 年年岁岁身体长建!; «Крепкого здоровья на долгие годы!» 年年岁岁身体常建!

В китайском языке 1) уд в о е н и е существительного выражает множественность: «Во всех делах подниматься вверх!» 事业节节升!; 步步高升!; 2) удвоение прилагательного подчёркивает качество: «Спокойствия!» 平平安安!; «Радости!» 开开心心!; «Здоровья!» 健健康康!; «Хорошие события шли одно за другим!» 好事连连!; 3) удвоение глагола обычно выражает кратковременность действия. Однако в следующем при-

⁹ Сосна и кипарис в китайской культуре – символ долголетия и бессмертия.

мере: «Огромных доходов! (богатство накатится)» 财源滚滚; 财源滚滚! иероглиф 滚 – «набегать, быстро накатываться (о воде, волнах) повторяется дважды – демонстрирует постоянное пополнение денежных средств в большом количестве. Итого, примеры, содержащие удвоение слов, были представлены 13 респондентами – 6,43%.

Интерес вызывает поздравление, построенное на возможностях китайского языка, в котором представлено достаточное количество омофонов. Пожелание 年复一年 年赴一年 年富一年! (Nián fù yìnián, nián fù yìnián, nián fù yìnián) – 1 респондент – 0,49% – представляет собой игру с омофонами: «Год сменяет год, с каждым годом быть всё богаче и богаче!». Причём под понятием «богатство» понимается не только материальное, но духовное богатство, богатство жизни.

Среди поздравлений было пожелание, которое, обычно звучит в день рождения: «Каждый год – это подарок. И каждый цунь (мера длины, около 3,33 см) роста пусть будет наполнен радостью. Утро встречает отличной погодой. С уважением желаю тебе [всего самого хорошего]!» 一岁一礼，一寸欢喜。且逢良辰，顺颂时宜! Возможно, респондент воспринимает Новый год как новый отрезок в жизни человека с его ростом и свершениями.

Внимание привлекла фраза, которую дословно можно перевести так: «Все опьянели на банкете» 大家沉醉对芳筵, которая была продолжена пожеланием того, чтобы новый год был лучше, чем предыдущий: 愿新年，胜旧年!

Пожелания вводились с помощью г л а г о л о в: «желаю»: 祝, 愿; «искренне желаю» 恭祝, «разрешите Вас поздравить» 恭喜 (в устойчивом выражении «Желаю вам огромного богатства!» 恭喜发财!); «желаю (счастья)» 祝福 «надеюсь, что...» 希望.

В качестве зачина в поздравительной открытке, как и в предыдущем исследовании [Стародубцева, 2024] чаще всего выступало титульное пожелание (название праздника и пожелание провести его счастливо), название адресата, периода, констатация действия или факта: «С Новым годом!» 新年快乐!; «С праздником Весны!» 春节快乐!; «Желаю вам в новом году...» 在新的一年里祝您; 祝您(你) 在新的一年里; 新的一年, 祝你...; «Желаем всем в новом году...» 祝大家在新年; «В преддверии Нового года...» 新年之际...; «Пришёл Новый год, и пришла радость!» 新年到, 快乐到; «С наступлением нового года всё обновляется» 一元复始、万象更新!; «Наступил Новый год, и счастье пришло (околожило)» 新年到, 福气绕! «Наступил Новый год – сердечный привет! Целая гроздь сердечных поздравлений! С глубоким чувством любви! [Посылаю] искреннее сообщение, которое, минуя тысячи гор и десять тысяч рек, проникнет к тебе в душу. Счастливого Нового года!» 新年到了, 将一声声贴心的问候, 一串串真挚的祝福, 一片片深厚的情意, 乘着爱心的短信, 穿越千山万水, 飘进你的心坎。祝你新年快乐! В следующем примере в качестве зачина выступает фраза: «Празднование новой весны – радость для людей» 新春之庆, 人人之喜, подчёркивающая мысль, что новый год наступает с новой весной.

К родителям и родственникам обращались: «отец и мать» 父母; «папа и мама» 爸妈, 爸爸妈妈; «дорогие папа и мама» 亲爱的爸爸妈妈; «папа, мама... желаю вам и дяде...» 爸爸妈妈...! 祝福您和叔叔...!; «бабушка и дедушка (родители отца)» 爷爷奶奶; «бабушка и дедушка (родители матери)» 姥姥姥爷; «Желаем старшему поколению ...» 愿长辈们...; «старший брат и невестка (жена старшего брата) 大哥大嫂. Пожелания к родителям и родственникам носят более развернутый характер, чем те, что обращены к друзьям. К друзьям обращались: «друзья» 朋友; «хорошие друзья» 好朋友; «любимые друзья» 亲爱的朋友; «братья (друзья)» 兄弟们! «Желаю всем...» 祝大家...! Встречается и обращение «Родственники и близкие друзья» 亲朋好友!

3. Заключение [Conclusion]

Анализ текстового сопровождения китайских поздравительных открыток с Новым годом предоставил возможность познакомиться с особенностями восприятия мира

представителями китайской нации, раскрыл аксиологические аспекты их жизни; помог собрать практический материал для исследования культуры и лингвокультуры страны.

Большинство поздравлений носит комплексный характер. Тематика пожеланий, отражённых в поздравлении с Новым годом, передаёт общечеловеческие ценности: здоровье, счастье, благополучие, успех, любовь. Отмечено большее количество примеров и вариативность их формулировок в пожеланиях «здоровья» родителям и людям старшего поколения, чем друзьям; эти поздравления усиливались пожеланием долголетия. Пожелание радости было чаще обращено на друзей, а удача и успех оказались нужны всем одинаково. Друзьям желали хорошо учиться; направляли шуточные пожелания; подчёркивали ценность дружбы, устремления современной молодёжи в достижении благ без усилий. В пожеланиях отражена ценность семейного благополучия, дым от огня домашнего очага выступает символом стабильности миропорядка. В пожеланиях звучали наставления о том, как нужно действовать в новом году; поздравления содержали позитивные установки, связанные с внутренней психологической работой.

В поздравлениях, обладающих лингвокультурной спецификой, использовались слова-символы, упоминалось животное-символ года по Восточному календарю, употреблялось традиционное название праздника, встречались фразы из литературных произведений.

В результате анализа 171 неповторяющегося примера были выделены такие языковые средства, как удвоение слов, использование образных сравнений, метафор, игра с омофонами. Были определены глаголы, с помощью которых вводились пожелания. Кроме этого, представлена структура поздравительного текста: зачин (титульное пожелание (название праздника и пожелание провести его счастливо)), называние адресата, периода, констатация действия или факта. Были также выявлены фразы-обращения к родителям и родственникам, к друзьям. Наконец, отмечено, что пожелания к родителям и родственникам носили более развёрнутый характер, чем те, что обращены к друзьям.

Библиографический список

- Бутыльская, 2013 – Бутыльская Л. В. Социокультурный феномен открытки (на примере русской свадебной открытки) // Ученые записки Забайкальского гос. гум.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, Востоковедение. 2013. № 2 (49). С. 66–70.
- Гурьянова, 2022 – Гурьянова Л. Б. Особенности текста поздравительной открытки (на материале домашнего архива) // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования / под ред. З. Р. Аглеевой, М. Л. Лаптевой, Ю. А. Васильевой. Астрахань : Астраханский гос. ун-т, 2022. С. 78–81.
- Зиновьев, 2021 – Зиновьев К. В. Жанр «поздравление» в русской и китайской лингвокультурах: сопоставительный аспект // Филология, иностранные языки и медиакommunikации : материалы симпозиума в рамках XVI (XLVIII) Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Кемерово, 01–30 апреля 2021 года / науч. ред. Ю. В. Подковырин. Вып. 22. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2021. С.356–358.
- Камедина, Панина, 2024 – Камедина Л. В., Панина М. Е. Текст поздравления в системе китайской традиционной культуры: аспекты межкультурной коммуникации // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14, № 1-1. С. 163–173. <https://doi.org/10.34670/AR.2024.16.19.022>
- Каркодина, Лю, 2018 – Каркодина К. М., Лю А. Национальная специфика текстов поздравлений в русской и тайваньской культурах // Язык как отражение духовной культуры народа : материалы Междунар. науч. конф., Архангельск, 18–20 октября 2018 года. Архангельск : ООО «Консультационное информационно-рекламное агентство», 2018. С. 287–292.
- Константинов, Холомеев, 2015 – Константинов Д. В., Холомеев А. Г. Аксиологические аспекты бытия человека: человекосозидающие и человекоразрушающие ценности // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 390. С. 54–59. <https://doi.org/10.17223/15617793/390/10>
- Ларина, 2004 – Ларина А. Н. Документальная открытка конца XIX – начала XX вв. как источник по истории и культуре Москвы : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 2004. 213 с.

- Панев, Рубцов, 2019 – Панев К. С., Рубцов А. М. Почтовые открытки как источник по истории Германии и Болгарии периода первой мировой войны // Экономика и социум. 2019. № 2 (57). С. 523–527.
- Пестерова, 2022 – Пестерова Д. А. Представление о богатстве в русской и китайской языковых картинах мира // Материалы Университетской студенческой научно-практической конференции Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского 2022 года. Калуга : Калужский гос. ун-т им. К. Э. Циолковского, 2022. С. 145–150.
- Сальников, Сальникова, 2022 – Сальников Е. В., Сальникова И. Н. Почтовая открытка как предмет, среда и метод антропологических исследований // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2022. № 1 (19). С. 57–67.
- Солоян, 2009 – Солоян К. А. Культурная и структурно-семантическая специфика китайского поздравления // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. 2009. № 4. С. 105–112.
- Спешилова, 2016 – Спешилова Д. П. Виды и формы открытого письма // Научные открытия 2016. М. : Олимп, 2016. С. 1092–1095.
- Стародубцева, 2024 – Стародубцева Н. С. Анализ текстового сопровождения поздравительных открыток с Днем образования КНР // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 181–193.
- Тихонова, Чибисова, 2017 – Тихонова А. В., Чибисова О. В. Благопожелания в России и Китае: лингвистическая точка зрения // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2017. № 4 (72). С. 211–218.
- Чжао, 2022 – Чжао Ч. Речевой жанр «пожелание» в русской и китайской интернет-коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 406–408.
- Чистякова, 2022 – Чистякова А. Н. Особенности поздравлений в Китае в год Тигра 2022 // Культурно-антропологические исследования. 2022. № 1. С. 67–80.
- Ян, 2023 – Ян Л. Жанр поздравления в российском и китайском мессенджерах // Современная риторика и речеведческие дисциплины: от устного диалога до компьютерно-цифрового взаимодействия : материалы XXVI Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 09–12 февраля 2023 года / под общ. ред. Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. М. : Московский гос. лингв. ун-т, 2023. С. 441–449.
- Традиционные узоры..., 2025 – 经典的传统纹样. 2025. [Традиционные узоры произведений классической литературы. 2025]. URL : https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA5NDAzNTcyMQ==&mid=2257587593&idx=4&sn=9c4296eeeb3dd3096d6fe9e87a525733&chksm=92ff3f118bab0b8d37f3323a692d455e005dc4ae6c3c4411b73a1cf31d1ec8b0226e2c0f4dc2&scene=27 (дата обращения : 04.01.2025).

References

- Butyl'skaya, L. V. (2013). Sotsiokul'turnyy fenomen otkrytki (na primere russkoy svadebnoy otkrytki) [Sociocultural phenomenon of the postcard (As exemplified by a Russian wedding postcard)]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gos. gum.-ped. un-ta im. N. G. Chernyshevskogo. Ser. Filologiya, istoriya, vostokovedenie [Uchenye zapiski of Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky. Series Philology, History, Oriental Studies]*, 2 (49), 66–70. (In Russ.).
- Gur'yanova, L. B. (2022). Osobennosti teksta pozdravitel'noy otkrytki (na materiale domashnego arkhiva) [Features of the greeting card text (By the material of the home archive)]. In Z. R. Agleeva, M. L. Lapteva, U. A. Vasil'eva (Eds), *Vektory razvitiya rusistiki i lingvodidaktiki v kontekste sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya [Vectors of development of Russian studies and linguodidactics in the context of modern philological education]* (pp. 78–81). Astrakhan : Astrakhan State University Press. (In Russ.).
- Zinov'ev, K. V. (2021). Zhanr «pozdravlenie» v russkoy i kitayskoy lingvokul'turakh: sopostavitel'nyy aspekt [The genre of “congratulations” in Russian and Chinese linguistic cultures: A comparative aspect]. In Yu. V. Podkovyrin (Ed.), *Filologiya, inostrannyye yazyki i mediakommunikatsii [Philology, foreign languages and media communications]* (pp. 356–358). Kemerovo : Kemerovo State University Press. (In Russ.).
- Kamedina, L. V., & Panina, M. E. (2024). Tekst pozdravleniya v sisteme kitayskoy traditsionnoy kul'tury: aspekty mezhkul'turnoy kommunikatsii [Text of congratulations in the system of Chinese traditional culture: Aspects of intercultural communication]. *Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and Civilization]*, 14 (1-1), 163–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.34670/AR.2024.16.19.022>

- Karkodina, K. M., & Lyu, A. (2018). Natsional'naya spetsifika tekstov pozdravleniy v russkoy i tayvan'skoy kul'turakh [National specifics of greeting texts in Russian and Taiwanese cultures]. *Yazyk kak otrazhenie dukhovnoy kul'tury naroda [Language as a reflection of the spiritual culture of the people]* (pp. 287–292). Arkhangel'sk : Consulting Information and Advertising Agency Press. (In Russ.).
- Konstantinov, D. V., & Kholomeev, A. G. (2015). Aksiologicheskie aspekty bytiya cheloveka: chelovekosozidayushchie i chelovekorazrushayushchie tsennosti [The axiological aspects of the being of a human being: Human-creating and human-destroying values]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta [Tomsk State University Journal]*, 390, 54–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/390/10>
- Larina, A. N. (2004). *Dokumental'naya otkrytka kontsa XIX – nachala XX vv. kak istochnik po istorii i kul'ture Moskvy [Documentary postcard of the late XIX – early XX centuries. as a source on the history and culture of Moscow]*. PhD in Historical sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Panev, K. S., & Rubtsov, A. M. (2019). Pochtovye otkrytki kak istochnik po istorii Germanii i Bolgarii perioda pervoy mirovoy voyny [Postcards as a source for the history of Germany and Bulgaria during the First World War]. *Ekonomika i sotsium [Economy and Society]*, 2 (57), 523–527. (In Russ.).
- Pesterova, D. A. (2022). Predstavlenie o bogatstve v russkoy i kitayskoy yazykovykh kartinakh mira [The idea of wealth in the Russian and Chinese linguistic worldviews]. *Proc. of the University student scientific and practical conference of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky in 2022* (pp. 145–150). Kaluga : Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski Press. (In Russ.).
- Salnikov, E. V., & Salnikova, I. N. (2022). Pochtovaya otkrytka kak predmet, sreda i metod antropologicheskikh issledovaniy [The postcard as a subject, medium and method of anthropological research]. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noy antropologii) [Abyss (Studies in Philosophy, Political Science and Social Anthropology)]*, 1 (19), 57–67. (In Russ.).
- Soloyan, K. A. (2009). Kul'turnaya i strukturno-semanticheskaya spetsifika kitayskogo pozdravleniya [Cultural and structural semantic specificity of chinese congratulations]. *Vestnik Irkutskogo gos. lingv. un-ta [The ISLU Philological Review]*, 4, 105–112. (In Russ.).
- Speshilova, D. P. (2016). Vidy i formy otkrytogo pis'ma [Types and forms of open letter]. *Nauchnye otkrytiya 2016 [Scientific discoveries 2016]* (pp. 1092–1095). Moscow : Olimp Press. (In Russ.).
- Starodubtseva, N. S. (2024). Analiz tekstovogo soprovozhdeniya pozdravitel'nykh otkrytok s Dnem obrazovaniya KNR [The study of postcard texts congratulating on the national day of the People's Republic of China]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 1 (10), 181–193. (In Russ.).
- Tikhonova, A. V., & Chibisova, O. V. (2017). Blagopozhelaniya v Rossii i Kitae : lingvisticheskaya tochka zreniya [Good wishing in Russia and China: Linguistic point of view]. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 4 (72), 211–218. (In Russ.).
- Zhao, Zh. (2021). Rechevoy zhanr «pozhelanie» v russkoy i kitayskoy internet-kommunikatsii [Speech genre “wish” in Russian and Chinese internet communication]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture and education]*, 4 (89), 406–408. (In Russ.).
- Chistyakova, A. N. (2022). Osobennosti pozdravleniy v Kitae v god Tigra 2022 [Special aspects of the new year congratulations on China 2022 year of the tiger]. *Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya [Cultural and Anthropological Research]*, 1, 67–80. (In Russ.).
- Yan, L. (2023). Zhanr pozdravleniya v rossiyskom i kitayskom messendzherakh [Congratulations genre in russian and chinese messengers]. In Ch. B. Daletskiy (Ed.), *Sovremennaya ritorika i rechevedcheskie distsipliny: ot ustnogo dialoga do komp'yuterno-tsifrovogo vzaimodeystviya [Modern rhetoric and speech sciences: From oral dialogue to computer-digital interaction]: Conf. proc.* (pp. 441–449). Moscow : Moscow State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Jīngdiǎnde chuántǒng wényàng [Traditional patterns of classical literature]. (n. d.). (In Chinese). https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA5NDZNTcyMQ==&mid=2257587593&idx=4&sn=9c4296eeeb3dd3096d6fe9e87a525733&chksm=92ff3f118bab0b8d37f3323a692d455e005dc4ae6c3c4411b73a1cf31d1ec8b0226e2c0f4dc2&scene=27

Сюй Ин^{1, 2}¹ Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация² Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, Китайская Народная Республика

503304741@qq.com

История развития и современное состояние лингвистических журналов в Китае

Аннотация

Цель статьи – проследить эволюцию китайских лингвистических журналов с момента появления первого лингвистического журнала и до настоящего времени, а так же систематизировать особенности структурно-содержательного оформления текста китайской научной лингвистической статьи, уделив особое внимание аннотации как относительно самостоятельному научному мини-произведению. Материалом для исследования послужило 100 китайских лингвистических статей, опубликованных за период 1959–2024 гг. в ведущих китайских лингвистических журналах, входящих в Пекинский и Нанкинский каталоги. Статьи отбирались методом сплошной выборки, далее применялись методы классификации и обработки инструментами описательной статистики (вычисление средних значений и квартилей). В результате выявлено, что лингвистический поджанр китайского научного дискурса находится на этапе активного развития, двигаясь в сторону международных стандартов. Во-первых, статьи до 2000 года характеризовались небольшим размером, отсутствием фиксированного формата, неполнотой метаданных и структурных элементов. Современные статьи более приближены к международному стандарту как по представленности обязательных структурных элементов, так и по наличию их лингвистических маркеров. Во-вторых, в этих статьях отмечена тенденция массового использования передовых результатов, изложенных на английском языке в ведущих зарубежных журналах. Наконец, выявлено, что трудности интернационализации журналов на китайском языке включают сам язык, редакционную систему, а также различия в академических нормах.

Ключевые слова: научный дискурс, поджанр лингвистической статьи, структурный элемент статьи, аннотация, лингвистический маркер

© Сюй И. 2025

Для цитирования: Сюй И. История развития и современное состояние лингвистических журналов в Китае // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 117–127. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-117>

Xu Ying^{1, 2}¹Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation²Heihe, Heihe University, People's Republic of China

503304741@qq.com

Linguistic journals in China: History and current state

Abstract

This paper aims to track back the evolution of Chinese linguistic journals since the appearance of the first journal to nowadays in order to analyze the structure and content of a Chinese linguistic article paying special attention to the abstract as a coherent scientific mini-text. The material for the study was comprised by 100 Chinese linguistic papers published in 1959–2024 in the leading Chinese journals included in Beijing and Nanjing Catalogs. The articles were selected by continuous sampling, then they were classified and processed using descriptive statistical instruments (averages and quartiles). The results show that the linguistic sub-genre of the

Chinese scientific discourse is undergoing the formation stage moving towards the international standards. First, it was found that before 2000, linguistic papers were characterized by relatively small size, the lack of unified format, article information and necessary structural elements. Contemporary articles are closer to the international standards both in the presence of obligatory structural elements and their language markers. Second, these papers display a tendency of intensive use of the innovative results described in leading international journals published in English. Finally, it was also found that the challenges to promote Chinese journals on the internal arena include the language itself, the editing system and the differences in academic standards.

Keywords: scientific discourse, Chinese linguistics paper sub-genre, structural element of an article, abstract, linguistic marker

© Xu Y. 2025

For citation: Xu, Y. (2025). *Istoriya razvitiya i sovremennoe sostoyanie lingvisticheskikh zhurnalov v Kitae* [Linguistic journals in China: History and current state]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 117–127. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-117>

1. Введение [Introduction]

Развитие современной лингвистики отмечено повышенным вниманием к различным типам дискурса в целом и к научному дискурсу – в частности. Помимо этого, в последние десятилетия ощущается острая необходимость интеграции лингвистов, в частности китайских и, конечно, российских, в международное публикационное пространство. Работы, анализирующие научный лингвистический дискурс, могут приблизить к достижению обозначенной перспективы. Таких работ немного. Часть их посвящена английским аннотациям, благодаря которым результаты, например, русскоязычных исследователей-лингвистов становятся частью мирового лингвистического пространства [Тивьяева, Кузнецова, 2020 ; Толстова, 2020 ; Шутова, 2020 ; Андросова и др., 2024] и степени их приближенности к международным стандартам по композиционному устройству [Pho, 2013 ; Hafidzoh, Hardjanto, 2019], проблемам и ошибкам перевода русской аннотации на английский язык [Шапкина, 2015 ; Пищик, Савочкина, 2019 ; Чернышев, 2019].

Ц е л ь настоящего исследования – проследить эволюцию китайских лингвистических журналов с момента появления первого лингвистического журнала и до настоящего времени, а так же систематизировать особенности структурно-содержательного оформления текста китайской научной лингвистической статьи, уделив особое внимание аннотации как относительно самостоятельному научному мини-произведению. Для этого было необходимо предпринять следующие шаги: 1) изучить историю возникновения китайских лингвистических журналов; 2) рассмотреть структурно-содержательные особенности китайской лингвистической статьи в целом и аннотации – в частности; 3) выявить проблемы, с которыми сталкиваются китайские лингвистические журналы; 4) предложить способы улучшения положения китайских лингвистических журналов на международной арене.

Лингвистическая статья представляет собой поджанр научного дискурса. Автор лингвистической статьи – агент лингвистического научного дискурса – выступает в ипостаси учёного-исследователя, в то же время учёный исследователь выступает клиентом данного поджанра, при этом оба находятся в отношениях равенства [Карасик, 2002, с. 230]. Тематика, структурные особенности и метаязык статьи в общем определяются целями научного дискурса [Карасик, 2002, с. 231–232], а в частности – требованиями того или иного журнала, которые в свою очередь обычно регламентируются на уровне неких принятых стандартов (напр., ГОСТ в российской лингвистической традиции, IMRAD в западной лингвистической традиции и т. п.). Отдельно скажем об аннотации. Современная аннотация не только играет важную роль в суммировании научных резуль-

татов, но и в их продвижении [Hafidzoh, Hardjanto, 2019] в том числе в коммерческом смысле. В связи с этим неудивительно, что к аннотации ведущие международные журналы предъявляют весьма высокие требования.

Самым первым лингвистическим журналом (1936 г.) был журнал «Язык и литература» [Бай ду, 2024]. Один из первых лингвистических журналов издавался с 1960 года Хэфэйским педагогическим колледжем и непрерывно выходил в течение 197 выпусков более полувека [Цзю, 2023]. Анализ состояния и тенденций развития академических коллекций на китайском языке [Чжао, 2012] показывает, что история активного развития лингвистических журналов насчитывает более 50 лет, однако она прерывалась по разным причинам: лингвистические журналы появлялись спорадически с 1950-х по 1970-е годы и вступали в период «расцвета» с 1980-х по 1990-е годы. В этот период было основано в общей сложности 14 журналов. В начале нового века государство стало уделять все больше внимания академическим исследованиям, а создание Министерством образования исследовательских баз в области гуманитарных и социальных наук обеспечило богатые академические ресурсы и финансовую поддержку для развития издаваемых журналов. В это время академические журналы переживали бум. За данный период было основано в общей сложности 34 лингвистических журнала. С 2003 года Министерство образования утвердило восемь колледжей и университетов, включая Пекинский университет, в качестве национальных баз для преподавания китайского языка как иностранного, что также способствовало появлению журналов по изучению китайского языка как иностранного в качестве новой тенденции в китайской филологической литературе [Чжао, 2012].

Более поздний анализ [Чжан, 2022 ; Шу, 2023] показывает, что всего в Китае в настоящее время насчитывается более 100 отечественных лингвистических журналов. Только 30 из них (включая расширенные издания) включены в список CSSCI (система оценки CSSCI Центра оценки журналов Нанкинского университета) [Нанкинский каталог, 2023–2024]. Большинство этих журналов не распространяются за рубежом, а из-за специфики китайского языка, кардинально отличающегося от индо-европейских языков как по структурным особенностям, так и по системе письменности (иероглифическое письмо крайне сложное), у них мало читателей за границей. За исключением редкого цитирования некоторыми зарубежными исследователями китайского языка, а также иностранными студентами за рубежом или зарубежными учёными с китайским образованием, журналы на китайском языке имеют очень ограниченное влияние на международное академическое сообщество. Зато, например, в период с 2003 г. по 2007 г. ряд ведущих англоязычных лингвистических журналов систематически цитируются китайскими лингвистическими журналами [Ян, 2011]. Есть и проблема внутреннего цитирования. Уровень цитирования методических и лингводидактических статей относительно высок, в то время как уровень цитирования сугубо лингвистических исследований, особенно исследований конкретных языковых явлений, невысок. Отсюда и импакт-фактор некоторых авторитетных лингвистических журналов, намного ниже, чем у журналов более общего профиля [Шу, 2023].

Многие осознают необходимость интернационализации китайских лингвистических журналов [Ван и др., 2021 ; Шань, Бай, 2023]. Однако желание закрепиться на международной научной арене породило противоречие между интернационализацией и разработкой круга научных вопросов, более важных внутри страны [Шу, 2023]. Существует разрыв между темами, актуальными для международного академического сообщества (в нашем случае – лингвистического) и темами, актуальными для Китая. Отсюда вытекает и проблема специализации журналов. Многие международные журналы по лингвистике являются более узконаправленными: «Фонетика», «Семантика», «Синтаксис», «Билингвизм», «Когнитивная лингвистика» и т. д., в то время как многие китайские лингвистические журналы, особенно журналы по лингвистике иностранных

языков, как правило, носят комплексный характер, охватывая исследования языка, перевод, преподавание иностранных языков и даже литературные рубрики. Из-за отсутствия специализации такие журналы страдают как с точки зрения читательской аудитории, так и с точки зрения научного влияния на международной арене [Шу, 2023].

Ещё одна проблема [Шу, 2023], это отсутствие унифицированной системы оценки журналов в Китае. В настоящее время параллельно действуют три системы оценки: 1) система оценки CSSCI Центра оценки журналов Нанкинского университета, 2) система оценки Китайской академии оценки социальных наук, 3) система оценки основных журналов библиотеки Пекинского университета. Рейтинги по этим системам оценки порой приводят в замешательство многих читателей и авторов. В своё время считалось, что CSSCI обеспечивает более объективную и справедливую оценку [Тан, Пэн, 2008].

Наконец, имеется вызов, связанный с цифровизацией журналов [Шу, 2023]. В настоящее время многие международные издательства постепенно меняют свою традиционную практику бумажных изданий, ускоряют темпы развития онлайн-публикаций и расширяют сферу журналов открытого доступа. Этот процесс начался и в Китае, однако далеко не все издания готовы к запуску веб-изданий. К целому ряду лингвистических журналов отсутствует открытый доступ, что значительно ограничивает возможности ознакомления с китайскими лингвистическими статьями внутри страны и за рубежом.

Итак, хотя лингвистические журналы на китайском языке вступили в период активного развития с так называемого Нового века (20 века), в настоящее время журналы на китайском языке в целом всё ещё находятся в периоде становления. Быстрое развитие социально-экономических и гуманитарных дисциплин привело к значительному прогрессу в пополнении библиотечных серий лингвистических статей на китайском языке. Между тем, работ, анализирующих такую разновидность лингвистического дискурса, как лингвистическая журнальная статья, на материале китайского языка на данный момент не представлено, хотя в КНР древние и богатые лингвистические традиции. Всё это стало мотивацией для проведения настоящего исследования.

Согласно выдвинутой нами гипотезе, тенденция к глобализации повлекла за собой стремление к интеграции китайских лингвистических журналов в международное лингвистическое пространство (несмотря на вышеуказанное противоречие), что нашло прямое отражение в динамике структурно-лингвистических признаков такого поджанра научного дискурса, как лингвистическая журнальная статья.

Прежде всего отметим, что структурно-лингвистические особенности научных статей определённым образом зависят от статуса журнала, в котором они опубликованы. Мы полагаем, что данную закономерность можно считать универсальной и для китайских, и для русских, и для английских и т. д. лингвистических статей. Поэтому прежде всего обратимся к специфике рейтингования китайских журналов.

Рейтингование китайских журналов отражено в двух авторитетных обзорных каталогах основных периодических изданий на китайском языке, которые публикуются совместно с China Research Network, China Academic Journal Network, Исследовательским обществом по работе с периодическими изданиями и Пекинским и Нанкинским университетами. Эти каталоги представляют собой ядро и периодически обновляются: Пекинский каталог – каждые три года, Нанкинский каталог – каждые два года (см. полный каталог в [CSSCI, 2023–2024]).

В Пекинский каталог в 2023 году входило 34 специализированных лингвистических журнала [Пекинский каталог, 2023–2024]. По текущему состоянию на этот же год в Нанкинский каталог входило 25 специализированных лингвистических журналов [Нанкинский каталог, 2023–2024]. Содержимое этих двух каталогов на момент анализа совпадало в десяти позициях. Именно эти журналы мы выбрали в качестве источников материала для исследования.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили 100 лингвистических статей на китайском языке, отобранных методом сплошной выборки из 10 ведущих китайских научных периодических изданий. Из каждого журнала было взято по 10 статей. Именно эти журналы мы выбрали в качестве материала для исследования: 1) 当代修辞学 'Современная стилистика'; 2) 当代语言学 'Современная лингвистика'; 3) 语言教学与研究 'Преподавание и изучение языков'; 4) 语言科学 'Языковые науки'; 5) 语言研究 'Изучение языка'; 6) 外国语 'Иностранные языки'; 7) 外语教学与研究 'Исследование иностранных языков и методика их преподавания'; 8) 外语学刊 'Университетский журнал иностранных языков'; 9) 外语与外语教学 'Иностранные языки и их преподавание'; 10) 现代外语 'Современные иностранные языки'.

В целом рассматривались статьи за разные периоды, включая текущий (1959, 1965, 1977–1987, 1990, 1996–2003, 2008–2011, 2019 и 2023–2024 гг.). Таким образом, для всех десяти журналов был сделан временной срез. В статьях анализировались следующие параметры: колонтитулы (их состав и расположение), общее количество иероглифов (т. е. первичных слов) в «теле» статьи (от Введения по Заключение), количество иероглифов в аннотации, количество источников в списке литературы, наличие литературы на иностранных языках (с указанием языков и количества источников на этих языках в списке), особенности предоставления метаданных (наличие английского перевода названия, ключевых слов и аннотации), наличие стандартных структурных элементов в аннотации.

За стандартные элементы аннотации приняты пять составляющих, предложенных П. Д. Пхо [Pho, 2013]: М1 – степень изученности тематики и недавние достижения, М2 – цель статьи, М3 – материал и методика исследования, М4 – результаты, М5 – выводы. На материале английских статей по прикладной лингвистике выявлено [Hafidzoh, Hardjanto, 2019], что М2, М3 и М4 являются обязательными элементами, поскольку присутствуют практически в 100% статей и часто обозначаются соответствующими лингвистическими маркерами. Мы применили эту схему для анализа китайских аннотаций и классификации её составляющих.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

А. Колонтитулы. Прежде всего обратим внимание на колонтитулы. Их наполняемость и оформление в разных журналах неодинаковы. Так, в журнале «Современная стилистика» в е р х н и й колонтитул (1 а) присутствует только на первой странице статьи. В его состав входят: название журнала, год публикации, номер за данный год, выпуск (исходя из общего количества количества выпусков). Н и ж н и й колонтитул (1 б) присутствует на каждой странице и включает номер страницы, годы издания журнала (год начала выхода журнала в свет и год выхода данного номера журнала), название издательства и адрес китайской информационной сетевой платформы¹, на которой находится данный журнал и другая продукция данного издательства и других издательств (присутствует во всех журналах, размещённых на данной платформе) [Современная стилистика, 2023, № 5, с. 34].

(1а)

当代修辞学 2023 年第 5 期 (总 239 期) – 'Современная стилистика. 2023. № 5 (239)'²

¹ Таких платформ несколько, и на них размещены не только статьи, но и газеты, диссертации, книги целиком или их главы; имеются и зарубежные статьи на иностранных языках (обычно на английском).

² Здесь и далее перевод выполнен автором исследования.

(16)

— 68 —

(C)1994-2023 China Academic Journal Electronic Publishing House. All rights reserved. <https://www.cnki.net>

В журнале «Современная лингвистика» верхний колонтитул, аналогично, присутствует только на первой странице статьи. Он состоит из китайской и английской частей (2 а). В состав китайской части, помимо ранее упомянутых составляющих, входят страницы данной статьи и название города, в котором издаётся журнал. В английской части название города не фигурирует. Нижние колонтитулы (2 б) присутствуют на каждой странице и включают номер и, как в первом примере, адрес китайской информационной сетевой платформы страницы. Нижний колонтитул титульного листа статьи содержит адрес сайта журнала. На остальных страницах нижние колонтитулы для чётных и нечётных страниц разные. В данном примере нечётный колонтитул содержит год и номер в данном году, а чётный – название журнала [Современная лингвистика, 2023, № 5, с.712].

(2a)

《当代语言学》第25卷2023年第5期712-733页, 北京

Contemporary Linguistics, Vol.25, No.5, 2023, Pp.712-733.

(2б)

712

2023年第5期

714

本刊网址: <http://www.dyyx.com>

713

当代语言学

В журнале [Исследование иностранных языков..., 2023, Вып. 55, с. 608] верхний колонтитул, аналогично, присутствует только на первой странице статьи. Состав колонтитула схож с предыдущими примерами и содержит перевод метаданных (кроме месяца выхода) на английский язык. Нижний колонтитул схож с предыдущими примерами.

Диахронический срез по признаку «колонтитулы» выявил отличия в более старых номерах. В самых ранних номерах колонтитулы вообще отсутствовали. В более поздних номерах верхний колонтитул отсутствует, в нижнем колонтитуле находится информация о названии журнала, годе, номере, выпуске / томе и диапазоне страниц. Очевидно, что современные колонтитулы (за 2023–2024 гг.) являются более «дружелюбными» к читателю, а наличие информации на английском языке делает журнал более открытым для мирового лингвистического сообщества.

Б. Общие особенности структуры, формата и содержания. Общее количество иероглифов в «теле» современной статьи варьирует от 4802 до 18714, в среднем 10374. Почти во всех современных статьях имеются три стандартные для лучшей мировой практики структурные части: введение, основная часть и заключение, зачастую с более дробным делением основной части. Количество позиций в списке литературы самое разное – от 2 до 84, в среднем – 33. При этом отметим, что во многих статьях используется англоязычная литература и только в одной статье – русскоязычная. Доля литературы на иностранных языках варьирует от 6% до 100%. Очень показательны здесь среднее значение и медиана, которые превышают 50%. Это говорит о тенденции приобщения к передовым лингвистическим результатам, полученным мировым лингвистическим сообществом. Однако есть и статьи без иностранных источников (31 из 100), в основном – более ранние. Следует отметить, что современные статьи более активно используют шрифтовые выделения структурных частей статьи (напр., меньший кегль для аннотации, чем для «тела» статьи, самый большой кегль для названия статьи и т. п.).

Объём статей варьирует в пределах 1685–12852 иероглифов, в среднем – 5025. При этом статьи более раннего периода (1959–1993 гг.) небольшие, не имеют формально обозначенной структуры, выводы в конце статьи зачастую не сформулированы, отсутствуют

ссылки на литературные источники и список литературы, часто отсутствует аннотация. Интересно отметить, что в некоторых журналах, например «Современная лингвистика», в 1960-е годы было немало статей русских авторов на китайском языке, например, статья Г. П. Сердюченко о взглядах на природу языка (1965 г). В период до 80-х годов большинство лингвистических статей было посвящено русскому и японскому языкам, причём многие статьи русских авторов публиковались в отдельных номерах журналов. С 80-х годов большинство статей уже было посвящено английскому языку, а с 2012 года китайцы стали уделять особое внимание изучению собственного китайского языка.

В. Аннотация как научное мини-произведение в китайских лингвистических журналах. Количество иероглифов в аннотации варьирует от 108 до 599, в среднем – 311. Анализ на предмет наличия структурных элементов аннотации показал значительные отличия от того, что имеется в англоязычных статьях. Обязательные элементы – M2-M4 – и желательный элемент M5 присутствуют в немногим более чем половине аннотаций (кроме M4, на долю которого приходится ещё меньше – лишь 45%). Это значительно ниже, чем для оригинальных английских статей. Кроме того, элемент M5 встречается чаще, чем M4, а в английских лингвистических журналах – наоборот.

В таблице 1 представлены данные, полученные с применением инструментов описательной статистики: средние значения, минимальные (Quart0), 25% значений в начале ряда данных (Quart1), медиана (Quart2), 25% значений в конце ряда данных (Quart3), максимальные значения. Все параметры вычислялись автоматически с помощью встроенных формул в табличном процессоре. По ним выполнено вышеприведённое описание.

Т а б л и ц а 1. Статистика по структурно-содержательным параметрам китайских лингвистических статей

[T a b l e 1. Statistical processing of structure-content parameters of linguistic articles]

№	Параметр	M1	M2	M3	M4	M5	Кол-во иероглифов в аннотации	Кол-во иероглифов в статье	Кол-во лит-ры	Кол-во лит-ры на ин. яз.	% лит-ры на ин. яз.
1	Средние по M1-M5	15	21	23	18	20	311	10374	33	16	57
2	% по M1-M5	38	53	58	45	50					
3	Quart0						154	4802	2	0	6
4	Quart1						267	8383	22	5	28
5	Quart2						305	9770,5	33	11	58
6	Quart3						349	11907	40	27	84
7	Quart4						599	18714	84	55	100

Кроме того, выявлено, что почти каждый изученный нами журнал содержит перевод аннотации на английский язык. Этот перевод мог находиться либо сразу после оригинальной китайской аннотации (реже), либо в конце статьи (чаще). Мы считаем первый способ более удобным для читателя.

Наконец, обратимся к типичным лингвистическим маркерам каждого из пяти структурных элементов. Часть из них носит прямой характер, а часть – косвенный. К первым, например, относятся: 目的是 *tu di shi* 'цель состоит в том, чтобы' (M2), 本文旨在探讨 *benwen zhizai tantao* 'цель данной работы – изучить' (M2), 在数据分析的基础上 *zai shuju fenxi de jichu shang* 'на основе анализа данных' (M3), 启示 *qishi* 'результат' (M4) и др. Ко вторым могут быть отнесены, например, следующие выражения: 回顾 *huigu* 'вспоминает, что' (M1), 本文研究 *benwen yanjiu* 'в данной работе исследуется' (M2), 采用 *cai yong* 'применить' (M3), 指出 *zhichu* 'показывает, что' (M4), 具有重要借鉴作用 *juyou zhongyao jiejian zuoyong* 'выполнять очень важную роль' (M5) и др.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что лингвистический поджанр китайского научного дискурса находится на этапе активного развития, двигаясь в сторону международных стандартов. Во-первых, во временном срезе, статьи до 2000 года были небольшими, не имели фиксированного формата, содержали неполную информацию об авторах, датах публикации, издательствах и т. д., в них нередко могли отсутствовать аннотации и ссылки на литературу. Элементы M3–M5 часто отсутствовали. Более современные статьи намного больше приближены к IMRAD и по представленности структурных элементов, и по наличию их лингвистических маркеров. Во-вторых, выявлено две тенденции в развитии дискурса китайских лингвистических статей: 1) массовое использование передовых результатов, изложенных на английском языке в ведущих зарубежных журналах; 2) стремление сделать китайские лингвистические статьи более доступными для зарубежного читателя. Причина объясняется необходимостью ускорения научно-технического прогресса в области лингвистики и интеграции китайских лингвистов в мировое научное сообщество.

Одна из главных трудностей интернационализации китайских журналов – это сам язык. Для приведения их в соответствие с международными стандартами требуется переходный период или двухканальная система (наличие переводных английских версий китайских журналов). К дополнительным трудностям относятся редакционная система и режим работы журналов, а также различия в академических нормах. Однако самое главное – это повышение уровня академических исследований китайских учёных. Только когда содержание и нормы академических исследований в области лингвистики в Китае будут действительно соответствовать международным стандартам, академические журналы по лингвистике смогут стать по-настоящему интернациональными. В этом процессе академические журналы также могут взять на себя инициативу: активно использовать новые медиа и создавать хорошие вебсайты [Цэн, Ма, 2018], содействовать обмену, повышать международную известность и влияние исследований в области китайского языка. Более эффективными мерами могут быть увеличение количества журналов открытого доступа, формирование параллельных англоязычных версий китайских лингвистических журналов, но уже на данном этапе можно обеспечить наличие качественной английской аннотации, содержащей все обязательные структурные элементы.

Перспективу исследования составит подробный анализ структурных элементов «тела» статьи и их лингвистических маркеров, а также привлечение материала поджанра русской лингвистической статьи для выявления общих тенденций и отличий.

Источники материала

- 当代修辞学 [Современная стилистика]. <https://www.xueshu.com.cn/ddxcx/>
 当代语言学 [Современная лингвистика]. https://www.qwqk.net/qikan_991.html
 外国语(上海外国语大学学报) [Иностранные языки (Университетский журнал иностранных языков Шанхая)]. <https://www.wyseo.cn/wgy/>
 外语教学与研究 [Исследование иностранных языков и методика их преподавания]. <https://www.haofabiao.com/wyjxyyj/>
 外语学刊 [Университетский журнал иностранных языков]. <http://wyxk.llyj.net/introduce/>
 外语与外语教学 [Иностранные языки и их преподавание]. <https://www.fabiao.com.cn/wywyjx/>
 现代外语 [Современные иностранные языки]. <https://xdwy.cbpt.cnki.net/WKGG/WebPublication/wkTextContent.aspx?navigationContentID=db922688-adf9-430b-94cd-def1f4845b4d&mid=xdwy>
 语言教学与研究 [Преподавание и изучение языков]. <http://yyjx.cbpt.cnki.net/WKB3/WebPublication/index.aspx?mid=YYJX>
 语言科学 [Языковые науки]. http://qktg88.csqhaa.com/journal_10263.html
 语言研究 [Изучение языка]. http://journal15.magtechjournal.com/Jwk_yyjk/CN/home

Библиографический список

- Андросова и др., 2024 – Андросова Е. Е., Андросова П. Е., Андросова С. В. Анализ лингвистических и структурно-содержательных особенностей английских аннотаций к статьям по лингвистике: на материале русских и английских научных журналов // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Лингвистика». 2024. Т. 21, № 3. С. 31–38. <https://doi.org/10.14529/ling240305>
- Карасик, 2002 – Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 447 с.
- Пищик, Савочкина, 2019 – Пищик, А. В., Савочкина, Е. А. Типичные ошибки при переводе аннотаций к научным статьям на английский язык // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2019. № 5. С. 90–96.
- Тивьяева, Кузнецова, 2020 – Тивьяева, И. В., Кузнецова, Д. Л. Компаративный анализ структурно-содержательной организации аннотаций к русскоязычным и англоязычным научным статьям // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 139–152. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-139-152>
- Толстова, 2020 – Толстова, Т. В. Корпусный анализ жанровых конвенций в российских и зарубежных аннотациях к научным статьям // Вестник Московского ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 118–129.
- Чернышев, 2019 – Чернышев, А. В. Трансформации при переводе научной аннотации на английский язык // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. VIII Междунар. науч. конф. молодых ученых (8 февраля 2019 г.). Ч. 1: Современные лингвистические исследования. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2019. С. 257–263.
- Шапкина, 2015 – Шапкина, Е. В. Особенности перевода научной статьи: аннотация // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Лингвистика». 2015. Т. 12, № 2. С. 10–14.
- Шутова, Померанец 2020 – Шутова, Н. М., Померанец, И. Б. Аннотация к научной статье на английском и русском языках: сопоставительный анализ и проблемы перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, Вып. 10. С. 318–324. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.62>
- Hafidzoh, Hardjantob 2019 – Hafidzoh K., Hardjanto T. D. Discourse patterns of applied linguistics research article abstracts in English // 3rd English Language and Literature International Conference (ELLiC) Proceedings. 2019. Vol. 3. Semarang, Indonesia: EAI Press. P. 356–361.
- Pho, 2013 – Pho P. D. Authorial stance in research articles examples from applied linguistics and educational technology. UK: Palgrave Macmillan, 2013. <https://doi.org/10.1057/9781137032782>
- Бай ду – 百度百科 [Бай ду. Онлайн-энциклопедия]. URL: https://baike.baidu.com/item/语言文学专刊/58864327?fromModule=search-result_lemma (дата обращения: 09.07.2024).
- CSSCI, 2023–2024 – CSSCI (2023–2024) 来源刊、扩展刊、集刊完整目录 [Полный каталог исходных, расширенных и коллекционных выпусков CSSCI (2023–2024)]. <https://wjkc.usst.edu.cn/2024/0601/c16264a321609/page.htm>
- Ван и др., 2021 – 王楠楠, 李侠, 邵滨, 国际话语权视域下语言类学术期刊的对外传播/ 出版广角. 2021 年第 10 期总第 388 期 46 – 48 页 [Ван Н., Ли С., Шао Б. Воспоминания о китайских периодических изданиях // Обзор публикаций, 2021. № 10 (388). С. 46–48].
- Нанкинский каталог, 2023–2024 – CSSCI (2023 – 2024) 南大核心目录 [Каталог основных китайских журналов Нанкинского ун-та CSSCI (2023–2024)]. <https://zhuanlan.zhihu.com/p/701801377>
- Пекинский каталог, 2023–2024 – 北大中文核心期刊目录, 2023 – 北大中文核心期刊目录 [Каталог основных китайских журналов Пекинского университета, 2023]. <https://kyc.zjpc.net.cn/bdzwhxqkm2023.pdf>
- Тан, Пэн, 2008 – 汤爱群, 彭国莉, 基于 CSSCI 的《当代语言学》学术影响力分析/ 科技情报开发与经济. 2008 年第 18 卷第 17 期 29 – 30 页 [Тан А., Пэн Г. Анализ академического влияния «современной лингвистики» на основе CSSCI // Научно-техническая интеллигенция развитие и экономика. 2008. Т. 18, № 17. С. 29–30].
- Цзю, 2023 – 九州好人, 杂志历史/ 个人图书馆. 2023 年 3 月 31 日 [Цзю Ч. История журнала. Личная библиотека. 31.03.2023]. http://www.360doc.com/content/23/0331/06/75017606_1074454858.shtml
- Цэн, Ма, 2018 – 曾敏莉, 马永军, 我国语言类期刊“走出去”研究/ 科学普及与实践. 2018 年第 2 期 190 – 193 页 [Цэн М., Ма Ю. Исследование «выхода» китайских языковых журналов. Популяризация и практика науки. 2018. № 2. С. 190–193].

- Чжан, 2022 – 张浩, 文化自信视域下我国语言类学术期刊的 使命与担当 —以《中国翻译》为例/ 传播与版权. 2022 年第 8 期 总第 111 期 14 – 18 页 [Чжан Х. Миссия и обязательства китайских языковых научных журналов с точки зрения культурного доверия: на примере китайского перевода // Распространение и авторские права. 2022. № 8 (111). С. 14–18].
- Чжао, 2012 – 赵嫄, 中国语言类学术集刊的发展现状及趋势分析/ 重庆大学学报(社会科学版). 2012 年第 4 期 66 – 69 页 [Чжао М. Анализ состояния и тенденций развития академических коллекций на китайском языке // Университетский журнал Чунцина (издание по общественным наукам. 2012. № 4. С. 66–69].
- Шань, Бай, 2023 – 单宇, 白云, 中国语言学国际学术话语权提升 ——基于国内语言学期刊中文摘要的多指标综合评价/ 语言文字应用. 2023 年第 3 期 25 – 37 页 [Шань Ю., Бай Ю. Расширение международного академического дискурса по китайской лингвистике – Многоиндикаторная комплексная оценка на основе китайских рефератов отечественных лингвистических журналов. Язык и письменные приложения. 2023. № 3. С. 25–37].
- Шу, 2023 – 束定芳, 国内语言类学术期刊国际化的挑战与出路/ “语言学通讯” 公众号. 2023 年 2 月 2 日 [Шу Д. Проблемы и пути интернационализации отечественных языковых научных журналов // Открытый номер «Лингвистического вестника». 2023. № 2]. https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI5OTQ5NDQyNg==&mid=2247542512&idx=1&sn=38fc3aea3cde6f1a58adddb36c900de&chksm=ec97db85dbe052937dedb231fba47527f2046b5ed9931f12bc105f8915ebe71af166f16a2459&scene=27
- Ян, 2011 – 杨山石, 我国语言学期刊引用网络分析/ 西南民族大学学报(人文社会科学版). 2011 年第 3 期 229 – 233 页 [Ян Ш. Анализ сети цитирования лингвистических журналов в Китае // Журнал Юго-Западного университета для национальностей (издание по гуманитарным и социальным наукам). 2011. № 3. С. 229–233].

References

- Androsova, E. E., Androsova, P. E., & Androsova, S. V. (2024). Analiz lingvisticheskikh i strukturno-soderzhatel'nykh osobennostey angliyskikh annotatsiy k stat'yam po lingvistike: na materiale russkikh i angliyskikh nauchnykh zhurnalov [Comparative analysis of language patterns, structure and content specifics in English abstracts of linguistic articles: Based on Russian and English journals. *Vestnik YuUrGU. Ser. «Lingvistika» [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics]*, 21 (3), 31–38. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: Personality, concepts, discourse]*. Volgograd: Peremena Press. (In Russ.).
- Pishchik, A. V., & Savochkina, E. A. (2019). Tipichnye oshibki pri perevode annotatsiy k nauchnym stat'yam na angliyskiy yazyk [Typical Errors in Abstracts Translation from Russian into English for Research Papers]. *Yazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve [Languages and Literature in Multicultural Word]*, 5, 90–96. (In Russ.).
- Tivyaeva, I. V., & Kuznetsova, D. L. (2020). Komparativnyy analiz strukturno-soderzhatel'noy organizatsii annotatsiy k russkoyazychnym i angloyazychnym nauchnym stat'yam [Comparative Analysis of Abstract Content and Structure in Russian and English Research Papers]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 3, 139–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-139-152>
- Tolstova, T. V. (2020). Korpusnyy analiz zhanrovnykh konventsii v rossiyskikh i zarubezhnykh annotatsiyakh k nauchnym stat'yam [Corpus Analysis of Genre Conventions in Russian and International Research Article Abstracts]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication]*, 1, 118–129. (In Russ.).
- Chernyshev, A. V. (2019). Transformatsii pri perevode nauchnoy annotatsii na angliyskiy yazyk [Transformations while Translating Research Articles Abstracts into English]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka: sb. st. VIII Mezhdunar. nauch. konf. molodykh uchennykh (8 fevralya 2019 g.). CH. I: Sovremennye lingvisticheskie issledovaniya [Current Issues of Philology in the 21st century. Proc. of VIII International conference of young scientists (February 8, 2019). Vol. 1: Modern Language Studies]* (pp. 257–263). Ekaterinburg: UMTS-UPI Press. (In Russ.).

- Shapkina, E. V. (2015). Osobennosti perevoda nauchnoy stat'i: annotatsiya [Translation principles of scientific papers: Abstracts]. *Vestnik YUUrGU. Ser. «Lingvistika» [Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"]*, 12 (2), 10–14. (In Russ.).
- Shutova, N. M., & Pomeranets, I. B. (2020). Annotatsiya k nauchnoy stat'e na angliyskom i russkom yazykakh: sopostavitel'nyy analiz i problemy perevoda [Research Paper Abstract in English and Russian: Comparative Analysis and Translation Problems]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology: Theory & Practice]*, 13 (10), 318–324. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.62>
- Hafidzoh, K., & Hardjanto, T. D. (2019). Discourse patterns of applied linguistics research article abstracts in English. *3rd English Language and Literature International Conference (ELLiC) Proceedings* (Vol. 3, pp. 356–361). Semarang, Indonesia : EAI Press.
- Pho, P. D. (2013). Authorial stance in research articles examples from applied linguistics and educational technology. UK : Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137032782>
- Bai du bai ke [Bai du online encyclopedia]. (n. d.). Retrieved July 9, 2024 from <https://baike.baidu.com/item/语言文学专刊/58864327?fromModule=search-result_lemma>.
- CSSCI (2023–2024). Lai yuan kan, kuo zhan kan, ji kan wan zheng mu lu [Full catalog of original and expanded journal collections]. Retrieved January 11, 2024 from <<https://wjk.usst.edu.cn/2024/0601/c16264a321609/page.htm>>.
- Wang, N., Li, X., & Shao, B. (2021). Guo ji hua yu quan shi yu xia yu yan lei xue shu qi kan de dui wai chuan bo [The history of Chinese journals]. *Chu ban guang jiao [View on Publishing]*, 10 (388), 46–48.
- CSSCI nan da he xin mu lu (2023–2024) [Nanjing University's catalog of major Chinese journals CSSCI (2023–2024)]. Retrieved January 11, 2024 from <<https://zhuanlan.zhihu.com/p/701801377>>.
- Bei da zhong wen he xin qi kan mu lu (2023–2024) [Peking University Core Journals Catalog, 2023]. Retrieved January 11, 2024 from <<https://kyc.zjpc.net.cn/bdzhwxqkml2023.pdf>>.
- Tang, A., & Peng, G. (2008). Ji yu CSSCI de «dang dai yu yan xue» xue shu ying xiang li fen xi [Academic impact analysis of contemporary linguistics based on CSSCI]. *Ke ji qing bao kai fa yu jing ji [Scientific and Technological Information Development and Economy]*, 18 (17), 29–30.
- Jiu, Z. (2023). Za zhi li shi [Journal History]. Ge ren tu shu guan [Personal library]. Retrieved March 31, 2023 from <http://www.360doc.com/content/23/0331/06/75017606_1074454858.shtml>.
- Zeng, M., & Ma, Y. (2018). Wo guo yu yan lei qi kan “zou chu qu” yan jiu [Research on “going out” of China's language journals]. *Ke xue pu ji yu shi jian [Popularization and practice of science]*, 2, 190–193.
- Zhang, H. (2022). Wen hua zi xin shi yu xia wo guo yu yan lei xue shu qi kan de shi ming yu dan dang — yi «Zhong guo fan yi » wei li [The mission and responsibility of China's Language academic journals under the perspective of cultural confidence — taking China translation as an example]. *Chuan bo yu ban quan [Dissemination and copyright]*, 8 (111), 14–18.
- Zhao, M. (2012). Zhong guo yu yan lei xue shu ji kan de fa zhan xian zhuang ji qu shi fen xi [Analysis on the development status and trends of Chinese language academic collections]. *Chong qing da xue xue bao (She hui ke xue ban) [Journal of Chongqing University (Social Science Edition)]*, 4, 66–69.
- Chan, Y., Bai, Y. (2023). Zhong guo yu yan xue guo ji xue shu hua yu qua ti sheng — Ji yu guo nei yu yan xue qi kan zhong wen zhai yao de duo zhi biao zong he ping jia [Enhancement of international academic discourse in Chinese linguistics: A multi-indicator comprehensive evaluation based on chinese abstracts of domestic linguistic journals]. *Yu yan wen xue ying yong [Language and Writing Applications]*, 3, 25–37.
- Shu, D. (2023). Guonei yu yan lei xue shu qi kan guo ji hua de tiao zhao yu chu lu [Challenges and ways of internationalization of domestic language academic journals]. “Yu yan xue tong xun” gong zhong hao [“Linguistic Newsletter” Open Issue], 2. https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI5OTQ5NDQyNg==&mid=2247542512&idx=1&sn=38fc3aea3cde6f1a58adddb36c900de&chksm=ec97db85dbe052937dedb231fba47527f2046b5ed9931f12bc105f8915ebe71af166f16a2459&scene=27
- Yang, S. (2011). Wo guo yu yan xue qi kan yin yong wang luo fen xi [Citation network analysis of linguistic journals in China]. *Xi nan min zu da xue xue bao (Ren wen she hui xue ban) [Journal of Southwest University for Nationalities (Humanities and Social Sciences Edition)]*, 3, 229–233.

Сюткина Надежда Павловна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

г. Пермь, Российская Федерация

nad975@yandex.ru

Когнитивный сценарий категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации (на примере глагола «угрожать»)

Аннотация

В статье на примере эмотивного каузатива *угрожать* рассматривается эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс и тот когнитивный сценарий, который реализует указанный глагол. Анализируемая категориальная ситуация – ситуация каузации эмоциональной модификации. Эмотивные каузативы, функционирующие в данном комплексе представляют собой пример семантического синкретизма, поскольку они объединяют в своём значении две обязательные категориальные семы – каузативности и эмотивности – и тем самым, реализуют две категориальные ситуации (ситуацию каузации и эмоциональную ситуацию). Наряду с этими двумя ведущими категориальными ситуациями, в речи может происходить взаимодействие и с другими категориями. Так, сопряжёнными ведущими категориями могут становиться, например, интенсивность, инструментальность, оценочность. Для анализируемого глагола более частотной является актуализация инструментальности, менее частотным является взаимодействие с категорией интенсивности.

Ключевые слова: эмотивный каузатив, когнитивный сценарий, категориальная эмоциональная ситуация, ситуация каузации эмоциональной модификации, семантический потенциал, лексический каузатив

© Сюткина Н. П. 2025

Для цитирования: Сюткина Н. П. Когнитивный сценарий категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации (на примере глагола «угрожать») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 128–137. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-128>

Nadezhda P. Siutkina

Perm State National Research University

Perm, Russian Federation

nad975@yandex.ru

Cognitive scenario of a categorical situation of causation of emotional modification (Based on the verb *ugrozhat'* ‘to threaten’)

Abstract

Using the example of the emotive causative “to threaten,” the article examines the emotive-causative categorical semantic complex and the cognitive scenario that implements the specified verb. The analyzed categorical situation is a situation of causation of emotional modification. Emotive causatives that function in this complex are an example of semantic syncretism, since they combine two obligatory categorical semes in their meaning – causativeness and emotivity – and thereby, realize two categorical situations (the situation of causation and the emotional situation). Along with these two leading categorical situations, interaction with other categories can also occur in speech. Thus, related leading categories can involve, for example, intensity, instrumentality and evaluativeness. For the analyzed verb, the actualization of instrumentality is more frequent, and the interaction with the category of intensity is less frequent.

Keywords: emotive causative, cognitive scenario, categorical emotional situation, emotional modification of causation situation, semantic potential, lexical causative

© Siutkina N. P. 2025

For citation: Siutkina, N. P. (2025). Kognitivnyy stsensariy kategorial'noy situatsii kauzatsii emotsional'noy modifikatsii (na primere glagola «ugrozhat'») [Cognitive scenario of a categorical situation of causation of emotional modification (Based on the verb *ugrozhat'* 'to threaten'). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 128–137. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-128>

1. Введение [Introduction]

В фокусе нашего внимания находятся эмотивные каузативы – глаголы, семантику которых определяют две категориальные семы: сема эмотивности и сема каузативности. К существенным характеристикам этого класса глаголов относится их антропоцентрический характер. Процесс, обозначаемый таким глаголом, носит интерперсональный характер. Как субъектом, т. е. активным производителем действия, так и объектом каузации равным образом является человек. Следовательно, с точки зрения референциальной природы, эти глаголы относятся к сфере антроподинамики, а в соответствии с денотативными областями, в которых проявляется деятельность человека – к подсфере психодинамики (см. [Плотникова, 2005, с. 29]).

В аспекте когнитивной лингвистики для понимания природы глагола необходимо отметить, что «особую роль в конструировании ментальных пространств играет концепт «процесс», репрезентируемый глаголами. Специфика семантики глагола обнаруживается в выражении активного динамического процессуального признака. Глагол в свёрнутом виде способен отображать элементы представляемой ситуации <...>» [Плотникова, 2005, с. 26]. Обобщённая типовая ситуация, пропозиция – это способ ментального представления ситуации в сознании человека. Ядром пропозиции является предикат (компонент, выражающий отношения между участниками события), который определяет количественный и качественный состав актантов (слов, называющих участников события) и сирконстантов (слов, выражающих обстоятельственные характеристики события) [Там же, с. 27]. Таким образом, зафиксированные в лексических значениях глаголов пропозициональные форматы знания, определяют валентные свойства глаголов и задают параметры реализуемой ситуации.

В ситуации с эмотивными каузативами обобщённая типовая ситуация – это ситуация взаимодействия двух лиц, с целью эмоционального воздействия. Следовательно, обязательный состав участников: 1) субъект-человек, который является активным производителем действия, определяющим характер процесса; 2) объект-человек, роль которого пассивна, поскольку он подвержен эмоциональному воздействию. Этим глаголам присущи обязательные категориально-лексические семы – семы каузативности и эмотивности, а также дифференциальная сема – сема положительной или отрицательной эмоциональной модификации, которая имплицитно отражает результат каузации. Так, в глаголах *радовать*, *восхищать*, *осчастливливать*, *очаровывать* и т. п. заложено значение положительной модификации эмоционального состояния, а в глаголах *злить*, *гневить*, *сердить*, *обижать* и т. п. – отрицательной. Эти семы тесно взаимодействуют, являя собой пример синкрет-семантики (о синкрет-семантике и синкрет-образованиях см., напр., [Архипова, Шустова, 2024 ; Сюткина, 2024]). Эмотивные каузативы, функционируя в речи, тесно взаимодействуют с другими единицами, которые актуализируют другие, смежные категории. Так, в ситуации каузации эмоциональной модификации возможна реализация сразу нескольких категориальных ситуаций (например, категориальная эмоциональная ситуация, каузация, интенсификация, оценка). То есть возникают

категориальные семантические комплексы (о категориальных семантических комплексах и межкатегориальном взаимодействии см. [Архипова, 2021, 2022, 2023 ; Архипова, Шустова, 2021 а, б ; Шустова, 2021 ; Сюткина, 2023 а, б ; Сюткина, Афанасьева, 2024 ; Сюткина, Шустова, 2024]).

2. Анализ когнитивного сценария ситуации каузации эмоциональной модификации [Analysis of the cognitive scenario of the situation of causation of emotional modification]

Для понимания природы эмотивных каузативов и актуализируемой ими категориальной ситуации обратимся к некоторым понятиям когнитивной лингвистики. Необходимо помнить, что «значение любого глагола в силу его предикатной природы фиксирует пропозициональные форматы знания. Оно содержит в свёрнутом виде программу осуществления действия, состоящую из упорядоченных во времени эпизодов» [Плотникова, 2012, с. 274]. Пропозициональное содержание ситуации каузации эмоциональной модификации сводится к следующему: субъект оказывает воздействие на объект с целью изменить его эмоциональное состояние. Пропозициональные структуры динамически разворачиваются в виде так называемых сценариев, или скриптов. Под когнитивным сценарием в лингвистике понимают структуры сознания, описывающие стереотипный ход развёртывания событий, «концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении [Баранов, 2001, с. 18]. Сценарии, или скрипты, трактуют как динамически представленный фрейм, как разворачиваемую последовательность этапов, эпизодов [Болдырев, 2001, с. 37]. Стереотипность ситуации подразумевает, что для целого класса (или нескольких классов) глаголов наличествует определённая общая схема развёртывания всего процесса.

Поскольку речь идёт об эмоциях, уместно привести мнение Б. Тошовича о том, что «эмоции – это чувства, переживания, волнения, духовные, аффективные состояния, нарушающие психическое и физическое равновесие, а экспрессия – их продукт. Обе являются результатом различных раздражений, но, в то время как эмоции возникают под влиянием внешних и внутренних импульсов, экспрессия зарождается под воздействием эмоций. Это означает, что в основе экспрессивности лежит некая эмоция, точнее эмоция предшествует экспрессии. В процессе декодирования происходит обратный процесс: экспрессия вызывает эмоцию» [Тошович, 2006, с. 15–16]. Следовательно, эмоции играют двоякую роль – они являются и отправной точкой, и конечным итогом эмоционального взаимодействия двух субъектов. Человек испытывает эмоции, под воздействием которых он стремится вызвать соответствующий эмоциональный отклик у другого лица. Для этого он может прибегать к экспрессивным и образным средствам. Сценарий ситуации каузации эмоциональной модификации можно представить в виде последовательности следующих эпизодов:

- субъект испытывает некие эмоции;
- он имеет цель изменить эмоциональное состояние объекта каузации;
- он совершает определённые (речевые или неречевые) действия, чтобы вызвать нужные эмоции у объекта своих действий;
- эмоциональное состояние объекта меняется.

Важно отметить, что «каждая типовая ситуация формируется определённым минимальным набором компонентов – действующих лиц, их действий, предметов, состояний, отношений, свойств. Каждый компонент ситуации – исполнитель определённой роли, и эта роль постоянна относительно данной типовой ситуации» [Всеволодова, Яценко, 2008, с. 9]. В нашем случае типовой набор компонентов ситуации составляют: эмоции; лицо, испытывающее эмоции и имеющее цель изменить эмоциональное состоя-

ние другого лица; инструмент, с помощью которого совершается эмоциональная модификация; результат каузации. Синтаксически эти компоненты в структуре предложения представлены подлежащим-субъектом, объектом, выраженным прямым дополнением, и сказуемым, выраженным эмотивным каузативом.

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Источником материала послужили толковые словари русского языка, Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и Ngram. С помощью метода дефиниционного анализа был охарактеризован семантический потенциал глагола *угрожать*.

Данный глагол был выбран, поскольку относится к ядерной зоне базовых эмотивных каузативов русского языка, актуализирующих каузацию модификации отрицательного эмоционального состояния. К основным критериям определения базовых глаголов относится частотность их употребления, рекуррентность, высокая степень синонимичности, которая была определена с помощью дефиниционно-синонимического анализа, то есть анализа словарных дефиниций из толковых словарей с целью выделения общих значений у глаголов одной семантической группы. Такой анализ позволяет определить синонимический ряд лексемы, а данные корпусов – распределить глаголы одного синонимического ряда по степени частотности. Для её определения нами использовались данные корпуса русского языка лаборатории Лейпцигского университета Leipzig Corpora Collection, поскольку этот ресурс содержит соответствующие статистические показатели.

Далее, с помощью этимологического анализа была зафиксирована динамика развития семантики глагола. Для этого были проанализированы словарные статьи из 10 толковых словарей. В них зафиксированы следующие значения глагола *угрожать*: требовать чего-л., предупреждать о чём-л., запугивая, грозя чем-л.; предупреждать о чём-л. с угрозой; угрожать кому-л. (СТС); произносить угрозы – обещания причинить какое-л. зло, неприятность, устрашая кого-л. или требуя, добиваясь чего-л. (БТСРГ); произносить угрозы, требуя, добиваясь чего-л.; грозить (ЭС); произносить угрозы – обещания причинить какое-л. зло, неприятность, устрашая кого-л. или требуя, добиваясь чего-л. (ТСРГ).

Как следует из дефиниций, анализируемая лексема синкретична, поскольку в ней спаяно несколько сем: семы эмотивности и каузативности, обязательные для рассматриваемого класса глаголов, и сема речи, представленная в дефинициях компонентом *произносить*, который в своём исходном значении предполагает, что субъект и объект имеют антропоморфный характер.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Глагол *угрожать* происходит от *грозиться*, этимологически восходит к общеславянскому слову *гроза*, первоначальное значение которого – страх, ужас (ЭСРЯ).

В толковых словарях находим следующие значения: грозить или грозиться; граживать, кому-либо, чем-либо угрожать, страшать, или делать угрозы, напускать грозу, пугать, давать острастку (ТСД); 1. Произносить угрозы, требуя, добиваясь чего-либо; грозить. 2. Быть опасным для кого-либо, чего-либо, создавать какую-либо угрозу, опасность, ставить под угрозу что-либо. 3. Заключать, таить в себе какую-либо угрозу, опасность, неприятность. 4. В сочетаниях с существительными, обозначающими что-либо страшное, тяжёлое, неприятное для кого-либо, означает: предстоять кому-либо, чему-либо, быть неизбежным для кого-либо, чего-либо в ближайшее время (МАС); 1. Когда кто-то угрожает другим людям чем-либо, значит, он сообщает, что сделает им что-то плохое, если они не выполнят то, что он требует, добивается и т. п. 2. Когда кому-либо угрожает какое-то неприятное явление, событие или объект, значит, оно может быть очень неблагоприятным для вашего материального состояния, социального статуса или

опасным для вашего здоровья, вашей жизни. 3. Когда какой-либо объект угрожает, например, упасть, значит, он скоро упадёт (ТСДм); 1. Угрожать, обнаруживать враждебные намерения. 2. Внушать опасения, предвещать беду. 3. Предстоять (о несчастьи, неприятности). 4. Делать угрожающий жест рукой (ТСУ).

Данные толкования позволяют выявить и описать прототипическую ситуацию – вербальное или невербальное действие со стороны инициатора с целью каузировать эмоцию страха. Следовательно, категориальной лексической семой является следующая: «вызвать определённое эмоциональное состояние» [Бабенко, 1989, с. 75], более точно для этой лексемы – «вызвать отрицательное эмоциональное состояние». Данная лексема обладает производным значением эмоционального воздействия, преимущественно отражает каузацию чувств, например беспокойства, влечения, любопытства, одиночества, радости, спокойствия, страха и удовольствия (см. [Бабенко, 1989, с. 75–76]). Это подтверждает статус прототипичности рассматриваемой лексемы, поскольку чувство страха входит в этот список, а дефиниции подтверждают, что именно эта эмоция является ключевой для лексемы.

Синонимичный ряд, в который входит рассматриваемый глагол, подтверждает пре-валирование эмоции страха: *опасаться, пугать, запугивать, бояться, нападать, терроризировать, смущать, грозить, предупреждать, бояться, бросаться, накидываться, налетать, кидаться, набрасываться, стращать, наталкиваться, преследовать, бросаться, насакивать, устрашать, стремить, висеть, ожидать, грозить неприятностями, грозить опасностью, бряцать оружием, катить бочку, давать острastку* (КС).

Исходное значение предполагает наличие актантов: с у б ъ е к т (*враг, недруг, заложница, негодяй* и т. п.) и о б ъ е к т (*ребёнку, соседям, обществу, государству, детям, человечеству* и т. п.), и н с т р у м е н т (*расправой, оружием, пистолетом, смертью, ножом, войной, расстрелом, мечом, убийством, наказанием, самоубийством, судом, разоблачением, гибелью, револьвером, пытками, по телефону, насилием, вторжением, казнью, падением, арестом, автоматом, взрывом, разрывом, разводом, увольнением, копьём, забастовкой, скандалом, санкциями* и т. п.). Субъект совершает **в е р б а л ь н о е д е й с т в и е**:

(1) *Убейте меня прямо, но только не **угрожайте** и не терзайтесь передо мною сами* (НКРЯ).

(2) *Вы **угрожаете**, что не станете работать, – продолжала Лида* (НКРЯ).

(3) *Похожий на гибрид Бармалея и Карабаса-Барабаса, с бородицей, он увещевал, **угрожал**, топал ногами — «Требую разойтись, негодяи!»* (НКРЯ).

(4) *Это замечание **угрожало** опять завести разговор бог знает куда* (НКРЯ).

(6) *Он **грози**лся сесть на коня и уехать* (НКРЯ).

Либо субъект совершает невербальное действие устрашающего характера, при этом угроза подразумевает наличие инструмента, синтаксически выраженного творительным падежом имени существительного:

(7) ***Угрожали пистолетом**, набросили на шею верёвку, пытаюсь задушить* (НКРЯ).

(8) *К этому времени пострадавшие были неоднократно допрошены, в своих показаниях они указывали, что бандиты **угрожали** им **пистолетом**, отличались дерзостью и жестокостью* (НКРЯ).

(9) *Человек слева **угрожает** своему противнику **ножом** и **крючком** от шарманки* (НКРЯ).

(10) *Вооружённый револьвером и ружьём Крюков с рабочими пытался прогнать казаков, но возбуждённая толпа бросилась на Крюкова, отняла у него ружьё и преследовала, **угрожая палками** и **вилами*** (НКРЯ).

Как правило, **н е в е р б а л ь н а я** угроза подразумевает наличие опредмеченного актанта-инструмента, обозначающего оружие: *нож, пистолет, револьвер, вилы, ружьё, автомат, меч, копьё* и т. п. При этом реализуется интерперсональное взаимодействие.

Значение данной лексемы изначально подразумевает вербальное действие, но она не может реализовывать категорию перформативности. В речевом акте угрозы используются другие речевые средства, но никогда сам глагол *угрожать*. Функция этого глагола заключается в описании ситуации, которая представляет ту или иную угрозу. В значении 'быть опасным для кого-то, создавать угрозу, таить угрозу, опасность; предвещать беду, предстоять о неприятном явлении, событии' реализуются каузальные отношения:

(11) *Любое вмешательство извне в ход событий, когда ребёнку могла **угрожать опасность**, как мне казалось, мешало воспитанию у цесаревича силы воли и наблюдательности* (НКРЯ).

(13) *Когда случилась беда и тебе стала **угрожать** серьёзная **опасность**, другого выхода мы не нашли* (НКРЯ).

(14) *По прогнозам учёных, в будущем Петербургу могут **угрожать** куда более **сильные наводнения*** (НКРЯ).

(15) ***Заболевания**, вызванные им, с трудом поддаются медикаментозному лечению и могут **угрожать** жизни человека* (НКРЯ).

(16) *Всего **вода** может **угрожать** 134 частным домам с количеством населения в 192 человека* (НКРЯ).

(17) *Этот способ активизации особенно важен в тех случаях, когда **притупление активности, внимания или телесной готовности** к действию может дорого обойтись человеку или даже **угрожать** его жизни* (НКРЯ).

(18) *Земле предстоящее **столкновение** **угрожать** не будет, поскольку оно произойдет на расстоянии 40 тысяч световых лет от неё* (НКРЯ).

(19) *Несмотря на то, что в двух местах стояли подпорки, **потолок** так прогнулся, что, казалось, с минуты на минуту **угрожал** разрушением* (НКРЯ).

(20) ***Бумажное окно** вздулось пузырьём, **угрожая** лопнуть* (НКРЯ).

(21) *Так вот где таилась погибель моя! Мне смертью **кость** **угрожала!*** (НКРЯ).

(22) *Одно, что не то, что отравляло, но **угрожало** их счастью, была её **ревность** – **ревность**, которую она сдерживала* (НКРЯ).

Роль субъекта, представляющего угрозу, выполняет неодушевлённый участник ситуации, в качестве которого может выступать какая-либо ситуация (беда, опасность, неравенство и т. п.), природное явление (наводнение, пожар, катастрофа, засуха и т. п.), неодушевлённый объект (любой предмет, который может стать источником опасности), событие (война, смута, распри и т. п.), чувство (ревность, страх, паника и т. п.) и др. И каузальные, и каузативные отношения могут включать в ситуацию возможный результат, который синтаксически выражается творительным падежом имени существительного либо инфинитивом глагола совершенного вида:

(23) *Они консервативны, потому что всякое новое движение **угрожает** им **падением**, как неспособным сочувствовать и содействовать никакому общественному преуспеянию* (Ngram).

(24) *Несмотря на то, что на организацию трудовой колонии затрачены изрядные средства, колония находится далеко не в удовлетворительном состоянии и даже **угрожает** полным упадком* (Ngram).

(25) *Вырождение проекта просвещения, с его культом больших фундаментальных идей, **угрожает** современной цивилизации тотальным **застоем*** (Ngram).

(26) *Дело в том, что Барбара **угрожала** выдать его ФБР, и он предпочёл откупиться от неё* (Ngram).

(27) *Жуткий тип, когда напивался, вечно колотил меня и **угрожал** **убить*** (Ngram).

(28) *Вдруг князь получил известие, что взбунтовавшиеся крымцы заставили Шавлат-Гирея бежать и искать спасения в Керчи, под защиту русского флота, тур-*

ки же, вопреки трактату с Россией, заняли Тамань и **угрожают вторгнуться** в пределы Крыма (Ngram).

Угроза синтаксически может быть актуализирована с помощью наречия угрожающе и глаголов:

движения: угрожающе подвинуться, двинуться, сдвинуться, подпрыгивать;

речи: угрожающе рычать, сказать, выразить соболезнование, прошептать, потребовать, заявить, бормотать, предупредить, произнести, процедить;

звучания: угрожающе доноситься, скрипеть, рокотать;

действия: угрожающе обернуться, поднять крест, щелкая затвором, поднять палец, покачиваться, покачивать булыжником;

мимического действия: угрожающе нахмуриться, сдвинуть брови, глянуть, взглянуть (НКРЯ).

Каузативный сценарий может быть реализован с помощью словосочетания с угрожающим видом и, как правило, глаголом движения:

(29) *А ты меня не запугивай!* – бухгалтер с угрожающим видом повернулся к Кальбиеву (НКРЯ).

(30) *Пантелеев, проводив взглядом весело побежавшего к своим бойцам лейтенанта, с угрожающим видом повернулся к молча стоявшему рядом с ним комиссару полка, черноволосому старшему политруку, и – вдруг раздумал* (НКРЯ).

(31) *Потом уже стал заботиться о том, чтоб его не затолкали, и решительно, с угрожающим видом выставил по бокам локти* (Ngram).

(32) *Дима с угрожающим видом надвинулся на Римму Борисовну* (Ngram).

(33) *Он бросился вперед, размахивая тростью с таким угрожающим видом, что нападавшие тут же разбежались* (Ngram).

В подобной синтаксической конструкции фокус внимания в описании ситуации смещается на производимое действие, сочетание с угрожающим видом является обстоятельством этого действия.

Для ситуации каузации эмоциональной модификации типично межкатегориальное взаимодействие категорий эмотивности, каузативности и интенсивности. Однако для эмотивного каузатива *угрожать* скорее нетипично сочетание с интенсификаторами. По данным корпуса русского языка лаборатории Лейпцигского университета Leipzig Corpora Collection, в коллокациях с данной лексемой встречаются следующие:

– наречия образа действия, актуализирующие степень угрозы: *серьёзно, реально, всерьёз;*

– наречия, актуализирующие степень явности угрозы: *напрямую, открыто, в открытую, откровенно, непосредственно, косвенно;*

– наречие, актуализирующее обобщённый способ: *всячески;*

– наречия, актуализирующие частоту и длительность угрозы: *долго, чаще, постоянно, регулярно.*

Например:

(34) *Он припугнул меня, серьёзно угрожая* чем-то для всех страшно неприятным (Ngram).

(35) *При этом представители израильского правительства заявляли о намерении Израиля направить через Суэцкий канал израильский корабль, открыто угрожая Египту войной в случае задержки этого корабля* (Ngram).

(36) *Во время НЭПа советские фининспектора и участковые милиционеры делали постоянные набеги на магазины, ларьки, пекарни, постоянно угрожая обыском или арестом* (Ngram).

В целом, по статистическим данным указанного выше ресурса, интенсификаторы не являются частотными при функционировании этого глагола. Так, в качестве наиболее

часто встречающегося в указанном корпусе, зафиксировано наречие *серьезно*, с числом контекстов 275 (LC), в то время как количество контекстов на лемму *угрожать* составляет на этом ресурсе 3336.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что глагол *угрожать* реализует категориальную эмоциональную ситуацию, а именно, ситуацию каузации отрицательной эмоциональной модификации. Когнитивный сценарий этой ситуации может реализовывать каузативные и каузальные отношения, то есть в качестве каузатора может выступать как человек, так и неодушевлённый объект, в качестве которого может фигурировать практически неограниченный круг объектов живой и неживой природы, природные и антропогенные ситуации и т. п. Это связано с тем, что потенциально любое явление нашей реальности при определённых условиях может таить в себе опасность, и, следовательно, нести определённую угрозу.

Интерперсональные отношения являются прототипическими для этой лексемы. В качестве первого значения словари указывают: произносить угрозы, требуя, добиваясь чего-л.; обнаруживать враждебные намерения; внушать опасения. Поэтому при реализации когнитивного сценария каузации эмоциональной модификации и каузатор, и объект каузации носят антропоморфный характер. Эмотивные каузативы обладают синкрет-семантикой. Мы рассматриваем их как синкрет-образования, в семантике которых пересекается несколько категорий. Для анализируемой лексемы *угрожать* это эмотивность, каузативность и оценочность. При актуализации в речи реализуются соответствующие категориальные ситуации. Категориальная ситуация инструментальности, будучи прототипической для данного глагола, реализуется в речи отдельной лексемой. Категория интенсивности, в отличие от других эмотивных каузативов, не типична для этого глагола.

Источники материала

- БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов. URL : https://verbs_ru.academic.ru/ (дата обращения : июль 2023).
 КС – Карта слов. URL : <https://kartaslov.ru/синонимы-к-слову/угрожать> (дата обращения : июль 2023).
 МАС – Малый академический словарь. URL : <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/72059-угрожать> (дата обращения : июль 2023).
 НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения : июль 2023).
 ТСД – Толковый словарь Даля. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/226306> (дата обращения : июль 2023).
 ТСДм – Толковый словарь Дмитриева. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5524/> (дата обращения : июль 2023).
 ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС. 1999. 704 с.
 ТСУ – Толковый словарь Ушакова. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/783110> (дата обращения : июль 2023).
 СРС и СВ – Словарь русских синонимов. URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/266406/ (дата обращения : июль 2023).
 СТС – Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (дата обращения : июль 2023).
 ЭС – Энциклопедический словарь. URL : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (дата обращения : июль 2023).
 ЭСРЯ – Этимологические словари русского языка. URL : <https://lexicography.online/etymology/> (дата обращения : июль 2023).
 LC – корпус языков Leipzig Corpora Collection. URL : <https://corpora.uni-leipzig.de> (дата обращения : июль 2023).

Ngram – Google Books Ngram Viewer. Исследовательский ресурс. URL : <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения : июль 2023).

Библиографический список

- Архипова, 2021 – Архипова И. В. Итеративная таксисная категориальная ситуация: вопросы описания и структурирования (на примере разноструктурных языков) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 46–53.
- Архипова, Шустова, 2021 а – Архипова И. В., Шустова С. В. Семантический потенциал таксисных предлогов немецкого языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2. С. 21–37.
- Архипова, Шустова, 2021 б – Архипова И. В., Шустова С. В. Категориальная семантика примарного таксиса // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 1. С. 51–58.
- Архипова, 2022 – Архипова И. В. Актуализация таксиса как результат межкатегориальных взаимодействий // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 4–12.
- Архипова, 2023 – Архипова И. В. Таксис и межкатегориальное взаимодействие. Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та. 2023. 178 с.
- Архипова, Шустова 2024 – Архипова И. В., Шустова С. В. Таксис псевдоодновременности в функциональных структурах (на материале немецкого языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 44–53.
- Бабенко, 1989 – Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Из-во Уральского ун-та. 1989. 184 с.
- Баранов, 2001 – Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиторал УРСС, 2001. 360 с.
- Болдырев 2001 – Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов : Из-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 123 с.
- Всеволодова, Яценко 2008 – Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М. : Изд-во ЛКИ. 2008. 208 с.
- Плотникова, 2005 – Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов) : учеб. пособие. Екатеринбург : Из-во Уральского ун-та 2005. 140 с.
- Плотникова, 2012 – Плотникова А. М. Когнитивный анализ многозначных глаголов (на материале русских глаголов социальных действий и отношений) // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Барнаул : Алтайский гос. пед. ун-т, 2012. С. 274–275.
- Сюткина, 2023 а – Сюткина Н. П. Актуализация инкорпорации в семантическом потенциале эмотивных каузативов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 144–153.
- Сюткина, 2023 б – Сюткина Н. П. Механизмы интенсификации в категориальной ситуации каузатива эмоциональной модификации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 108–116. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_108
- Сюткина, 2024 – Сюткина Н. П. К вопросу о семантическом синкретизме (на примере эмотивных каузативов) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 163–172.
- Сюткина, Афанасьева, 2024 – Сюткина Н. П., Афанасьева А. А. Междометия и междометные фразеологические единицы в эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 194–206.
- Сюткина, Шустова, 2024 – Сюткина Н. П., Шустова С. В. Актуализация категориальной ситуации эмоциональной модификации (на примере фразеологических единиц) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 175–185. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-175>
- Шустова 2021 – Шустова С. В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 82–89.

References

- Arkhipova, I. V. (2021). Iterativnaya taksisnaya kategorial'naya situatsiya: voprosy opisaniya i struktirovaniya (na primere raznostrukturnykh yazykov) [Iterative taxis categorical situation: Description and structuring Issues]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 1, 46–53. (In Russ.).
- Arkhipova, I. V., & Shustova, S. V. (2021 a). Semanticheskiy potentsial taksisnykh predlogov nemetskogo yazyka [Semantic potential of taxis prepositions of German]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 2, 21–37. (In Russ.).

- Arkhipova, I. V., & Shustova, S. V. (2021 b). Kategorial'naya semantika primarnogo taksisa [Categorical semantics of logical taxis]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian Studies. History and Philology]*, 1, 51–58. (In Russ.).
- Arkhipova, I. V. (2022). Aktualizatsiya taksisa kak rezultat mezhkategorial'nykh vzaimodeystviy [Actualization of taxis as a result of intercategory interactions]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 4, 4–12. (In Russ.).
- Arkhipova, I. V. (2023). *Taksis i mezhkategorial'noye vzaimodeystviye [Taxis and intercategory interaction]*. Novosibirsk : Novosibirsk State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Arkhipova, I. V., & Shustova, S. V. (2024). Taksis psevdoodnovremennosti v funktsional'nykh strukturakh (na materiale nemetskogo yazyka) [Taxis of pseudocontemporaneity in functional structures (Based on the material of the German Language)]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 1, 44–53. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (1989). *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke [Lexical means of manifesting emotions in Russian]*. Sverdlovsk : Ural University Press. (In Russ.).
- Baranov, A. N. (2001). *Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku [Introduction to applied linguistics]*. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2001). *Kognitivnaya semantika [Cognitive semantics]*. Tambov : Tambov State University Press. (In Russ.).
- Vsevolodova, M. V., & Yashchenko, T. A. (2008). *Prichinno-sledstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke [Cause-and-effect relationships in modern Russian]*. Moscow : LKI Press. (In Russ.).
- Plotnikova, A. M. (2005). *Kognitivnyye aspekty izucheniya semantiki (na materiale russkikh glagolov) [Cognitive aspects of the study of semantics (Based on Russian verbs)]* : A coursebook. Ekaterinburg : Ural University Press. (In Russ.).
- Plotnikova, A. M. (2012). Kognitivnyy analiz mnogoznachnykh glagolov (na materiale russkikh glagolov sotsial'nykh deystviy i otnosheniy) [Cognitive analysis of polysemantic verbs (Based on Russian verbs of social actions and relations)]. *Funktsional'no-kognitivnyy analiz yazykovykh yedinit i yego aplikativnyy potentsial [Functional-cognitive analysis of language units and its usage potential]* (pp. 274–275). Barnaul: Altay State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Siutkina, N. P. (2023 a). Aktualizatsiya inkorporatsii v semanticheskom potentsiale emotivnykh kauzativov [Actualization of incorporation in the semantic potential of emotive causative verbs]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 144–153. (In Russ.).
- Syutkina, N. P. (2023 b). Mekhanizmy intensivatsii v kategorial'noy situatsii kauzatsii emotsional'noy modifikatsii [Mechanisms of intensification in the categorical situation of cause of emotional modification]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (1), 108–116. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_108
- Siutkina, N. P. (2024). K voprosu o semanticheskom sinkretizme (na primere emotivnykh kauzativov) [Semantic syncretism in the aspect of emotive causatives functioning patterns]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 163–172. (In Russ.).
- Siutkina, N. P., Afanaseva, A. A. (2024). Mezhdometiya i mezhdometnye frazeologicheskie edinity v emotivno-ekspressivno-kauzativnom kategorial'nom semanticheskom komplekse [Interjections and interjectional phraseological units in the emotive-expressive-causative categorical semantic complex]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 194–206. (In Russ.).
- Siutkina, N. P., & Shustova, S. V. (2024). Aktualizatsiya kategorial'noy situatsii kauzatsii emotsional'noy modifikatsii (na primere frazeologicheskikh yedinit) [Actualization of categorical situation of causation of emotional modification (Based on idioms)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 175–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-175>
- Shustova, S. V. (2021). Instrumental'nost' v kauzativnoy situatsii [Instrumentality in a causative situation]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian Studies. History and Philology]*, 3, 82–89. (In Russ.).

Таушева Александра Николаевна

**Глазовский государственный инженерно-педагогический университет им. В. Г. Короленко
г. Глазов, Российская Федерация**

Alnitau@yandex.ru

Сочетание словоизменительных категорий русских глаголов в устных и письменных текстах

Аннотация

Целью настоящей статьи является определение частотности значений словоизменительных категорий личных форм глаголов (времени, лица, числа и рода) в устных и письменных текстах, а также сочетаемости этих грамматических значений. Материалом для исследования послужили 48 устных и 48 письменных текстов-описаний сюжетного и несюжетного изображений. Методом сплошной выборки было отобрано 2133 глагольные словоформы, каждая из которых затем была распределена по словоизменительным категориям с помощью информационной системы «Семограф» (инструменты – Полевый анализ, Семантическая карта). В результате выявлено, что форма текста влияет на реализацию категорий личных форм глагола. Во-первых, в письменных текстах по сравнению с устными текстами употреблено больше форм прошедшего времени, 3 лица и женского рода, а в устных – частотнее формы настоящего времени, 1 лица и мужского рода. Во-вторых, личные формы глаголов чаще всего сочетаются в пределах одной словоформы. В обеих формах текста чаще всего наблюдались 1) сочетание настоящего или прошедшего времени с единственным числом, 2) сочетание настоящего времени и единственного числа с 3-м лицом.

Ключевые слова: словоизменительная категория глагола, грамматическое значение, устный текст, письменный текст, сюжетный текст, несюжетный текст

© Таушева А. Н. 2025

Для цитирования: Таушева А. Н. Сочетание словоизменительных категорий русских глаголов в устных и письменных текстах // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 138–145. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-138>

Alexandra N. Tausheva

**Glazov State University of Engineering and Pedagogics named after V.G. Korolenko
Glazov, Russian Federation**

Alnitau@yandex.ru

Combination of Russian verb inflectional categories in spoken and written texts

Abstract

The article aims to determine the frequency of meanings of inflectional categories of personal verb forms (tense, person, number and gender) in oral and written texts, as well as the compatibility of these grammatical meanings. The material for the study comprised 48 oral and 48 written texts-descriptions of plot and non-plot images. 2133 verbal word forms were selected using continuous sampling and further distributed into inflectional categories using the information system “Semograph” (tools – Field analysis, Semantic Map). As a result, it was found that the form of the text affects the manifestation of personal verb form categories. Firstly, there were more past tense, 3d person and the feminine forms in written texts compared to oral texts while present tense, 1st person and the masculine forms were more frequent in oral texts. Secondly, personal verb forms were most often combined within the same word form. Combinations of (i) the present or past tense with the singular and (ii) the present tense and the singular with the 3d person were most frequently observed in both forms.

Keywords: verb inflectional category, grammatical meaning, spoken text, written text, narrative text, non-narrative text

© Tausheva A. N. 2025

For citation: Tausheva, A. N. (2025). Sochetanie slovoizmenitel'nykh kategoriy russkikh glagolov v ustnykh i pis'mennykh tekstakh [Combination of Russian verb inflectional categories in spoken and written texts]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 138–145. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-138>

1. Введение [Introduction]

Настоящая статья рассматривает количественные характеристики употребления словоизменительных категорий русских глаголов в устных и письменных текстах. Исследование частотности использования глаголов в текстах значимо, поскольку глаголы, во-первых, показывают суть действия, что существенно влияет на динамичность текста и зависит от вида используемых в них категорий, а во-вторых, выступают в роли вершины высказываний и таким образом определяют структуру синтаксических конструкций и формируют структуру предложения в письменном виде и высказывания – в устном. Всё это свидетельствует о том, что структура текста также должна быть связана с использованием глаголов определённого типа, поскольку они задают вектор развития текста [Labov, Waletzky, 1966; Slobin, 1985; Adams, 1991; Kilani-Schoch, Dressler, 2000; Гагарина, 2008; Ягунова, 2008; Ерофеева, Павлова, 2024; Шустова, Сюткина, 2024].

Данные «Частотного словаря русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной показывают, что в письменных текстах глаголы в русском языке по частоте употребления находятся на втором месте после имён существительных, при этом их наибольшее относительное количество наблюдается в драматических произведениях, в сравнении с текстами из газет, журналов и научно-публицистических статей [Частотный словарь..., 1977]. Очевидно, это происходит потому, что текст драмы приближен к устному тексту, а частотность глаголов в устных текстах больше, нежели в письменных [Журавлев, 1988].

Частота использования глаголов варьирует в зависимости от жанра текста и типа текста. Так, например, у официально-деловых и беллетристических текстов письменной формы индекс глагольности наибольший; у текстов в устной форме (в разговорных диалогах) он меньше; в диалогах используется меньше глаголов, чем в монологах [Журавлев, 1988]. Кроме того, существуют различия и в употреблении глагольных категорий в устной и письменной речи: наблюдается снижение употребления глаголов совершенного вида в письменной речи [Ерофеева, Павлова, 2024].

Ц е л ь данной статьи – определить частотность значений словоизменительных категорий личных форм глаголов (времени, лица, числа и рода) в устных и письменных текстах, а также сочетаемость этих грамматических значений. Изучение этих параметров глагольных словоформ позволит определить особенности функционирования глагола в разных типах текстов [Slobin, 1985; Kilani-Schoch, Dressler, 2000; Ерофеева, 2005; Белоусов, 2008; Гагарина, 2008; Павлова, 2018; Коршунова, Лагута, 2023].

2. Реализация словоизменительных категорий глаголов в устных и письменных текстах [Manifestation of inflectional verb categories in spoken and written texts]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м исследования послужили спонтанные устные и письменные монологи, полученные при описании информантами двух изображений: сюжетного – комикса Х. Бидструпа «Близнецы» – и несюжетного – изображения мужчины, в лицо ко-

того плеснули водой. Тексты были получены от 24 информантов – носителей русского языка, женщин и мужчин со средним и высшим образованием в возрасте от 20 до 55 лет (выборка информантов была сбалансирована по названным факторам). Каждого информанта просили описать оба изображения (и сюжетного, и несюжетного) в устной, а затем (через определённое время) в письменной формах. В результате от 24 информантов было получено 96 текстов (48 устных и 48 письменных).

М е т о д о м сплошной выборки в полученных текстах были отобраны все глагольные словоформы, у каждой из них определялись значения словоизменительных категорий, затем производилось определение частоты их использования в зависимости от формы речи (все данные в статье представлены в относительных частотах от общего числа глагольных словоформ в текстах). Анализ данных выполнялся при помощи Информационной системы «Семограф» (<http://semograph.org>), которая позволяет классифицировать изучаемый материал по любым заданным исследователем параметрам (инструмент – Полевой анализ), а также автоматически определять объёмы выделенных классов и степень их связи, т. е. совместного использования (инструмент – Семантическая карта) [Белоусов, Зелянская, 2005 ; Belousov et al., 2017 ; Рябинин и др., 2017 ; Рябинин и др., 2018]. Общий объём проанализированного материала составил 2133 глагольных словоформы (1351 – в письменных текстах, 782 – в устных текстах).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Частотность реализаций словоизменительных категорий глагола [Verb inflectional categories frequency patterns]

Данные о реализации всех словоизменительных категорий глагольных словоформ в текстах разных форм представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Частота реализации значений словоизменительных категорий глагола в устных и письменных текстах, %
[T a b l e 1. The frequency of verb inflectional categories in spoken and written texts, %]

Словоизменительные категории глаголов		Форма текста	
категория	значение	устный	письменный
Время	Настоящее	54,54	41,56
	Прошедшее	43,66	56,15
	Будущее	1,8	2,29
Лицо	1 лицо	11,42	8,17
	2 лицо	1,15	1,29
	3 лицо	87,43	90,54
Число	Единственное	88,39	85,15
	Множественное	11,61	14,85
Род	Женский	5,43	13,37
	Мужской	84,88	77,71
	Средний	9,69	8,92

Из представленной таблицы видно, что формы времени зависят от формы текста. В устных текстах преобладают глаголы в настоящем времени, что, скорее всего, связано с желанием говорящего выразить свои мысли и чувства здесь и сейчас. В письменных

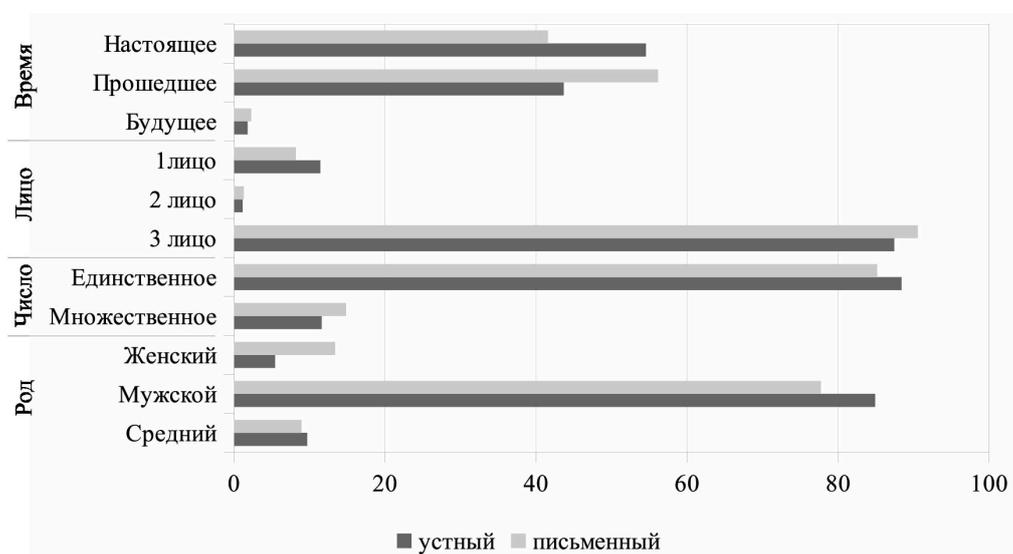
текстах преобладают глаголы прошедшего времени, что связано с желанием автора описать события, которые уже произошли. Будущее время информанты использовали с примерно одинаковой частотой независимо от формы текста.

Проанализировав реализации значений категорий лица, можно сделать вывод о том, что в устных текстах немного чаще, чем в письменных, используются глаголы в 1 лице; а 3 лицо, напротив, немного частотнее в письменных текстах.

Говоря о категории числа, можно отметить, что множественное число глаголов употреблялось информантами чаще в письменных текстах, чем в устных.

Данные таблицы 1 демонстрируют, что в письменных текстах наблюдается меньшее количество словоформ мужского и среднего рода по сравнению с устными текстами; однако, форма женского рода чаще используется в письменных текстах, чем в устных.

В целом, как наглядно можно видеть на рисунке 1, наибольшие отклонения в употреблении разных значений грамматических категорий глагола в устных и письменных текстах наблюдаются для категорий времени и рода.

Р и с у н о к 1. Частота реализации грамматических значений глагола в устных и письменных текстах, %

[F i g u r e 1. The frequency of verb grammatical meanings in spoken and written texts, %]

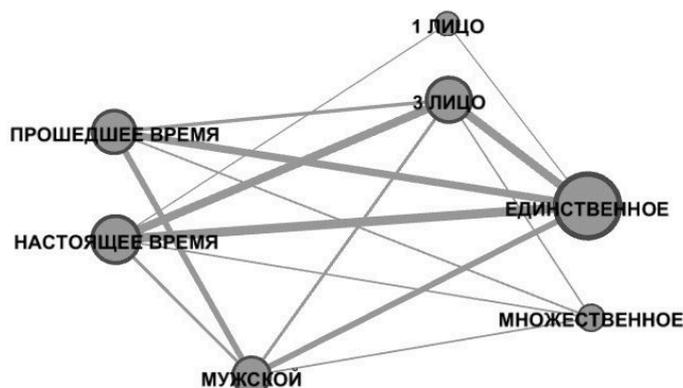
2.2.2. Сочетание словоизменительных категорий в устных и письменных текстах [The combination of inflectional categories in spoken and written texts]

На основе семантической карты, полученной в ИС «Семограф», были построены неориентированные графы для отображения связей словоизменительных категорий глаголов в устных и письменных текстах (рис. 2, 3).

Узлы графа – это рассмотренные грамматические значения; величина узла отражает частоту употребления данного грамматического значения в текстах. Линиями показаны связи между грамматическими значениями, т. е. совместное использование данных значений в одной словоформе; чем толще линия, тем сильнее связь (тем чаще грамматические значения используются совместно). Наиболее слабые связи на графах отфильтрованы для более чёткой картины (оставлены только связи не менее 10% от максимальной).

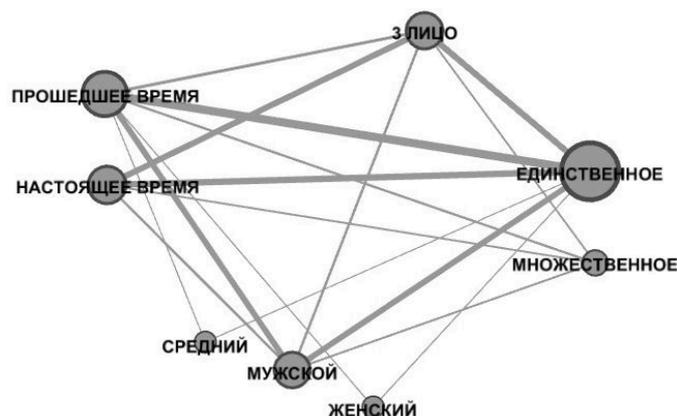
Как видно на рисунках 2 и 3, в обоих типах текстов наиболее сильные связи создаются между следующими грамматическими значениями: настоящее время – единственное число; прошедшее время – единственное число; настоящее время – 3 лицо; прошедшее время – мужской род; 3 лицо – единственное число; единственное число –

мужской род. Остальные значения связаны с перечисленными значениями и между собой значительно слабее.

Р и с у н о к 2. Сочетание словоизменительных категорий глаголов в устных текстах

[F i g u r e 2. The combination of inflectional categories in spoken texts]

Р и с у н о к 3. Сочетание словоизменительных категорий глаголов в письменных текстах

[F i g u r e 3. The combination of inflectional categories in written texts]

В то же время на графах видна разница между связями значений в устных и письменных текстах. Для первых наиболее сильно связанными оказываются значения настоящего времени и единственного числа, настоящего времени и 3 лица, а также 3 лица и единственного числа. Для вторых, хотя эти значения также связаны достаточно сильными связями, самая сильная связь – это связь прошедшего времени и единственного числа.

Кроме того, в устных текстах присутствуют связи настоящего времени и единственного числа с 1 лицом, а в письменных текстах такие связи отсутствуют. В свою очередь, в письменных текстах наблюдаются устойчивые связи прошедшего времени и единственного числа со значениями среднего и женского рода, отсутствующие в устных текстах.

Таким образом, можно видеть, что взаимодействие грамматических значений в устных и письменных текстах, хотя и сходно в основе, в деталях различается.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, результаты исследования продемонстрировали, что форма текста оказывает влияние на частоту использования грамматических значений личных форм глагола. Пре-

жде всего это касается таких грамматических категорий, как время, род и лицо: в письменных текстах на фоне устных используется больше форм прошедшего времени, женского рода и 3 лица; в устных текстах более частотны формы настоящего времени, мужского рода и 1 лица.

Естественно, что наиболее частотные грамматические значения чаще всего сочетаются в текстах в пределах одной словоформы. Так, и в письменных, и в устных текстах чаще всего происходит сочетание настоящего или прошедшего времени с единственным числом, а также настоящего времени и единственного числа с 3 лицом. Однако частотность других грамматических значений в текстах разной формы отражается на сочетаемости этих грамматических значений. Поэтому для устных текстов оказываются также важны связи 1 лица с настоящим временем и единственным числом, а для письменных текстов – связи женского и среднего рода с прошедшим временем и единственным числом.

Библиографический список

- Белоусов, 2008 – Белоусов К. И. Синергетика текста: от структуры к форме. М. : Книжный дом «Либроком», 2008. 248 с.
- Белоусов, Зелянская, 2005 – Белоусов К. И., Зелянская Н. Л. Применение метода графосемантического моделирования в лингвомаркетологических исследованиях // Вестник ОГУ. 2005. № 8. С. 40–46.
- Гагарина, 2008 – Гагарина Н. В. Личные формы русского глагола, развитие глагольной парадигмы и продуктивность в детской речи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 99–106.
- Ерофеева, 2005 – Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. 315 с.
- Ерофеева, Павлова, 2024 – Ерофеева Е. В., Павлова Д. С. Вид русского глагола как социолингвистическая переменная // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады / отв. ред. М. С. Шишков. СПб. : МАПРЯЛ, 2024. С. 107–111.
- Журавлев, 1988 – Журавлев Ф. А. Опыт количественно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М. : Наука, 1988. С. 84–150.
- Коршунова, Лагута, 2023 – Коршунова А. С., Лагута Н. В. Категория локативности и её репрезентация в новостном интернет-дискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 74–84.
- Павлова, 2018 – Павлова Д. С. Семантическая структура устного спонтанного текста: социолингвистическое варьирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук; 10.02.19 : Пермский гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. 20 с.
- Рябинин и др., 2017 – Рябинин К. В., Баранов Д. А., Белоусов К. И. Интеграция информационной системы Семограф и визуализатора SciVi для решения задач экспертного анализа языкового контента // Научная визуализация. 2017. Кн. 4, Т. 9, № 4. С. 67–77.
- Рябинин и др., 2018 – Рябинин К. В., Белоусов К. И., Чуприна С. И. Средства визуальной аналитики для комплексного исследования результатов многопараметрического описания пользователей социальных интернет-сервисов // Научная визуализация. 2018. Т. 10, № 4. С. 82–99.
- Сюткина, Шустова, 2024 – Сюткина Н. П., Шустова С. В. Актуализация категориальной ситуации эмоциональной модификации (на примере фразеологических единиц) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 175–185.
- Частотный словарь..., 1977 – Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. М. : Русский язык, 1977. 936 с.
- Ягунова, 2008 – Ягунова Е. В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей). Пермь, 2008. 395 с.
- Adams, 1991 – Adams C. Qualitative Age Differences in Memory for Text: A Life-Span Development Perspective // Psychology and Aging. 1991. № 6. P. 323–336.

- Belousov et al., 2017 – Belousov K., Erofeeva E., Leshchenko Y. «Semograph» Information System as a Framework for Network-Based Science and Education // *Smart Innovation, Systems and Technologies. Smart Education and e-Learning* /Ed. by V. Uskov, R. Howlett, L. Jain. Vol. 75. Vilamoura ; Algarve, Portugal, 2017. P. 263–272.
- Kilani-Schoch, Dressler, 2000 – Kilani-Schoch M., Dressler W. U. The emergence of verb paradigms in two French corpora as an illustration of general problems of pre- and protomorphology. Wien : Poster presented at the 9th International Morphology Meeting, 2000. 228 p.
- Labov, Waletzky, 1966 – Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proc. of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society* / Ed by J. Helm. Seattle : University of Washington Press, 1966. P. 12–44.
- Slobin, 1985 – Slobin D. I. The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. Vol. 2 : Theoretical Issues (1st edn). New York : Psychology Press, 1985. 400 p. <https://doi.org/10.4324/9780203781890>

References

- Belousov, K. I. (2008). Sinergetika teksta: ot struktury k forme [Text synergy: From structure to form]. Moscow : Librokom Press. (In Russ.).
- Belousov, K. I., Zelyanskaya, N. L. (2005). Primenenie metoda grafosemanticheskogo modelirovaniya v lingvomarketologicheskikh issledovaniyakh [Use of grapho-semantic modeling method in linguistic marketing researches]. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta* [Vestnik of Orenburg State University], 8, 40–46. (In Russ.).
- Gagarina, N. V. (2008). Lichnye formy russkogo glagola, razvitiye glagol'noy paradigmy i produktivnost' v detskoj rechi [Russian personal verb forms, verb paradigm development and creativity in children's speech]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 59, 99–106. (In Russ.).
- Erofeeva, E. V. (2005). *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of social language variants]. Perm State University Press. (In Russ.).
- Erofeeva, E. V., Pavlova, D. S. (2024). Vid russkogo glagola kak sotsiolingvisticheskaya pere-mennaya [The aspect of the Russian verb as a sociolinguistic variable]. In M. S. Shishkov (Ed.), *XV Kongress MAPRYAL: Izbrannyye doklady* [XV MAPRYAL Congress: Selected reports] (pp. 107–111). St Petersburg : MAPRYAL Press. (In Russ.).
- Zhuravlev, F. A. (1988). Opyt kvantitativno-tipologicheskogo issledovaniya raznovidnostey ustnoy rechi [The experience of quantitative and typological research of varieties of oral speech]. In D. N. Shmelev, E. A. Zemskaya (Eds), *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi* [Varieties of urban oral speech] (pp. 84–150). Moscow : Nauka Press (In Russ.).
- Korshunova, A. S., Laguta, N. V. (2023). Kategoriya lokativnosti i ee reprezentatsiya v novostnom internet-diskurse [The category of locativity and its representation in Internet news discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2, 74–84. (In Russ.).
- Pavlova, D. S. (2018). *Semanticheskaya struktura ustnogo spontannogo teksta: sotsiolingvi-sticheskoe var'irovanie* [Semantic structure of an oral spontaneous text: Sociolinguistic variation]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Perm State University. Perm (In Russ.).
- Ryabinin, K. V., Baranov, D. A., Belousov, K. I. (2017). Integratsiya informatsionnoy sistemy Semograf i vizualizatora SciVi dlya resheniya zadach ekspertnogo analiza yazykovogo kontenta [Integration of semograph information system and SciVi visualizer for solving the tasks of lingual content expert analysis]. *Nauchnaya vizualizatsiya* [Scientific Visualisation], 4(9), 67–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.26583/sv.9.4.07>
- Ryabinin, K. V., Belousov, K. I., Chuprina, S. I. (2018). Sredstva vizual'noy analitiki dlya kompleksnogo issledovaniya rezul'tatov mnogoparametricheskogo opisaniya pol'zovate-ley sotsial'nykh internet-servisov [Visual analytics tools for systematic exploration of multi-parameter data of social web-based service users]. *Nauchnaya vizualizatsiya* [Scientific Visualisation], 10(4), 82–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.26583/sv.10.4.07>
- Siutkina, N. P., Shustova, S. V. (2024). Aktualizatsiya kategorial'noy situatsii emotsional'noy modifikatsii (na primere frazeologicheskikh edinit) [Actualization of categorical situation of causation of

- emotional modification (Based on idioms). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 175–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-175>
- Zasorina, L. N. (Ed.). (1977). *Chastotnyy slovar' russkogo yazyka* [Frequency dictionary of the Russian language]. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Yagunova, E. V. (2008). *Variativnost' strategiy vospriyatiya zvuchashchego teksta (eksperimen-tal'noe issledovanie na materiale russkoyazychnykh tekstov raznykh funktsional'nykh stiley) [Variability of strategies for the perception of a sounding text (Experimental study based on the material of Russian-language texts of different functional styles)]*. Perm : Perm National Research Polytechnic University Press. (In Russ.).
- Adams, C. (1991). Qualitative age differences in memory for text: A life-span development perspective. *Psychology and Aging*, 6, 323–336.
- Belousov, K., Erofeeva, E., & Leshchenko, Y. (2017). “Semograph” Information System as a Framework for Network-Based Science and Education. In V. Uskov, R. Howlett, & L. Jain (Eds), *Smart innovation, systems and technologies. Smart education and e-learning* (Vol. 75, pp. 263–272). Vilamoura ; Algarve, Portugal.
- Kilani-Schoch, M., & Dressler, W. U. (2000). *The emergence of verb paradigms in two French corpora as an illustration of general problems of pre- and protomorphology*. Wien : Poster presented at the 9th International Morphology Meeting.
- Labov, W., & Waletzky, J. (1966). Narrative analysis: Oral versions of personal experience. In J. Helm (Ed.), *Essays on the verbal and visual arts : Proc. of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society* (pp. 12–44). Seattle : University of Washington Press.
- Slobin, D. I. (1985). *The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. Vol. 2 : Theoretical issues* (1st edn). New York : Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203781890>

Статья поступила в редакцию 03.10.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 11.02.2025.
The article was submitted 03.10.2024; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 11.02.2025.

Токмакова Мадина Хасанбиевна✉, Бижоев Борис Чамалович
Институт гуманитарных исследований, Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН)
г. Нальчик, Российская Федерация
tokmak_madina_h@mail.ru

Наречные фразеэмотивы кабардино-черкесского языка

Аннотация

Целью данного исследования было выявление структурных, семасиологических, эмоционально-оценочных и синтагматических особенностей малоизученных наречных фразеэмотивов, представляющих важную часть эмотивных ресурсов кабардино-черкесского языка. Материалом для исследования послужило более 70 наречных фразеэмотивов кабардино-черкесского языка, отобранных методом сплошной выборки из словарей фразеологических единиц и эмотивной лексики, прозаических и поэтических произведений известных кабардинских авторов. Материал был обработан с помощью лексико-грамматического анализа словарных дефиниций, структурного метода и метода контекстуального анализа. В результате выявлено, что, во-первых, наречные фразеэмотивы во фразеологическом фонде кабардино-черкесского языка сравнительно немногочисленны. Во-вторых, анализ позволил определить их более продуктивные («имя существительное + деепричастная форма») и менее продуктивные («имя существительное + имя существительное», «причастие + причастие») структурные схемы. В-третьих, определены основные группы по 1) семасиологическому составу (содержащие слова-эмотивы, выражающие эмоции посредством описания определённых действий, обозначающие эмоциональное состояние в целом без слов-эмотивов); 2) эмоциональной оценочности (положительные, отрицательные, без определённой оценочности); 3) сочетаемости (с узкой сочетаемостью со строго определёнными глаголами и эмотивно-самодостаточные с широкой сочетаемостью).

Ключевые слова: наречный фразеэмотив, кабардино-черкесский язык, структурная схема фразеэмотива, семасиологический состав, оценочность, лексическая синтагматика

© Токмакова М. Х., Бижоев Б. Ч. 2025

Для цитирования: Токмакова М. Х., Бижоев Б. Ч. Наречные фразеэмотивы кабардино-черкесского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 146–159. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-146>

Madina H. Tokmakova✉, Boris Ch. Bizhoviev
The Institute for the Humanities Research, Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences (IHR KBSC RAS)
Nalchik, Russian Federation
tokmak_madina_h@mail.ru

Adverbial phraseological emotives in Kabardino-Circassian

Abstract

This study aims to determine structural, semaseological, emotional-evaluative and syntagmatic features of the understudied phenomenon of adverbial phraseological emotives presenting a crucial part of emotive resources in Kabardino-Circassian. 70 adverbial phraseological emotives were selected by continuous sampling from phraseological dictionaries and dictionaries of emotive vocabulary, from prose and poetry by famous Kabardinian authors and field records. The material was processed using lexical-grammatical analysis of

dictionary entries, structural method and contextual analysis. As a result, it was discovered that, first, adverbial phraseological emotives present a relative minority in the Kabardino-Circassian phraseological fund. Second, the study enabled to determine more productive («noun + adverbial participle») and less productive («noun + noun», «participle + participle») structural patterns. Third, major groups were identified based on (i) semasiological composition (the ones containing an emotive word, the ones expressing emotions by describing certain actions, the ones without emotive words but as a whole denoting an emotional state); (ii) emotional evaluation (positive, negative, without definite emotional evaluation); (iii) combinability (the ones with narrow combinability only with certain verbs and the ones with wider combinability that are self-sufficient emotives).

Keywords: adverbial phraseological emotives, Kabardino-Circassian language, structure, semasiological composition, evaluativeness, lexical syntagmatics

© Tokmakova M. H., Bizhoyev B. Ch. 2025

For citation: Tokmakova, M. H., & Bizhoyev, B. Ch. (2025). Narechnye frazeoemotivy kabardino-cherkesskogo yazyka [Adverbial phraseological emotives in Kabardino-Circassian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 146–159. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-146>

1. Введение [Introduction]

На сегодняшний день исследование способов и средств выражения эмоций является одним из актуальных направлений в языкознании, что делает эмотивную лексику весьма привлекательным объектом анализа. Особое место в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка занимают фразеологизмы. Исследование фразеоэмотивов, иными словами, эмотивных фразеологизмов (впрочем, как и всех других эмотивов), не ограничивается лексико-семантическими аспектами. В центр внимания попадают и их лексико-грамматические характеристики.

Как известно, лексико-грамматическое значение фразеологизма определяется его отнесённостью к той или иной части речи, возможностью выступать в качестве того или иного члена предложения. На основе этих показателей учёные систематизируют фразеологизмы. В имеющихся классификациях фразеологизмов по сути немало общего, однако терминология часто варьирует, количество и дробность групп разнятся в зависимости от подхода. Сравним четыре группы для английских фразеологизмов (номинативные фразеологизмы, включающие в свой состав адъективные, субстантивные, вербальные, адвербиальные и предложные; номинативно-коммуникативные; междометные фразеологические единицы и модальные фразеологические единицы немеждометного характера; коммуникативные фразеологические единицы – пословицы и поговорки [Кунин, 1996]); шесть групп русских фразеологизмов (глагольные, субстантивные, наречные, адъективные, междометные, модальные, союзные [Шанский, 1963, с. 29–30]). В кабардино-черкесском языке также нет единогласия в этом вопросе. Так, согласно одной классификации, фразеологизмы делят на глагольные, именные, наречно-обстоятельственные, компаративные и предикативно-коммуникативные [Карданов, 1973 ; Бижоев, 2005], тогда как согласно другой классификации выделяются фразеологические единицы с категориальными значениями глагольности, субстантивности, адъективности и адвербиальности [Емузов, 1986]. Фразеоэмотивы кабардино-черкесского языка в указанных классификациях не упоминаются, а значит на сегодняшний день они остаются неисследованными.

Ц е л ь настоящей статьи – выявить особенности наречных фразеоэмотивов кабардино-черкесского языка со структурной, семасиологической, оценочной и синтагматической точек зрения.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужило более 70 наречных фразеомотивов кабардино-черкесского языка. Источниками материала послужили одно- дву- и трёх-язычные словари фразеологических единиц и эмотивной лексики, опубликованные за период с 1968 по 2017 гг. [КРФС, 1968 ; ШФСКЧЯ, 2001 ; Токмакова, 2017, с. 211–269 ; СКЧЯ, 1999 ; АКРФС, 1976]. Кроме этого, использовались произведения известных кабардинских писателей [Кыщокъуэ, 1946, 1984 а, 1984 б, 2006 ; Къэшыргъэ, 1957 ; Кхъуэхъу, 1970, 2000 ; Шортэн, 1975, 1988 ; Мэлей, 1995 ; Нало, 2012, 2014 ; Къэрмокъуэ, 2004 ; МафIэдз, 2014]. Наконец, был проанализирован научный (исследовательский) материал Кабардино-черкесского языка [КЧЯ, 2006, с. 186–190]. В качестве иллюстративных примеров отобрано около тридцати контекстов, содержащих наречные фразеомотивы.

Теоретическая база исследования построена на работах известных фразеологов кабардино-черкесского языка [Карданов, 1973 ; Емузов, 1986 ; Бижоев, 2005]. В исследовании данной проблемы использованы следующие лингвистические методы: для сбора материала – метод сплошной выборки, для выделения наречных фразеомотивов – методы лексико-грамматического анализа словарных дефиниций, а также описательный, структурный методы и метод контекстуального анализа.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Фразеологический фонд кабардино-черкесского языка характеризуется преобладанием глагольных выражений. Наречные фразеомотивы, как и наречные фразеологизмы вообще, занимают в нём небольшое место. Видимо, это объясняется тем, что глагольные фразеологизмы, преобразовываясь в речи в деепричастную форму с помощью суффикса *-у//уэ*, отчасти берут на себя синтаксическую функцию наречных фразеологизмов. Сочетая в себе свойства глагола и наречия, деепричастные формы выражают во фразеомотивах добавочное значение образа действия в составе сложного сказуемого, иными словами, обозначают состояние лица, сопутствующее основному действию. В таких случаях деепричастия «сбрасывают с себя систему глагольного управления и развивают значение качественного состояния» [Виноградов, 1986, с. 324]. Это можно проиллюстрировать следующими примерами: глагольный фразеомотив *уафэм сабэ дэтхъеин* 'негодовать, возмущаться' (букв. 'до неба пыль подбрасывать' и наречный фразеомотив *гукъанэ хэлъу* 'с обидой' (букв. 'обида находится (в этом)'):

(1) *А махуэхэм ирихьэлIэу Камаевхэ кыхуальхуа щIалэ цыкIум Алик фIацауэ къыщIэм Ахьмэдхьан уафэм сабэ дрипхьейуэ хуожьэ...* [КхъуэIуфэ, 2000, с. 143] – 'Когда Ахмедхан узнал, что рождённого к этим дням у Камаевых мальчика называли Аликом, он начал **возмущаться...**' (Здесь и далее перевод выполнен М. Х. Токмаковой).

(2) *УздэщыIар дэнэ цыжралэм, гукъанэ хэлъу къахущIэплъа мыхъум, жэуап къытакъым (Шэфихь)* [Къэрмокъуэ, 2004, с. 74] – 'Когда его спросили, где он был, он лишь **с обидой** посмотрел на них, но ответа не дал (Шафихь)'.
 Как отмечалось выше, наречные фразеологизмы, передающие эмоции, по с е м а н т и к е относятся к качественно-определяющему типу и в предложении выполняют функцию обстоятельства образа действия, указывая в одних случаях на сильные эмоции, например: *лупсыр кыжъэдэтхъэхъуу 'с пеной у рта'* (букв. 'слюной разбрызгиваясь'), *уэуэур и махуэу 'с воплем'* (букв. 'ой-ой его днём'), *гур къылъэту 'с трепетом'* (букв. 'сердце вылетая'), *пэщхъыным (гъуэзыр, мафIэ бзийр) кърихуу 'в сильном гневе'* (букв. 'из ноздрей (дым, пламя) валя'), *ныбэ кыхуэмынэу (дыхъэшхын) 'надрывая живот (смеяться)'* (букв. 'живота не оставляя (смеяться)') и т. д.; в других случаях – на

умеренно выраженные чувства, к примеру: (*и*) *гур кытхъэщыкылауэ* 'с лёгким сердцем' (букв. 'сердце вымыто'), *игуклэ арэзыуэ* 'удовлетворённо' (букв. 'сердцем довольный'), *хэцтыкI имыIэу* 'спокойно, безбоязненно, уверенно' (букв. 'испуга не имея'), (*и*) *нэ лыы ивэжауэ* 'бездейственно, пассивно, неактивно' (букв. 'в носу кровь свернувшись'), *и цхъэр фIэлэлу* 'понурился' (букв. 'голову повиснув') и т. д. Приведём примеры из художественной литературы:

(3) *Абы (позицэ зэгъэпэщыным) хэту Жуковыр къос и пэцхъыным мафIэ бзийр кърихыу. Диспозицэр къеплъыхъри, уафэм сабэр дрепхъей...* [Нало, 2014, с. 242] – 'Занимаясь этим (организацией позиции), Жуков прибыл **в сильном гневе**. Посмотрев на диспозицию, возмущился...'

(4) *Фаризэт и лым хуеплъэкIац: – Сым уэ зыри щыжжумыIэр? Ара мыбы укъы-щIэсшар, уи нэ лыы ивэжауэ уцытыну?* [Журт, 2004, с. 19] – 'Фаризат оглянулась на мужа: – Почему ты ничего не говоришь? Разве я для этого тебя сюда привела, чтобы ты стоял так **как истукан**'?

По структурному составу наречные фразеомотивы кабардино-черкесского языка преимущественно двухкомпонентные.

Группа 1. Структурная модель «имя существительное + деепричастная форма» представлена следующими фразеомотивами: *и нэр дэгъэзезуэ* 'задрав нос' (букв. 'нос поднят вверх'), *гукъыхэщит имыIэу* 'спокойно, с лёгким сердцем' (букв. 'тревоги не имея'), *хэцтыкI имыIэу* 'спокойно, безбоязненно, уверенно' (букв. 'испуга не имея'), *ицIэр имыцIэжу* 'не зная, что делать' (букв. 'то, что делает, не понимая'), *и нэр къижу* 'вытаращив глаза' (букв. 'глаз выбегая'), *нэр кытIэмIу* 'выпучив глаза, выпятив глаза' (букв. 'глаз вытекающая'), *гупсыр къыжъэдэпхъэпхъыу* 'с пеной у рта' (букв. 'слюной разбрызгиваясь'), *уей-уей жригъэIэу* 'славясь чем-л. на удивление всем' (букв. 'уей-уей заставляя говорить'), *цхъэр цIэлуауэ* 'понурился' (букв. 'голову подсунув'), *гукъанэ хэлъу* 'с обидой' (букв. 'обида находясь (в этом)'), *гупсэм хыхъэу* 'до глубины души' (букв. 'до глубины души входя'), *гужъей хэмылъу* 'без паники' (букв. 'паника не находясь (в этом)'), *ауан хэлъу* 'с иронией' (букв. 'ирония находясь (в этом)'), (*и*) *гур кытхъэщыкылауэ* 'с лёгким сердцем' (букв.: 'сердце вымыто'), *пэцхъыным (гъуэзыр) кърихуу* 'в сильном гневе' (букв.: 'из ноздрей (дым) валя'), *бэзэрым къызэрытекIауэ (жыIэн)* 'грубо, неприлично, вульгарно (выражаться)' (букв. 'как с базара сойдя (говорить)'), *и жьафэ къемыхыу (дыхъэихын, гъын)* 'не переставая (смеяться, плакать)' (букв. 'губа не опускается (смеяться, плакать)') и т. д.

В этой группе фразеомотивов в качестве деепричастной формы может использоваться слово *илэн* в отрицательной форме, например, *гукъыхэщит имыIэу* 'спокойно, с лёгким сердцем' (букв. 'тревоги не имея'), *щысхъырабгъу имыIэу* 'безжалостно' (букв. 'жалости не имея'), *хэцтыкI имыIэу* 'спокойно, безбоязненно, уверенно' (букв. 'испуга не имея'), *кIуанIэ имыIэу* 'очень, превосходно' (букв. 'пути не имея'), или какой-нибудь другой глагол с отрицательным аффиксом -мы: *гужъей хэмылъу* 'без паники' (букв. 'паники не находясь (в этом)'), *ицIэр имыцIэжу* 'не зная, что делать' (букв. 'то что делает, не понимая'), *уэху жимыIэу* 'без устали' (букв. 'уф не говоря'), *ныбэ къыхуэмынэу* 'надрывая живот' (букв. 'живота не оставляя'), *нэр мыупIэранIэу* 'глазом не моргая' (букв. 'глаз не моргая'), *къуанан мыгъасэу* 'задирай' (букв. 'необъезженным жеребёнком-трёхлеткой'), *хамэгу-хамацхъэ хэмылъу* 'не чуждаясь, по-свойски' (букв. 'чужого сердца, чужой головы не находясь (в этом)'), *и жьафэр къемыхыу* 'не переставая (смеяться, плакать)' (букв. 'губа не опускается (смеяться, плакать)') и т. д.

Также здесь стоит отметить наречные фразеологизмы с интересным с точки зрения семантики составным компонентом *хэлъу / хэмылъу* буквально означающим 'лежать, находиться где-л., в чем-л.', используемый в подобных выражениях в большинстве случаев как предлог с или без: *гукъанэ хэлъу* 'с обидой' (букв. 'обида находясь (в этом)'), *гужъей хэмылъу* 'без паники' (букв. 'паника не находясь (в этом)'), *ауан хэлъу* 'с

иронией' (букв. 'ирония находясь (в этом)'), *хамэгү-хамащхэ хэмылзу* 'не чуждаясь, по-свойски' (букв. 'чужое сердце, чужая голова не находясь (в этом)') и т. д.

Группа 2. В данной группе фразеоземотивы строятся по структурной модели «имя существительное + имя существительное»: *хэдэ лэмыжу* 'лечь костями' (букв. 'мостом из трупов'), *табу цхьэцициклэ (елэлу)* 'умолять, очень просить' (букв. 'ради бога поклоннами'), *кхуэн и кхуэци* 'запутанно' (букв. 'свиной щетиной свиноматки'), *узижэггэуэным и махуэу* 'ужасно, страшно' (букв. 'днём врага'), *(и) шыкIэ кьурыкьуу* 'праздно' (букв. 'с шестом вместо хвоста лошади') и т. д.

Группа 3. Структурная модель «причастие + причастие (сочетание сочинённого типа)» представлена следующими примерами: *нэсри кьэсыжауэ* 'абсолютно, совершенно' (букв. 'добравшись и вернувшись'), *тхэрэ псэуэ* 'припеваючи' (букв. 'припеваючи живя'), *тхэмахуэ уэрэду* 'у разбитого корыта' (букв. 'воскресной песней').

Помимо двухкомпонентных наречных фразеоземотивов в кабардино-черкесском языке встречаются и многочисленные структурные модели: *цхэм бжэуэуэуэ* 'с тяжёлой головой' (букв. 'в голову пчела ужалив'), *цIыр Iэгүфэклэ кьигьазэу* 'сокрушаясь' (букв. 'землю ладонями переворачивая'), *нэпси Iупси кьыхуэмынэжауэ* 'сильно, страстно, отчаянно (просить кого-л.)' (букв. 'ни слезы, ни слюны не оставив'), *(и) жьэм тхэурымбэ кьыцилауэ* 'с пеной у рта' (букв. 'у рта пена образующаясь'), *(и) жьэм кьекIуэ (кьыхь) кьымыганэу* 'последними словами' (букв. 'всё что изо рта идёт (рот несёт) не оставляя'), *дунейр тIэу пкIэггэуэ хуэмыхьуу (цымыхьуу)* 'бодро, с приподнятым настроением' (букв. 'мир двойным прыжком не быть кому-то'), *гуми псэми фIэфIу* 'от чистого сердца' (букв. 'и сердцу и душе по нраву'), *банэ мафIэр кьыIурихьуу (кьэгубжьын)* 'дыша огнём (разозлиться)' (букв. 'колочим огнём обдавая'), *(и) пэ льы ивэжауэ* 'бездейственно, пассивно, неактивно' (букв. 'в носу кровь свернувшись'), *(и) нэр уафэм етауэ* 'заславшись, возгордясь' (букв. 'нос к небу подняв'), *я кум псы дэмыжу* 'дружно' (букв. 'между ними вода не протекая') и т. д. *(и) ныбафэ Iэклэ иIыгьыу (кьэнэн, дыхьэихьын)* 'надрывая живот' (букв. 'живот руками держа (остаться, смеяться)') и т. д.

По семасиологическому составу наречные фразеоземотивы кабардино-черкесского языка можно разделить на три основные группы.

Группа 1. Здесь в составе фразеологизмов присутствуют слова, обозначающие эмоциональное состояние, другими словами, земотивы: *щысхьырабгьу имыIэу* 'безжалостно' (букв. '*жалости* не имея'), *хэцтыкI имыIэу* 'спокойно, безбоязненно, уверенно' (букв. '*испуга* не имея'), *гужьей хэмылзу* 'без паники' (букв. '*паника* не находясь (в этом)'), *гукьанэ хэлзу* 'с обидой' (букв. '*обида* находится (в этом)'), *ауан хэлзу* 'с иронией' (букв. '*ирония* находясь (в этом)'), *тхэрэ псэуэ* 'припеваючи' (букв. '*припеваючи живя*'), *игукIэ арэзыуэ* 'удовлетворенно' (букв. 'сердцем *довольно*'), *гуми псэми фIэфIу* 'от чистого сердца' (букв. 'и сердцу и душе *по нраву*'), *нэсри Iупси кьыхуэмынэжауэ* 'сильно, страстно, отчаянно (просить кого-л.)' (букв. 'ни *слезы*, ни слюны не оставив'), *нэпсыр и Iусу* 'горько (по жизни)' (букв. '*слёзы* его еда (корм)'), *уэху жимыIэу* 'без усталости' (букв. '*уф* не говоря'), *уэуэур и махуэу* 'с воплем' (букв. '*ой-ой-ой* его днём'), *уей-уей жригьэIэу* 'славясь чем-л. на удивление всем' (букв. '*уей-уей* заставляя говорить') и т. д. Таких фразеологизмов в общей массе немного (более десятка единиц).

Группа 2. В данной группе эмоции выражаются посредством описаний определённых действий, мимики и т. д., со временем ставших устойчивыми единицами речи: *(и) нэр дэггэзэуэ* 'задрал нос' (букв. 'нос подняв вверх'), *(и) нэр кьыжу* 'вытаращив глаза' (букв. 'глаз выходя'), *(и) нэр кьытIэмIу* 'выпучив глаза, выпятив глаза' (букв. 'глаз выходя'), *(и) нэр кьыхуу* 'вытаращив глаза' (букв. 'глаз выходя'), *(и) Iупсыр кьыжьэдэпхьэпхьыу* 'с пеной у рта' (букв. 'слюной разбрызгиваясь'), *пэцхьыным (гьуэзыр) кьрихуу* 'в сильном гневе' (букв.: 'из ноздрей (дым) валя'), *(и) цхьэр фIэлэлзу* 'понутив голову' (букв. 'голову повиснув'), *(и) жьафэ кьемыхьыу* 'не переставая (смеяться,

плакать)' (букв. 'губа не опускаясь (смеяться, плакать)'), (*и*) *жъафэр* *Иурылэлэ* 'придурковато' (букв. 'губа отвиснув'), (*и*) *жъэр уцлауэ* 'с разинутым ртом' (букв. 'рот широко раскрыв'), (*и*) *нэр мыун**Иэран**Иэу* 'глазом не моргая' (букв. 'глазом не моргая'), *цлыр* *Иэгуфэк**Иэ кыигъазэу* 'сокрушаясь' (букв. 'землю ладонями переворачивая'), *жъэм* *тхъурымбэ кыицлауэ* 'с пеной у рта' (букв. 'у рта пена образовываясь'), (*и*) *ныбафэ* *Иэк**Иэ илыгъыу* 'надрывая живот' (букв. 'живот руками держа (от смеха)'), (*и*) *нэр уафэм* *етауэ* 'зазнавшись, возгордясь' (букв. 'нос к небу подняв') и т. д. Таких фразеологизмов больше по сравнению с предыдущей группой (более 20 единиц). В подобных выражениях, как мы можем видеть, в основном используются соматизмы.

Группа 3. Здесь входящие в выражения слова сами по себе никакого эмотивного значения не имеют, но в целом обозначают эмоциональное состояние: *гур кыильэту* 'с трепетом' (букв. 'сердце вылетая'), *гур кърисык**Иыу* 'обжигая сердце' (букв. 'сердце обжигая'), *гур кыитхъэц**Иык**Иауэ* 'с лёгким сердцем' (букв.: 'сердце вымыто'), *к**Иуан**Иэ имы**Иэу* 'очень, превосходно' (букв. 'пути не имея'), *гусэм* *хыхъэу* 'до глубины души' (букв. 'до глубины души входя'), *узижэгъуэным* *и* *махуэу* 'ужасно, страшно' (букв. 'днём врага'), *игу* *Иэтауэ* 'в состоянии душевного подъёма' (букв. 'сердце поднято'), *Иум* *ису* 'лелея' (букв. 'во рту сидя'), *гур* *етауэ* 'самозабвенно' (букв. 'сердце отдав'), *гур игъэт**Иысу* 'основательно' (букв. 'сердце сажая'), *тхъэмахуэ* *уэрэду* 'у разбитого корыта' (букв. 'воскресной песней'), *цхъэм* *бжъэ* *гуауэ* 'с тяжёлой головой' (букв. 'в голову пчела ужалив'), *гуми* *псэми кыибгъэдэк**Иыу* 'от души, с душой' (букв. 'от сердца и души отойдя'), *и* *гумрэ* *и* *псэмрэ* *дыхъэу* 'по душе' (букв. 'в сердце и душу входя'), *нэсри* *къэсыж**ауэ* 'абсолютно, совершенно' (букв. 'добрался и вернувшись') и т. д. Данная группа также многочисленна (более 20 единиц). В ней, как мы можем видеть, преобладают фразеологизмы со словом *гу* 'сердце', которое играет важную роль в национальном сознании адыгов и, в частности, в обозначении и выражении различных эмоциональных состояний [Токмакова, 2008, с. 13–14].

По эмоциональной оценочности наречные фразеологизмы делятся на две группы.

Группа 1 представлена фразеологизмами, которые содержат в себе определённое – положительное или отрицательное – эмоциональное состояние субъекта, его отношение к тому или иному объекту. К положительным фразеомотивам можно отнести: *гур кыитхъэц**Иык**Иауэ* 'с лёгким сердцем' (букв.: 'сердце вымыто'), *уей-уей* *жригъэ**Иэу* 'славясь чем-л. на удивление всем' (букв. 'уей-уей заставляя говорить'), *игу* *Иэтауэ* 'в состоянии душевного подъёма' (букв. 'сердце поднято'), *тхъэрэ* *псэуэуэ* 'припеваючи' (букв. 'припеваючи живя'), *игук**Иэ арэзыуэ* 'удовлетворенно' (букв. 'сердцем доволен'), *Иум* *ису* 'лелея' (букв. 'во рту сидя'), *гур* *етауэ* 'самозабвенно' (букв. 'сердце отдав'), *гур игъэт**Иысу* 'основательно' (букв. 'сердце сажая'), *нэхъыф**И* *уигъэлъыхъуэну* (*уимыгъэлъыхъуэну*) 'отлично, лучше всех' (букв. 'лучше даст тебе поискать (не даст тебе поискать)'), *ныбэ* *кыыхуэмынэу* (*дыхъэшхын*) 'надрывая живот (смеяться)' (букв. 'живота не оставляя (смеяться)'), *дунейр* *т**Иэу* *пк**Иэгъуэ* *хуэмыхъуу* (*цымыхъуу*) 'бодро, с приподнятым настроением' (букв. 'мир двойным прыжком не быть кому-то'), (*и*) *ныбафэ* *Иэк**Иэ илыгъыу* 'надрывая живот' (букв. 'живот руками держа (от смеха)'), *гуми* *псэми кыибгъэдэк**Иыу* 'от души, с душой' (букв. 'от сердца и души отойдя'), *гуми* *псэми* *ф**Иэ**ф**Иу* 'от чистого сердца' (букв. 'и сердцу и душе по нраву'), *гурэ* *псэк**Иэ* *ф**Иэ**ф**Иу* 'с любовью' (букв. 'и сердцу и душе сладко'), *и* *гумрэ* *и* *псэмрэ* *дыхъэу* 'по душе' (букв. 'в сердце и душу входя'), *я* *кум* *псы* *дэмыж**у* 'дружно' (букв. 'между ними вода не протекая'), *к**Иуан**Иэ имы**Иэу* 'очень, превосходно' (букв. 'пути не имея'). Приведём примеры:

(5) *Ст**Иол* *къагъэувар* *жып**Иэнуци*, *телъыджэци*, *Раисэ* *гурэ* *псэк**Иэ* *ф**Иэ**ф**Иу* *егу-гъуац* [Кышкокуэ, 2006, с. 79] – 'Даже накрытый ими стол, и тот был удивительным, Раиса постаралась *от души*'.

(6) *Шамхун илгагур фIэдыхьэшхэнти, и ныбафэр IумIкIэ иIыгыу дыхьэшхырт* [Кышчокъуэ, 1984а, с. 165] – 'Шамхуну увиденное казалось смешным, и он, **над-рывая живот**, смеялся'.

Также в данную группу автоматически попадают фразеомотивы, отрицающие негативные эмоциональные состояния: *гукъыхэцт имыIэу* 'спокойно, с лёгким сердцем' (букв. 'тревоги не имея'), *хэцтыкI имыIэу* 'спокойно, безбоязненно, уверенно' (букв. 'испуга не имея'), *гужьей хэмылгу* 'без паники' (букв. 'паника не находясь (в этом)'), *хамэгу-хамацхьэ хэмылгу* 'не чуждаясь, по-свойски' (букв. 'чужого сердца, чужой головы не находясь (в этом)').

Здесь стоит упомянуть об иронии, которая может быть выражением как положительных, так и отрицательных эмоций и, соответственно, смех, сопровождающий эту эмоцию, может быть, в одних случаях, злым, саркастическим, а в других – добрым [Токмакова, Бижоев, 2024]:

(7) *Ухуеймэ, лъхукъуэлI зэзымыпэс уэркъ цауэхэми къафыхьырт Унэрытхэ я пхьур. Абы кыхэкIкIэ хьэблэ щIалэр Хьэбалэ къыдэгъушыIэрт, ауан хэлгу: – Уэлей, Хьэбалэ, фыз пхуэхьун къэбгъуэтамэ иджы! – жаIэурэ. – Сытым щыгъуэ уи хьэгъуэлIыгъуэр?* [Нало, 2014, с. 25] – 'Даже дворянские женихи, презирующие свободных крестьян, обхаживали дочь Унаритовых. В связи с этим деревенские парни **насмехались** над Хабалом, **с иронией** спрашивали: – Ей-богу, Хабала, ты нашёл достойную для себя жену! Когда твоя свадьба?'

(8) *КуэдыIуэм я цхьэфэ уоIэбэ, мамэ, а псор уэркIэ зэтес хьужын уфIэцIрэ, уцымы-ПрезиденткIэ? – жи Галинэ, ауан хэлгу* [Щамырзэ, 2002, с. 146] – 'О многих ты судачишь, мама, ты думаешь, что одна всё приведёшь в порядок, разве ты президент? – говорит Галина **с иронией**'.

К отрицательным наречным фразеомотивам относятся: *гур кърысыкIыу* 'обжигая сердце' (букв. 'сердце выжигая'), *пэр дэгъзезеуэ* 'задрав нос' (букв. 'нос подняв вверх'), *Iупсыр къыжьэдэпхьэпхьыу* 'с пеной у рта' (букв. 'слюной разбрызгиваясь'), *цхьэр егухауэ* 'приуныв' (букв. 'голову склонить'), *гукъанэ хэлгу* 'с обидой' (букв. 'обида находится (в этом)'), *пэцхьыным (гъуэзыр, мафIэ бзийр) кърихуу* 'в сильном гневе' (букв.: 'из ноздрей (дым, пламя) валя'), *хьэдэ лъэмыжу* 'лечь костями' (букв.: 'мостом из трупов'), *табу цхьэцэцкIэ (елъэIун)* 'умолять, очень просить' (букв. 'ради бога поклонами'), *узижэгъуэным и махуэу* 'ужасно, страшно' (букв. 'днём врага') 'ужасно', *тхьэмахуэ уэрэду* 'у разбитого корыта' (букв. 'воскресной песней'), *цхьэр фIэлэлу* 'понутив голову' (букв. 'голову повиснув'), *бэзэрым къызэрытекIауэ (жыIэн)* 'грубо, неприлично, вульгарно (выражаться)' (букв. 'как с базара сойдя (говорить)'), *жьафэр Iурылэлу* 'придурковато' (букв. 'губа отвиснув'), *къунан мыгъасэу* 'задирой' (букв. 'необъезженным жеребёнком-трёхлеткой') 'неприлично, невоспитанно' (букв. 'как неприрученный жеребёнок'), *(и) нэр мыупIэранIэу* 'глазом не моргая' (букв. 'глазом не моргая'), *и шыкIэ къурыкъуу* 'праздно' (букв. 'с шестом вместо хвоста лошади'), *нэпсыр и Iусу* 'горько (по жизни)' (букв. 'слёзы его еда (корм)'), *цхьэм бжьэ еуауэ* 'с тяжёлой головой' (букв. 'в голову пчела ужалив'), *уэуэр и махуэу* 'с воплем' (букв. 'ой-ой его днём'), *щIыр IэгуфэкIэ къыгъазэу* 'сокрушаясь' (букв. 'землю ладонями переворачивая'), *ицIэр имыцIэжу* 'не зная, что делать' (букв. 'то что делает, не понимая'), *нэпсри Iупсри къыхуэмынэжауэ* 'сильно, страстно, отчаянно (просить кого-л.)' (букв. 'ни слезы, ни слюны не оставив'), *жьэм тхьурымбэ къицIауэ* 'с пеной у рта' (букв. 'у рта пена образовываясь'), *банэ мафIэр къыIурихыу (къэгубжьын)* 'дыша огнём (разозлиться)' (букв. 'колючим огнём обдавая'), *(и) пэ лъы ивэжауэ* 'бездейственно, пассивно, неактивно' (букв. 'в носу кровь свернувшись'), *(и) пэр уафэм етауэ* 'завнавшись, возгордясь' (букв. 'нос к небу подняв') и т. д. Приведём примеры.

(9) *А си дыгъэ закъуэ, ихынкIэ дауэ уцыхьурэт а щIыпIэ угъурсызым? Сыт фэгъэшхрэт? Кашэрэ котлетыжьымрэ хьун мыгъуэнт... – и гур узу* къоплъ Гуагуэ [Нало,

2014, с. 332] – 'Ах, моё солнышко, как у тебя с едой было в той злополучной стороне? Чем вас кормили? Наверное, кашей да отвратными котлетами, бедный... – *с болью в сердце* смотрит Гуаго'.

(10) *Абы (Залинэ) макъ имыщлу зыгыгъми и гур зэщиджэу кыгъыкырт* [Щоджэн-цЫкы, 1973, с. 166] – 'Хотя она (Залина) не издавала ни звука, *сердце* её *навзрыд* плакало'.

В эту группу также входят фразеологизмы, которые, отрицая положительные чувства, становятся отрицательными: *щысхьырабгъу имылау* 'безжалостно' (букв. 'жалости не имея'), *уэху жимылау* 'без устали' (букв. 'уф не говоря'). Следует отметить также, что отрицательных наречных фразеомотивов в кабардино-черкесском языке, как и в эмотивной лексике в целом, больше, чем положительных [Бижоев, Токмакова, 2018].

К группе 2 относятся те наречные фразеомотивы, которые не имеют определённой оценочности, но, в зависимости от контекста, могут приобретать положительное или отрицательное значение: *гур кыльэту* 'с трепетом' (букв. 'сердце вылетая'), *гунсэм хыхъэу* 'до глубины души' (букв. 'до глубины души входя'), *нэри къэсыжауэ (бзаджэнаджэ, адыгэл)* 'абсолютно, совершенно' ('мерзавец; адыг') (букв. 'добрался и вернувшись'), *и жьафэ къемыху (дыхъэихын, гъын)* 'не переставая (смеяться, плакать)' (букв. 'губа не опускается (смеяться, плакать)'), *нэр кыжу* 'вытаращив глаза' (букв. 'глаз выбегая') и т. д. В таких случаях обычно оценочную функцию берёт на себя эмотив, присутствующий в контексте, либо сам контекст без наличия в нём эмотива. Сравним:

(11) *(Лолэ Зинэ зыхуигъазэу:) – Сыт анхуэдэфэ сэ кыщызыупльар? Сэ гурэ псэкIэ фIыуэ узэрыслъагъур иджыри къэс уи фIэщ мыхъуу ара?*[Къэшыргъэ, 1957, с. 189] – '(Лола, обращаясь к Зине:) – Почему ты обо мне так подумала? Ты до сих пор не веришь, что я *всей душой* люблю тебя?'

(12) *Япэм щэхуу, гурэ псэкIэ зэбийуэ щыта властым зэрэбийр иджы щIибзыщIын щыIэжтэкъыми, уэр-сэру нэмыцэхэм яхэтт (Зоежъыр)* [Мэлей, 1995, с. 75–76] – 'Раньше тайно, *всей душой* враждовала с властью, теперь (Зое) не было надобности скрывать свою враждебность к ней, она открыто была с немцами'.

Здесь эмотивы, сочетающиеся с наречным фразеомотивом *гурэ псэкIэ* «всей душой», определяют его оценочность – положительную в первом случае, отрицательную – во втором. Сравним также:

(13) *Жэщ кыщыхъум игу кыльэту Хъэдэм пцащэр щышынауэ И гур узэ, гъы зэпыту Нэхур щIыбым щигъэщаци* [Кыщокъуэ, 1946, с. 151]. «Когда наступила ночь, *с трепетом*, девушка, страшась мертвеца, с болью в сердце, без конца плача, встретила рассвет на улице».

(14) *(Данизэт) И гур кыльэту мэгүфIэ Түлэ хуэдэ уэрэджыIакIуэ лъэпкъым зэриIэм щхъэкIэ* [МафIэдз, 2014, с. 90] – 'Данизат *с трепетом* радуется, что в роду есть такие певцы, как Туля'.

В первом случае гур кыльэту посредством эмотивов *шынэн* 'бояться', *гур узэ* 'с болью в сердце', *гъы зэпыту* 'плача без конца' выражает ужас, страх персонажа, во втором – *гур кыльэту* посредством эмотива *гүфIэн* 'радоваться', напротив, выражает восторг.

На основе принципов сочетаемости со словами свободного употребления (лексическая синтагматика) в системе наречно-обстоятельственных ФЕ выделяются две группы. Следует сразу оговориться, что свобода сочетаемости, о которой пойдет речь, является относительной.

Группу 1 составляют наречные фразеомотивы, обычно сочетающиеся с определённым кругом глаголов, указанных в скобках, например, *лум ису (къехъэкIын)* 'леля' (букв. 'во рту сидя (носить)'), *пэщхъыным (гъуэзыр) кърхуу* 'в сильном гневе' (букв.: 'из ноздрей (дым) валя'), *ныбафэр кыхуэмынэу (дыхъэихын)* 'до упаду' (букв. 'живота не оставляя (смеяться)'), *банэ мафIэр кыIурихуу (къэгубжъын)* 'дыша огнём (разозлиться)' (букв. 'колючим огнём обдавая'), *я кум псы дэмыжу (псэун)* 'дружно' (букв. 'между ни-

ми вода не протекая (жить)'), *ныбафэр* *ІэкІэ иЫгъыу* (*къэнэн*) 'надрывая живот' (букв. 'живот руками держа (остаться)'), *нэпсыр* и *Іусу* (*мэпсэу*) 'горько (по жизни)' (букв. 'слёзы его еда (корм) (живёт)'), *зэгурыІуэу зэдэІуэжу* (*зэдэпсэун*) 'дружно' (букв. 'понимая друг друга, слушая друг друга (жить друг с другом)'), *зым* *Іэныхур* *адрейм къицтэжу* (*зэдэпсэун*) 'дружно' (букв. 'то что один уронил, другой подбирая (жить друг с другом)') и т. д.

Сюда относятся ФЕ, которые уже по своему семантическому составу предполагают соседство определённых слов. Например, фразеомотив *нэр къижу* 'вытаращив глаза' (букв. 'глаз выбегая') в основном сочетается с глаголом *епльын* 'смотреть' что, однако, не мешает данным фразеомотивам выражать разные эмоции, которые могут называться в том же предложении. Сравните:

(15) *Сыцытц, шахыкъуэм сопльри, си нэр къижу сопльри. ИтІанэ, Іэнкун сыкъызырыхуар цилъагъум, сыкъытригъэхъэн и гугъэу къызыжеІэ: – Сэ си дзэм хэтиц урысхэри* [Шортэн, 1975, с. 409] – 'Стою, смотрю на сына шаха, **вытаращив глаза**, смотрю. После, когда он увидел мою **растерянность**, чтобы я решился, говорит: – В моей армии есть и русские'.

(16) *Зы бгырыс цІалэ блэжырт Шамели, ар цилъагъум къэшынауэ къызытеувыІац, Шамел и пыІэр зэрыхиутэм и нэр къижу еплъу.* [Шортэн, 1988, с. 259] – 'Один горец проезжал мимо Шамиля, когда увидел это, **испугавшись**, приостановился, и, **вытаращив глаза**, смотрел, как Шамиль топчет свою шапку'.

(17) *Толбий хъуницІакІуэ къарэм къытрихыжа ахъиэхэр зейхэм яхуегуэшыж, ди нэр къижу депльу* [Нало, 2012, с. 244] – 'Мы, **вытаращив глаза**, смотрим, как Толбий все деньги, отобранные у чёрного вора, раздаёт владельцам'.

(18) *Зарэ и Іэр и жьэм хухь, и нэгу цІэкІыр и фІэц хуэмыцІу, и нэр къижу къицІыхужа цІалэм къопль, и нэпсхэм къызыпажыхь, и Іупэр фІопІэжъаждэ, ауэ псалъэ къыхудэшейркъым.* [Щамырзэ, 2002, с. 71] – 'Зара руки ко рту подносит, не веря глазам своим, **таращится** на узанного парня, слёзы навернулись, губы дрожат, но ни слова не может произнести'.

В вышеприведённых примерах продемонстрированы разные эмоции, при которых может использоваться фразеомотив *нэр къижу* 'вытаращив глаза' (букв. 'глаз выбегая') – это и растерянность, и страх, и удивление, и радость.

Другой фразеомотив *и жьафэ къемыхыу* (*зэтемыхэу*) (*дыхъишын, гъын*) 'не переставая (смеяться, плакать)' (букв. 'губа не опускается (смеяться, плакать)') употребляется, как правило, с определёнными антонимичными по значению глаголами – 'плакать' или 'смеяться'. Например:

(19) *Албэч быдз езыгъафэ я благъэ нысацІэри Рози унэкум итт, зи жьафэ зэтемыхэу гъы сабийр зэІэпахыу* [Къэрмокъуэ, 2004, с. 209] – 'И Алибека кормящая молоком соседская сноха, и Роза стояли в центре комнаты, **постоянно** (букв. **не переставая**) **плачущего** ребёнка передавали из рук в руки'.

(20) *Дунейм теткъым Руслан и ІэмыцІэм зи псэр къызылхъа, цІэдыхъишри, къапэцильри ямыцІэу, я жьафэр къемыхыу псалъэм **дыхъишыхыжу** зэхэс цІалэцІэ гуыр ажал дамэ цІагъым къыцІинэу езым лъэныкъуэ зэрызригъэзын* [Щамырзэ, 2002, с. 66] – 'Не было ничего на свете, из-за чего бы Руслан сам укрылся, оставив под крылом смерти **непрерывно** (букв. **не переставая**) **разговаривающую** и беспричинно **смеющуюся** группу молодёжи, которая доверила ему свою душу'.

В группу 2 вошли наречные фразеомотивы, сочетающиеся с более широким кругом слов. К ним относятся фразеологизмы, выражающие степень проявления того или иного качества, например: *кІуанІэ имыІэу* 'очень, превосходно' (*Мыр кІуанІэ имыІэу тхылгыфІиц* – 'Это **очень** хорошая книга'; *Ар кІуанІэ имыІэу цІыхуфІиц* – 'Он **очень** хороший человек'), *нэсри къэсыжауэ* 'совершенно, абсолютно, совсем' (*Ар нэсри къэсыжауэ бзаджэнаджэц* – 'Он **совсем** (**настоящий**) **негодяй**', *Нэсри къэсыжауэ дІыц ар* –

'Он абсолютно (настоящий) мужчина'), а также те, которые, главным образом, не содержат в своём составе слова, обозначающего эмоции: *ицлэр имыцлэжу* 'не зная, что делать' (букв. 'то что делает, не понимая'), *ицхэр флэлэлу* 'понуривав голову' (букв. 'голову повиснув'), *гур кыльэту* 'с трепетом' (букв. 'сердце вылетая') и т. д.

Приведём примеры. Наречный фразеомотив *ицлэр имыцлэжу* 'не зная, что делать' (букв. 'то что делает, не понимая') может употребляться с разными глаголами и выражать растерянность, вызываемую разными эмоциями – тревогой, страхом, возмущением и т. д. При этом данный фразеологизм может самостоятельно употребляться как мотив при глаголе, не выражающем эмоции, так и с другим мотивом (будь то слово или связанное выражение), для уточнения испытываемого персонажем чувства:

(21) *Зы бэлыхь кызырэыхуам зэуэ гу лызыта Мухэмэд абы псом япэ нэсац, ауэ псыныцлэу кылуыгъэзыкыжауэ, и ицхэр и Итлымклэ флуубыдыклауэ дэ кытхуэжлэуэ, иицлэнур имыцлэжу гужьбяуэ...* [Кхъуэхуэ, 1970, с. 70] – 'Мухамед, сразу заметивший, что что-то ужасное стряслось, раньше всех туда добрался, но быстро отвернувшись, обхватив руками голову, шёл к нам, **не зная, что делать, паникуя**...'

(22) *...фызыжъыр, полковникым зыхуныцлэ ицхэжлэ кымыгъанэу и жылым сэхуран стэканыр кыриклутац. Полковникыр иицлэнур имыцлэу шытт.* [Кхъуэлуфэ, 2000, с. 37] – '... старуха, игнорируя сопротивление полковника, засыпала в его карман стакан семечек. Полковник стоял, не зная, что делать'.

Следует отметить, что часто с *ицлэнур имыцлэжу* 'не зная, что делать' (букв. 'то что делает, не понимая') употребляется слово *жилену* 'говорить' – *жиленури иицлэнур имыцлэу* 'не зная, что говорить и что делать', которое также используется для усиления состояния замешательства. Приведём примеры:

(23) *Хъэжы-Исмели абыхэм яцыццти, Иэнкун кьэхуауэ, жилинури иицлэнур имыцлэжу, кьэуИбжъат* [Шортэн, 1975, с. 158] – 'Хажисмель был одним из них, поэтому, **растерявшись, не зная, что говорить и что делать**, был озадачен'.

(24) *Абы (грузин пацтыхьыкьуэм) и наплэр иридзыхац, цлым хэплэуэ, жилинури иицлэнур имыцлэжу.* [Шортэн, 1975, с. 223] – 'Потупил взор (сын грузинского царя), глядя на землю, **не зная, что говорить и что делать**'.

Здесь мы видим использование дополнительных (уточняющих) средств выражения эмоционального состояния героев – фразеомотивы и отдельные слова-мотивы: *Иэнкун кьэхуэ* 'растеряться', *наплэр едзыхын* 'потупить взор', *кьэуИбжъын* 'озадачиться, прийти в недоумение'.

Другие примеры с наречным фразеомотивом *ицхэр флэлэлу* 'понуривав голову' (букв. 'голову повиснув'), который также сочетается с различными неэмотивными глаголами:

(25) *Шымыхъужым, тласхэцлэхыр кьелъэлуац абы кызырэыцлэхуэжа шыр зейм иритыжыну. Ари идакьым Марийкэ... Сыт иицлэжынт тласхэцлэхым, и ицхэр флэлэлу Тэрч зэпрыкыжац...* [Шортэн, 1975, с. 305] – 'В конце концов лазутчик (посланник) попросил отдать лошадь, на которой был совершён побег. И на это не согласилась Марика... Что было делать лазутчику, **понуривав голову**, он обратно переплыл Терек...'

(26) *Ар и ицхэр флэлэлу кьалэм кьыдыхъэжац, нэгъуэцлэ иицлэнрэ кыгупсысынрэ кьыхуэмыгъуэту япэ зыхуэза ефанлэм гунэцлэу стэканитлэ ирифац* [Мафлэдз, 2014, с. 77] – 'Он, **понуривав голову, вошёл** в город и, не придумав, чем бы заняться, в первом попавшемся кабаке натошак выпил два стакана'.

(27) *А цлыкхуэр (интернатым ицлэхэр), муслъымэн бынми, мэжаллэ маллэ, я ныбэр ицлэгъуэжауэ кьаджэдыхь, бэзэр зэхуэсынлэм маклуэ, хьарбыз блэзышым йолъэлу, сэ ицлэрэ, дэнэ сыт кытхыу тыхын, жацлэу я ицхэр флэлэлу уэрамым дэтиц* [Кышчокьуэ, 19846, с. 560] – 'Эти дети (живущие в интернате), хотя и мусульманские дети, голодают, с иссохшими животами бродят, отправляются на рынок, у привозящих арбузы попрошайничают, в поисках чего-нибудь съестного, **понуривав голову, слоняются** по улицам'.

Как мы можем видеть на примерах с фразеэмотивами *иццIэр имыццIэжу* 'не зная, что делать' (букв. 'то что делает, не понимая') и *ицхьэр фIэлэлэ* 'понутив голову' (букв. 'голове повиснув'), наречные фразеэмотивы, сочетающиеся с более широким кругом слов, в основном являются эмотивно самодостаточными, в связи с чем наличие других эмотивов в предложении возможно (для уточнения или усиления эмоционального состояния персонажа), но необязательно.

3. Заключение [Conclusion]

Как показало проведённое исследование, наречные фразеэмотивы кабардино-черкесского языка немногочисленны. По семантическому принципу они относятся к качественно-определяющему типу и в предложении выполняют функцию обстоятельства образа действия. Они могут выражать различные по степени проявления эмоции. По структурному составу исследуемые единицы делятся на двухкомпонентные и трёхкомпонентные, а двухкомпонентные, в свою очередь, разделяются на следующие типы: самый продуктивный «имя существительное + деепричастная форма», а также менее продуктивные «имя существительное + имя существительное», «причастие + причастие (сочетание сочинённого типа)».

По семасиологическому составу наречные фразеэмотивы подразделяются на следующие группы: 1) в составе присутствуют слова, обозначающие эмоциональное состояние (эмотивы); 2) эмоции выражаются посредством описания определённых действий, мимики и т. д.; 3) входящие в выражения слова никакого эмотивного значения не имеют, но в целом обозначают эмоциональное состояние. Выявлено, что вторая и третья группы более многочисленны (приблизительно 70% от общего числа наречных фразеэмотивов), чем первая. Во второй группе в основном участвуют соматизмы, за исключением слова *зу* 'сердце', которое принимает активное участие в образовании наречных фразеэмотивов третьей группы. Этот факт отчасти объясняется тем, что слово *зу* в кабардино-черкесском языке обозначает не только 'сердце', но и 'душу', что, на наш взгляд, значительно расширяет его возможности выражения эмоциональных переживаний.

По эмоциональной оценочности наречные фразеологизмы делятся на две группы. К первой группе относятся те фразеологизмы, в семантике которых присутствует положительное или отрицательное эмоциональное состояние субъекта, его отношение к тому или иному объекту. Наличие отрицательных аффиксов у положительных или отрицательных по семантике фразеэмотивов автоматически отправляет исследуемую единицу в противоположную группу. Ко второй группе относятся наречные фразеэмотивы без определённой оценочности, которые в разных контекстах могут приобретать положительное или отрицательное значение. В таких случаях обычно оценочную функцию берёт на себя эмотив, присутствующий в контексте, либо её создаёт сам контекст.

По сочетаемости наречные фразеэмотивы распределяются по двум группам. Первую группу составляют единицы, которые по своему семантическому составу предполагают соседство определённых слов, которые обычно в словарях указываются в скобках. К наречным фразеэмотивам, сочетающимся с более широким кругом слов, относятся фразеологизмы, выражающие степень проявления того или иного качества, а также те, которые, главным образом, не содержат в своём составе слова, обозначающего эмоции, однако, в основном являются эмотивно самодостаточными, в связи с чем наличие других эмотивов в предложении для уточнения или усиления эмоционального состояния персонажа возможно, но необязательно.

Библиографический список

- АКРФС, 1976 – Англо-кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик : Эльбрус, 1976. 351 с.
- Бижоев, 2005 – Бижоев Б. Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик : Эль-Фа, 2005. 352 с.
- Бижоев, Токмакова, 2018 – Бижоев Б. Ч., Токмакова М. Х. Гендерная специфика выражения эмоций адыгскими женщинами (на материале кабардино-черкесского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 126–131. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-2-126-131>
- Виноградов, 1986 – Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. : Высшая школа, 1986. 640 с.
- Емузов, 1986 – Емузов А. Г. Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. Нальчик : Эльбрус, 1986. 224 с.
- Журт, 2004 – Журт Б. Унагъуэ. Роман [Семья. Роман]. Налшык : Эльбрус, 2004. 200 с.
- Карданов, 1973 – Карданов Б. М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик : Эльбрус, 1973. 248 с.
- КРФС, 1968 – Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик : Эльбрус, 1968. 344 с.
- Кунин, 1996 – Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учебник. М. : Высшая школа ; Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
- КЧЯ, 2006 – Кабардино-черкесский язык. Т. 2. Нальчик : Эль Фа, 2006. 520 с.
- Кыщокъуэ, 1984 а – Кыщокъуэ А. Тхыгъэхэр томиплӀым щызэхуэхъэсауэ [Собрание сочинений в четырёх томах]. Т. 1. Налшык : Эльбрус, 1984. 600 с.
- Кыщокъуэ 1984 б – Кыщокъуэ А. Тхыгъэхэр томиплӀым щызэхуэхъэсауэ [Собрание сочинений в четырёх томах]. Т. 2. Налшык : Эльбрус, 1984. 856 с.
- Кыщокъуэ 2006 – Кыщокъуэ А. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ [Собрание сочинений в шести томах]. Т. 5. Налшык : Эльбрус, 2006. 552 с.
- Кыщокъуэ, 1946 – Кыщокъуэ А. Шум и гъуэгу. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ [Путь всадника. Стихи и поэмы]. Налшык : Къэбэрдей тхыль тедзапӀэ, 1946. 196 с.
- Къэрмокъуэ, 2004 – Къэрмокъуэ М. Тхыгъэхэр. Ещанэ тхыль. Роман. Рассказхэр [Избранные произведения. Т. 3 : Роман. Рассказы]. Налшык : Эльбрус, 2004. 536 с.
- Къэшыргъэ, 1957 – Къэшыргъэ Хь. Насыпым и хэкӀыпӀэ [Источник счастья]. Налшык : Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапӀэ, 1957. 309 с.
- Кхъуэхуэ, 1970 – Кхъуэхуэ Ц. ФатГимэт [Фатимат]. Черкесск : Ставрополь тхыль тедзапӀэ, Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1970. 376 с.
- КхъуэӀуфэ, 2000 – КхъуэӀуфэ Хь. Гъатхэм и ныбжьыр. Повестхэмрэ рассказхэмрэ [Возраст весны. Повести и рассказы]. Налшык : Эльбрус, 2000. 480 с.
- МафӀэдз, 2014 – МафӀэдз С. Уэрэд макъамэ. Повестхэр. Рассказхэр [Мелодия песни. Повести. Рассказы]. Налшык : Эльбрус, 2014. 344 с.
- Мэлей, 1995 – Мэлей А. Цыхум и гъащӀэр: Повесть [Жизнь человека: Повесть]. Налшык : Эльбрус, 1995. 192 с.
- Нало, 2012 – Нало З. Дыджым и ІэфӀыгъэ. Повестхэр [Сладость горечи. Повести]. Нальчик : Эльбрус, 2012. 368 с.
- Нало, 2014 – Нало З. Тхыгъэхэр томищым щызэхуэхъэсауэ. Т. I : Новеллэхэр [Собрание сочинений в трёх томах. Т. I. Новеллы]. Налшык : Эльбрус, 2014. 464 с.
- СКЧЯ, 1999 – Словарь кабардино-черкесского языка. М. : Дигора, 1999. 852 с.
- Токмакова, 2008 – Токмакова М. Х. Некоторые вопросы эмотивной лексики в кабардино-черкесском языке // Вестник ПГЛУ. 2008. № 4. С. 13–17.
- Токмакова, 2017 – Токмакова М. Х. Эмотивная лексика кабардино-черкесского языка. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2017. 274 с.
- Токмакова, Бижоев, 2024 – Токмакова М. Х., Бижоев Б. Ч. Ирония в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Кавказология. 2024. № 1. С. 317–333. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2024-1-317-333>.
- Шанский, 1963 – Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М. : Высшая школа, 1963. 156 с.

- Шортэн, 1975 – Шортэн А. Бгырысхэр. ЕтУанэ тхыль [Горцы. Книга вторая]. Налшык : Эльбрус, 1975. 403 с.
- Шортэн, 1988 – Шортэн А. Бгырысхэр. Еплланэ тхыль [Горцы. Книга четвертая]. Налшык : Эльбрус, 1988. 304 с.
- ШФСКСЧЯ, 2001 – Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик : Эльбрус, 2001. 240 с.
- Щамырзэ, 2002 – Щамырзэ И. Махуэ лъапӀэр къэсыпат. Повесть [Наступил желанный день. Повесть]. Налшык : Эльбрус, 2002. 276 с.
- ЩоджэңцӀыкӀу, 1973 – ЩоджэңцӀыкӀу И. Уи цӀэр фӀэсцынщ [Назову твоим именем]. Налшык : Эльбрус, 1973. 304 с.

References

- AKRFS. (1976). *Anglo-kabardino-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English-Kabardino-Russian phraseological dictionary]. Nalchik : Elbrus Press. (In English, Kabardino-Circassian and Russ.).
- Bizhoviev, B. Ch. (2005). *Grammaticheskie i leksiko-frazeologicheskie problemy kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammatical and lexical-phraseological problems of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik : El-Fa Press. (In Russ.).
- Bizhoviev, B. Ch., Tokmakova, M. H. (2018). Gendernaya spetsifika vyrazheniya emotsiy adygsкими zhenshchinami [Expression of emotions by Adyghe women: Gender specification (On the material of Kabardino-Circassian language)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2, 126–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-2-126-131>
- Vinogradov, V. V. (1986). *Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical concept of the word)]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Emuzov, A. G. (1986). *Leksiko-semanticheskiy i grammaticheskiy analiz frazeologii kabardino-cherkesskogo yazyka* [Lexical-semantic and grammatical analysis of the phraseology of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik : Elbrus Press. (In Russ.).
- Zhurtov, B. (2004). *Sem'ya* [Family]. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Kardanov, B. M. (1973). *Frazeologiya kabardinskogo yazyka* [Phraseology of the Kabardian language]. Nalchik : El'brus Press. (In Russ.).
- KRFS. (1968). *Kabardinsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Kabardian-Russian phraseological dictionary]. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian and Russ.).
- Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A course of phraseology of modern English]. Moscow : Vysshaya shkola Press ; Dubna : Phoenix Press. (In Russ.).
- KchYA. (2006). *Kabardino-cherkesskiy yazyk* [Kabardino-Circassian language]. Vol. 2. Nalchik : El-Fa Press. (In Russ.).
- Keshokov, A. (1984 a). *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [A collection of works in four volumes]. Vol. 1. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Keshokov, A. (1984 b). *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [A collection of works in four volumes]. Vol. 2. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Keshokov, A. (2006). *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [A collection of works in six volumes]. Vol. 5. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Keshokov, A. (1946). *Put' vsadnika. Stikhi i poetry* [The Path of the Horseman. Poems and Verses]. Nalchik : Kabardian Press. (In Kabardino-Circassian).
- Karmokov, M. (2004). *Izbrannye proizvedeniya. T. 3 : Roman. Rasskazy* [Selected works. Vol. 3 : Novel. Stories]. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Kashirgov, H. (1957). *Istochnik schast'ya* [Source of happiness]. Nalchik : Kabardino-Balkarian Press. (In Kabardino-Circassian).
- Kokhova, Ts. (1970). *Fatimet* [Fatimat]. Cherkessk : Stavropol Press, Karachay-Cherkess branch. (In Kabardino-Circassian)
- Kaufov, Kh. (2000). *Vozrast vesny. Povesti i rasskazy* [The Age of Spring. Novels and short stories]. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).

- Mafedzev, S. (2014). *Melodiya pesni. Povesti. Rasskazy [Melody of a Song. Novels. Short stories]*. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Malaev, A. (1995). *Zhizn' cheloveka [Human Life]*. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Naloev, Z. (2012). *Sladost' gorechi. Povesti [The Sweetness of Bitterness. Stories]*. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Naloev, Z. (2014). *Sobranie sochineniy v trekh tomakh. T. I : Novelly [A collection of works in three volumes. Vol. I : Novels]*. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- SKCHYA. (1999). *Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]*. Moscow : Digora Press. (In Kabardino-Circassian and Russ.).
- Tokmakova, M. H. (2008). Nekotorye voprosy emotivnoy leksiki v kabardino-cherkesskom yazyke [Some issues of emotive vocabulary in the Kabardino-Circassian language]. *Vestnik PGLU [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin]*, 4, 13–17. (In Russ.).
- Tokmakova, M. H. (2017). *Emotivnaya leksika kabardino-cherkesskogo yazyka [Emotive vocabulary of the Kabardino-Circassian language]*. Nalchik : M. and V. Kotlyarov Press. (In Russ.).
- Tokmakova, M. H., Bizhoev, B. Ch. (2024). Ironiya v emotivnoy leksike kabardino-cherkesskogo yazyka [Irony in the emotive vocabulary of the Kabardino-Circassian language]. *Kavkazologiya [Caucasology]*, 1, 317–333. (In Russ.). <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2024-1-317-333>
- Shansky, N. M. (1963). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology of modern Russian]*. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Shortanov, A. (1975). *Gortsy. Kniga vtoraya [Highlanders. Book 2]*. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Shortanov, A. (1988). *Gortsy. Kniga chetvertaya [Highlanders. Book 4]*. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- SHFSKCHYA. (2001). *Shkol'nyy frazeologicheskiy slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [School phraseological dictionary of the Kabardino-Circassian language]*. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Shamurzaev, A. (2002). *Nastupil zhelanny den' [The Desired Day Has Come]*. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).
- Shogentsukov, A. (1973). *Nazovu tvoim imenem [I will call it by your name]*. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardino-Circassian).

Тюленёва Александра Михайловна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
tuleneva.aleksa@yandex.ru

Коми-пермяцкий язык в языковой ситуации Пермского края: сфера образования

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования коми-пермяцкого языка в Пермском крае с точки зрения его использования в сфере образования. Актуальность работы обусловлена значительным сокращением численности носителей коми-пермяцкого языка, которые являются коренным населением Пермского края, что может свидетельствовать о происходящих изменениях языковой ситуации в регионе. Материалом исследования послужили данные анкетирования носителей коми-пермяцкого языка, собранные в 2015 г. и 2023–2024 гг. Для оценки языковой ситуации в Пермском крае были выбраны ключевые объективные и субъективные компоненты. Полученные результаты позволили выявить функциональную мощь коми-пермяцкого языка в сфере образования Пермского края, сложности, с которыми сталкиваются носители языка, и проанализировать особенности функционирования коми-пермяцкого языка в сфере образования края.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, языковая ситуация, объективные факторы, субъективные факторы, языковая стабильность, языковой сдвиг

© Тюленёва А. М. 2025

Для цитирования: Тюленёва А. М. Коми-пермяцкий язык в языковой ситуации Пермского края: сфера образования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 160–169. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-160>

Aleksandra M. Tiuleneva
Perm State University
Perm, Russian Federation
tuleneva.aleksa@yandex.ru

The Komi-Permian language in the language situation of the Perm Region: Education

Abstract

The article investigates the functioning of the Komi-Permian language in the Perm Region from the point of view of its use in education. The relevance of the work is due to a significant reduction in the number of native speakers of the Komi-Permian language who are the indigenous population of the Perm Region which may indicate ongoing changes in the language situation in the region. Data from a survey among native speakers of the Komi-Permian language, collected in 2015 and 2023–2024 were used as the material for this study. This article examines the main objective and subjective factors of the language situation in the Perm Region. The obtained results enabled to identify the functional capacity of the Komi-Permian language in the field of education in the Perm Region, to identify the difficulties the native speakers face and to analyze the features of the functioning of the Komi-Permian language in the field of education in the region.

Keywords: Komi-Permian language, linguistic situation, Perm Krai, objective factors, subjective factors, language stability, language shift

© Tiuleneva A. M. 2025

For citation: Tiuleneva, A. M. (2025). Komi-permyatskiy yazyk v yazykovoy situatsii Permskogo kraya: sfera obrazovaniya [The Komi-Permian language in the language situation of the Perm Region: Education]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 160–169. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-160>

1. Введение [Introduction]

Языковая ситуация, являющаяся ключевым понятием социолингвистики, может быть определена как «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности» [Никольский, 1976, с. 79], а также «взаимоотношение используемых на данной территории (обычно в пределах государства) функционально стратифицированных языковых образований» [Там же, с. 115]. Предложенное Л. Б. Никольским определение подчёркивает системный характер и функциональное распределение компонентов языковой ситуации. Понятие языковой ситуации должно включать в себя не только лингвистические и экстралингвистические характеристики, формирующие объективные стороны языковой ситуации, но и субъективные оценки языков, участвующих в языковой ситуации, у носителей данных языков [Ferguson, 1971, с. 157 ; Weinreich, 1953].

Таким образом, языковая ситуация включает объективные и субъективные компоненты. **Объективные** компоненты языковой ситуации не зависят от носителей языка. В качестве ключевых объективных компонентов принято рассматривать численность и долю носителей титульного и миноритарных языков, многообразие используемых в языковой ситуации идиомов, наличие и / или отсутствие официального статуса у языка титульной и миноритарных групп [Виноградов и др., 2023 ; Ferguson, 1971 и др.]. **Субъективные** компоненты представляют собой сформированные отношения, установки, убеждения, складывающиеся у людей о языках [Baker, 1992 ; Paparavlou, Mavromati, 2017]. Убеждения, установки носителей в отношении родного языка формируют у них восприятие ценности, важности, престижности языка, что оказывает влияние на их решение о поддержке, передаче родного языка следующему поколению.

Комбинация объективных и субъективных факторов языковой ситуации может приводить к развитию процесса отказа от использования носителями родного языка (языковому сдвигу) или сохранению титульного или миноритарного языка, находящегося под угрозой исчезновения (языковой стабильности). В качестве примера можно привести результаты исследования, проведённого в одной из школ Целинного района Республики Калмыкия, в которой калмыцкий язык ещё относительно сохранен. Были получены следующие результаты: родители школьников говорят между собой на калмыцком языке в 89% случаев, школьники с родителями – в 57% случаев, школьники с учителями – в 53% случаев, школьники с братьями и сестрами – в 30% случаев, школьники со сверстниками в школе – в 22% случаев [Биткеев, 2012, с. 9]. Калмыцкий язык преимущественно используется подрастающим поколением с представителями старшего поколения, тогда как со сверстниками предпочтительно / повсеместно используется русский язык. Этот пример демонстрирует нам, что межпоколенческая передача титульного или миноритарного языков от поколения к поколению сокращается, осуществляется переход преимущественно на русский язык [Кибрик, 2020, с. 20]. Выбор другого (более престижного) языка или даже отказ от использования родного языка в пользу престижного, государственного языка может приводить к развитию механизма исчезновения языка – языковому сдвигу [Haugen, 1938; Weinreich, 1953]. **Языковой сдвиг** – это ситуация при которой сообщество пользователей языка заменяет свой

язык другим, переходит на другой язык [Fishman, 1964]. Языковой сдвиг может рассматриваться в качестве стимула для носителей миноритарного или титульного языка не говорить на родном языке, т. е. отказаться от него и перейти на язык доминирующего большинства под влиянием социальных, экономических, политических или исторических факторов [Grenoble, 2021]. Помимо обозначенных факторов, на сохранение или исчезновение языка в результате языкового сдвига оказывают влияние частота его использования, воспринимаемая носителями ценность языка и уровень владения им [Prochazka, Vogl, 2017, p. 4365]. Таким образом, языковой сдвиг представляет собой динамический процесс, при котором носители титульного или миноритарного языков под воздействием прагматических факторов или в результате субъективной оценки престижности и ценности родного языка отказываются от него в пользу другого [Kendler, Steel, 2017].

Несмотря на то что в республиках Российской Федерации, на территории которых проживают представители титульной и доминирующей этнолингвистических групп и язык титульной группы имеет статус либо государственного, либо официального, языковая ситуация характеризуется доминированием государственного языка в межличностной и деловой сферах. В качестве примера можно привести ситуации, сложившиеся в республиках Саха (Якутия) и Татарстан. Согласно федеральным и региональным нормативно-правовым актам республик Саха (Якутия) и Татарстан, якутский и татарский языки имеют статус государственных языков, что выражается в их свободном использовании в публично-правовом пространстве наравне с русским языком.

В Республике Саха (Якутия), согласно результатам Всероссийской переписи населения в 2010 г., продолжает увеличиваться доля титульного и коренного населения республики (466492 тыс. якутов), в то время как в Республике Татарстан отмечается снижение титульного населения [Иванова, 2014, с. 67]. Среди якутов достаточно высок уровень активного владения якутским языком (92,6%, свободное владение – 84,5%) [Там же, с. 68], что несомненно, свидетельствует о его высокой языковой стабильности. Несмотря на высокий уровень владения родным языком титульным и коренным населением, владение якутами русским языком по данным переписи населения в 2010 г. достигло 90,6%, что может свидетельствовать об устойчивом характере якутско-русского двуязычия [Социально-демографический портрет России, 2012]. В Республике Татарстан также поддерживается установленное на законодательном уровне двуязычие: равноправное использование двух государственных языков [Габдрахманова, Макарова, 2015 ; Мухаметзянова, 2018]. Однако на фоне других республик Татарстан демонстрирует более активную позицию в сохранении титульного языка, что выразилось в обязательном изучении татарского языка до 2018 г. во всех образовательных учреждениях республики. Несмотря на это, проведённые опросы показывают, что русский язык занимает лидирующее место в публично-правовом пространстве республики. Согласно данным опроса, проведённого в 2018 г. среди носителей татарского и русского языков, проживающих в республике, русский язык в большинстве случаев является преобладающим в коммуникации, число же респондентов, использующих в публичной сфере татарский язык невелико (от 12,6% до 22,2% респондентов используют в публичной сфере преимущественно татарский язык) [Низамова, 2022, с. 609]. Представленные результаты являются свидетельством реализованной федеральными и региональными правительствами языковой политики, направленной на поддержку татарско-русского двуязычия.

Помимо республик, представители миноритарных или титульных этнолингвистических групп проживают и в других субъектах Российской Федерации. Так, Пермский край представляет собой полиэтничный регион, на территории которого проживают представители доминирующей этнолингвистической группы – русские, а также татары, коми-пермяки, башкиры, удмурты и др. Коми-пермяки, согласно результа-

там Всероссийской переписи населения 2010 г., являются третьей по численности этнолингвистической группой в регионе. В основном они проживают в Коми-пермяцком округе, который в настоящее время входит в состав Пермского края.

В период с 2010 по 2020 гг. произошло резкое сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка с 81084 до 50163 человек [Всероссийская перепись населения, 2010 ; Всероссийская перепись населения, 2020]. Сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка может быть вызвано многими факторами, однако наиболее важным кажется изменение функциональной мощности коми-пермяцкого языка в связи с сокращением численности его носителей. Можем предположить, что основной сферой использования коми-пермяцкого языка остаётся сфера межличностного общения, тогда как в публично-правовом пространстве его использование ограничено.

Особый интерес вызывает сфера образования, поскольку носители коми-пермяцкого имеют право на изучение родного языка в образовательных учреждениях края, что должно способствовать увеличению количества носителей, свободно владеющими коми-пермяцким языком. Так, в Пермском крае в 2015–2016 гг. функционировало 33 учебных учреждения, в которых коми-пермяцкий язык изучался учащимися в качестве школьного предмета [База данных Языковая политика, 2021]. Количество учащихся, изучавших коми-пермяцкий язык как предмет, составляло 1906 человек. Доля учащихся, изучавших коми-пермяцкий язык как предмет, от общего количества учащихся в регионе составляла 0,0071% [База данных Языковая политика, 2021]. Сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка, небольшое количество школьников, изучающих коми-пермяцкий язык, может свидетельствовать о происходящих изменениях в языковой ситуации Пермского края, в частности, о низком уровне межпоколенческой передачи коми-пермяцкого языка и возможности его исчезновения.

Предметом настоящего исследования является функционирование коми-пермяцкого языка в сфере образования Пермского края. Цель данной работы заключается в изучении языковой ситуации Пермского края с точки зрения функционирования коми-пермяцкого языка в сфере образования.

2. Материал и методы исследования [Materials and methods]

В данной статье использовался классический метод социолингвистики – анкетирование, который позволил собрать обширный материал об оценке носителями коми-пермяцкого языка его функциональной мощности и функциональной мощности русского языка. Анкетирование проводилось среди носителей коми-пермяцкого языка в два этапа: в 2015 г. и в 2023–2024 гг.

Материалы анкетирования 2015 г. были собраны студенткой филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета А. Р. Мансуровой. Ею было опрошено 28 информантов – коми-пермяков. Объём полученных реакций – 868. Для оценки современного состояния проблемы была разработана анкета, с помощью которой в период с августа 2023 г. по сентябрь 2024 г. было опрошено 74 информанта – коми-пермяка. Объём полученных и проанализированных реакций – 4292. Таким образом, общий объём проанализированных реакций составил 5160.

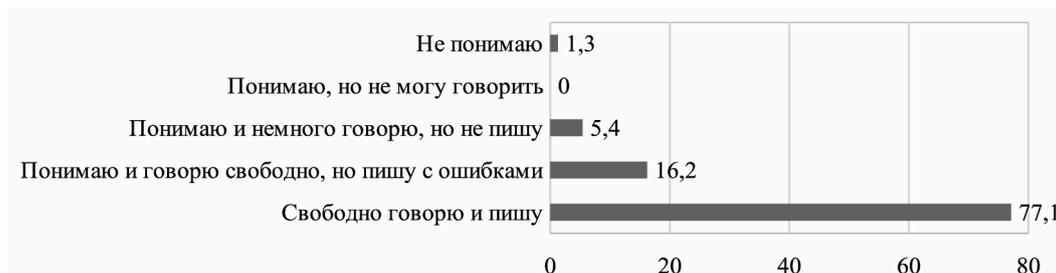
Для всесторонней оценки языковой ситуации Пермского края с точки зрения коми-пермяцкого языка были выбраны объективные и субъективные компоненты. Из числа объективных компонентов были рассмотрены факторы владения коми-пермяцким и русским языками (родной язык, степень владения каждым из языков), а также изучение коми-пермяцкого языка в образовательных учреждениях (изучение информантами коми-пермяцкого языка, изучение родного языка подрастающим поколением, наличие и / или отсутствие мотивации у школьников по изучению коми-пермяцкого языка). В качестве субъективного компонента рассматривалась интрупповая оценка носителями коми-пер-

мяцкого языка его использования в образовательной сфере Пермского края. Для данного исследования были отобраны лишь ответы на вопросы анкеты, которые касались владения языками (коми-пермяцким и русским), а также те, которые были связаны с использованием коми-пермяцкого языка в сфере образования.

3. Фактор «Владение языками» [Language Proficiency Factor]

В ответах на вопрос о родном языке большинство опрошенных информантов указало коми-пермяцкий язык. Так, в 2015 г. в качестве родного указали коми-пермяцкий 82,1% информантов, а в 2023–2024 гг. – лишь 66,6% информантов. При этом увеличилось количество респондентов, которые в качестве родного указали русский язык: с 17,9% в 2015 г. до 24,2% в 2023–2024 гг. Помимо этого, в 2023–2024 гг. 8,1% информантов указали в качестве родных сразу оба языка (коми-пермяцкий и русский), что может свидетельствовать о распространении среди носителей коми-пермяцко-русского и русско-коми-пермяцкого билингвизма.

Оценивая степень владения коми-пермяцким и русским языками, в 2015 г. 60,7% информантов указали, что лучше всего говорят на коми-пермяцком языке, 28,6% информантов – на русском языке, на обоих языках – 10,7% информантов. В анкетировании 2023–2024 гг. информантам было предложено оценить степень владения коми-пермяцким и русским языками, учитывая говорение, письмо и понимание. На рисунке 1 представлены ответы информантов о степени владения коми-пермяцким языком по данным 2023–2024 гг.

Р и с у н о к 1. Оценка информантами степени владения коми-пермяцким языком по данным 2023–2024 гг., %
 [Figure 1. Language proficiency assessment of Komi-Permian by the experiment participants]

Как показывают данные рисунка 1, большинство опрошенных информантов отмечает, что они свободно говорят и пишут на коми-пермяцком языке. Менее четверти опрошенных информантов отвечают, что понимают коми-пермяцкий язык, но сталкиваются со сложностями в устной или письменной речи. При этом в анкетировании 2023–2024 гг. все информанты отметили, что владеют русским языком. Это обусловлено наличием у русского языка статуса государственного языка и обязательным его изучением в общеобразовательных учреждениях. При оценке степени владения русским языком 91,9% информантов отметили, что свободно говорят и пишут на русском языке, лишь 8,1% информантов указали, что понимают и говорят по-русски свободно, но пишут с ошибками.

Полученные данные подтверждают факт широкого распространения среди носителей коми-пермяцкого языка русско-коми-пермяцкого и коми-пермяцко-русского билингвизма. Однако по прошествии 9 лет заметна тенденция к уменьшению количества носителей, владеющих коми-пермяцким языком. Это может быть обусловлено прагматическими факторами (переезд из Коми-пермяцкого округа в Пермь), а также субъективной оценкой престижности родного языка в сравнении с государственным.

4. Фактор «Образование (изучение коми-пермяцкого языка в образовательных учреждениях)» [Factor Education (Study of the Komi-Permian language in educational institutions)]

Согласно Уставу Пермского края, коми-пермяцкому языку присвоен статус официального языка, что подразумевает его использование в публично-правовом пространстве Коми-пермяцкого округа наравне с русским языком [Устав Пермского края]. Помимо Устава, использование коми-пермяцкого языка в сфере образования регламентировано законом «Об образовании в Пермском крае» от 12 марта 2014 г. Согласно ему «граждане, проживающие в Пермском крае, имеют право на получение общего образования на национальном (родном) языке, на выбор языка воспитания и обучения в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также настоящим Законом» [Закон Об образовании в Пермском крае]. Реализация данного права гарантирована федеральным и региональным законодательством, однако на деле встречается ряд сложностей: количество национальных школ с каждым годом сокращается, изучение родного языка является не обязательным, а добровольным, т. е. когда желание изучать родной язык высказывает лишь небольшой процент учеников и их родителей, необходимо реорганизовать учебный процесс, количество учителей родного языка сокращается, родной язык изучается в качестве факультатива (на его изучение выделяется 1–2 часа в неделю), что не позволяет овладеть им на высоком уровне (ср. с аналогичной ситуацией, например с эвенкийским языком в Амурской области [Процукович и др., 2017]).

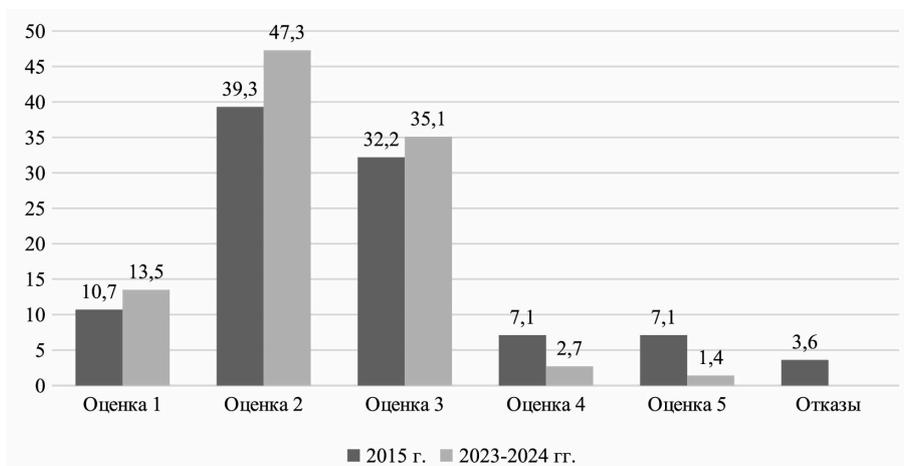
Несмотря на наличие обозначенных сложностей, коми-пермяцкий язык продолжает использоваться в качестве языка обучения в средних и высших образовательных учреждениях Перми и Пермского края. Так, по данным анкетирования 2015 г., 35,7% информантов указали, что в их образовательном учреждении обучение ведётся на русском языке, 60,7% информантов обозначили, что обучение ведётся на двух языках – русском и коми-пермяцком, 3,6% указали в качестве языка обучения английский язык. В анкетировании 2023–2024 гг. информантам был задан вопрос: «Изучали / изучаете ли Вы в школе, в вузе коми-пермяцкий язык?». При ответе на этот вопрос 91,9% информантов ответили, что изучали или изучают коми-пермяцкий язык, 8,1% – не изучали или не изучают коми-пермяцкий язык. Мы можем прийти к выводу, что коми-пермяцкий язык используется в средних и высших учебных заведениях Перми и Пермского края, однако мы не знаем, насколько активно он задействован в образовательном процессе.

Информантам был предложен вопрос для субъективной оценки активности использования коми-пермяцкого языка в образовательной сфере Пермского края. На рисунке 2 представлены ответы информантов по данному вопросу.

Треть респондентов по данным 2015 г. и 2023–2024 гг. поставили нейтральную оценку в вопросе активности использования коми-пермяцкого языка в образовательной сфере, что может свидетельствовать об умеренном использовании родного языка в образовательном процессе. В 2023–2024 гг. увеличилось количество респондентов на 8% и 2,8%, считающих что коми-пермяцкий язык практически не используется в образовательной сфере края (оценки «2» и «1» соответственно). В целом информанты крайне негативно оценивают степень активности использования родного языка в образовательном процессе. Это может плохо отразиться на их желании обучать коми-пермяцкому языку своих детей, внуков, племянников, т. е. на межпоколенческой передаче языка. На рисунке 3 представлены ответы информантов на вопрос об обучении коми-пермяцкому языку их детей.

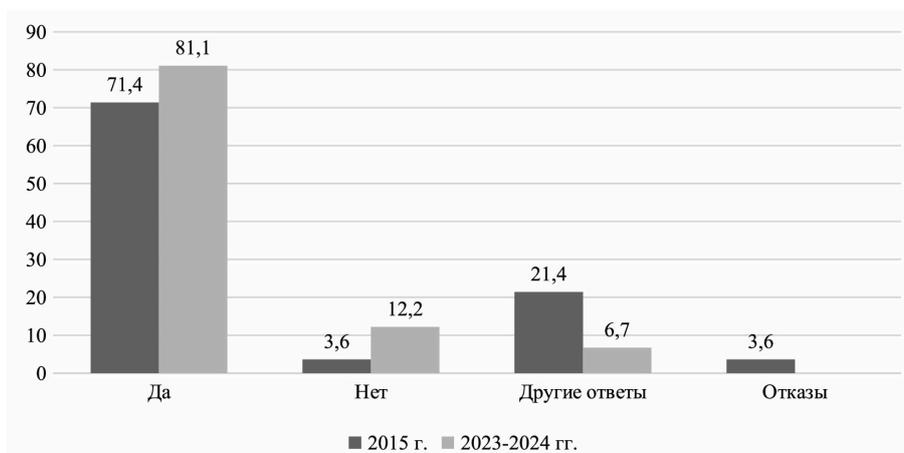
Представленные данные демонстрируют, что с 2015 г. по 2023–2024 гг. количество информантов, обучавших, обучающих или планирующих обучать коми-пермяцкому языку своих детей, увеличилось на 9,7%. Это может свидетельствовать о заинтересованности носителей в передаче родного языка подрастающему поколению, желанию сохранить родной язык. Несмотря на это, 21,4% информантов в 2015 г. не сформировали чёткой позиции в

вопросе обучения детей родному языку, 6,7% информантов по результатам анкетирования в 2023–2024 гг. обозначают, что не имеют детей, но планируют учитывать мнения детей в данном вопросе, а также связывают данный вопрос со своим дальнейшим местом работы.

Р и с у н о к 2. Оценка информантами активности использования коми-пермяцкого языка в образовательной сфере Пермского края по данным 2015 г. и 2023–2024 гг., %

[F i g u r e 2. Usage assessment by the experiment participants of Komi-Permian in the sphere of Perm Region education in 2015 and 2023–2024, %]

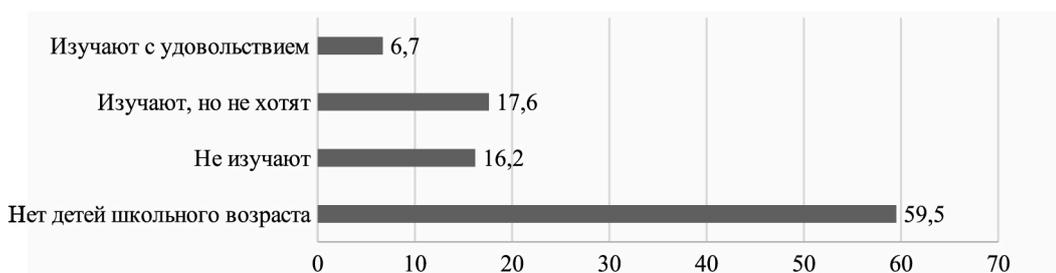

Р и с у н о к 3. Дальнейшие планы информантов по обучению коми-пермяцкому языку своих детей по данным 2015 г. и 2023–2024 гг., %
[F i g u r e 3. Parent's further plans to teach their children Komi-Permian in 2015 and 2023–2024, %]

Помимо вопроса обучения информантами своих детей коми-пермяцкому языку, важным оказывается учёт наличия и / или отсутствия мотивации у детей по изучению родного языка. В анкетировании 2023–2024 гг. информантам был предложен следующий вопрос: «Если у Вас есть дети школьного возраста, насколько они хотят изучать коми-пермяцкий язык?». На рисунке 4 представлены ответы информантов на данный вопрос.

Более половины опрошенных информантов указали, что у них нет детей школьного возраста, это может быть объяснено тем, что у них есть дети, которые еще не обучаются или уже закончили школу. Среди тех информантов, чьи дети ещё обучаются в школе, 17,6% изучают коми-пермяцкий язык, но не хотят этого по ряду причин: слож-

ность изучения коми-пермяцкого языка, отсутствие возможности использовать родной язык в повседневной жизни. Лишь 6,7% информантов указали, что их дети изучают родной язык с удовольствием, что может быть связано с наличием внутренней мотивации у детей по изучению языка, использованием коми-пермяцкого языка в семье. Низкие показатели мотивации подрастающего поколения изучать коми-пермяцкий язык могут указывать на постепенный отказ от передачи языка / нежелание обучать детей родному языку в силу низкого уровня престижности коми-пермяцкого языка, отсутствием у родителей достаточного уровня владения коми-пермяцким языком и другими причинами.

Р и с у н о к 4. Мотивация детей изучать коми-пермяцкий язык по данным 2023–2024 гг., %

[F i g u r e 4. Children’s motivation to study Komi-Permian in 2023–2024, %]

5. Заключение [Conclusion]

Полученные данные позволяют прийти к выводу, что коми-пермяцкий язык задействован в сфере образования Пермского края. Об этом свидетельствуют данные об изучении информантами родного языка в школе. В рамках данного исследования информантам не был задан вопрос о частотности изучения коми-пермяцкого языка: изучался ли он в качестве факультатива (1–2 урока в неделю) или в таком же объёме, как русский язык (5–6 уроков в неделю). Недостаточное количество национальных школ, небольшое количество детей, изучающих коми-пермяцкий язык, низкая мотивация по изучению родного языка у детей, а у их родителей – отсутствие понимания необходимости передачи языка своим детям приводят к тому, что снижается уровень владения коми-пермяцким языком среди подрастающего поколения. Коми-пермяцкий язык не может выдержать конкуренции с русским языком, поскольку носители не видят необходимости в изучении родного языка, имеющего низкий уровень престижности в публично-правовом пространстве. Несмотря на заинтересованность части родителей в изучении их детьми коми-пермяцкого языка, образовательные учреждения Коми-пермяцкого округа не обладают институциональными возможностями по организации и ведению образовательного процесса на коми-пермяцком языке, по его изучению в качестве основного предмета в таком же объёме, что и русского языка. В Коми-пермяцком округе имеется проблема нехватки специалистов и возникает вопрос по материально-техническому оснащению школ (приобретение учебников по родному языку и литературе, методических пособий и др.). Все эти институциональные ограничения, как и низкая заинтересованность самого подрастающего поколения в изучении коми-пермяцкого языка, не способствуют языковой стабильности, а наоборот, позволяют говорить о происходящем языковом сдвиге, который может привести к необратимым последствиям для коми-пермяцкого языка.

Библиографический список

База данных Языковая политика в полиэтнических регионах РФ, 2021 – База данных Языковая политика в полиэтнических регионах РФ. 2021. URL : <http://identityworld.ru/news/>

- proekt_rffi_18_011_00763_jazykovye_rezhimy_v_sovremennoj_rossii_ehffekty_jazykovej_preferencialnoj_politiki_v_poliehtnicheskikh_regionakh/2021-01-10-15 (дата обращения : 12.10.2024).
- Биткеев, 2012 – Биткеев П. Ц Основные положения программы «Живой язык» // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве. Материалы III Международной научно-практической конференции «Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве». Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та. С. 8–13.
- Виноградов и др., 2023 – Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. Социолингвистическая типология. М. : URSS. 2023. 136 с.
- Габдрахманова, Макарова, 2015 – Габдрахманова Г. Ф., Макарова Г. И. Этноразноязыковая политика Республики Татарстан в сфере образования // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Казань : Артифакт, 2015. С. 8–25.
- Закон Об образовании в Пермском крае, 2014 – Закон Об образовании в Пермском крае. URL : <https://docs.cntd.ru/document/494902435> (дата обращения : 14.04.2024).
- Кибрик, 2020 – Кибрик А. А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социолингвистика. 2020. №. 1. С. 17–28. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-1-1-17-28>
- Никольский, 1976 – Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). М. : Наука, 1976. 167 с.
- Нимзамова, 2022 – Низамова Л. Р. Татарский язык в Татарстане в условиях новых подходов к освоению родного языка // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 3. С. 604–615. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-61-3-604-615>
- Процукович и др., 2017 – Процукович Е. А., Морозова О. Н., Андросова С. В., Булатова Н. Я., Черноградская О. Н. Социолингвистическая ситуация в с. Ивановское Селемджимского района Амурской области // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 3. С. 74–85. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_3_74_85
- Социально-демографический портрет России, 2012 – Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М. : ИИЦ Статистика России. 2012. 183 с.
- Устав Пермского края, 2007 – Устав Пермского края. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155030054&back-link=1&&nd=155020498> (дата обращения : 14.04.2024).
- Baker, 1992 – Baker C. Attitudes and Languages. Clevedon : Multilingual Matters, 1992. 173 p.
- Ferguson, 1971 – Ferguson C. A. Language structure and language use. Stanford, 1971. 178 p.
- Fishman, 1964 – Fishman J. A. Language maintenance and language shift as a field of inquiry. A definition of the field and suggestions for its further development // Linguistics. 1964. Vol. 2. P. 32–70. <https://doi.org/10.1515/ling.1964.2.9.32>
- Forrest, 2018 – Forrest W. The intergenerational transmission of Australian Indigenous languages: why language maintenance programmes should be family-focused // Ethnic and Racial Studies. 2018. Vol. 41. № 2. P. 303–323.
- Grenoble, 2021 – Grenoble L. Language Shift // Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.347>
- Haugen, 1938 – Haugen E. Language and Immigration // Norwegian-American Studies and Records. Vol. X. Norwegian-American Historical Association, 1938. P. 1–43.
- Papapavlou, Mavromati, 2017 – Papapavlou A., Mavromati A. Bridging Language Attitudes with Perceived Language Notions // Open Journal of Modern Linguistics. 2017. Vol. 7. P. 167–183.
- Prochazka, Vogl, 2017 – Prochazka K., Vogl G. Quantifying the driving factors for language shift in a bilingual region. Proc. Natl. Acad. Sci. USA, 2017. P. 4365–4369.
- Weinreich, 1953 – Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. New York, 1953. 148 p.

References

- Baza dannykh Yazykovaya politika v polietnicheskikh regionakh RF [Database on Language policy in poly-ethnic regions]. (2021). Retrieved October 12, 2024 from <http://identityworld.ru/news/proekt_rffi_18_011_00763_jazykovye_rezhimy_v_sovremennoj_rossii_ehffekty_jazykovej_preferencialnoj_politiki_v_poliehtnicheskikh_regionakh/2021-01-10-15>.

- Bitkeev, P. TS. (2012). Osnovnye polozheniya programmy Zhivoy yazyk [The main provisions of the Living Language program]. *Problemy funktsionirovaniya i razvitiya yazykov v polilingval'nom prostranstve. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy funktsionirovaniya i razvitiya yazykov v polilingval'nom prostranstve» [Problems of functioning and development of languages in a multilingual space. Proc. of the III International Scientific and Practical Conference “Problems of Functioning and Development of Languages in a Multilingual Space”]* (pp. 8–13). Elista : Kalmyk State University Press. (In Russ.).
- Vinogradov, V. A., Koval, A. I., & Porkhomovskiy, V. Ya. (2023). *Sotsiolingvisticheskaya tipologiya [Sociolinguistic typology]*. Moscow : URSS Press. (In Russ.).
- Gabdrakhmanova, G. F., & Makarova, G. I. (2015). Etnoyazykovaya politika Respubliki Tatarstan v sfere obrazovaniya [Ethno-linguistic policy of the Republic of Tatarstan in the field of education]. *Gosudarstvennye yazyki Respubliki Tatarstan: mnozhestvennost' izmereniy [State Languages of the Republic of Tatarstan: Multiple Dimensions]* (pp. 8–25). Kazan : Artifakt Press. (In Russ.).
- Zakon Ob obrazovanii v Permskom krae [The legislation act on Education in Perm Region]. (2014). Retrieved April 14, 2024 from <<https://docs.cntd.ru/document/494902435>>. (In Russ.).
- Kibrik, A. A. (2020). Sokhraneniye yazykovogo raznoobraziya Rossii: kontury programmy [Preserving Russia's linguistic diversity: Outlines of the program]. *Sotsiolingvistika [Sociolinguistic Studies]*, 1, 17–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-1-1-17-28>
- Nikolskiy, L. B. (1976) *Sinkhronnaya sotsiolingvistika (teoriya i problemy) [Synchronic sociolinguistics (Theory and problems)]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Nimzamova, L. R. (2022). Tatarskiy yazyk v Tatarstane v usloviyakh novykh podkhodov k osvobozeniyu rodnogo yazyka [The Tatar language in Tatarstan: A perspective from new approaches to native language learning]. *Oriental Studies*, 15 (3), 604–615. (In Russ.). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-61-3-604-615>
- Protsukovich, E. A., Morozova, O. N., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya., Chernogradskaya, O. N. (2017). Sotsiolingvisticheskaya situatsiya v s. Ivanovskoe Selezdzhimskogo rayona Amurskoy oblasti [Sociolinguistic situation in the Ivanovskoe settlement, Selezdzhia Distict, Amur Region]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 3 (3), 74–85. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_3_74_85
- Sotsial'no-demograficheskiy portret Rossii. (2012). *Sotsial'no-demograficheskiy portret Rossii: Po itogam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda [Socio-demographic portrait of Russia: The results of the Russian Population Census of 2010]*. Moscow : IITS Statistika Rossii Press.
- Ustav Permskogo kraya [The norms and regulations of the Perm Region]. (2007). Retrieved April 14, 2024 from <<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155030054&back-link=1&&nd=155020498>>.
- Baker, C. (1992). *Attitudes and Languages*. Clevedon : Multilingual Matters.
- Ferguson, C. A. (1971). *Language structure and language use*. Stanford.
- Fishman, J. A. (1964). Language maintenance and language shift as a field of inquiry. A definition of the field and suggestions for its further development. *Linguistics*, 2, 32–70. <https://doi.org/10.1515/ling.1964.2.9.32>.
- Forrest, W. (2018). The intergenerational transmission of Australian Indigenous languages: why language maintenance programmes should be family-focused. *Ethnic and Racial Studies*, 41 (2), 303–323.
- Grenoble, L. (2021). Language Shift. Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.347>
- Haugen, E. (1938). Language and Immigration. *Norwegian-American Studies and Records* (Vol. X, pp. 1–43.). Norwegian-American Historical Association, 1938.
- Papapavlou, A., & Mavromati, A. (2017). Bridging Language Attitudes with Perceived Language Notions. *Open Journal of Modern Linguistics*, 7, 167–183 .
- Prochazka, K., Vogl, G. (2017). Quantifying the driving factors for language shift in a bilingual region. Proc. Natl. Acad. Sci. USA.
- Weinreich, U. (1953). *Languages in Contact: Findings and Problems*. New York.

Храмов Богдан Олегович✉, Иванашко Юлия Петровна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
bogdan_khramov@list.ru

Отклонения в ритмической структуре акцентогенно проблемных слов у жителей Благовещенска и Москвы

Аннотация

Цель данной статьи заключается в описании акцентологических вариантов слов современного русского языка в сознании жителей Благовещенска и Москвы с учётом пола, уровня образования и возраста, а также частеречной принадлежности акцентогенно проблемного слова. Материалом для исследования послужили ответы 75 респондентов-москвичей и 70 респондентов-благовещенцев на вопросы анкеты, содержащей различные варианты акцентирования 58 лексических единиц, принадлежащих разным частям речи. Полученные данные подверглись количественной обработке и сравнительно-сопоставительному анализу. Выявлено, что мужчины по сравнению с женщинами демонстрируют большее число акцентологических отклонений. При этом мужчины-благовещенцы допустили больше акцентологических отклонений, чем аналогичная группа москвичей. У женщин отмечена обратная тенденция. В обеих экспериментальных группах максимальное число акцентологических отклонений обнаружено у студентов-бакалавров, минимальное – у магистрантов и лиц, обучающихся в аспирантуре или уже имеющих учёную степень. Лексические единицы из групп имени прилагательного и отглагольного существительного продемонстрировали самое большое число акцентологических отклонений у обеих групп участников – более чем в 50% случаев респонденты выбирали узуально допустимые или даже просторечные акцентологические формы слов. В целом, благовещенцы несколько чаще прибегали к использованию незакреплённых орфоэпическими словарями произносительных вариантов, чем москвичи (41% и 38% соответственно).

Ключевые слова: словесное ударение (акцент), акцентологическая норма, прескриптивная норма (кодификация), дескриптивная (объективно существующая) норма, акцентологическое отклонение

© Храмов Б. О., Иванашко Ю. П. 2025

Для цитирования: Храмов Б. О., Иванашко Ю. П. Отклонения в ритмической структуре акцентогенно проблемных слов у жителей Благовещенска и Москвы // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 170–179. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-170>

Bogdan O. Khramov✉, Yulia P. Ivanashko
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
bogdan_khramov@list.ru

Rhythmic structure deviations in words with challenging lexical stress pattern produced by Moscow and Blagoveshchensk residents

Abstract

The current paper aims to describe accentual variants of some words in modern Russian in the minds of Moscow and Blagoveshchensk residents depending on the subjects' gender, educational background and age as well as on the part of speech that an accentually challenging word belongs to. The material was collected from 75 residents of Moscow and 70 residents of Blagoveshchensk. The subjects performed a questionnaire including the accentual variants of 58 words representing various parts of speech. The obtained responses were processed using statistical

analysis and comparative method. It was discovered that male subjects exhibited a greater number of lexical stress pattern deviations than female subjects. However, male subjects from Blagoveshchensk made more accentual errors than their Moscow counterparts. Among female subjects, the opposite trend was observed. In both experimental groups, the bachelor students displayed maximum number of accentual deviations while master and PhD students as well as those having PhD displayed the minimum of deviations. Adjectives and verbal nouns demonstrated the highest number of accentual deviations in both groups of participants – over 50% of the subjects chose the variants more accepted in usage or even vernacular ones. On the whole, Blagoveshchensk residents employed variants not included in standard pronunciation dictionary slightly more often than their Moscow counterparts (41% and 38%, respectively).

Keywords: lexical stress (accent), accentual norm, prescriptive (codified) norm, descriptive norm (norm in usage), accentual deviation

© Khramov B. O., Ivanashko Yu. P. 2025

For citation: Khramov, B. O., & Ivanashko, Yu. P. (2025). Otkloneniya v ritmicheskoy strukture aktsentogenno problemnykh slov u zhitel'ey Blagoveshchenska i Moskvy [Rhythmic structure deviations in words with challenging lexical stress pattern produced by Moscow and Blagoveshchensk]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 170–179. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-170>

1. Введение [Introduction]

Прежде всего отметим, что в настоящем исследовании принимается концепция В. Лефельдта о б а к ц е н т е как предложении выделить тот или иной слог (абстрактный – фонологический – уровень) и у д а р е н и и как принятом либо не принятом предложении выделить тот или иной слог (конкретный – фонетический – уровень) [Лефельдт, 2006, с. 14–15]. Соответственно, с ударностью мы имеем дело, если говорящим предложение принято, а с неударностью – если оно не принято. В случае безударности акцент не предполагается. Так, в словах *мало*, *дерево*, *голос* акцент стандартно ставится на первые слоги – *ма-*, *де-*, *го-* соответственно, и они будут ударными, если говорящий их выделит фонетически принятым в русском языке способом. Остальные слоги безударные. Если первые слоги по каким-то причинам не будут выделены говорящим, то они окажутся неударными (не безударными, а именно неударными). В данной статье речь пойдёт не об ударении в вышеуказанном смысле, а об акценте, акцентологической норме и об акцентологических отклонениях на уровне восприятия.

А к ц е н т о л о г и ч е с к а я н о р м а, или акцентологический стандарт, является неотъемлемой частью орфоэпии, или нормативного произношения, [Аванесов, 1984, с. 9] как неотъемлемой части языковой нормы в целом. Согласно Л. Ельмслеву, н о р м а есть абстракция, искусственно полученная из узуса (по мнению автора, норма – это избыточная категория, т. к. узуса достаточно) [Ельмслев, 2006, с. 173]¹. А узус – это правила, по которым носители языка манифестируют языковую схему [Ельмслев, 2006, с. 101–102] (иными словами, правила реализации языковой системы. Э. Косериу (работа 1952 г. о взаимоотношениях нормы с системой и речью) понимал норму иначе – как результат отбора вариантов употребления языковой системы, осуществляемый коллективом носителей языка [Цит. по : Косарик, Жолудева, 2021]. Отбор осуществляется в соответствии с представлениями образованной элиты о правильной, грамотной – нормативной – речи, а нормативность речи (её соответствие принятой норме) является одной из сторон общей культуры человека. Такая трактовка близка к современному пониманию языковой нормы как свода социально одобряемых правил, регулирующих употребление слов и отражающих закономерности языковой системы и её развитие (см., напр., [Прокутина, 2006]). Точ-

¹ Впервые опубликована на датском языке в 1943 году.

ки зрения на норму и её взаимоотношения с языковой системой, узусом в речевой деятельности и отдельным речевым актом до сих пор разнятся, порой отличается и терминология (подробный анализ данного вопроса см. [Ерофеева, 2005, с. 17–24]). Е. В. Ерофеева под нормой понимает правильные и желательные реализации, осознаваемые как престижные, а под узусом – все общепринятые реализации [Ерофеева, 2005, с. 22].

Языковая норма часто понималась как социально-исторический феномен, характеризующий прежде всего литературный язык – образцовую форму национального языка (см., напр., [Валгина, 2003, с. 41]). Отсюда желательность и престижность нормы на которую ещё в 1939 году указывал Л. В. Щерба, отсылая желающих узнать про норму к чтению произведений непререкаемых классиков [Щерба, 1939, с. 10]. Однако, поскольку литературный язык (= язык художественной литературы) – это всё же письменная форма, к которой понятие произносительной нормы слабо применимо, мы при рассмотрении вопросов акцентной структуры слова будем использовать понятие не «литературная норма» (тем более что в письменном русском литературном тексте ударение не отмечается), а «норма устной речи».

Если норма – это свод общепринятых правил реализации, то норму можно рассматривать как общеязыковую (собственно лингвистическую) категорию [Вербицкая, 1996]. У истоков данного подхода стояли Э. Косериу и Б. Гавранек (см. анализ этих работ в [Косарик, Жолудева, 2021 ; Коробейникова и др., 2021]). Это означает, что у разных форм языка и разных стилей своя норма – норма письменной и устной речи, норма официальной, повседневной и сценической речи, норма наддиалектной речи и норма диалекта и т. п. Это приводит к важному свойству вариантности нормы, о которой писала Л. А. Вербицкая [Вербицкая, 1996] и позже другие авторы, разделяющие данную точку зрения (напр., [Коробейникова и др., 2021]).

Учитывая сказанное, акцентологическая норма представляет собой постановку акцента в соответствии с правилами, выработанными языковым коллективом. Акцентология как важный раздел лингвистики играет значительную роль в образовательном процессе на всех уровнях. Правильное применение акцентологических норм в повседневной жизни необходимо, поскольку отклонения в акцентуации могут привести к недопониманию. В то же время корректное произношение служит показателем уровня образования и культуры индивида. К. С. Горбачевич отмечал, что акцентологическая норма русского языка в целом ряде случаев вызывает множество споров и недоразумений [Горбачевич, 1989, с. 25]. Такая ситуация сохраняется и по сей день, хотя норма стала более гибкой. Частично это происходит из-за неразличения словарной и объективно существующей нормы (в других терминах, соответственно: кодификации и нормы, нормы-кодификации и нормы употребления, прескриптивной и дескриптивной нормы, эксплицитной и имплицитной нормы и т. п.) [Каленчук, 2021]. Отсюда и акцентологическую норму можно разделить на прескриптивную (престижную кодифицированную) и дескриптивную (в основном некодифицированную, но кодификация не исключена в словарях, отражающих вариантность).

В. В. Наумов акцентирует внимание на необходимости нахождения баланса между ними в контексте взаимодействия государства, общества и языка [Наумов, 2016]. Этот баланс является относительным, так как дескриптивные нормы не всегда соответствуют прескриптивным. Идеальное соответствие между ними недостижимо, поскольку их взаимодействие определяется узусом – фактическим употреблением языка. Узус может вводить новые варианты, которые иногда противоречат установленным рекомендациям. Если такие новшества становятся распространёнными и принимаются обществом, они могут закрепляться в языковом сознании.

Прескриптивные нормы должны учитывать эти изменения и предлагать их как альтернативные варианты. Таким образом, аномальные реализации могут эволюционировать в кодифицированные нормативные структуры, расширяя возможности языка, даже если они не соответствуют строгим правилам. Лексика представляет собой особенно подвиж-

ную часть языка, и переход окказиональных единиц в узуальные создаёт динамичное равновесие, способствующее изменениям. Социолингвистический аспект акцентологии крайне важен, т. к. носители языка, будучи инициаторами изменений, часто не осознают корректность своих речевых реализаций с точки зрения языковой нормы [Наумов, 2016].

Акцентологическая прескриптивная норма русского языка едина для всех граждан Российской Федерации, однако в различных регионах страны можно наблюдать отклонения как в повседневной речи самых разных носителей региолектов, так и в официальной речи образованных носителей региолектов. Общеизвестно, что в русском языке имеются слова и словоформы, представляющие трудности для реализации акцента в соответствии с прескриптивной нормой. Мы будем называть такие слова *а к ц е н т о г е н н о п р о б л е м н ы м и*. В рамках данного исследования было решено сосредоточиться на акцентологических навыках (навыках постановки ударения) жителей двух городов – Благовещенска и Москвы, представляющих разные регионы России, значительно удалённые друг от друга. Актуальность исследования обусловлена необходимостью постоянного мониторинга и фиксации акцентологических трансформаций на определённом временном отрезке с учётом региональной специфики. Как фонетические трансформации, наблюдаемые в речи, могут стать основой для формирования будущих фонологических оппозиций [Щерба, 2008, с. 123], так и акцентологические отклонения имеют потенциал для перехода в категорию акцентологической нормы сначала дескриптивной, а затем и прескриптивной. *Ц е л ь* данной статьи заключается в описании акцентологических вариантов слов современного русского языка в сознании жителей Благовещенска и Москвы с учётом пола, уровня образования, а также частеречной принадлежности акцентогенно проблемного слова.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили ответы респондентов на вопросы анкеты, размещённой на платформе «Google Формы». Вопросы анкеты были представлены лексическими единицами из разных частей речи с несколькими вариантами расстановки ударения в них. Для анкетирования было отобрано 58 акцентогенно проблемных для носителей русского языка слов, принадлежащих к разным частям речи (см. табл. 1). Ответы испытуемых были количественно обработаны и проанализированы и сопоставлены по четырём факторам: территориальная принадлежность, пол, уровень образования и возраст, части речи.

Т а б л и ц а 1. Лексические единицы для анкетирования
[T a b l e 1. Lexical units for the questionnaire]

Часть речи	Слова
1. Имя существительное	алфавит, агент, бензопровод, ворота, генезис, граффити, диспансер, договор, жалюзи, иксы, искры, каталог, квартал, логин, намерение, свекла, средства, торты, алкоголь, тефтели, апостроф, кремы, форзац, хлебцы, тортов, кремов
2. Имя прилагательное	красивее, кухонный, украинский, мозаичный, оптовый
3. Глагол и инфинитив	балую, была, было, звонишь, звонит, звонят, начал, побыл, понял, поняла, прибыл, прибыла, черпал, прояснилось, рулит, баловать, пломбировать
4. Отглагольное существительное	обеспечение
5. Наречие	добела, донельзя, досуха, завидно, мельком
6. Причастия	включе(ё)нный, нараще(ё)нный, взяты, взята

Большинство слов из представленного списка были услышаны и зафиксированы авторами в процессе личного наблюдения за речью окружающих. Этот список был дополнен лексическими единицами из сборника слов ЕГЭ по русскому языку. Проблемные слова, включённые в этот экзамен, отбираются с учётом образовательной цели: их использование в экзаменационных заданиях способствует подготовке выпускников к дальнейшему обучению и профессиональной деятельности, где точность и правильность речи играет важную роль.

В опросе приняли участие 145 респондентов, 70 из которых родились и выросли в Благовещенске (24 женщины, 46 мужчин), 75 родились и выросли в Москве (26 женщин, 49 мужчин). В анкетировании приняли участие респонденты следующих уровней образования (табл. 2):

Т а б л и ц а 2. **Информация о дикторах**
[T a b l e 2. **Subjects' characteristics**]

Уровень образования	Возраст (лет)	Количество респондентов			
		Благовещенск		Москва	
		абс.	%	абс.	%
Обучающиеся бакалавриата	17-25	47	67	50	66
Обучающиеся магистратуры	22-30	17	24	20	27
Обучающиеся в аспирантуре	25-38	4	6	2	3
Лица, имеющие учёную степень	40-50	2	3	3	4

Особо отметим, что студенты-бакалавры и магистранты все без исключения прошли обязательный университетский курс культуры речи, частью которого была акцентологическая норма. Ранее все они успешно сдали обязательный ЕГЭ по русскому языку, куда входят задания на постановку акцента (в школьной терминологии – ударения). Нельзя забывать и о том, что постановка акцента – это стандартное задание на уроках русского языка с периода начальной школы. Это означает, что испытуемые не только естественным образом реализуют ударение в своей речи, но и вполне в состоянии определить ударный гласный в написанном (напечатанном) слове.

Полученные в ходе анкетирования ответы сравнивались с престижной кодифицированной нормой, зафиксированной в орфоэпических словарях [Свиридова, 2014; Горбачевич, 2009; Резниченко, 2010] на предмет отсутствия/наличия отклонения. За отклонение принято несоответствие престижному кодифицированному месту акцента либо выбор менее престижного варианта нормы (для словарей, кодифицирующих варианты нормы [Каленчук и др., 2012, 2023]).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В результате анализа и сравнения ответов респондентов из Благовещенска и Москвы выявлено следующее: 1) в обеих группах респондентов мужчины демонстрируют склонность использовать варианты произношения слов, не соотносящиеся с закреплённой орфоэпической нормой, чаще, чем женщины; 2) в группе жителей Благовещенска у мужчин выявлено больше акцентологических проблем, чем в той же группе москвичей; 3) женщины-благовещенки на 7% реже демонстрируют акцентологические отклонения, чем женщины-москвички (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Акцентологические отклонения у мужчин и женщин (%)
[Table 3. Accentual deviations produced by males and females (%)]

Респонденты	Количество отклонений
муж. Благовещенск	55
жен. Благовещенск	37
муж. Москва	47
жен. Москва	44

В процессе исследования была выявлена зависимость количества акцентологических отклонений от уровня образования респондентов (табл. 4). В соответствии с ожиданиями, студенты-бакалавры из Благовещенска и Москвы показали больше акцентологических отклонений (39% и 43% соответственно) по сравнению с другими группами.

Т а б л и ц а 4. Общее количество акцентологических отклонений по уровням образования (%)
[Table 4. The total number of accentual deviations by educational level (%)]

Уровень образования	Благовещенск	Москва
Обучающиеся бакалавриата	39	43
Обучающиеся магистратуры	27	30
Обучающиеся в аспирантуре и лица, имеющие учёную степень	35	26

Анализ данных показал, что среди респондентов, обучающихся на направлениях подготовки бакалавриата и магистратуры, больше акцентологических отклонений демонстрируют жители Москвы. Однако различия в показателях между респондентами указанных групп Благовещенска и Москвы не очень высоки – они колеблются в пределах 3–6%. Исключение составила категория аспирантов и лиц, имеющих учёную степень, – благовещенские респонденты продемонстрировали более высокий уровень отклонений от прескриптивной нормы – разница в значениях составила 9%.

В рамках настоящего исследования также был осуществлён подсчёт акцентологических отклонений в речи респондентов Благовещенска и Москвы с учётом распределения лексических единиц по частям речи (табл. 5).

Т а б л и ц а 5. Количество акцентологических отклонений в зависимости от части речи (%)
[Table 5. The number of accentual deviations depending on the part of speech, (%)]

Часть речи	Благовещенск	Москва
1 Имя существительное	44	42
2 Имя прилагательное	63	58
3 Глагол и инфинитив	43	44
4 Отглагольное существительное	52	48
5 Наречие	42	39
6 Причастия	40	40

Исходя из данных таблицы, большее количество акцентологических отклонений было выявлено для лексических единиц, входящих в группы имени прилагательного и отглагольного существительного – респонденты более чем в 50% случаев выбирали варианты произношения, использующиеся как просторечные или являющиеся менее престижными вариантами прескриптивной нормы. Для остальных частей речи число отклонений колебалось в пределах 40%. Респонденты из Благовещенска несколько чаще обращались к незакреплённым орфоэпическими словарями акцентологическим вариантам исследуемых слов, чем москвичи. Это проявилось в существительных, прилагательных, отглагольных существительных и наречиях. Однако разница оказалась небольшой (в пределах от 1% до 5%).

В результате оценки количества акцентологических отклонений по всем категориям лексических единиц, представленным в исследовании, было отмечено, что их максимальное число (от 50% до 100%) в обеих группах испытуемых демонстрируют следующие слова: *балую, побыл, небо прояснилось, рулит, тортов, кремов, хлебцы, квартал, мозаичный, оптовый*. Более подробная информация по каждой группе респондентов представлена в таблице 6.

Т а б л и ц а 6. Лексические единицы с наибольшим количеством отклонений от акцентологической нормы

[T a b l e 6. Lexical units with the greatest number of deviations from the accentual norm]

Часть речи	Респонденты Благовещенска	Респонденты Москвы
1. Имя существительное	генезис, иксы, логин, тортов, квартал, кремов, хлебцы	апостроф, форзац, диспансер, тортов, кремов, хлебцы, квартал
2. Имя прилагательное	мозаичный, оптовый, красивее, интереснее	украинский, оптовый, мозаичный
3. Глагол и инфинитив	баловать, балую, побыл, рулит, (небо) прояснилось	балую, пломбировать побыл, (небо) прояснилось, рулит
4. Отглагольное существительное	обеспечение	обеспечение
5. Наречие	завидно	-
6. Причастие	нараще/ённые	-

Исходя из данных таблицы, от 50% до 100% акцентологических отклонений жители города Благовещенска показали в 16 лексических единицах, представляющих 5 частей речи, а жители города Москвы – в 15 лексических единицах, представляющих 3 части речи. Самое большое количество акцентологических отклонений было выявлено для существительных и глаголов (7 и 5 лексических единиц соответственно в обеих группах респондентов). Столь высокий процент отклонений по данным словам у жителей обоих городов, один из которых является центром России, а другой – периферией, явно свидетельствует о том, что эти отклонения можно интерпретировать как дескриптивной норму и о том, что этот результат носит надрегиональный характер. Большинство благовещенцев выбрали неверный акцентологический вариант для наречия *завидно* и причастия *нараще/ённые*. Москвичами для данных слов выбиралась преимущественно акцентологическая прескриптивная норма. Это говорит о том, что сформировалась региональная (амурская) дескриптивная норма для этих слов.

Анализ по четырём факторам (территориальная принадлежность, пол, уровень образования, части речи) позволил прийти к выводу о том, что в среднем группа респондентов из Москвы продемонстрировала несколько более близкое соответствие престижной кодифицированной акцентологической норме по сравнению с благовещенцами, но разница эта в целом незначительна.

3. Заключение [Conclusion]

В результате проведённого исследования выявлено, что в обеих территориальных группах респондентов мужчины чаще, чем женщины, выбирали варианты, являющиеся акцентологическими отклонениями. При этом в группе жителей Благовещенска у мужчин выявлено больше акцентологических отклонений, чем в той же группе москвичей. В то же время женщины-благовещенки на 7% реже выбирали варианты, являющиеся акцентологическими отклонениями, чем женщины-москвички.

В обеих группах максимальное число акцентологических отклонений выявлено у студентов-бакалавров (39% – Благовещенск, 43% – Москва), минимальное – в группах магистрантов (27% и 30% соответственно) и лиц, обучающихся в аспирантуре или уже имеющих учёную степень (35% и 26% соответственно). При этом магистранты, обучающиеся в Благовещенске, показали больше отклонений по сравнению с представителями следующей ступени обучения (аспирантуры), а у респондентов-москвичей отмечена противоположная картина.

Наибольшее количество акцентологических отклонений в обеих группах участников было допущено в прилагательных и отглагольных существительных – более чем в 50% случаев. Данный факт говорит о сформированности новой дескриптивной нормы для этих слов, которая впоследствии может стать прескриптивной. Для остальных частей речи число отклонений не превышало 40%. При этом установлено, что респонденты из г. Благовещенска несколько чаще (в пределах 1–5%) допускали акцентологические отклонения, чем москвичи, в существительных (в т. ч. отглагольных), прилагательных и наречиях.

В целом, тенденции, отмеченные при анализе ответов участников эксперимента, могут отражать те изменения в акцентологическом устройстве ряда слов, которые в настоящее время происходят в русском языке в целом. Причины акцентологических отклонений многочисленны (см., напр., [Есакова, Кольцова, 2016]): закон аналогии в расстановке акцента; наличие омографов, различающихся в произношении только ударением; влияние региолектов; небрежное отношение говорящего к своей речи; низкий уровень речевой культуры общества в целом; недостаточное количество занятий по акцентологии в учебных заведениях в рамках практического курса русского языка (в т. ч. культуры речи); широкое использование современных средств аудио- и видеокommunikации (Интернет, социальные сети, паблики, мессенджеры, Telegram-каналы, видеохостинги и т. п.), лидерами общественного мнения в которых становятся представители разнообразных возрастных и социальных групп, обладающих не одинаковым уровнем образования и, соответственно, в разной степени соблюдающих прескриптивную произносительную норму, в том числе акцентологическую. Учитывая, что испытуемые происходят из двух разных регионов, получают либо имеют высшее образование и проявляют заметную общность в предпочтении акцентологических отклонений для целого ряда слов, можно утверждать, что эта тенденция очень сильна.

Перспективу исследования составит расширение круга рассматриваемых акцентно проблемных слов и вовлечение в эксперимент респондентов, проживающих в малых городах и сельской местности Амурской области. Также планируется обратиться к материалу устной речи.

Библиографический список

- Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. М. : КомКнига, 2007. 576 с.
- Валгина, 2003 – Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М. : Логос, 2003. 304 с.
- Вербицкая, 1976 – Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия (К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). Л. : ЛГУ, 1976. 124 с.

- Вербицкая, 1996 – Вербицкая Л. А. Орфоэпия и вопросы культуры речи // Прикладное языкознание / под ред. А. С. Герда. Санкт-Петербург : СПбГУ, 1996. С. 34–54.
- Горбачевич, 1978 – Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка. М. : Наука, 1978. 238 с.
- Горбачевич, 1989 – Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М. : Просвещение, 1989. 256 с.
- Горбачевич, 2009 – Горбачевич К. С. Современный орфоэпический словарь русского языка. М. АСТ, 2009. 476 с.
- Ельмслев, 2006 – Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка : пер. с англ. М. : КомКнига, 2006. 248 с.
- Ерофеева, 2005 – Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.
- Есакова, Кольцова, 2016 – Есакова М. Н., Кольцова Ю. Н. Акцентологические нормы в речи устных переводчиков // Вестник Московского ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2016. № 4. С. 81–92.
- Каленчук и др., 2012 – Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты. М. : АСТ-Пресс книга, 2012. 1008 с.
- Каленчук, 2021 – Каленчук М. Л. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации / под ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М. : ИРЯ РАН, 2021. С. 4–25.
- Коробейникова и др., 2021 – Коробейникова Т. Н., Корпечкова Е. В., Савинов Д. М. Соотношение понятий узус — норма — система в диалектной звучащей речи // Норма произношения в узусе и кодификации / под ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М. : ИРЯ РАН, 2021. С. 165–247.
- Косарик, Жолудева, 2021 – Косарик М. А., Жолудева Л. И. Незвестный известный ученый. К 100-летию Со дня рождения Э. Косериу // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2021. № 6. С. 82–93.
- Лефельдт, 2006 – Лефельдт В. Акцент и ударение в русском языке. М. : Языки славянской культуры, 2006. 248 с.
- Наумов, 2016 – Наумов В. В. «Он слишком свет, чтоб не пойти за тьмой...». Социолингвистическая ситуация на постсоветском пространстве // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Вып. 2, № 1. С. 63–72.
- Прокутина, 2006 – Прокутина Е. В. К вопросу о языковой норме // Межкультурные коммуникации в сфере международного и регионального туризма в историческом городе : материалы II междунар. науч. практ. конф. Тобольск, 2006. С. 47–50.
- Резниченко, 2010 – Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. М. : Астрель: АСТ, 2010. 1182 с.
- Свиридова, 2014 – Свиридова М. Н. Орфоэпический словарь современного русского языка. М. Аделант, 2014. 512 с.
- Щерба, 1939 – Щерба Л. В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. 1939. №1. С.10–22.
- Щерба, 2008 – Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 4-е изд. М. : ЛКИ, 2008. 432 с.

References

- Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Moscow : KomKniga Press. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2003). *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke [Active processes in modern Russian language]*. Moscow : Logos Press. (In Russ.).
- Verbitskaya, L. A. (1976). *Russkaya orfoepiya (K probleme eksperimental'no-foneticheskogo issledovaniya osobennostey sovremennoy proiznositel'noy normy) [Russian orthoepy (On the problem of experimental phonetic research of the features of the modern pronunciation norm)]*. Leningrad : LGU Press. (In Russ.).
- Verbitskaya, L. A. (1996). Orfoepiya i voprosy kul'tury rechi [Orthoepy and culture of speech issues]. In A. S. Gerd (Ed.), *Prikladnoe yazykoznanie [Applied linguistics]* (pp. 34–54). St Petersburg University Press.
- Gorbachevich, K. S. (1978). *Variantsnost' slova i yazykovaya norma. Na materiale sovremennogo russkogo yazyka [The variation of word and linguistic norm. Based on modern Russian]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

- Gorbachevich, K. S. (1989). *Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [The norms of the modern Russian literary language]*. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Gorbachevich, K. S. (2009) *Sovremennyy orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka [Modern orthoepical dictionary of the Russian language]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Hjelmslev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka [Prolegomena to a theory of language]* : Translated from English. Moscow : KomKniga Press. (In Russ.).
- Erofeeva, E. V. (2005). *Veroyatnostnye struktury idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Probabilistic structures of idioms: Sociolinguistic aspect]*. Perm : Perm University Press.
- Yesakova, M. N., & Koltsova, Yu. N. (2016). Aktsentologicheskie normy v rechi ustnykh perevodchikov [Accentual standards of interpreters' speech]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda [Lomonosov Translation Studies Journal]*, 4, 81–92. (In Russ.).
- Kalenchuk, M. L., Kasatkin, L. L., & Kasatkina, R. F. (2012). *Bol'shoy orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka. Literaturnoye proiznosheniye i udareniye nachala XXI veka: norma i ee varianty [A large orthoepical dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and word stress at the beginning of the XXI century: The norm and its variants]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Kalenchuk, M. L. (2021). Uzual'nye i kodifitsirovannyye proiznositel'nye normy [Usage and codified pronunciation standard]. In M. L. Kalenchuk, D. M. Savinova (Eds), *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii [Pronunciation standard in usage and codification]* (pp. 4–25). Moscow : Russian Language Institute Press.
- Korobeynikova, T. N., Korpechkova, E. V., & Savinov, D. M. (2021). Sootnosheniye ponyatiy uzus – norma – sistema v dialektnoy zvuchashchey rechi [The notions of usage – norm – system in dialect oral speech]. In M. L. Kalenchuk, D. M. Savinova (Eds), *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii [Pronunciation standard in usage and codification]* (pp. 165–247). Moscow : Russian Language Institute Press.
- Kosarik, M. A., & Zholudeva, L. I. (2021). Neizvestnyy izvestnyy uchenyy. K 100-letiyu So dnya rozhdeniya E. Koseriu [The renowned unknown E. Coseriu: Celebrating the 100th anniversary of the researcher]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya [Lomonosov Philology Journal]*, 6, 82–93.
- Lefeldt, V. (2006). *Aktsent i udareniye v russkom yazyke [Accent and stress in Russian]*. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Naumov, V. V. (2016). “On slishkom svet, chtob ne poyti za t'moy...”. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya na postsovetском prostranstve [“It is too much of light not to follow the darkness...”. Postsoviet sociolinguistic situation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2 (1), 63–72. (In Russ.).
- Prokutina, E. V. (2006). K voprosu o yazykovoy norme K voprosu o yazykovoy norme [On the issue of the language norm]. *Mezhkul'turnyye kommunikatsii v sfere mezhdunarodnogo i regional'nogo turizma v istoricheskom gorode [Cross-cultural communication in the sphere of international and regional tourism in a historical city]* : Proc. II International Conference. Tobolsk. (In Russ.).
- Reznichenko, I. L. (2010). *Orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka. Proiznosheniye. Udareniye [Orthoepical Dictionary of the Russian language. Pronunciation. Stress]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Sviridova, M. N. (2014). *Orfoepicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. [Orthoepical dictionary of the modern Russian language]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1939). Spornyye voprosy russkoy grammatiki [Challenging issues of Russian grammar]. *Russkiy yazyk v shkole [Russian Language at School]*, 1, 10–22.
- Shcherba, L. V. (2008). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost' [Language system and speech activity]*. Moscow : LKI Press. (In Russ.).

Чугаев Николай Валентинович
Пермский военный институт войск национальной гвардии РФ
г. Пермь, Российская Федерация
aegolios@yandex.ru

К вопросу о формах косвенных падежей в памятнике деловой письменности середины XVIII в.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности форм косвенных падежей в деловом памятнике середины XVIII в. – «Столпе приходного денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году» (далее – «Столп»). Анализируется протекание процесса унификации форм множественного числа в дательном (Д.), творительном (Т.), местном (М.) падежах, вариативность форм Д. и М. падежей единственного числа, обусловленные распространением влияния *й*-основ на продуктивный класс *ѡ*-основ, а также соотношение орфографических вариантов флексий *-е* и *-ѣ* в Д. и М. падежах. Используются сопоставительный и количественный методы, за основу методики взят подход В. М. Живова. Наиболее показательным результатом в ходе «а-экспансии» является нестандартное распределение продвижения флексии на *-а* в разных падежах $L > D > I$, а также почти равновесное положение старых и новых форм. Генитивная флексия на *-у* ожидаемо употребляется в существительных с несобственно конкретно-предметным значением (значением отвлечённого действия или его результата, причём преимущественно в односложных девербативах или их производных; вещественно-собирательном значении, пространственно-местным значением). Кроме того, в «Столпе» обнаруживается дублетность форм на *-у* и *-а* в генитиве, а также ряд форм указанных выше лексико-семантических групп с окончанием *-а*. Утверждение новых форм локатива на *-у* для существительных мужского рода отражается слабо, главенствующей остаётся форма на *-е*/*-ѣ*, причём флексии на *-ѣ* и на *-е* в Д. и М. падежах встречаются почти одинаково часто, притом что *-ѣ* в основах употребляется значительно реже, что свидетельствует о закреплении написания *-ѣ* за определённым грамматическим показателем.

Ключевые слова: история языка XVIII в., историческая морфология, косвенные падежи, а-экспансия, деловая письменность

© Чугаев Н. В. 2025

Для цитирования: Чугаев Н. В. К вопросу о формах косвенных падежей в памятнике деловой письменности середины XVIII в. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 180–192. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-180>

Nikolai V. Chugaev
Perm Military Institute of National Guard Troops
Perm, Russian Federation
aegolios@yandex.ru

On the question of the indirect cases' forms in the XVIII century business written records

Abstract

The article examines the indirect case forms in the XVIII century business written records “Столп приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году” (“Столп” – Collection of Pyskor factory office documents on cash receipts in 1741). The focus is made on (i) the process of plural forms unification in D. (Dative), I. (Instrumental), L. (Locative) cases, the variability of the forms of D. and L. singular as a consequence

of ū-stems influence on the productive class of ō-stems, (ii) the number of -e-ending and -ĕ-ending spelling variants in D. and L. During the study, comparative and quantitative methods were applied within V. M. Zhivov's approach. The most significant finding in the course of the "a-expansion" was the non-standard distribution L>D>I of the a-ending spread in different cases, as well as almost equal number of coexisting old and new forms. As expected, Genitive (G.) ending was used in nouns with an inappropriate concretely objective meaning of an abstract action or its result (mainly in monosyllabic deverbatives or their derivatives), of a real-collective meaning or a spatially local meaning. Additionally, the study found doublet forms with -y- and -a-endings in G. and a number of forms with the -a-ending. New locative forms with -y-ending for masculine nouns are poorly reflected, the form with -e/-ĕ-ending remains dominant, and the endings -ĕ and -e in D. and L. are almost equally common despite letter "ĕ" being used much less frequently in the stems, which indicates the consolidation of the letter "ĕ" for a certain grammatical indicator.

Keywords: history of the XVIII century language, historical morphology, indirect cases, a-expansion, business written record

© Chugaev. N. V. 2025

For citation: Chugaev, N. V. (2025). K voprosu o formakh kosvennykh padezhey v pamyatnike delovoy pis'mennosti serediny XVIII v. [On the question of the indirect cases' forms in the XVIII century business written records]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 180–192. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-180>

1. Введение [Introduction]

Русские письменные памятники являются надёжным источником изучения языка определённого периода. Между тем часто скорописные памятники, трудные для доступа и прочтения, являются неопубликованными и хранятся в провинциальных архивах. Извлечение и анализ таких материалов представляет интерес не только для лингвистов, но и для историков, экономистов и представителей других гуманитарных специальностей. Из последних работ, выполненных в рамках изучения письменных памятников, можно отметить статью Е. Ю. Попова, выполненную в аспекте исторической лексикографии на материале документов приенисейской Сибири XVII века [Попов, 2024], а также статью Е. С. Баландиной, выполненную в аспекте комплексного разноуровневого анализа оценочности на материале историко-географических очерков XIX в. [Баландина, 2024]. Настоящая статья касается некоторых аспектов русской исторической морфологии, а именно – процесса унификации форм множественного числа существительного.

К. В. Горшкова рассматривает формирование числовых парадигм славянских языков в аспекте взаимодействия словоизменения и словообразования [Горшкова, 1978]. Тот же автор в совместной с Г. А. Хабургаевым работе рассматривает унификацию форм множественного числа существительных, определяя как наиболее существенный фактор этой унификации сокращение разнообразия флексий после падения редуцированных гласных и последовавшее за этим стремление к единообразию показателей множественного числа различных словоизменительных классов [Горшкова, Хабургаев, 1981]. М. В. Шульга и С. И. Иорданиди в качестве одного из важнейших факторов развития категории имени называют изменение семантики различных грамматических форм в зависимости от развития грамматической категории рода и упрощении системы падежных противопоставлений [Шульга, 1988 ; Иорданиди, Шульга, 1981 ; Иорданиди, 1991]. В. М. Марков описывает историю семантики падежных окончаний имён существительных [Марков, 1974]. Наконец, В. М. Живов производит количественный анализ соотношения старых и новых окончаний на материале памятников письменности различных жанров и языковых регистров на широком временном отрезке и приходит к выводу о степени продвижения «а-экспансии» в различных падежах [Живов, 2004].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В настоящем исследовании для описания этого процесса принимается терминология и методика В. М. Живова, согласно которым степень «а-экспансии» в дательном (Д.), творительном (Т.) и местном (М.) падежах определяется численным соотношением форм в конкретном памятнике.

М а т е р и а л о м для исследования послужили формы существительных, извлечённые методом сплошной выборки из памятника деловой письменности XVIII в. – «Столпа приходного денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году» (далее – «Столп»), изученного и изданного автором настоящей статьи [Столп..., 2016].

За основу методики взят подход В. М. Живова, наиболее полно изложенный в «Очерках исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков». Целесообразность применения этого подхода на данном материале продиктована тем, что В. М. Живов рассматривает «а-экспансию» прежде всего на материале печатных изданий, не затрагивая провинциальные деловые памятники. Между тем, на материале «Столпа» этот подход даёт неожиданные результаты. В рамках данного подхода используются количественный и сопоставительный методы, суть которых состоит в количественной оценке сплошной выборки словоформ со старыми и новыми падежными окончаниями и расчёт их соотношения «внутри» одного падежа, а также оценке степени продвижения окончаний на а- в различных падежах. Кроме того, с тех же позиций проанализированы альтернативные флексии генитива (Р.) и локатива (М.) единственного числа.

Всего было проанализировано 363 словоформы со старыми и новыми окончаниями Д., Т., М. падежей, 1432 словоформы генитива и 435 альтернативных флексий локатива. Кроме того, отдельно учитывались включения соответствующих окончаний в клишированных конструкциях: те же расчёты производились без учёта клишированных форм.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Уровень распространения а-экспансии в различных падежах [Level of a-expansion in different cases]

Данные о соотношении словоформ старой и новой парадигм существительных в «Столпе» представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Уровень «а-экспансии» в «Столпе», абс. ед.
[Table 1. Level of “a-expansion” in “Столп”, abs.]

		М.р. *о-скл.	М.р. *ю-скл.	Ср.р. *о-скл.	Ср.р. *ю-скл.	М.р. С. скл.	М.р. *i-скл.	Ж.р. *i-скл.	Всего
Д.п.	-ом/-ем	38	54	-	1	6	2	-	110
	-ам/-ям	83	32	6	6	-	-	1	129
Т.п.	-ы/-и	12	42	-	-	-	-	-	60
	-ами/-ями	7	-	1	1	-	-	-	9
	-ми	-	-	-	-	-	-	-	1
М.п.	-ех/-ѣх	6	3	4	1	1	-	-	15
	-ах/-ях	29	5	5	-	-	-	1	39

Новые флексии в Д. п. употребляются в словах м. р. *о-склонения: по сортам, по счетам, годам (3), документам (54), по допросам, заводам (10), мастерам (6), плател-

щикам, подмастерьям, подрядчикам, реестрам (реэстрам) (2), розсыльщикам (розылщикам) (2), рудоразборщикам (2), саксонцам (соксонцам) (2) – и *јо-склонения: служителям (29), просителям. В среднем роде новые окончания *о-склонения представлены формами делам (5), числам, *јо-склонения – по доношениям (3), по определениям (2). В *і-склонении употребляется форма ж. р. лошадым.

В Т. п. флексия -ами фиксируются у слов м. р. *о-склонения: документами, заморозами, копеистами, розсылщиками, рудоразборщиками, зборщиками, счетами.

В ср. р. новые окончания имеют формы *о-склонения (з делами) и *јо-склонения (ответствиями).

В М. п. окончания -ах встречаются в словах м. р.: анбарах, вычетах, заводах (6), мехах (2), припасах, реестрах и реэстрах (2), в репортах (8), расходчиках (росхотчиках) (2), рудниках (5), м[е]с[я]цах (2), окончания -ях – в словоформах в камнях, на куренях. Ср. р. представлен формами в делах, местах, сумнительствах (2), в лицах. В ж. р. склонения с древней основой на *і зафиксировано слово лошадыах.

В Д. п. старое окончание -ом/-ем представлено в словоформах документом (5), крестьяном (6), купцом, (по) окладом, (по) подрядом, припасом, рудоразборщиком (6), салдатом (6), (к) сотником, указом (11), учеником (3), (по) экстрактом (3), доношением, людем (2), служителем (53).

В Т. п. старые окончания встречаются в формах (с) товарищи (42), (за) вычеты, меж дворы, документы (7), (с) копеисты (3), а в М. п. – в формах годех (6), (по) крестьянех, м[е]с[я]цех (3), числех (4), (во) строениех.

Таким образом, процентное соотношение старых и новых форм оказывается почти равным: 49% старых окончаний и 51% новых окончаний. Подобное соотношение нехарактерно для большинства памятников XVIII в., рассматриваемых Живовым. Оно обнаруживает лишь неполное соответствие (55,77% новых флексий) с книгой «История Петра Великого» Феофана Прокоповича, характеризующей Живовым как памятник, тяготеющий к гибридной традиции, но устраняющей приметы книжности [Живов, 2004, с. 280].

Определённую проблему при расчёте уровня «а-экспансии» представляют словоформы, употребляющиеся многократно в устойчивых сочетаниях. Если исключить из рассмотрения часто встречающиеся в составе клишированных выражений лексемы документом (5) / документам (54), служителем (53) / служителям (29), с товарищи (42) (при отсутствии с товарищами), то таблица 2 принимает следующий вид:

Т а б л и ц а 2. Уточнённый уровень «а-экспансии», абс. ед.
[Table 2. Refined level of “a-expansion”, abs.]

		М.р. *о-скл.	М.р. *јо-скл.	Ср.р. *о-скл.	Ср.р. *јо-скл.	М.р. С. скл.	М.р. *і-скл.	Ж.р. *і-скл.	Всего
Д.п.	-ом/-ем	33	1	-	1	6	2	-	43
	-ам/-ям	29	3	6	6	-	-	1	45
Т.п.	-ы/-и	12	-	-	-	-	-	-	12
	-ами/-ями	7	-	1	1	-	-	-	9
	-ми	-	-	-	-	-	-	-	0
М.п.	-ех/-ѣх	6	3	4	1	1	-	-	15
	-ах/-ях	30	3	5	-	-	-	1	39

Удаление клишированных элементов меняет количественное соотношение форм: доля старых окончаний сокращается до 43% против 57% новых.

Тем не менее, и соотношение на уровне 49% старых окончаний (т. е. с учётом клишированных элементов), и соотношение на уровне 43% старых окончаний (т. е. без учёта этих форм) свидетельствуют об усилении «а-экспансии». Такое соотношение, по данным Живова, характерно для некнижных, ненормированных текстов XVIII в., в основном для частной переписки этого периода. Для некнижных текстов XVII в. (и более раннего времени) был характерен невысокий уровень «а-экспансии» (от 10 до 30%) [Живов, 2004, с. 284].

Важной характеристикой «а-экспансии» является соотношение её проявления в разных падежах. Как с учётом клишированных форм (первое число), так и с их изъятием (второе число) соотношение это выглядит как $L(73\%/72\%) > D(56\%/51\%) > I(14\%/43\%)$. Как видно, наибольшее значение старые клишированные формы имеют в Т. п., что свидетельствует об отставании «а-экспансии» в этой падежной форме. Причина такого отставания видится в разноструктурности (и неравносложности) флексий *о- и *а-основ. В то же время окончания Д. п. и М. п. одноструктурны и равносложны, причём окончания *-ам* и *-ах* обладают единым плюральным показателем в отличие от окончания *-их / -ех / -ьх* и *-ом / -ем* *о-склонения. Таким образом, преимущества новой системы флексий перед старой определяет унификацию окончаний.

Соотношение $L > D > I$ не входит в стандартную схему Живова: сопоставимые по количеству новых форм памятники имеют нейтральный (т. е. общий для книжных и некнижных текстов [Живов, 2004, с. 316]) порядок распределения старых и новых флексий по падежам $L > I > D$ [Там же, с. 288].

В нашем случае наибольшее продвижение форм *а-основ в М. п. свидетельствует об отсутствии стремления к нормализации. В. М. Живов считает, что нормализация свойственна текстам с древнейших времён, однако нормализация, характерная для средневековых восточнославянских текстов, имеет ряд особенностей по отношению к нормализации в современных литературных языках. В частности, нормализационная интенция не приводит к замещению всех неправильных, с точки зрения пишущего, вариантов правильными [Живов, 2004, с. 45]. В. М. Живов также считает, что такие нормализационные установки сохраняются вплоть до начального этапа формирования литературного языка нового типа, до 1720-х гг. [Там же, с. 47]. В отношении «а-экспансии» нормализационной установкой будет стремление к сохранению старых окончаний. Отставание «а-экспансии» в Т. п. имеет аналог в Мазуринской летописи – памятнике гибридного языка [Живов, 2004, с. 297].

2.2.2. Соотношение альтернативных флексий генитива [The ratio of alternative G. endings]

Другой ключевой проблемой истории русского языка, как известно, является соотношение вариантов форм Р. п. ед. ч. существительных м. р. [Горшкова, Хабургаев, 1981, с. 163–164; Марков, 1974, 47–48; Шахматов, 1957, с. 240–248; Шульга, 2003, с. 187–202].

В памятнике встречается параллельное употребление форм генитива м. р. на *-а* и *-у*, однако число форм с флексией *-а* значительно больше, чем форм с *-у*. Среди первых можно выделить ряд групп:

1) имена людей и топонимы: *Бориса, Василья, Велгорта, Геннина* (2), *Дементья* (3), *Ивана* (14), *Киргнера* (2), *Кирилла, Кирхнера* (3), *Лариона* (6), *Мирона* (2), *Михаила* (2), *Осипа, Павла, Петра* (6), *Романа, Рядикора* (3), *Самуила, Семена* (8), *Спиридона, Степана, Тараса, Тихона, Федора* (8), *Федота* (2), *Фотей* (4), *Якова* (16);

2) названия месяцев и сам родовой термин: *месеца, августа* (29), *апреля* (63), *генваря* (52), *декабря* (95), *июлиа / июля* (2), *июниа* (2), *маиа / мая* (27 / 45), *марта* (63), *ноября* (58), *октябрия* (39), *сентября* (42), *февралья* (62);

3) наименования лиц по профессии или социальному статусу: *гитенфорвалтера / гитенворвалтера* (2), *господина генерала-майора, господина генерала-порутчика, сборщика* (17), *кондуктора / кандуктора* (3), *капитана, крестьянина* (5), *купца, мастера* (3), *шихтмейстера* (3), *гитенмейстера, ундершихтмейстера* (5), *писца* (8), *подканцеляриста* (9), *подрядчика* (3), *порутчика* (3), *пробирищика, разсылищика, рекрута, розсылищика* (42), *розсылищика, рудонощика, рудопоказателя, рудопромышленника, сотника* (3), *сына* (4), *оборштейгера, целовальника* (21), *ундершихтмейстера* (13), *шихтмейстера / шехместера 2, оборштейгера* (4), *надзирателя* (13), *пономаря, секретаря, управителя* (5).

Кроме того, окончание *-а* употребляется в различных группах конкретных существительных *короба* (2), *сундука* (2), *пуда* (33), *рубля* (39), *фунта* (12), *бергамта, обербергамта* (8), *дня* (335), *журнала* (7), *пункта* (3), *штрафа, устава* (4), *векселя / вексия* (4/3).

Окончание *-у* зафиксировано у следующих слов:

1) обозначающих место: *заводу* (12), *стану* (55), *уезду* (11); заметим при этом, что слово *стан* односложно, а два других слова образованы с помощью префиксации от односложных deverbatивов; именно эти категории слов, по данным М. В. Шульги, систематически получали в генитиве окончание *-у* [Шульга, 2003, с. 192];

2) отглагольных существительных, обозначающих процесс: *сплаву, приему* (3), *приказу, приходу, провозу* (2), *долгу, окладу, сбору, счету* (2), *торгу*;

3) названий сыпучих веществ: *шлаку, песку* (3), *пороху* (4), *солоду* (24) (в этом случае, очевидно, проявляется партитивное значение Р. п.).

Вызывает интерес употребление окончания *-а* в группах существительных с пространственно-местным значением: *анбара, завода, монастыря* (6), *рудника, погоста* (3), в отглагольных существительных со значением действия и его результата *росхода, воза*, и в словах с вещественно-собирательным значением *овса* (4), *угля* (3), а также употребление с флексией *-у* форм *регистру, десятку*, не относящихся к перечисленным лексическим группам, обычно имеющим эту флексию.

Дублетность формы генитива привлекала внимание исследователей. А. А. Шахматов выделяет три группы существительных, у которых встречается окончание *-у* в генитиве: «означающие вещество или собрание предметов»; «означающие местность, место»; «означающие отвлечённое понятие» [Шахматов, 1957, с. 241]. В. М. Марков главенствующую роль в распространении окончания *-у* отводит «разноосновным существительным с отвлечённым и вещественно-собирательным значением» [Марков, 1974, с. 49]. М. В. Шульга выделяет в качестве основного признака, различающего генитив на *-у* и на *-а* категорию исчисляемости / неисчисляемости [Шульга, 2003, с. 192–197].

Наконец, у ряда слов употребляются оба окончания. Варианты слова *правиянт* оказываются контекстуально обусловлены. Форма *правиянту* употребляется в стандартных формулах *ропись правиянту* (заголовок в росписях о проданных заводским служащим и крестьянам казённых продуктах), а также в формуле *роздано мною оным служителем за деньги разного правиянту*. В первой формуле форма на *-а* не встречается, во второй формуле параллельные формы сосуществуют в отношении 1 к 1: *правиянта* (13) / *правиянту* (13). Кроме того, форма *правиянта* встречается в свободных сочетаниях: *покупка правиянта* (9), *взято правиянта* (2), *велено купить правиянта, куплено провиянта, о приходе и росходе правиянта, взять с того утраченного правиянта, для содержания правиянта*.

Слово *указ* в основном употребляется с окончанием *-а* в конструкциях *по силе того (сего, оного, упомянутого и т. д.) указа* (26). Кроме того, словоформа *указа* употребляется в выражениях *требовать от пермского горного начальства указа, о получении сего указа* (2), *а означенного указа к счету сообщить не можно*. Окончание *-у* употреблено в четырех контекстах: *по силе того указу, по силе оного указу, того ради указу, до получения на то указу*. Слово *год* в подавляющем числе случаев употребляется

в Р. п. с окончанием -у в позиции после числительного, записанного цифрами: например, *1740 году*. Часто после цифр пишется уточняющая форму числительного выносная *г* (под титлом или без). Таких словоупотреблений в памятнике 221, кроме того, 9 употреблений в конструкции *сего[ж] году* и один раз *того году*. В семи случаях вместо формы *году* употребляется форма на -а. Обращает на себя внимание тот факт, что в 6 случаях из 7 форма на -а в генитиве употребляется в копии документа, т. е. в ситуации ослабленного внимания, когда речевые привычки переписчика могут повлиять на установленную формулу.

Итак, материал «Столпа» подтверждает распространение генитива на -у среди существительных с несобственно конкретно-предметным значением – со значением отвлечённого действия или его результата, с вещественно-собирательным значением и с пространственно-местным значением, при этом большинство слов односложно или образовано от односложных девербативов.

Помимо генитива ед. ч., колебания наблюдаются и в генитиве мн. ч. Так, по сравнению с современной нормой, слово *рубль* стабильно имеет форму *рублев*, слово *подмастерье* – форму *подмастери*. Согласно В. М. Маркову, окончания на -ев и -еи сменяют нулевое окончание особенно интенсивно в XVIII в., однако в мягкой разновидности мужского склонения в качестве основной тенденции автор называет распространение окончания -ей и только в качестве варианта указывает формы на -ев для существительных ср. р. (*полев, морев*) [Марков, 1976, с. 153].

2.2.3. Соотношение альтернативных флексий локатива [The ratio of alternative ending of the Locative]

В памятнике лишь небольшое количество существительных имеет в М. п. окончание -у (из старого склонения на *ŭ). Подавляющее число форм локатива употребляется с исконным для основ на *ǫ или *ā окончанием -ръ (-е). Формы М. п. в «Столпе» употребляются только с предлогами *в, на, по, о / об, по, при*, беспредложного употребления падежа не зафиксировано.

С предлогом *в* употребляются словоформы *в указе* (6), *в августе* (2), *в анбаръ, в бергамтъ, в генваръ, в годе, в доимке* (3), *в доимкъ, в Екатеринбургхе* (2), *в записке, в июле* (2), *в июль, в июне* (2), *в казне* (14), *в кашнъ* (10), *в канторе* (21), *в канторъ, в книге* (20), *в книгъ, в марте* (5), *в меръ, в месяце* (30), *в началстве* (7), *в ноябре* (2), *в октябре, в остатке, в писме, в писмъ, в подставкъ, в покупке* (2), *в поруке, в приемъ* (3), *в приходе* (4), *в продаже, в расходе* (3), *в сборе* (4), *в указе* (3), *в числе* (3), *в числъ*. Кроме того, дважды зафиксировано выражение *ростиска в одном рубле* (2). В соответствии с классификацией Т. П. Ломтева, предлог *в* используется в памятнике для выражения значений места, времени и объекта, что обнаруживает соответствие его функций (в сочетании с М. п.) общерусским тенденциям этого периода [Ломтев, 1956, с. 293–335].

С предлогом *на* зафиксированы формы *на Акинфеъ, на Алъксъе, на Андръе, на Аникъ, на Афонасье* (2), *на Василье, на Григоръе, на Иване, на Иванъ* (3), *на Козъме, на Кондратъе, на коште* (2), *на Лазаре, на Ларионе, на Ларионъ, на Михаиле, на Матвъе, на Никите, на Обросимъ, на Осипе, на Павле, на Прокопъе, на Родионъ, на рукъ, на Симоне, на странице* (27), *на страницъ* (26), *на сыне, на Трофиме, на указе, на ученикъ* (2), *на Ягошихе, на Якове*. Согласно классификации реляционных функций Т. П. Ломтева, предлог *на* используется для выражения значений места и объекта [Ломтев, 1956, с. 309–312]. Отдельный параграф Т. П. Ломтев уделяет предлогу *на* для обозначения лица, «с которого устанавливаются те или другие поборы». Значение предлога фиксируется уже в древнерусском языке и сохраняется до петровских времён, а после выходит из активного употребления [Там же, с. 423]. Выводы Т. П. Ломтева полностью подтвержда-

ются данными «Столпа». Чаще всего предлог на употребляется в последней функции или в функции малефактива.

Предлог *о* (*об*) сочетается с формами *о приемъ* (20), *о приходе* (4), *о приходъ, о пригъме, о росходе* (5). Предлог, согласно классификации Ломтева, рано теряет пространственно-временное значение [Ломтев, 1956, с. 293–329], употребляется только в качестве делиберативного объекта [Там же, с. 415–416].

Предлог *по* входит в предложно-падежные конструкции *по приемъ, по приносе* и подтверждает данные Т. П. Ломтева, приписывающего этому предлогу в числе прочих временное значение [Ломтев, 1956, с. 353]. Предлог *по* с М. п. употребляется только во временном значении, передавая таксисное значение предшествования (называет событие, предшествующее ситуации, обозначенной сказуемым).

Предлог *при* употребляется с конкретно-предметными существительными, реализуя пространственное значение, сочетающееся с посессивным или партитивным ('рядом с чем + в ведении кого/чего'), или с девербативами, сохраняющими процессуально-событийное значение, выражая временную соотносительность (таксисное значение одновременности): ср.: 1) *при заводъ* (8), *при рудникъ* (15), *при сельъ, при дистрикте*; 2) *при выдаче* (8), *при выдачъ, при оковке, при покупке* (2), *при смъне, при указе*.

Окончание *-у* в М. п., как уже было сказано, встречается довольно редко. По наблюдениям Маркова [Марков, 1976, с. 56], оно фиксируется в форме *в сыску* и в выражении *в сем столпу*. Это окончание М. п. является преобладающим для лексемы *год*; ср.: *в прошлом 740м году, в котором году, в нынешнем 1741м году, в том же 1739, в 1735 году* и т. д., всего 33 словоформы. В единичных случаях обнаружены словоформы с окончанием *-е* (*в годе*).

Отдельного обсуждения заслуживает орфография окончаний Д. п. и М. п. с *-тъ* и *-е*. По данным В. В. Кавериной, в XVIII в. *тъ* употребляется очень широко [Каверина, 2010, с. 91], и материал «Столпа» это подтверждает. В то же время в Д. п. и М. п. достаточно часто пишется не *-тъ*, а *-е*, кроме того, зафиксированы единичные обратные замены (*писанныъ, доношениъ, за объ, ттъ*). Во всём «Столпе» *тъ* в Д. п. и М. п. ед. ч. употребляется в 301 словоформе, а *-е* в тех же падежах – в 423 словоформах.

По замечанию В. А. Мишланова, «соседство в каком-либо тексте написаний с буквами «ѣ» или «е» в одних и тех же корнях или аффиксах означает совпадение фонетического содержания этих букв и отражает «борьбу» фонетического и традиционного принципа орфографии» [Мишланов, 2009, с. 250]. Примеры подобной борьбы встречаются в «Столпе» не только внутри одного почерка, на одной странице, в одном абзаце, но и в одном и том же слове: *приемъ / приеме* (Л. 4).

Таким образом, и в Винительном падеже ед. ч. существительных ср. р., где *-е* исконно, и в Д. п. ед. ч. а-основ, где оно является орфографической инновацией, постепенно устанавливается общее окончание *-е*.

Однако следует отметить, что *-тъ* в окончании сохраняется дольше, чем *-тъ* в основах слов. Рассмотрим количественные данные по этому вопросу. Всего в «Столпе» встречается 950 написаний с буквой «ѣ», из них 400 написаний с «ятем» в окончании, остальные – с «ятем» в основе (в корне или суффиксе). «Ять» употребляется наряду с «есть» в личных именах *Алеѣтъи* (также *Альѣеи, Альѣтъи* и даже *Алеѣтъеи*), *Андрѣтъи, Еремѣтъи, Терентѣтъи*, а также в фамилиях *Бѣцких, Гилѣв, Дивликѣв* (также *Дивликѣтъв*), *Жаравлѣв, Матвѣв* (также *Матвѣтъв*), *Поспѣлов, Ремѣтников, Савѣлапин* (если это не Д. п. от Сава Лапин), *Фадѣв*. Доля написаний с «ѣ» в антропонимах по отношению к написаниям с «е» составляет 26%. Подробное соотношение представлено в таблице 3.

Кроме того, «ять» употребляется этимологически верно в словах с корнями *-бѣг-* (*убѣг, бѣжал*), *-вѣд-* (*вѣдатца, вѣдомство, извѣстия*), *-имѣ-* (*имѣющеися, имѣет, имѣетца*), *-слѣд-* (*слѣдствие, изслѣдовать, наслѣдник*). Помимо этого, «ять» употреб-

ляется этимологически верно в единично встретившихся словах: *вмѣсто, вѣсы, вѣчнодостоинныи, дѣль, дѣти, здѣсь, малолѣтнѡи, мѣха, невѣрность, нынѣшней, помята, свидѣтельство, смѣна и цѣна*. Доля написаний с «ѣ» в этимологически верных случаях в апеллятивной лексике составляет 7,3%. Соотношение этих написаний представлено в таблице 4.

Т а б л и ц а 3. Количество написаний с «ѣ» и «е» в антропонимах, абс. ед.
[Table 3. Number of spellings with “ѣ” and “e” in anthroponyms, abs.]

Слово (корень)	Всего, абс.	С «е», абс.	Доля написаний с «е», %	С «ѣ», абс.	Доля написаний с «ѣ», %
Алексей	143	101	70,63	42	29,37
Андрей	32	27	84,38	5	15,63
Еремей	2	1	50	1	50
Терентей	9	8	88,89	1	11,11
Бецких	6	3	50	3	50
Гилев	8	7	87,5	1	12,5
Дивликеев	24	13	54,17	11	45,83
Жаравлев	12	11	91,67	1	8,33
Матвеев	34	27	79,41	7	20,59
Поспелов	8	7	87,5	1	12,5
Ременников	3	2	66,67	1	33,33
Савелапин (?)	2	1	50	1	50
Фадеев	2	1	50	1	50
Всего	285	209	73,33	76	26,67

Т а б л и ц а 4. Количество написаний «ѣ» и «е» в апеллятивной лексике, абс. ед.
[Table 4. Number of spellings “ѣ” and “e” in appellative vocabulary, abs.]

Слово (корень)	Всего, абс.	С «е», абс.	Доля написаний с «е», %	С «ѣ», абс.	Доля написаний с «ѣ», %
-бѣг/-бѣж-	7	5	71,43	2	28,57
-вѣд-	24	22	91,67	2	8,33
-имѣ-	44	28	63,64	16	36,36
-слѣд-	7	4	57,14	3	42,86
вмѣсто	6	4	66,67	2	33,33
вѣсы	1	0	0	1	100
вѣчнодостойный	28	24	85,71	4	14,29
дѣло	89	87	97,75	2	2,25
дѣти	1	0	0	1	100
здѣсь	10	8	80	2	20
малолѣтний	1	0	0	1	100
-мѣх-	26	25	96,15	1	3,85
невѣрность	1	0	0	1	100

Окончание таблицы 4

Слово (корень)	Всего, абс.	С «е», абс.	Доля написаний с «е», %	С «ѣ», абс.	Доля написаний с «ѣ», %
нынѣшний	8	2	25	6	75
помѣта	166	164	98,8	2	1,2
свидѣтельство	4	3	75	1	25
цѣна	237	236	99,58	1	0,42
смѣна	3	2	66,67	1	33,33
слѣпа	1	0	0	1	100
Всего	657	609	92,69	48	7,31

В словах с корнем *-вел-* и расширением *-ѣ-* писцы пишут «ять» как этимологически верно, так и ошибочно, в корне. Встречаются написания *велѣно*, *вѣлено*, *вѣлѣно*, *повѣлит*.

«Ять» пишется также в словах, которые в XVIII в., по данным «Словаря русского языка XVIII века», могли писаться двойко: *копѣика* (также *копѣя*, *ка*, *копѣек*, и даже *копѣеики*), *мѣлкои*, *немѣленно*. Доля написаний с «ятем» для слова *копейка* 19,3% (на материале 944 словоупотреблений), для слова *мелкий* 20% (на материале 5 словоупотреблений), в слове *немедленно* «ѣ» встречается 1 раз из 21 написания слов с корнем *-медл-*, доля написаний с «ѣ» в этом корне, таким образом, составляет всего 4,8%.

Кроме того, велико число ошибочных написаний «ять». Возможно, неслучайным оказывается появление этой буквы в суффиксе *-ениѣ-* в словах *опредѣлѣние* (при этимологически верном *опредѣление*), *правлѣние*, *объявлѣние* (ср. также *рудопромышлѣтник*): на выбор «ятя» в данном суффиксе могли оказать влияние девербативы с суфф. *-ниѣ-* от основ аориста на *-ѣ* (*бдѣние*, *видѣние*, *смотрѣние* и т. п.)

Ошибочно «ѣ» употребляется в словах с корнем *-леж-* (*надлѣжит*, *надлѣжало*), предлоге *бѣз* и в слове *бѣзопасность*, слове *дѣнги* (также *денѣг*, *денѣжной* и *дѣнѣжной*), *дѣвятъ*, *дѣсятъ*, *клѣи*, *крѣстьян*, *служитѣль*, *приѣм*, *рѣченныи* (также *речѣнныи*, при этимологически правильных *рѣчь*, *реченный*), *четвѣрть*. Доля «ятевых» написаний в этой группе слов немногим меньше доли написаний в этимологически верных случаях – 6,8%. Соотношения написаний представлены в таблице 5.

Т а б л и ц а 5. Количество ошибочных написаний «ѣ», абс. ед.

[T a b l e 5. Number of incorrect spellings of «ѣ», abs.]

Слово (корень)	Всего, абс.	С «е», абс.	Доля написаний с «е», %	С «ѣ», абс.	Доля написаний с «ѣ», %
-леж-	46	32	69,57	14	30,43
-вел-	119	102	85,71	17	14,29
-денѣг- / -денѣж-	429	406	94,64	23	5,36
-девят-	106	105	99,06	1	0,94
-десят-	95	93	97,89	2	2,11
клей	2	1	50	1	50
крѣстьян	96	87	90,63	9	9,38
объявление/ объявленный	94	93	98,94	1	1,06
правление	29	26	89,66	3	10,34

Слово (корень)	Всего, абс.	С «е», абс.	Доля написаний с «е», %	С «ѣ», абс.	Доля написаний с «ѣ», %
следствие	3	2	66,67	1	33,33
служитель	131	129	98,47	3	2,29
прием	46	45	97,83	1	2,17
реченный	49	47	95,92	2	4,08
рудопромышленник / рудопромышленичьи	11	10	90,91	1	9,09
четверть	244	242	99,18	2	0,82
определение	111	84	75,68	27	24,32
Всего	1612	1504	93,36	109	6,7

Таким образом, данные «Столпа» показывают, что процент употребления «ѣ» в окончаниях в этот период значительно выше, чем в основах. Представляется, что более долгое сохранение «ѣ» во флексии объясняется структурными причинами: стремлением системы не допустить (хотя бы и графически) омонимии «Д. п. – М. п.» на *-ѣ* и «И. п. – В. п.» на *-е*, хотя употребление форм типа *доношениѣ* свидетельствует о начавшемся в сознании писцов смешении букв «есть» и «ять» как грамматических показателей.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, были рассмотрены особенности форм косвенных падежей в деловом памятнике середины XVIII в., в частности, протекание процесса унификации форм мн. ч. в Д. п., Т. п., М. п., вариативность форм Д. п. и М. п. ед. ч., обусловленные распространением влияния *й*-основ на продуктивный класс *ѣ*-основ, а также соотношение орфографических вариантов флексий *-е* и *-ѣ* в Д. п. и М. п. Наиболее интересным результатом в ходе «а-экспансии» является нестандартное распределение продвижения флексии на *-а* в разных падежах $L > D > I$, а также почти равновесное положение старых и новых форм. Генитивная флексия на *-у* ожидаемо употребляется в существительных с несобственно конкретно-предметным значением (значением отвлеченного действия или его результата, причём преимущественно в односложных девербативах или их производных; вещественно-собирательным значением, пространственно-местным значением). Вместе с тем «Столп» обнаруживает дублетность форм на *-у* и *-а* в генитиве, а также ряд форм лексико-семантических групп с окончанием *-а*. Очень скупо отражено утверждение новых форм локатива на *-у* для существительных м. р., главенствующей флексией в этой форме остаётся *-е/-ѣ*. При этом показательным является почти равновесное положение флексий на *-ѣ* по сравнению с флексиями на *-е* в Д. п. и М. п. в свете невысоких показателей употребления «ѣ» в основах.

Библиографический список

- Баландина, 2024 – Баландина Е. С. Оценочность как способ моделирования пространства в географических очерках XIX века // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 5–14.
- Горшкова, 1978 – Горшкова К. В. История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования. М.: Моск. ун-т, 1978. 68 с.
- Горшкова, Хабургаев, 1981 – Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. 359 с.

- Живов, 2004 – Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М. : Языки славянской культуры, 2004. 655 с.
- Иорданиди, 1991 – Иорданиди С. И. Из истории форм творительного падежа множественного числа существительных в русском языке // Славянская филология. Имя и глагол в исторической перспективе. Рига : Латвийский ун-т, 1991. С. 132–153.
- Иорданиди, Шульга, 1981 – Иорданиди С. И., Шульга М. В. Морфологическое выражение категории рода в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. М. : Наука, 1981. С. 187–228.
- Каверина, 2010 – Каверина В. В. Становление русской орфографии в XVII–XVIII вв.: правописный узус и кодификация : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 44 с.
- Ломтев, 1956 – Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М. : Изд-во Московского ун-та, 1956. 596 с.
- Марков, 1974 – Марков В. М. Историческая грамматика русского языка: именное склонение. М. : Высшая школа, 1974. 143 с.
- Мишланов, 2017 – Мишланов В. А. О диглоссии жанров церковно-религиозного стиля русского языка // Жанры речи. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2017. С. 160–171.
- Попов, 2024 – Попов Е. Ю. Тематические группы юридической лексики в документах Приенисейской Сибири XVII века // Вестник Приамурского гос. ун-та им. Шолом-Алейхема. 2024. № 1 (54). С. 68–71.
- Столп..., 2016 – Столп приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году / сост. Н. В. Чугаев. Пермь, 2016. 298 с.
- Шахматов, 1957 – Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М. : Учпедгиз, 1957. 401 с.
- Шульга, 1988 – Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1988. 38 с.
- Шульга, 2003 – Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М. : Изд-во Московского гос. ун-та леса, 2003. 302 с.

References

- Balandina, E. S. (2024). Otsenochnost' kak sposob modelirovaniya prostranstva v geograficheskikh ocherkakh XIX veka [Evaluation as a way of in-space modeling in geographical essays of the XIX century]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 5–14. (In Russ.).
- Gorshkova, K. V. (1978). *Istoriya slavyanskikh chislovykh paradigm kak slozhnoe vzaimodeystvie slovoizmeneniya i slovoobrazovaniya [The history of Slavic numerical paradigms as a complex interaction of inflection and word formation]*. Moscow : Moscow University Press, 1978. (In Russ.).
- Gorshkova, K. V., Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language]*. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Zhivov, V. M. (2004). *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov [Essays on the XVII–XVIII centuries Russian language historical morphology]*. Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury Press. (In Russ.).
- Iordanidi, S. I. (1991). Iz istorii form tvoritel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla sushchestvitel'nykh v russkom yazyke [From the history of the forms of the creative case of the plural of nouns in the Russian language]. *Slavyanskaya filologiya. Imya i glagol v istoricheskoy perspektive [Slavonic philology. The name and the verb in historical perspective]* (pp. 132–153). Riga : The University of Latvia Press. (In Russ.).
- Iordanidi, S. I., Shulga, M. V. (1981). Morfologicheskoe vyrazhenie kategorii roda v istorii russkogo yazyka [Morphological expression of the category of gender in the history of the Russian language]. *Obshch斯拉вянский lingvisticheskiy atlas: materialy i issledovaniya [General Slavonic linguistic atlas: Materials and research]* (pp. 187–228). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Kaverina, V. V. (2010). *Stanovlenie russkoy orfografii v XVII–XVIII vv.: pravopisnyy uzus i kodifikatsiya [The formation of Russian orthography in the XVII–XVIII centuries: Spelling usage and*

- codification]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Lomtev, T. P. (1956). *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka [Essays on the historical syntax of the Russian language]*. Moscow : Moscow University Press. (In Russ.).
- Markov, V. M. (1974). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: imennoe sklonenie [Historical grammar of the Russian language: Nominal declension]*. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Mishlanov, V. A. (2017). O diglossii zhanrov tserkovno-religioznogo stilya russkogo yazyka [On the diglossia of genres of the church-religious style of the Russian language]. *Zhany rechi [Genres of speech], 1*, 160–171. (In Russ.).
- Popov, E. Yu. (2024). Tematicheskie gruppy yuridicheskoy leksiki v dokumentakh Prieniseyskoy Sibiri XVII veka [Thematic groups of legal vocabulary in documents of the Yenisei Siberia of the 17th century]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema [Bulletin of Sholom-Aleichem Priamursky State University], 1*, 68–71. (In Russ.).
- Chugaev, N. V. (Complier). (2016). *Stolp prikhodnoy denezhnoy kazny Pyskorskoy zavodskoy kantory 1741 godu [Collection of cash receipts of the Pyskor factory office in 1741]*. Perm. (In Russ.).
- Shahmatov, A. A. (1957). *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka [Historical morphology of the Russian language]*. Moscow : Uchpedgiz Press. (In Russ.).
- Shulga, M. V. (1988). *Razvitie morfologicheskoy sistemy imeni v russkom yazyke [The development of the morphological system of the name in the Russian language]*. Author's abstract of Dr. in Philological sci. diss.; Lomonosov Moscow State University. Moscow. (In Russ.).
- Shulga, M. V. (2003). *Razvitie morfologicheskoy sistemy imeni v russkom yazyke: [Development of the morphological system of the name in the Russian language]*. Moscow : Moscow State Forest University Press. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.06.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 03.02.2025.
The article was submitted 16.06.2024; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 03.02.2025.

Контанистова Анна Игоревна, Федуленкова Татьяна Николаевна✉

Владимирский государственный университет

г. Владимир, Российская Федерация

fedulenkova@list.ru

Интегративный подход к языковой вариативности. Рецензия на монографию: Исакова Л. Д. Многообразие языков в их вариативности. М.: Проспект, 2022. 176 с.

Аннотация

В рецензируемой монографии предлагается глубокий анализ языковой вариативности через призму интегративного подхода. Автор акцентирует внимание на том, что варьирование является неотъемлемой характеристикой всех современных языков и, следовательно, требует безотлагательного комплексного изучения. В этом контексте Л. Д. Исакова рассматривает не только сами языки, но и их идиолекты, расширяя границы языковой вариативности. Пиджины, метаязыки профессиональных областей, компьютерные подязыки рассматриваются автором с точки зрения вариантных форм существующих современных языков. Подходя к вариативности как к комплексному явлению, автор убедительно доказывает, что вариативны не только сами языки, но и функциональные стили отдельного языка, языковые средства и семантическая картина отдельных языков и коммуникантов. Рассматривая дихотомию «вариант – инвариант», автор описывает инвариант как некую прототипическую сущность, как вариант, представленный в обобщённом виде и обладающий конкретными признаками. Л. Д. Исакова также рассматривает языковую вариативность в синхронии и диахронии, убедительно доказывая, что эти два подхода сосуществуют и дополняют друг друга, когда речь идёт о языковой вариативности. Автор подчёркивает, что вариативность не нарушает системность языка, поскольку регулируется нормой. Исследователь уделяет особое внимание стилистике языка, обращаясь к понятию «стилистическая дифференциация языка». Рецензируемая монография является важным вкладом в изучение языковой вариативности, поскольку раскрывает многообразие её типов и их взаимодействия в современных условиях.

Ключевые слова: языковая вариативность, интегративный подход, инвариант, синхрония, диахрония

© Контанистова А. И., Федуленкова Т. Н. 2025

Для цитирования: Контанистова А. И., Федуленкова Т. Н. Интегративный подход к языковой вариативности. Рецензия на монографию: Исакова Л. Д. Многообразие языков в их вариативности. М.: Проспект, 2022. 176 с. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 193–197. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-193>

Anna I. Kontanistova, Tatiana N. Fedulenkova✉

Vladimir State University

Vladimir, Russian Federation

fedulenkova@list.ru

Integrative approach to language variation. A book review: Isakova L. D. Abundance of languages in their variation. Moscow: Prospect Press, 2022. 176 p.

Abstract

The monograph offers an in-depth analysis of linguistic variability in the framework of an integrative approach. The author emphasizes that variation is an integral characteristic of all modern languages and, therefore, requires

an urgent comprehensive study. In this context, L. D. Isakova views not only the languages themselves but also their idiolects as well as pidgins, metalanguages of professional fields and computer sublanguages. Considering variability as a complex phenomenon, the author convincingly proves that not only the languages themselves are variable but also the functional styles of a particular language, the linguistic means and the semantic picture of individual languages and communicants. Interpreting the “variant – invariant” dichotomy, the author describes the invariant as a kind of prototypical entity, as a variant presented in a generalized form possessing specific features. L. D. Isakova also examines linguistic variability in synchrony and diachrony, convincingly proving that these two approaches coexist and complement each other when it comes to linguistic variations. The author emphasizes that variability does not violate the consistency of language, as it is regulated by the norm. The researcher pays special attention to the stylistics of a language appealing to the concept of “stylistic differentiation of a language”. The reviewed monograph is an important contribution to the study of linguistic variation as it reveals the diversity of its types and their interaction in modern conditions.

Keywords: linguistic variation, integrative approach, invariant, synchrony, diachrony

© Fedulenkova T. N. 2025

For citation: Kontanistova, A. I., & Fedulenkova, T. N. (2025). Integrativnyy podkhod k yazykovoy variativnosti. Retsenziya na monografiyu: Isakova L. D. Mnogoobrazie yazykov v ikh variativnosti. M.: Prospekt, 2022. 176 s. [Integrative approach to language variation. A book review: Isakova L. D. Abundance of languages in their variation. Moscow: Prospect Press, 2022. 176 p.]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 193–197. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-193>

Проблема языковой вариативности давно интересует лингвистов. Особенно интенсивным становится этот интерес в начале нового тысячелетия, благодаря внедрению в лингвистический анализ новых компьютерных технологий. Так, комплексно-вариологический подход к изучению термина даёт возможность исследователю убедиться в бесконечности варьирования многих языковых параметров ввиду того, что последние определяются не дискретно, а континуально [Авербух, 2006]. Ряд работ посвящается сопоставительному исследованию вариативности атрибутивных, глагольных и номинативных структур [Гостева, 2023 ; Федулenkova, 2019], вариантности их просодических характеристик [Макарова, Пирожкова, 2022]. Вариативность фразеологизмов в английском, немецком и японском рассматривается в компаративных исследованиях идиоматики родственных и неродственных языков [Bakina, 2021 ; Basova, 2021 ; Fedulenkova, 2019]. Новые исследования в области лингвистической типологии и семасиологии показывают, что способность к варьированию является неотъемлемым свойством любого современного языка [Кибрик, 2003 ; Сюй, Ван, 2024].

Инновационность монографии Л. Д. Исаковой, посвящённой языковой вариативности, состоит в том, что автор рассматривает проблему варьирования с позиции интегративного подхода. Уже с первых страниц исследователь подчёркивает необходимость рассмотрения вариативности как комплексного и многоаспектного явления, которое не может ограничиваться вариативностью языков и их идиолектов. Отдельно Л. Д. Исакова останавливается на таком интересном явлении, как пиджинизация языков, которая стремительно развивается благодаря международной языковой интеграции и миграции. Главный её тезис состоит в том, что пиджины (упрощённые варианты изучаемого второго языка) «проявляют вариативность» (с. 11) на всех уровнях системного анализа, включая фонетический, грамматический и лексический.

Одной из причин вариативности языковых средств автор видит в наличии общего метаязыка какой-либо профессиональной области, в которую неизбежно проникают интернационализмы, приводя к образованию вариантных терминов в пределах терминосистемы отдельного языка.

Л. Д. Исакова подробно останавливается на так называемых современных «компьютерных подъязыках» (с. 14), представляющих в её понимании синергию письменного и устного, делового и неформального общения, в рамках которого совместно «существуют» термины, жаргонизмы и профессионализмы, акронимы и аббревиатуры делового и неформального общения, а также семиотические знаки невербального общения (эмотиконы), служащие для передачи эмоционального состояния коммуникантов. При таком смешении стилей и жанров язык коммуникантов неизбежно проявляет «вариативность в его языковом выражении» (с. 17).

Автор отмечает, что вариативность как явление не ограничивается множеством языков, их диалектов, упрощённых форм (пиджинов) и их интернет-вариантов. Мы разделяем точку зрения автора в том, что вариативность – явление комплексное и может проявляться на разных языковых уровнях. Однако автор в своём исследовании рассматривает вариативность гораздо глубже, наглядно показывая, что вариативны не только отдельные языковые единицы, но и функциональные стили одного языка, вариативны языки в пределах одного типа и даже семантическая картина отдельных языков и коммуникантов может быть вариативна.

Дихотомия вариант-инвариант интересует многих исследователей, занимающихся проблемами вариативности. Л. Д. Исакова также освещает этот вопрос на страницах своей монографии, демонстрируя при этом новый, многогранный подход к обозначенной проблеме. По мнению автора, вариант представляет собой некую прототипическую сущность, некий вариант, представленный в обобщённом виде и обладающий конкретными признаками. Иными словами, инвариант – это абстрактно обобщённый вариант, который реализуется в виде определённых речевых вариантов. Данную точку зрения автор иллюстрирует примером типологической вариативности. В этом случае инвариантом будет являться набор языковых признаков, свойственных определённому типу языка (аналитическому или синтетическому – примеч. наше) и описывающих данный тип в обобщённом виде. Таким образом, для такого инварианта вариантами становится всё разнообразие языков, относящихся к конкретному типу. Исходя из данной логики, справедлив вывод о том, что «языковая вариативность имеет иерархическую структуру, которая проявляется в соотношении вариантов и инвариантов» (с. 17). Более того, такая инвариантность позволяет осуществлять сопоставление языков по определённым признакам и выявлять соотносимые с инвариантом множественные варианты функционирования языка.

Рассматривая язык как систему, исследователь подчёркивает, что парадигматические структуры и отношения, сформировавшиеся внутри языка, делают вариативность внутри языка не только возможной, но и неотъемлемой чертой любого развивающегося языка. Эта особенность даёт возможность рассматривать вариативность в плане диахронии и, как это не парадоксально, в связанной с ней синхронии. Автор поясняет, что синхронная вариативность переходит в диахроническую, когда происходит смена типа языка, когда изменяются отдельные единицы языка или целые подсистемы. Но на этом развитие языка не прекращается. Напротив, новые реалии, глобализация, интеграция и т. д., то есть, диахроническое развитие языка, способствует появлению новых языковых единиц, многие из которых находят своё отражение в речи в виде «дискурсивных вариантов» (с. 23), давая тем самым участникам общения возможность выбора, исходя из их коммуникативных задач.

Подчеркнём, что по мнению автора, которое мы полностью разделяем, вариативность не нарушает системности языка, т. к. упорядочивается нормой. Почти для всех языков такой нормой (инвариантом) является государственный литературный язык, который служит образцом для всего социума, говорящего на нём. Однако норма тоже неизбежно вариативна в её узуальном употреблении – в речевой практике, в пользова-

нии постоянно развивающимся языком. Таким образом, норма находится под влиянием постоянных территориальных вариантов и постепенно становится своего рода вариантом. «Согласование стандартной нормы» (с. 41) зачастую сопряжено с некоторыми сложностями в случае функционирования одного и того же языка в качестве государственного на разных территориях (напр., британский английский, американский английский, индийский английский и др.). Автор подчёркивает, что в таких полицентричных языках, несмотря на схожие грамматические структуры и лексические единицы, факторы, определяющие особенности территориального функционирования подобных языков, стимулируют появление вариантов. Л. Д. Исакова отмечает необходимость определения границ такой вариативности и соотношения её с нормой, особенно когда такой язык приобретает статус международного.

Посвятив целую главу типологической характеристике языков, автор вводит понятие «типологическая вариативность языка» (с. 53). Выявленные в результате типологических исследований универсальные признаки Л. Д. Исакова предлагает считать инвариантом. Выделение таких константных свойств ограничивает и упорядочивает возможность языкового варьирования. Помимо других инновационных идей, исследователь отмечает динамичный характер типологической вариативности, что может выражаться как в смене типа языка, так и в приобретении языком свойств другого языка.

Отдельного внимания заслуживает глава, где автор рассматривает вариативность языка с точки зрения стилистики, подчёркивая, что стилистическая дифференциация проявляется в практическом использовании языка. Стилистическая дифференциация языка определяется автором как множество вариаций его (языка) непосредственного функционирования. При этом исследователь отмечает, что стилистические средства представлены всеми единицами языка и условиями их сочетания. Ситаутивны и вариативны фонетические единицы в их речевом, фонематическом проявлении; вариативны лексические единицы, выбор которых диктуется требованиями определённого стиля и жанра; и даже грамматический фонд, который наиболее устойчив и консервативен, стилистически вариативен, что проявляется в выборе грамматических моделей в зависимости от стилистических целей.

В заключении отметим, что рецензируемая монография Л. Д. Исаковой «Многообразие языков в их вариативности» является значимым вкладом в область развития современной лингвистики, предлагая качественное и всестороннее исследование языковой вариативности. Данная работа открывает новые горизонты для дальнейших исследований и способствует лучшему пониманию такого комплексного и многогранного явления как языковая вариативность. Монография будет полезна как начинающим специалистам в области лингвистики, так и опытным исследователям, интересующимся изменениями языков в современных условиях.

Библиографический список

- Авербух, 2006 – Авербух К. Я. Общая теория термина. М. : МГОУ, 2006. 252 с.
- Гостева, 2023 – Гостева Н. С. Вариативность атрибутивных структур, описывающих существительное с концептуальным значением 'объект растительного мира' в русском и английском языках (на материале поисковых запросов Google) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 50–63. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_50
- Кибрик, 2003 – Кибрик А. Е. Константы и переменные языка = Constants and variables of language. СПб. : Алетейя, 2003. 720 с.
- Макарова, Пирожкова, 2022 – Макарова Е. Н., Пирожкова И. С. Варианты акцентной структуры английских фраз: анализ восприятия и просодические характеристики // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 3. С. 124–134. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_124

- Сюй, 2024 – Сюй Х., Ван Л. Двунправленность и бесконечность связи знака и смысла в процессе семиозиса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 4. С. 145–156. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-4-145>
- Федуленкова, 2019 – Федуленкова Т. Н. Вариантность английских фразеологизмов с компонентом get в основных структурных моделях // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 215–227.
- Bakina, 2021 – Bakina A. D. Variability in the English phraseological units of biblical origin // 15th ESSE Conference Programme and Book of Abstracts, 30 August – 3 September 2021 / Ed. by J. Eveno, et al. Lyon : Université de Lyon, 2021. P. 110–110.
- Basova, 2021 – Basova T. A. Variation in Japanese and English units with a somatic component // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2021. Vol. 17, No 1 (51). P. 68–77.
- Fedulenkova, 2019 – Fedulenkova T. Isomorphism and allomorphy of English, German and Swedish phraseological units based on metaphor // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2019. Vol. 15, No 3 (45). P. 126–134.

References

- Averbukh, K. Ya. (2006). *Obshchaya teoriya termina [The general theory of the term]*. Moscow: MGOU Press. (In Russ.).
- Gosteva, N. S. (2023). Variativnost' atributivnykh struktur, opisyvayushchikh sushchestvitel'noe s kontseptual'nym znacheniem 'ob'ekt rastitel'nogo mira' v russkom i angliyskom yazykakh (na materiale poiskovykh zaprosov Google) [Variability of attributive structures describing a noun with a conceptual meaning of the flora object in Russian and English (Based on Google search queries)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 50–63. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_50
- Kibrik, A. Ye. (2003). *Konstanty i peremennye yazyka [Constants and variables of language]*. St Petersburg : Aleteya Press. (In Russ.).
- Makarova, E. N., Pirozhkova, I. S. (2022). Varianty aktsentnoy struktury angliyskikh fraz: analiz vospriyatiya i prosodicheskie kharakteristiki [Variants of English phrases' accentual structure: Perception of prominence and prosodic parameters]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (3), 124–134. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_124
- Xu, H., & Wang, L. (2024). Dvunapravlennost' i beskonечnost' svyazi znaka i smysla v protsesse semiozisa [The bidirectionality and infinity between symbol and meaning in semiotic process]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (4), 145–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-4-145>
- Fedulenkova, T. N. (2019). Variantnost' angliyskikh frazeologizmov s komponentom get v osnovnykh strukturnykh modelyakh [Variability of the English phraseological units with the component get in the basic structural patterns]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (3), 215–227. (In Russ.).
- Bakina, A. D. (2021). Variability in the English phraseological units of biblical origin. In J. Eveno, et al. (Eds.), *15th ESSE Conference Programme and Book of Abstracts, 30 August – 3 September 2021* (pp. 110–110). Lyon: Université de Lyon.
- Basova, T. A. (2021). Variation in Japanese and English units with a somatic component. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 17, 1 (51), 68–77.
- Fedulenkova, T. (2019). Isomorphism and allomorphy of English, German and Swedish phraseological units based on metaphor. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 15, 3 (45), 126–134.

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
fedulenkova@list.ru

**Стилевые доминанты интернет-коммуникации. Рецензия на книгу:
Клушина Н. И., Николаева А. В. Введение в интернет-стилистику. М.:
ФЛИНТА, 2020. 240 с.**

Аннотация

В рецензируемом труде впервые представлена концепция интернет-стилистики как новой вузовской дисциплины с её собственными целями и задачами, трактовкой базовых понятий и терминов. В фокусе авторов – стилиевые доминанты интернет-коммуникации (кликбейт, холивар, хайп и др.), сообщающие интернет-дискурсу специфический ракурс структурирования. Тонкому анализу подвергаются (а) понятия о стилиевых доминантах, (б) характеризующие их признаки и (в) темы, в которых они могут быть реализованы. В книге рассматриваются также вопросы стилистики интернет-жанров, обсуждаются их основные дефиниции и новые феномены транслирования информации в общество (фейки и постправда), новые интернет-стратегии (троллинг, элфинг, хейтспич). Описание коммуникативных пространств через систему функционально-стилевых доминант даёт автору понимание стилистической специфики данных пространств, а также возможность их оценивания по шкале «конструктивная – неконструктивная – деструктивная коммуникация». Отмечая корреляцию понятия стилиевой доминанты с понятием конструктивно-стилевой вектор (КСВ) и с понятием дискурсивной доминанты, авторы обнаруживают, что конструктивно-стилевой вектор реформирует систему функциональных стилей литературного языка, но не оказывает влияние на структуризацию коммуникативных пространств. Авторы убедительно аргументируют обусловленность имплицитности в межкультурной коммуникации принятыми в каждой культуре нормами общения, которые определяются рядом факторов: (а) доминирующая социальная дистанция, (б) тип распределения власти в малой группе, (г) степень эмоционального самоконтроля участников общения.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, стилиевые доминанты, межкультурная коммуникация, конструктивная / неконструктивная / деструктивная коммуникация

© Федуленкова Т. Н. 2025

Для цитирования: Федуленкова Т. Н. Стилевые доминанты интернет-коммуникации. Рецензия на книгу: Клушина Н. И., Николаева А. В. Введение в интернет-стилистику. М.: ФЛИНТА, 2020. 240 с. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С. 198–202. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-198>

Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

**Stylistic dominants of Internet communication. A book review:
Klushina N. I., Nikolaeva A. V. Introduction to Internet stylistics. Moscow:
FLINTA Press, 2020. 240 p.**

Abstract

The reviewed book presents the innovative concept of Internet stylistics as a part of university curriculum with its own goals, interpretation of basic concepts and terms. The authors focus on the stylistic dominants of Internet

communication (clickbait, holivar, hype, etc.) that give Internet discourse a specific perspective of structuring. The authors scrutinize (a) the concepts of stylistic dominants, (b) their characteristics, and (c) the themes where they can be implemented. The book also examines the stylistics of Internet genres and discusses their main definitions and new phenomena of information transmission to society (fakes and post-truth), new Internet strategies (trolling, elfing, and hate-speech). The description of communicative spaces through a system of functional and stylistic dominants gives the author an understanding of the stylistic specifics of these spaces and enables to evaluate them on the scale “constructive – non-constructive – destructive communication”. Noting the correlation of the stylistic dominance concept with the concept of constructive-stylistic vector and the discursive dominance concept, the authors discover that the constructive-style vector reformats the system of functional styles of the literary language but does not affect the structuring of communicative spaces. The authors convincingly argue that implicitness in intercultural communication is conditioned by the communication norms accepted in each culture and determined by a number of important factors: (a) dominant social distance, (b) the type of distribution of power in a small group, (d) the degree of emotional self-control communication participants.

Keywords: Internet communication, style dominants, intercultural communication, constructive / non-constructive / destructive communication

© Fedulenkova T. N. 2025

For citation: Fedulenkova, T. N. (2025). *Stilevye dominanty internet-kommunikatsii. Retseziya na knigu: Klushina N. I., Nikolaeva A. V. Vvedenie v internet- stilistiku. M. : FLINTA, 2020. 240 s. [Stylistic dominants of Internet communication. A book review: Klushina N. I., Nikolaeva A. V. Introduction to Internet stylistics. Moscow: FLINTA Press, 2020. 240 p.]*. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (1), 198–202. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-198>

Новая книга в области интернет-коммуникации всегда интересна филологу и языковеду. Особый интерес эта книга вызывает тогда, когда она представляет новое направление стилистики, которое занимается изучением современной интернет-коммуникации.

Согласимся с автором рецензируемой книги: в современной филологической науке только стилистика способна дать адекватное и непротиворечивое описание и интерпретацию интернет-коммуникации на основе собственных стилистических методов и стилистического категориального аппарата. Вполне очевидно, на наш взгляд, что наиболее перспективной для изучения интернет-коммуникации становится новая область стилистики – интернет-стилистика, главными объектами изучения которой Н. И. Клушина и А. В. Николаева называют два типа медиатекстов: а) медиатексты традиционных средствах массовой информации, б) медиатексты особого типа, или интернет-тексты.

Наследуя ведущие параметры классического текста, интернет-текст получает особые характеристики, связанные с новыми технологическими особенностями интернет-коммуникации.

Любое коммуникативное пространство структурируется с помощью стилевых доминант, которые, с одной стороны, объединяют тексты, циркулирующие в данном пространстве на основе каких-либо качественных их характеристик, а с другой стороны, позволяют дифференцировать различные коммуникативные пространства по наличию / отсутствию в них определённых стилевых доминант. Описание коммуникативных пространств через систему функционально-стилевых доминант даёт авторам понимание стилистической специфики данных пространств, а также возможность их оценивания по шкале «конструктивная – неконструктивная – деструктивная коммуникация».

Анализируя понятие стилевых доминант, которое первоначально разрабатывалось в идиостилистике, входящей в стилистику художественной речи [Золян, 1989 ; Северская, 1991 и др.], Н. И. Клушина и А. В. Николаева отмечают, что понятие *стилевой*

доминанты, коррелирует с понятием *конструктивно-стилевой вектор* (КСВ) и с понятием *дискурсивной доминанты*. Термин *конструктивно-стилевой вектор* был введен в метаязык лингвистики В. Г. Костомаровым [Костомаров, 2005 ; Ржанов, 2018] для описания системы функциональных стилей не на основании ведущей функции языка, а на основании векторного принципа развития стилистики. При таком подходе пятистильная система функциональных стилей трансформируется и получает иную конфигурацию: 1) книжные специальные тексты; 2) книжные неспециальные тексты; 3) разговорные тексты; 3) тексты массовой коммуникации.

Подвергая критике представленную концепцию описания функционально-стилевой системы литературного языка, в которой функция языка не исключается, а становится дополнительным, второстепенным основанием для типологии, авторы обнаруживают, что конструктивно-стилевой вектор переформатирует систему функциональных стилей литературного языка, но не оказывает влияние на структуризацию коммуникативных пространств. Отличие стилевой доминанты от дискурсивной автор находит в области сопоставления части и целого. Обращая внимание на факт, что дискурс и коммуникативное пространство являются синонимическими терминами, авторы показывают, что стилевые доминанты организуют дискурс наравне с его тематическими, концептуальными, когнитивными, лингвокультурологическими, аксиологическими и др. доминантами, и приходит к выводу о том, что стилевые доминанты – это отличительные стилистические черты, присущие целостной коммуникации.

В интернет-коммуникации формируются новые стилевые доминанты, которые определяют её специфику, по сравнению с медиакоммуникацией доинтернетовской эпохи, а также отличают интернет-коммуникацию от коммуникации в офлайне. К ведущим стилевым доминантам Н. И. Клушина и А. В. Николаева относят кликбейт, холивар, хайп и др., которые обязательно сообщают интернет-дискурсу особый вид структурирования, нацеленный на привлечение максимального внимания читателей к авторскому тексту. При этом тонкому анализу подвергаются понятия о стилистических доминантах, характеризующие их признаки и темы, в которых они могут быть реализованы.

Авторы предваряют своё исследование детальной характеристикой текста и его основных параметров, тщательным анализом вопросов стилистики текста, структуры текста, функционально-коммуникативного аспекта текста. Рассматривая текст как структурную единицу с грамматически оформленным содержанием, авторы обращают внимание на его следующие важнейшие параметры: 1) текст – медиатекст – интернет-текст; 2) генезис интернет-текста; 3) медиастиль; 4) медиатекст; 5) интернет-текст.

Генезис интернет-текста восходит к текстам публицистического стиля. В данном стиле автор выделяет три подстиля, реализующих три базовые стилевые интенции: информационный подстиль (интенция информирования), публицистический подстиль (интенция убеждения в заданной автором идее), развлекательный подстиль (интенция развлечения).

Авторы прослеживают историю девальвации термина *публицистический текст* и его закономерное вытеснение – под влиянием появившегося в новом тысячелетии нового канала для передачи информации – Интернета – термином *медиатекст*.

Рассматривая авторские концепции медиатекста, автор отмечает, что наиболее авторитетные из них – это концепция М. Ю. Казак и концепция Т. Г. Добросклонской, которые ведущими признаками медиатекстов считают медийность, массовость, интегративность, или поликодовость, текста, открытость текста [Добросклонская, 2008 ; Казак, 2011].

В современной стилистике, как подчеркивают Н. И. Клушина и А. В. Николаева, термин *медиатекст* является «зонтичным», или гиперонимичным, обозначающим все виды текстов в СМИ: в соответствии с типологией, основанной на канале связи, это может быть газетный текст, радиотекст, телетекст, интернет-текст.

В связи с бурным развитием Интернета интернет-текст становится доминирующим текстом в СМИ. Авторы выявляют существенные отличия интернет-текста от классического, линейного текста: а) нелинейность, «гипертекстовость», б) текучесть и индукция границ за счёт гиперссылок и читательских комментариев, в) соавторство с читателем (в теме, сюжете и др.), г) интерактивность и вытекающая из неё инверсия ролей автор/читатель, д) принципиальная мультимедиальность и поликодовость интернет-текста (равноправие вербального и невербального кодов коммуникации).

В отдельной главе авторы рассматривают типы и функции заголовков. Текст без заголовка не существует, поскольку именно заголовок играет различительную и разграничительную роль, разделяя тексты между собой. Структура заголовка может быть любой, роль заголовка на себя могут брать не только вербальные знаки, но и любые другие знаки графического дизайна. Заголовок, считают авторы, – есть самая сильная позиция в тексте, поскольку он манифестирует текст: раскрывает его тему и идею и задаёт текстовые границы. Акцентируя внимание на полифункциональности заголовка, авторы обозначают такие его базовые функции, не несущие стилистической нагрузки, как графическая, номинативная, семантическая.

Базовым функциям заголовков противопоставляются их факультативные функции, для которых характерна стилистическая маркированность: а) символическая функция (название романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» имеет прямое значение – в романе герой совершает преступление и получает за него наказание, и символическое – не просто убийство человека и последовавшая за ним каторга, но убийство морали и муки совести); б) рекламная функция (заголовок привлекает к себе внимание, чтобы адресат прочитал именно данный текст); в) экспрессивная функция (заголовок включает в себе экспрессивную коннотацию – оценку и/или эмоцию, выражаемую стилистико-риторическими средствами языка).

Обнаруживая, что в современной медиастилистике доминируют два типа заголовков – информативные стилистически нейтральные заголовки и экспрессивные стилистически маркированные заголовки, – авторы называют важнейшее требование к заголовкам интернет-текстов – их *кликабельность*. В информативных заголовках кликабельность достигается интересом аудитории к поднимаемой в СМИ теме, её новизной или неожиданностью. Поэтому частотны лексемы *впервые, сейчас, экстренно, неожиданно* и т. п., создающие интригу и вызывающие произвольный интерес у адресата.

Экспрессивные заголовки строятся на использовании всевозможных риторико-стилистических средств языка. Наиболее частотным стилистическим приёмом является языковая игра, построенная на семантической двуплановости заголовка, который начинает напоминать ребус. Стилистический ребус в заголовке не только привлекает внимание читателя, но и льстит ему, а разгадка – когнитивная операция, работающая на запоминание. Не случайно такого рода заголовки успешно были освоены рекламой, что иллюстрируется обилием контекстуальных примеров. В интернет-коммуникации экспрессивные заголовки вызывают мощный прагматический эффект в борьбе с конкурентами.

Нельзя не согласиться с авторами в том, что любой заголовок – информативный он или экспрессивный – должен быть ориентирующим, т. е. раскрывать анонсируемую им тему. Дезориентирующие заголовки вызывают у читателя негативный эффект обманутого ожидания. Устойчивое негативное «последствие» вырабатывает иммунитет: адресат не реагирует на экспрессию, распознавая её как наживку.

В книге рассматриваются также вопросы стилистики интернет-жанров и обсуждаются их основные дефиниции и новые феномены транслирования информации в общество (фейки и постправда). Значительное внимание уделяется новым интернет-стратегиям, таким, как троллинг, эльфинг, хейтспич.

В заключение отметим, что стилиевые доминанты интернет-коммуникации демонстрируют асимметрию публичного и межличностного интернет-общения в сторону доминирования негативных речевых стратегий, и поэтому актуальной становится выработка конструктивных стратегий ведения диалога в Интернете с целью развития осознанно корректного речевого поведения коммуникантов. Авторы рецензируемой книги Н. И. Клущина и А. В. Николаева успешно решают эту проблему.

Библиографический список

- Добросклонская, 2008 – Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М. : ФЛИНТА : Наука, 2008. 263 с.
- Золян, 1989 – Золян С. Т. От описания идиолекта к грамматике идиостиля (на материале поэзии Л. Мартынова // Язык русской поэзии XX века. М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1989. С. 238–259.
- Казак, 2011 – Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. 2012. № 1 (6). С. 30–41.
- Костомаров, 2005 – Костомаров В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.
- Ржанов, 2018 – Ржанов А. А., Ржанова С. А. Конструктивно-стилевой вектор массмедийности современного радиозфера // Огарев-online. 2018. № 3. URL : <https://journal.mrsu.ru/arts/konstruktivno-stilevoj-vektor-massmedijnosti-sovremennogo-radioefira>
- Северская, 1991 – Северская О. И., Преображенский С. Ю. Функционально-доминантная модель эволюции художественных систем: от идиолекта к идиостилю // Поэтика и стилистика. 1988–1990 : сб. ст. / отв. ред. В. П. Григорьев. М. : Наука, 1991. С. 146–201.

References

- Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialinguistics: a systematic approach to learning the language of mass media* [Media linguistics: A systematic approach to learning the language of mass media]. Moscow : FLINTA Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Zolyan, S. T. (1989). Ot opisaniya idiolekta k grammatike idioshtilya (na materiale poezii L. Martynova) [From the description of an idiolect to the grammar of an idiosyncrasy (Based on L. Martynov's poetry)]. *Yazyk russkoj poezii XX veka* [The language of Russian poetry of the 20th century] (pp. 238–259). Moscow : Institute for the Russian Language Press. (In Russ.).
- Kazak, M. Yu. (2012). Spetsifika sovremennogo mediateksta [The specifics of modern media text]. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Modern discourse analysis], 1 (6), 30–41. (In Russ.).
- Kostomarov, V. G. (2005). *Nash yazyk v deystvii. Ocherki sovremennoy russkoj stilistiki*. [Our language in action. Essays on modern Russian stylistics]. Moscow : Gardariki Press. (In Russ.).
- Rzhanov, A. A., & Rzhanova, S. A. (2018). *Konstruktivno-stilevoy vektor massmediynosti sovremennogo radioefira* [Massmedia constructive-style vector of modern radio broadcasting]. *Ogarev-online*, 3. (In Russ.). <https://journal.mrsu.ru/arts/konstruktivno-stilevoj-vektor-massmedijnosti-sovremennogo-radioefira>
- Severskaya, O. I., & Preobrazhenskiy, S. Yu. (1991). Funktsional'no-dominantnaya model' evolyutsii khudozhestvennykh sistem: ot idiolekta k idioshtilyu [A functionally dominant model of the evolution of artistic systems: From idiolect to idiosyncrasy]. In V. P. Grigor'ev (Ed.), *Poetika i stilistika. 1988–1990* [Poetics and Stylistics. 1988–1990] (pp. 146–201). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

Наши авторы

- Багинская Марина Владимировна*, старший преподаватель кафедры востоковедения Ин-та филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского гос. ун-та, г. Иркутск, Российская Федерация, email: mvbaginskaya@list.ru
- Бижоев Борис Чамалович*, д-р филол. наук, заведующий сектором кабардино-черкесского языка Ин-та гум. исследований – филиала Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), г. Нальчик, Российская Федерация, email: bizhoev1952@mail.ru
- Бузинова Людмила Михайловна*, д-р филол. наук, проф. кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского междунар. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: l.buzinova@mmu.ru
- Завьялов Виктор Николаевич*, д-р филол. наук, проф. Высшей школы русской филологии Тихоокеанского гос. ун-та, г. Хабаровск, Российская Федерация, email: victoroff@list.ru
- Иванашко Юлия Петровна*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru
- Ивашкина Олеся Анатольевна*, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета междунар. эконом. отношений Финансового ун-та при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, email: oaivashkina@fa.ru
- Карачева Ольга Борисовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: okaracheva@rambler.ru
- Кирпикова Виталия Вадимовна*, аспирант кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: kirpikovavita@gmail.com
- Контанистова Анна Игоревна*, аспирант кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского гос. ун-та, г. Владимир, Российская Федерация, email: kontanistova@yandex.ru
- Неволина Ксения Викторовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков с курсами латинского языка и русского как иностранного Иркутского гос. мед. ун-та, г. Иркутск, Российская Федерация, email: knevolina@mail.ru
- Озюлия Лариса Викторовна*, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Ин-та филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: lara37156@mail.ru
- Процукович Елена Александровна*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru
- Симонов Евгений Леонидович*, независимый исследователь, г. Благовещенск, Российская Федерация
- Стародубцева Наталья Сергеевна*, канд. пед. наук, доцент кафедры Китаеведения Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nstarodubceva@yandex.ru
- Степахина Ирина Сергеевна*, член временной научно-практической группы Финансового ун-та при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, email: ira.stepahina@yandex.ru
- Сюй Ин*, аспирант кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация; доцент Хэйхэского ун-та, г. Хэйхэ, Китайская Народная Республика email: 503304741@qq.com
- Сюткина Надежда Павловна*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: nad975@yandex.ru
- Таушева Александра Николаевна*, старший преподаватель ГИПУ им. В. Г. Короленко, г. Глазов, Российская Федерация, email: Alnitau@yandex.ru
- Токмакова Мадина Хасанбиевна*, канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник Ин-та гум. исследований – филиала Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), г. Нальчик, Российская Федерация, email: tokmak_madina_h@mail.ru.
- Тразанова Наталья Юрьевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры востоковедения Ин-та филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского гос. ун-та, г. Иркутск, Российская Федерация, email: ntrazanova@gmail.com
- Тюленёва Александра Михайловна*, аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: tuleneva.aleksa@yandex.ru
- Федуленкова Татьяна Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, д-р филол. наук, проф. кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Владимирского гос. ун-та, член Научного Совета по филол. наукам Российского Профессорского собрания, член-кор. Российской Академии Естественных наук, г. Владимир, Российская Федерация, email: fedulenkova@list.ru
- Храмов Богдан Олегович*, аспирант кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: bogdan_khramov@list.ru
- Хэ Цзэ*, аспирант Высшей школы русской филологии Тихоокеанского гос. ун-та, г. Хабаровск, Российская Федерация, email: 2016106893@pnu.edu.ru
- Чугаев Николай Валентинович*, канд. филол. наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Пермского военного ин-та войск национальной гвардии РФ, г. Пермь, Российская Федерация, email: aegolios@yandex.ru

Our authors

- Marina V Baginskaya*, senior teacher, Oriental Studies Department, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, email: mvbaginskaya@list.ru
- Boris Ch. Bizhoev*, Doctor of Philology, Head of Kabardian-Circassian Language Sector, Institute for the Humanities Research, KabardianBalkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (IHR KBSC RAS), Nalchik, Russian Federation, email: bizhoev1952@mail.ru
- Lyudmila M. Buzinova*, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow International University, Moscow, Russian Federation, email: l.buzinova@mmu.ru
- Victor N. Zavyalov*, Doctor of Philology, Professor, Russian Philology School, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation, email: victoroff@list.ru
- Yulia P. Ivanashko*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru
- Olesya A. Ivashkina*, senior teacher, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University Under the Government of the Russian Federation Moscow, Russian Federation, email: oaivashkina@fa.ru
- Olga B. Karacheva*, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: okaracheva@rambler.ru
- Vitaliya V. Kirpikova*, PhD student, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: kirpikovavita@gmail.com
- Anna I. Kontanistova*, PhD student, Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, email: kontanistova@yandex.ru
- Ksenia V. Nevolina*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of foreign languages with courses of Latin and Russian for foreign student programs, Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russian Federation, email: knevolina@mail.ru
- Larisa V. Ozolinya*, PhD in Philology, senior researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, email: lara37156@mail.ru
- Elena A. Protsukovich*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru
- Eugeniy L. Simonov*, independent researcher, Blagoveshchensk, Russian Federation
- Natalya S. Starodubtseva*, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nstarodubceva@yandex.ru
- Irina S. Stepahina*, researcher, Financial University Under the Government of the Russian Federation Moscow, Russian Federation, email: ira.stepahina@yandex.ru
- Xu Ying*, PhD student, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation; Associate Professor, Heihe University, Heihe, People's Republic of China, email: 503304741@qq.com
- Nadezhda P. Siutkina*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: nad975@yande.ru
- Alexandra N. Tausheva*, senior teacher, Glazov State Engineering and Pedagogical University named after V. G. Kororlenko, Glazov, Russian Federation, email: Alnitau@yandex.ru
- Madina H. Tokmakova*, PhD in Philology, Associate Professor, senior researcher, Kabardian-Circassian Language Sector, Institute for the Humanities Research, KabardianBalkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (IHR KBSC RAS), Nalchik, Russian Federation, email: tokmak_madina_h@mail.ru
- Natalia Yu. Trazanova*, PhD in Philology, Assistant Professor, Oriental Studies Department, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, email: ntrazanova@gmail.com
- Aleksandra M. Tuleneva*, PhD student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: tuleneva.aleksa@yandex.ru
- Tatiana N. Fedulenkova*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Philological Sciences Council member; Russian Academy of Natural History corresponding member; Vladimir, Russian Federation, email: fedulenkova@list.ru
- Bogdan O. Khramov*, PhD student, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: bogdan_khramov@list.ru
- Xe Ze*, PhD student, Russian Philology School, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation, email: 2016106893@pnu.edu.ru
- Nikolai V. Chugaev*, PhD in Philology, Professor, Humanitarian and Social Studies Department, Perm Military Institute of National Guard Troops, Perm, Russian Federation, email: aegolios@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Багинская М. В., Тразанова Н. Ю.</i>	Симметрия и асимметрия во фразеологических выражениях японского и корейского языков с компонентом-соматизмом	5
<i>Бузинова Л. М., Ивашкина О. А., Степахина И. С.</i>	Гендерная лингвистика и искусственный интеллект: репрезентация феминности и маскулинности (на примере приглашений и поздравительных текстов)	20
<i>Завьялов В. Н., Хэ Ц.</i>	Союз <i>или</i> в русских говорах Приамурья	33
<i>Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Симонов Е. Л.</i>	Особенности заполненных пауз в мужской речи жителей г. Благовещенска	46
<i>Карачева О. Б.</i>	Особенности интонационного оформления перечисления в акцентной русской речи эвенков	58
<i>Кирпикова В. В.</i>	Способы передачи реалий при переводе художественного текста с китайского языка на русский	69
<i>Неволина К. В.</i>	Есть ли место морали? Пространственные характеристики морали как субъекта (на материале электронного корпуса немецкого языка DWDS)	82
<i>Озолия Л. В.</i>	Сравнение в тунгусо-маньчжурских языках (на материале орокского языка)	92
<i>Стародубцева Н. С.</i>	Особенности текстового сопровождения китайских поздравительных открыток с Новым годом	102
<i>Сюй И.</i>	История развития и современное состояние лингвистических журналов в Китае	117
<i>Сюткина Н. П.</i>	Когнитивный сценарий категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации (на примере глагола «угрожать»)	128
<i>Таушева А. Н.</i>	Сочетание словоизменительных категорий русских глаголов в устных и письменных текстах	138
<i>Токмакова М. Х., Бижоев Б. Ч.</i>	Наречные фразеомотивы кабардино-черкесского языка	146
<i>Тюленёва А. М.</i>	Коми-пермяцкий язык в языковой ситуации Пермского края: сфера образования	160
<i>Храмов Б. О., Иванашко Ю. П.</i>	Отклонения в ритмической структуре акцентогенно проблемных слов у жителей Благовещенска и Москвы	170
<i>Чугаев Н. В.</i>	К вопросу о формах косвенных падежей в памятнике деловой письменности середины XVIII в.	180
Рецензии		
<i>Контанистова А. И., Федуленкова Т. Н.</i>	Интегративный подход к языковой вариативности. Рецензия на монографию: Исакова Л. Д. Многообразие языков в их вариативности. М.: Проспект, 2022. 176 с.	193
<i>Федуленкова Т. Н.</i>	Стилевые доминанты интернет-коммуникации. Рецензия на книгу: Клущина Н. И., Николаева А. В. Введение в интернет-стилистику. М.: ФЛИНТА, 2020. 240 с.	198
Наши авторы		203

CONTENTS

Original Papers

<i>Baginskaya M. V., Trazanova N. Y.</i>	Symmetry and asymmetry in phraseological units of Japanese and Korean languages with somatic component	5
<i>Buzinova L. M., Ivashkina O. A., Stepahina I. S.</i>	Gender linguistics and artificial intelligence: Representation of femininity and masculinity (Based on invitations and congratulations)	20
<i>Zavyalov V. N., He Z.</i>	Conjunction <i>ili 'or'</i> in the Russian dialects of the Amur Region	33
<i>Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Simonov E. L.</i>	Filled pause patterns in male speech of Blagoveshchensk residents	46
<i>Karacheva O. B.</i>	Intonation peculiarities of enumeration in the interfered Russian speech of the Evenks	58
<i>Kirpikova V. V.</i>	Ways to translate culture-specific elements in a literary text from Chinese into Russian	69
<i>Nevolina K. V.</i>	Is there a place for morality? Spatial characteristics of morality as a subject (Based on the German DWDS-Corpus)	82
<i>Ozolinya L. V.</i>	Comparison in Tungus-Manchu languages (Based on the Orok language)	92
<i>Starodubtseva N. S.</i>	The specifics of verbal content in Chinese New Year greeting cards	102
<i>Xu Y.</i>	Linguistic journals in China: History and current state	117
<i>Siutkina N. P.</i>	Cognitive scenario of a categorical situation of causation of emotional modification (Based on the verb <i>ugrozhat' 'to threaten'</i>)	128
<i>Tausheva A. N.</i>	Combination of inflectional categories of Russian verbs in spoken and written texts	138
<i>Tokmakova M. H., Bizhoev B. Ch.</i>	Adverbial phraseological emotives of the Kabardino-Circassian	146
<i>Tiuleneva A. M.</i>	The Komi-Permian language in the language situation of the Perm Krai: Education	160
<i>Khramov B. O., Ivanashko Yu. P.</i>	Rhythmic structure deviations in words with challenging lexical stress pattern produced by Moscow and Blagoveshchensk residents	170
<i>Chugaev N. V.</i>	On the question of the indirect cases' forms in the XVIII century business written records	180
Reviews		
<i>Kontanistova A. I., Fedulenkova T. N.</i>	Integrative approach to language variation. A book review: Isakova L. D. Abundance of languages in their variation. Moscow: Prospect Press, 2022. 176 p.	193
<i>Fedulenkova T. N.</i>	Stylistic dominants of Internet communication. A book review: Klushina N. I., Nikolaeva A. V. Introduction to Internet stylistics. Moscow: FLINTA Press, 2020. 240 p.	198
Our authors		203

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 11, No 1, 2025.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 11.03.2025. Подписано к печати 10.03.2025. Дата выхода в свет 27.03.2025.

Редактор – С. В. Андросова.

Корректор – П. Е. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, Е. Е. Андросова.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 24,18. Тираж 1000. Заказ 295. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.